THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

Къ Библіотеки
Н. А. Гарбазовскаго

ПРИЧИТАНЬЯ СѢВЕРНАГО КРАЯ

СОБРАННЫЯ

Е. В. БАРСОВЫМЪ.

ЧАСТЬ I.

ПЛАЧЫ ПОХОРОННЫЕ, НАДГРОБНЫЕ И НАДМОГИЛЬНЫЕ.

ИЗДАНЫ

ПРИ СОДѢЙСТВІИ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

МОСКВА.
Тип. „Современ. Изв.“ Знаменка, Ваганьк. пер. д. Игнатьевой.
1872.

Библиотеки
К. Р. Голойзовского

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЩЕСТВУ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

PG
3114.9
L3B28
v.1

Обществу Любителей Россійской Словесности обязана своимъ появленіемъ въ свѣтъ настоящая книга.

Оно именно своими изданіями народнаго творчества вызвало потребность и трудъ настоящаго собранія причитаній. Оно же оказало нравственное и матеріальное содѣйствіе къ напечатанію ихъ.

Посвящая Обществу эту книгу, собиратель исполняетъ въ отношеніи къ нему долгъ глубокой благодарности.

Онъ считаетъ себя счастливымъ, что можетъ присоединить свой скромный трудъ къ такимъ патріотическимъ изданіямъ, какъ Толковый Словарь Даля, Пѣсни Рыбникова, Кирѣевскаго, Безсонова, которыя навсегда связаны съ исторіей русскаго слова, народной мысли и жизни и которыя, безъ сомнѣнія, будутъ цѣниться тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе будетъ развиваться народное самопознаніе.

1306090

Особую дань благодарности приноситъ собиратель Предсѣдателю Общества — А. И. Кошелеву, который прежде всѣхъ съ живѣйшимъ участіемъ отнесся къ настоящему собранію.

Долгомъ считаетъ онъ также выразить признательность П. А. Безсонову, И. Д. Бѣляеву и Н. А. Чаеву, которые, по порученію Общества, не только принимали участіе въ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ собраннаго матеріала, но и выработали еще правила для настоящаго изданія.

П. Барсовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе . . . . . I—XXX
Плачъ вдовы по мужѣ . . . . . 1 — 44
— дочери по отцѣ. . . . . 45 — 57
Тоже — — — . . . . . 58 — 60
— дочери по матери . . . . . 61 — 72
Тоже — — — . . . . . 74 — 79
Плачъ по женѣ . . . . . 80 — 87
Плачъ по сынѣ . . . . . 88 — 114
— по дочери . . . . . 114 — 125
— о крестницѣ . . . . . 126 — 136
Плачъ по родномъ братѣ . . . . . 136 — 162
— по сестрѣ . . . . . 162 — 164
— по дядѣ родномъ . . . . . 164 — 187
Плачъ по братѣ двоюродномъ . . . . . 197 — 209
— по дядѣ двоюродномъ . . . . . 209 — 231
— по сватѣ . . . . . 231 — 245
Плачъ по убитомъ громомъ—молніей . . . . . 245 — 252
Плачъ о потопшихъ . . . . . 252 — 267
Тоже . . . . . 267 — 271
Плачъ о упьянсливой головушкѣ. . . . . 271 — 282
— о старостѣ . . . . . 282 — 288
— о писарѣ . . . . . 288 — 293
— о попѣ отцѣ духовномъ . . . . . 293 — 298
Погребальные обычаи на Сѣверѣ въ Россіи . . . . . 299 — 313
Свѣденія о вопленицахъ, отъ которыхъ записаны причитанья . 313 — 327
Сѣверно-русскій Словарь . . . . . I — XXI
Общія замѣчанія о языкѣ причитаній . . . . . XXII – XXXIII
Дополненія и погрѣшности . . . . . .

Изъ библіотеки
Н. В. Гоголевскаго

Похоронныя причитанія суть непосредственныя изліянія тѣхъ думъ и ощущеній, какія вызываются въ человѣкѣ потерею родныхъ и близкихъ сердцу. Уже одно то, что онѣ суть отголоски сердечныхъ движеній, что онѣ въ одно и тоже время и творятся и поются, что онѣ сколько связаны съ состояніями духа, столько же опираются на внѣшней дѣйствительности, ручается за ихъ цѣнность для внутренней исторіи народовъ, для ихъ вѣрованій и быта, для ихъ языка и искусства. Если въ былинахъ, пѣсняхъ, побывальщинахъ и даже сказкахъ высказается душа народа, то въ надгробныхъ и надмогильныхъ плачахъ еще скорѣе можетъ сказаться та правда, которой нѣтъ въ дѣловыхъ актахъ, договорахъ и хроникахъ. Едва ли кто останется равнодушнымъ къ тому, что самъ народъ въ минуты горести повѣдаетъ самому себѣ и для себя, что разсказываетъ онъ о своемъ житьѣ — бытьѣ родному мертвецу, колодѣ бѣлодубовой и матушкѣ сырой землѣ.

Развитіе и характеръ погребальной причети, безъ сомнѣнія, обусловливается степенями развитія религіознаго сознанія. Начало ея относится къ тому времени, когда человѣкъ вступилъ въ формы семейной жизни и почувствовалъ въ себѣ зарожденіе нравственныхъ привязанностей. Но въ первыхъ похоронныхъ плачахъ могло выражаться не столько сѣтованія о потерѣ родныхъ и близкихъ, сколько священнаго уваженія къ нимъ. Простое и безотчетное чувство жизни не допускало разрушенія смерти и окружало мертвыхъ благоговѣйнымъ почитаніемъ, какъ высшихъ, невиди-

мыхъ существъ, какъ стражей и покровителей живой семьи и роднаго дома.

Съ разширеніемъ общественныхъ отношеній, съ развитіемъ обожанія силъ и явленій природы и погребальная причеть принимаетъ болѣе широкое развитіе и естественную изобразительность. Послѣдній долгъ умершему отдаетъ уже не семья только, но и „родъ—племя любимое и сусѣди спорядовые и народъ да люди добрые. "Мивы являются невольными формами мысли и налагаютъ печать свою на поэтическое слово, вызываемое потерею родныхъ и близкихъ.

Но по мѣрѣ того, какъ народъ отрѣшается отъ младенческаго отношенія къ природѣ и пріобрѣтаетъ новыя понятія о смерти и посмертномъ существованіи, образы, отражавшіе въ себѣ живое миѳическое созерцаніе постепенно помрачаются и забываются а вмѣстѣ съ тѣмъ и причеть теряетъ свой изначальный, эпическій характеръ, переполняется лирическими элементами, смѣшивается съ бытовыми явленіями позднѣйшаго свойства и перестаетъ быть общимъ достояніемъ всего народа.

Но не вдругъ можетъ изчезнуть то, что въ самомъ зарожденіи получило священный характеръ и что въ теченіи вѣковъ питалось религіознымъ содержаніемъ. Изъ среды народа выступаютъ личности, которыя долго еще являются носителями древней, погребальной причети, извѣстныя подъ именемъ плакальщицъ или вопленицъ; въ данныхъ случаяхъ онѣ пользуются едва ли не священнымъ уваженіемъ въ народѣ; и долгъ въ отношеніи умершихъ и тяжелое чувство дорогой потери, ищущее облегченія въ ясносознанныхъ думахъ и слововыраженіи, долгое время поддерживаютъ еще ихъ существованіе. Благодаря своимъ природнымъ дарованіямъ, вопленицы живо усвояютъ, сохраняютъ и преемственно передаютъ другъ другу формы и отчасти содержаніе древней, священной причети. Время и исторія мало по малу стираютъ содержаніе плачей, но онѣ долго еще не могутъ осилить присущей имъ свѣжести и силы живыхъ явленій природы и совсѣмъ уничтожить ихъ воздѣйствіе на человѣческую душу. Вопленица по преимуществу является истолкователь ницей семейнаго горя; она входитъ въ по-

ложеніе осиротѣвшихъ; она думаетъ ихъ думами и переживаетъ ихъ сердечныя движенія; чѣмъ богаче ея запасъ готовыхъ оборотовъ и древнихъ эпическихъ образовъ, чѣмъ лучше обрисовываетъ она думы и чувства въ животрепещущихъ явленіяхъ природы, тѣмъ умильнѣе и складнѣе ея причитанье, тѣмъ большимъ пользуется она вліяніемъ и уваженіемъ среди народа. Отдать послѣдній долгъ умершему собираются иногда цѣлыя селенія, а потому мы не вполнѣ опредѣлимъ значеніе вопленицы, если будемъ представлять ее истолковательницей чужаго горя; вліяніе ея—шире: она объявляетъ во всеуслышаніе нужды осиротѣвшихъ и указываетъ окружающимъ на нравственный долгъ поддержки, она повѣдаетъ нравственныя правила жизни, открыто высказываетъ думы и чувства, симпатіи и антипатіи, вызываемыя такимъ или другимъ положеньемъ семейной и общественной жизни...

У всѣхъ народовъ древняго и новаго міра были такого рода причитанія. Не говоримъ о Еврейскихъ „плачевни цахъ“[1]). Римъ и Еллада въ самыя цвѣтущія свои времена имѣли подобныхъ вопленицъ.

У Грековъ[2]) пѣвцы, начинатели плача, стояли около гроба и пѣсни плачевныя пѣли, а жены имъ вторили стономъ[3]). Въ Римѣ погребальныя трубы и флейты, также сопровождались жалобными воплями и причётами подголосницъ[4]). Но ни Эллинскія „стоны“ ни Римскія вопли—не сохранились для науки.

Въ Европѣ обычай голосить по умершимъ былъ также

---

1) Іерем. IX, 17. Примѣръ подобнаго плача см. въ кн. 2 Царст. 1,17—22.

2) Иліад. Пѣсн. XXIV.

3) У Грековъ онѣ извѣстны были подъ именемъ Θρηνῳδῶν γυναικων.

4) У Римлянъ онѣ назывались „*Praefica*“ а самый плачь „*Lessum*, или *nenia*

Ихъ осмѣивалъ еще Люцилій; женщины, говоритъ онъ, по найму воютъ о покойникахъ, рвутъ на себѣ волосы и отъ того еще громче вопятъ (*Satyr.* XXII, Нѣкоторые изъ нихъ такъ искусно умѣли голосить, что плачъ ихъ легко было принять за дѣйствительное изліяніе горести и отъ того ихъ называли еще плаксивыми притворщицами. *Varro lib.* VI. Императоръ Юстиніанъ замѣнилъ причеть погребальнымъ гимномъ и вмѣсто воплей повелѣлъ провожать умершихъ съ пѣніемъ Псалмовъ Давидовыхъ.

всеобщимъ, но и здѣсь, къ сожалѣнію, онъ не сдѣлался предметомъ надлежащаго вниманія ученыхъ. Нѣсколько только причитаній, записано у Корсиканцевъ [5]), Новыхъ грековъ [6]) и Сербовъ [7]).

У насъ въ Россіи причитанія, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, всегда составляли существенную часть погребальнаго обряда: ихъ можно слышать и нынѣ по всей русской землѣ; но тогда какъ вездѣ онѣ приняли лирическій характеръ и удержались только въ отрывкахъ, въ сѣверныхъ русскихъ предѣлахъ онѣ сохранились въ замѣчательной полнотѣ, со многими чертами эпическаго построенія.

---

[5]) *Corsica von Ferdinand Gregorovius* ч. I. 185?. *Hommes et Dieux—Paul de Saint—Victor* 1868 г. 319 *Les voceratrices de la Corse*). *Stimmen der völker in Liedern Iohann Gotfriod von Herder.* 1846 *p.* 434. *Italianiches Liederbuch von Paul Heyse* 1846 *p.* 229—256.

Въ Корсикѣ—вопленицы представляютъ изъ себя фурій, которыя производятъ страшное впечатлѣніе, особенно когда плачутъ надъ убитыми. Разсказываютъ, что одинъ убійца, присутствуя при похоронахъ своей жертвы, въ капуцинской мантіи, такъ былъ тронутъ причитаніями, что весь задрожалъ, какъ осиновый листъ и выронилъ изъ рукъ своихъ погребальную свѣчу. Въ Сардиніи нѣкоторыя изъ подобныхъ вопленицъ такъ прославились въ прошломъ столѣтіи что до сихъ поръ съ уваженіемъ произносятся ихъ имена; какъ то: *Mariola delle Piazzole и Clorinda Franceschi.*

[6]) *Chants populaires de la Grece Moderne.* т. II 1825.

Не было человѣка, говоритъ Форіель, воспитаннаго въ гористыхъ странахъ Греціи, который бы не имѣлъ случая хоть разъ въ жизни слышать что нибудь особенное и поразительное въ этомъ родѣ; но никому и на мысль не приходило, чтобы эти поэтическія изліянія горести могли быть занимательными отъ того мѣста и той минуты, гдѣ и когда онѣ были произносимы. Этимъ, продолжаетъ онъ, объясняются напрасныя мои попытки добыть нѣсколько полныхъ меріологовъ: все, что я могъ собрать изъ этого рода произведеній, ограничивается двумя отрывками, по 4 стиха каждый; но, къ счастію, и эти отрывки даютъ нѣкоторое понятіе объ этомъ родѣ творчества болѣе народномъ изъ всѣхъ родовъ импровизаціи.

[7]) Нѣсколько „Нарекања и тужбалицъ“ напечатано у В. С. Караджича въ его сборникѣ: Живот и обичаи (*Montenegro II. Срп.* 154—159)

Впрочемъ не у однихъ Сербовъ наблюдается обычай причитать по умершимъ; онъ держится у всѣхъ Славянъ. У Черногорцевъ до сихъ поръ причитанія соединяются съ тѣми же дикими выраженіями печали какъ и въ Корсикѣ. Наемные вопленицы водятся въ Сербіи, Герцеговинѣ и Черногоріи (см. О погреб. обыч. языческ. Слав. А. Котляревскаго.

Первымъ источникомъ—для изученія этихъ плачей служатъ, безъ сомнѣнія, наши древнія лѣтописи. Изъ нихъ мы видимъ, что погребальныя плачи въ ихъ обрядовомъ значеніи проходятъ чрезъ всю русскую исторію... Ими сопровождались похороны; умре Олегъ, гласитъ Несторъ, и плакашася по немъ вси людіе плачемъ великомъ и несоша и погребоша и на горѣ [1]). Плачи считались необходимою принадлежностію тризны. „Се уже иду къ вамъ, говорила Ольга Древлянамъ, да пристроите меды многи во градѣ, идѣже убисте мужа моего, да поплачуся надъ гробомъ его и сотворю тризну мужу моему [2]). Плачи начинались тотчасъ же, при умираніи человѣка. Ослѣпленный Василько—съ раздавленной грудью привезенъ былъ въ село Воздвиженское и „сволокоша съ него сорочку кровавую сущу, и вдаша попадьи опрати и плакатися нача попадья, аки мертву сущу оному [3]).

Эти изстаринныя, погребальныя плачи не дошли до насъ въ ихъ подлинномъ и точномъ видѣ; но нѣкоторые отрывки, сохранившіеся въ древнихъ письменныхъ памятникахъ, судя по сходству ихъ съ народными причитаніями, отчасти указываютъ на черты и характеръ древней погребальной причети. Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе превосходный плачъ Ярославны, вписанный въ Слово о полку Игоревѣ. Плачъ этотъ, несомнѣнно, отражаетъ въ себѣ особенности изстаринной, народной причети. Образъ зегзицы, въ коемъ представляется плачущая Ярославна, обращеніе къ вѣтрамъ, къ рѣкѣ, къ солнцу—это такіе эпическіе пріемы, которые встрѣчаются и въ современныхъ народныхъ плачахъ.

Другой родъ памятниковъ, въ которыхъ сохранились черты древне-русскихъ причитаній объ умершихъ—представляютъ житія русскихъ святыхъ. Здѣсь встрѣчаются иногда отрывки подобныхъ плачей; уже одно то, что эти плачи не отвѣчаютъ общему характеру житій Святыхъ, для которыхъ

---

1) Собр. русс. лѣт. л. 16.
2) Тамъ же—л. 24.
3) Тамъ же—л 111.

смерть есть пріобрѣтеніе, служитъ указаніемъ, что онѣ являются здѣсь единственно только въ силу народнаго обычая чествовать умершихъ причитаніями. Далѣе, не смотря на то, что всѣ подобные плачи, подъ перомъ писателей житій, неизбѣжно получили искуственную, книжную форму, многіе изъ нихъ отразили въ себѣ несомнѣнно черты народной, погребальной причети. Таковъ напр. плачъ князя Глѣба о братѣ своемъ Борисѣ; не даромъ Карамзинъ называетъ этотъ плачъ „нѣжнымъ и краснорѣчивымъ.“

Выражая свое горе о разлукѣ съ умершимъ братомъ, князь Глѣбъ между прочимъ взываетъ:

„Гдѣ суть словеса твоя,
„Яже глагола мнѣ, брате мой любимый!
„Нынѣ же не услышу тихаго твоего наказанія [1].“

Точно также въ плачахъ народныхъ всегда высказывается сожалѣніе, что умершій уноситъ съ собою „ласковыи, прелестныи словечушка.“ Туже черту народной причети удерживаетъ и плачъ, помѣщенный въ житіи Александра Невскаго [2]:

„Увы намъ, дражайшій Господине наю!
„Уже ктому не имамы видѣти
„Лица твоего, *ни сладкихъ словесъ слышати!*

Но особенно по сходству думъ и образовъ съ народными причитаніями выдается плачъ по Димитріѣ Донскомъ супруги его Евдокіи. Обращаясь къ покойному мужу, она называетъ его „солнцемъ пресвѣтлымъ, мѣсяцемъ прекраснымъ, звѣздой восточной, грядущей къ западу, свѣтомъ скрывающимся отъ очей ея.“ Что ради и на дѣти своя не взозриши, взываетъ она, ни отвѣтна слова не даси имъ? Звѣри земные на ложи свои идутъ и птицы небесныя къ гнѣздамъ летятъ, ты же, Государю, отъ дому своего не красно отходиши. Кому уподоблюся азъ уединенная? Остало бо великаго Царя. Старыя дѣвы утѣшьте меня! Младыя же

---

[1]) Тамъ же л. 59.
[2]) Унд. № 275, л. 72.

вдовы восплачите со мною. Вдовья бо бѣда горчае всѣхъ людей [1]).

Не менѣе интересно въ этомъ отношеніи и погребеніе великаго князя Владиміра Васильковича, умершаго въ городѣ Любомли. (1288). Княгиня его, гласитъ лѣтопись, безпрестани плакашеся, предстоящи у гроба, слезы отъ себе изливающи, аки воду... Наиначе же плакахуся по немъ лѣпшія мужи Володимірстіи, рекуче:

„Нынѣ, Господине, уже не можемъ тебе зрѣти:
„Уже солнце наше зайде ны
„И во обидѣ всѣмъ остахомъ“ [2]).

Не много требуется знакомства съ народною причетью, чтобы видѣть совершенное сходство съ нею этихъ княжныхъ, погребальныхъ плачей.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти искусственные образцы, отражая въ себѣ только нѣкоторыя черты народности, далеко не отвѣчаютъ полному содержанію и характеру изстаринныхъ, народныхъ плачей. Чѣмъ дальше ко временамъ древности, тѣмъ больше отражали они поэтическихъ элементовъ и тѣмъ полнѣе и прямѣе выражалось въ нихъ языческое міросозерцаніе. Вотъ почему, безъ сомнѣнія, древне-русская церковь вооружалась противъ подобныхъ народныхъ плачей. Прежде всего мы видимъ, что противъ нихъ возставали церковные проповѣдники. Въ старинныхъ сборникахъ (XV, XVI, XVII вв.) мы не рѣдко встрѣчаемъ поученія „о еже не много плакати по умеръшихъ“. Объясняя надгробные и надмогильные вопли отсутствіемъ вѣры въ безсмертіе души, проповѣдники старались остановить ихъ возбужденіемъ упованія въ воскресенье мертвыхъ. „Многъ въ васъ мятежь и плачь о оумершихъ, взывалъ одинъ изъ нихъ къ своимъ слушателямъ, и многажды васъ молихъ о семъ и еще глаголю спохвалениемъ приимати чадъ вашихъ и сердоболь оумертвіе..... Не раздираемъ ризъ своихъ, но паче душу сміримъ, не бьемся въ перъси, да

---

[1]) Въ житіи Евдокіи. Рукоп. XVII в., мнѣ принадлежащая.

[2]) Ипатьев. лѣт. изд. Арх. Ком. стр. 220.

не оуподобимся Елиномъ. и не терзаемъ власъ главы нашея, не многи дни плачемъ, да невѣровати начнемъ воскресенію и языкомъ не изрѣчемъ хулы, да ни мертвымъ не сотворимъ пакости, ни себѣ [1]). Другой проповѣдникъ, говоря о томъ же, представилъ въ наглядной картинѣ и тотъ самый вредъ, какой наносится умершимъ продолжительными по нихъ плачами. Одна женщина, говоритъ онъ, лишившись сына такъ долго оплакивала его, что „едва ума не изступи“ — и вотъ наконецъ послѣ сильныхъ рыданій она видитъ: идутъ два юноши давно умершіе и ей знакомые — довольные собой и веселые—а сзади тащится покойный сынъ ея „прискорбенъ и унылъ„. Что, любезный сыне, прискорбенъ еси и единъ грядеши, воскликнула она, обращаясь къ нему. Сынъ указалъ ей на свою тяжелую одежду, которая вся была мокра и не позволяла идти. „Мати моя! сказалъ онъ при этомъ,—се тягость моя—слезы твои, ихъ же безъ мѣры и не въ требу изливаеши....[2]).

Но не въ лицѣ только частныхъ проповѣдниковъ, церковь возставала противъ обычныхъ плачей и причитаній. Стоглавый соборъ (1551 г.) также не опустилъ изъ виду, что „въ Троицкую субботу, по селамъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на жалникахъ и плачутся по гробомъ съ великимъ кричаніемъ и, егда начнутъ играти скоморохи и гудцы и прегудницы, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ долони бити и пѣти пѣсни сатанинскіе...Обращая на это вниманіе, Соборъ предписалъ всѣмъ священникамъ по всѣмъ градамъ и селамъ, чтобы они своими наставленіями и поученіями отклоняли своихъ духовныхъ дѣтей отъ этихъ языческихъ обычаевъ. (гл. 4 вопр. 23).

Гораздо рѣшительнѣе поступилъ въ этомъ случаѣ великій преобразователь Россіи Петръ I. 1715 года, по случаю кончины Царицы Маріи Матвѣевны, супруги царя Ѳеодора

---

1) Сбор. XVI в. мнѣ принадлежащій.

2) Сбор. XVII в. 4-й мнѣ принадлежащій.

Алексѣевича, онъ, „желая истребить непристойный и суевѣрный обычай выть, приговаривать и рваться надъ умершими, наистрожайше приказалъ, чтобы никто какъ надъ сею царицею, такъ и надъ всѣми прочими не издавалъ такого непристойнаго вопля“[1]). Указъ этотъ произвелъ свое дѣйствіе на, такъ называемый, высшій слой русскаго общества, устроявшій свой бытъ по образцамъ запада, но онъ не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія, какъ и большая часть Петровскихъ указовъ, на массу русскаго народа — и даже собственный гробъ Петра оплаканъ былъ русскою, народною причетью [2]).

Что касается записыванія похоронныхъ причитаній, какъ самостоятельной области народныхъ произведеній, то едва ли не впервые отрывки изъ нихъ встрѣчаются у Менеція (1551) и относятся собственно къ западно-русскому населенію [3]). Далѣе образецъ подобныхъ причитаній приводится въ „Роксоланіи“ поэмѣ Клоновича († 1604), относящейся собственно къ Червонной Руси [4]), здѣсь сохранился уже не простой отрывокъ, а цѣлая заплачка; но какъ у того такъ и другаго передается только содержаніе плачей, но отнюдь не имѣется въ виду ихъ поэтическая сторона.

Собирать и смотрѣть на нихъ съ научной точки зрѣнія—стали только въ позднѣйшее время. Первый обратилъ на нихъ серьезное вниманіе и напечаталъ образцы ихъ В.А. Дашковъ [5]). За нимъ издавали П. Н. Рыбниковъ [6]) П. А. Безсоновъ [7]), А. Метлинскій [8]), Н. С. Тихонравовъ

---

[1]) См. у Голих. ч. V, стр. 105.

[2] Пѣсни Кирѣев. стр. VI, 276 294.

[3]) См. въ кн. А. Котляровскаго, О погребальн. обряд. языч. Славянъ стр. 146—150.

[4]) См. тамъ же, стр. 151 и 152.

[5]) Описаніе Олонецкой Губ. въ Историческомъ, Статистическомъ и Этнографическомъ отношеніяхъ 1842 г.

[6]) Пѣсни, собр. Рыбн. ч. III. стр. 410—424.

[7]) Пѣсни, Кирѣев. изд. подъ редакціею Безсонова. Вып. VI, стр. 205—212. вып. VIII, стр. 276—294 и 335—338.

[8]) Народныя Южно-русскія пѣсни. 1854. стр. 292—293.

[1]), И. И. Срезневскій [2]), А. Терещенко, П. В. Шейнъ [4]). Въ своихъ изслѣдованіяхъ касались погребальныхъ плачей: Ѳ. И. Буслаевъ [5]), О. Ѳ. Миллеръ [6]), А. А. Котляревскій [7]) и М. П. Погодинъ [8]).

Но всѣ эти ученые, преслѣдуя свои опредѣленныя задачи, совершенно случайно и, такъ сказать, мимоходомъ останавливали свое вниманіе на похоронной причети; изданныя до сихъ поръ причитанія справедливо называются заплачками: онѣ отрывочны и не даютъ надлежащаго понятія о цѣломъ построеніи этого рода народныхъ произведеній. Смѣемъ думать, что въ нашемъ собраніи погребальная причеть впервые является въ такой полнотѣ и разнообразіи, что даетъ возможность понять ея внутреннее значеніе для народной исторіи и литературы.

При должномъ вниманіи къ этимъ народнымъ плачамъ нельзя не замѣтить, что въ нихъ отражаются слѣды вѣрованій разныхъ доисторическихъ эпохъ относительно духовнаго бытія, смерти и посмертнаго существованія: въ народномъ сознаніи сталкивались и пересѣкались разныя міросозерцанія, образовались цѣлыя религіозныя наслоенія, которыя въ свою очередь не совсѣмъ вытѣснены ученіемъ Христіанскимъ, и вотъ, въ собранныхъ нами плачахъ еще виднѣются обломки этихъ доисторическихъ созерцаній, которыя однакожъ относятся къ простой, народной вѣрѣ, какъ непосредственныя ея стихіи.

Страхъ смерти, какъ извѣстно, опуталъ жизнь русскаго человѣка всевозможными суевѣрными предзнаменованіями; но въ самыхъ „плачахъ“ такимъ зловѣщимъ, предсмертнымъ вѣстникомъ является хищная птица: она прилетаетъ и са-

---

1) Лѣтоп. Русск. Литер. II, стр. 109.

2) Извѣст. Ак. наукъ аа 1852. Приб. стр. 111.

3) Бытъ русск. народа ч. III, стр. 90, 91.

4) Русскіе, народныя пѣсни, стр. 561 — 568. Надмогил. плачи невѣсты см. въ „Москвит.“ XIII, 38, въ Пермскомъ Сборн. и др. подоб.

5) Историческіе очерки Литер и искуств. т. I, стр. 51.

6) Опытъ Истор. Обозрѣнія Русск. Словесн. 92 94.

7) О погреб. обрядахъ языч. Славянъ, стр. 212—215.

8) Древняя, русская Исторія до нашествія Монголовъ, т. II, стр. 58

дится на домъ, какбы предчувствуя свою добычу; у́каетъ эта птица по звѣриному, свищетъ эта птица по змѣиному [1]). Вѣрованье въ вѣщую силу птицъ, идетъ съ глубокой древности: такими зловѣщими птицами въ народѣ считаются воронъ, ястребъ, сова и филинъ.

Смерть изображается здѣсь не вѣстникомъ покоя и радости, какъ рисуетъ ее Христіанство, а заклятымъ врагомъ человѣчества, называется „злодійской смерётушкой," „злодійкой — душегубицей: " чѣмъ дороже и любимѣе предъ взорами живыхъ жертва смерти, тѣмъ возмутительнѣе для нихъ ея мертвящее, губительное вліяніе; человѣкъ готовъ вступить съ нею въ борьбу, готовъ защищать отъ нея любимое существо, но она всегда приходитъ внезапно „крадучись," то залѣтаетъ въ домъ птицей незнамой или чорнымъ во́рономъ или яснымъ со́коломъ, то является борзой калѣкой перехожей, то молодой женой, то красной дѣвицей и тайно, незамѣтно пресѣкаетъ нить -жизни. Но вотъ человѣкъ готовъ вступить съ нею въ сдѣлку: онъ величаетъ ее ласковыми именами, предлагаетъ въ замѣнъ любимаго существа все, что ей угодно—и гулярно, цвѣтно платьице и жемчужную подвѣсточку и платочки леванторовы, со двора любимую скотинушку, со стойлы коня добраго—со всей сбруей золоченою, золотой казны по надобью, но все напрасно; смерть неумолима: она отвѣчаетъ „не за тымъ я у Бладыки свѣта по́слана" и, не внимая предложеніямъ, поражаетъ свою жертву смертнымъ ударомъ [2]).

Мало того, представляется, что смерть или, что тоже, судина съ наслажденіемъ встрѣчаетъ свою жертву и, прежде, чѣмъ пожираетъ, радуется ея страданіямъ; въ „плачѣ о потопшихъ" мы видимъ, какъ „судина" по бережку ходила, страшно — у́жасно голосомъ водила, во длани судинушка плескала и до суженыхъ готовъ да добералась. Такое представленіе смерти, общее преданіямъ всего славянства [3]),

---

[1]) Стр. 264, 6 и 7.

[2]) Стр. 2, 33—43; 61, 11—12; 167, 60—70.

[3]) См. Плачъ по мужѣ стр. 3 и 4. 45—84. Въ области письменной литературы такое же отношеніе къ смерти выражается въ извѣстной повѣсти XVI в. Прѣніе

идущее отъ глубочайшей древности, продолжаетъ бытовать до нынѣ и въ нѣкоторыхъ обрядахъ нашего Сѣвера.

Самое дѣйство умиранія въ „плачахъ“ рисуется подъ образомъ солнечнаго заката, изчезновенія звѣзды, таянія снѣга отъ огня, померзанія дерева отъ холода, погруженія камня въ воду и т. п.—По представленію всѣхъ народовъ, въ эпоху ихъ младенчества, свѣтлый день жизни кончается также, какъ и въ природѣ; свѣтильникъ ея погасаетъ также, какъ и на небѣ; дѣйствіе смерти разрушительно также, какъ огня и холода. Всего чаще въ нашихъ причитаніяхъ повторяется, что человѣкъ умираетъ „въ родѣ солнышко за облака теряется, какъ свѣтелъ мѣсяцъ по утру закатается, какъ часта звѣзда стерялась поднебесная или же въ родѣ того, что красно солнышко укатается за горы толкучія, за лѣса дремучія, въ водушки глубокія“ ....

Минута умиранія особенно священна; сидѣть у трудной постелюшки и тяжелаго зголовьица, глядѣть, какъ душа выходитъ со бѣлыхъ грудей и очи ясные прощаются съ бѣлымъ свѣтомъ, считается дѣломъ первой необходимости и плачущіе всего болѣе жалѣютъ, если имъ не удалось быть свидѣтелями этой минуты [1]).

Въ воззрѣніяхъ на существо души прежде всего замѣтны стихійныя представленія: она какъ будто приносится вѣтрами и сама въ себѣ есть вѣтеръ, повышающій и понижающій человѣческую грудь. Въ плачахъ не разъ встрѣчается обращеніе „къ вѣтрамъ“ вѣтерочкамъ и бурѣ надарѣ, чтобы онѣ оживили мертвеца; по мѣстамъ при этомъ являются еще ангелы, архангелы, но, очевидно, это вставка, обусловленная вліяніемъ Христіанства. Что обращеніе къ вѣтрамъ не поэтическій только образъ, а дѣйствительное представленіе души въ образѣ вѣтра, на это указываютъ слѣд. повѣрья: когда слышится завываніе вѣтра, говорятъ, покойники

живота со смертію. На томъ указываютъ Чешско-Моравскія ласкательныя наименованія: *mila smrti, mila smrtnicko* и т. п.

[1]) Стр. 28, 105–119; 35, 12—19, 55, 4—16, 68, 18–30; 70, 15—26. Слич. стр 300.

воютъ; если буря срываетъ съ домовъ крышу, говорятъ, покойники не довольны и они то дѣлаютъ.

Но гораздо чаще въ нашей причети душа, какъ и у другихъ Славянскихъ племенъ рисуется подъ образами зооморфическими, то въ видѣ „малой птиченьки“ (подъ которою разумѣется бабочка), то въ видѣ голубка, ўтушки, галочки, въ видѣ заюшка и горносталюшка. Бабочку въ Олонецкой губерніи положительно называютъ „чьей нибудь душенькой [7]). Если женщина, удрученная потерею кого-нибудь изъ близкихъ, увидитъ въ полѣ какую нибудь птичку или зайчика или горностая, то она по приходѣ въ домъ говоритъ, что видѣла душеньку такого-то, (недавно умершаго родственника) разсказываетъ при этомъ свои думы и чувства, возбужденныя его появленіемъ [8]) и заключаетъ, что покойный проситъ себѣ поминовенія.

Область, въ которую вступаетъ душа, разлучившись съ тѣломъ называется „неизвѣстнымъ живленьицемъ“:

„Туды вѣтрышки не провѣвываютъ,
„Лютое звирье не прорыскивае,
„Малая птича не пролетывае.
„Не прохожіихъ туда, не проѣзжійхъ,
„Хоть не дальная сторонка—безъизвѣстная [8]),
„Не колодистъ туды путь—безповоротной“.

Переходъ въ эту область, какъ и въ причитаніяхъ другихъ Славянъ [9]) представляется обыкновенно „отправкой въ путь—дорогу“. Какъ скоро покойника одѣнутъ, плачущіе спрашиваютъ, куда онъ снарядился и задумалъ отправиться—„во избу ли земскую, аль къ обиднѣ богомольной, аль ко утрени воскресной: само собою оказывается, что онъ от-

---

[7]) Также представляютъ душу и Сербы. См. у Караджа. Живот и обичаи 211. Въ преданіяхъ Чеховъ, по свидѣтельству Крольмуса, она принимаетъ и видъ голубка. См. у Котляров. стр. 190.

[8]) Стр. 191, 11—116.

[9]) Сербовъ, Словинцевъ и Чеховъ. Словинцы напр. причитаютъ: *na dalek mi ti put ode s' kog te neću dopogledat.* Чехи: *na daleću cestu se stroiti*“. См. у Котляр. 195.

правляется на родительску на бу́евку, на вѣчное житье—безконечное [1]).

Представленія о формахъ загробнаго существованія двоятся: съ одной стороны представляется, что душа продолжаетъ жить въ устроенномъ для нея „домовищѣ“, а съ другой, какъ будто она совсѣмъ оставляетъ этотъ свѣтъ и живетъ въ надзвѣздномъ мірѣ. Такъ, въ причитаніяхъ плачущіе просятъ плотниковъ, работающихъ гробъ, чтобы они „сдѣлали хоромину по разуму, прорубили косѣвчаты окошечка, врѣзали стекольчаты околенки, склали печеньку муравленую, положили тамъ утѣхи всѣ съ забавушкой“ [2]). Что это опять не поэтическая только картина, подтверждается погребальными обрядами, до нынѣ бытующими на Сѣверѣ Россіи [3]).

Съ другой стороны въ плачахъ встрѣчаются такія обороты: укатилося сердечно наше дитятко ко зари оно, дитё, да ко восточной [4]) пріубрался, свѣтъ—надежная головушка, къ красну солнышку на—приберегушку, къ свѣтлу-мѣсяцу на придрокушку. Мало этого; представляется, что души умершихъ сходятся между собою въ облакахъ: „стане облачко съ облачкомъ сходитися, може, съ ду́-другомъ на стрѣту пострѣтаетесь [5]). Замѣтимъ здѣсь, что солнце—въ дѣтскихъ пѣсняхъ величается „пеклунькомъ“: солнышко пеклунько, выглянько на улку (Нов. губ.); такимъ образомъ представляется, что душа умершихъ витаютъ въ такой области, гдѣ царствуетъ вѣчное тепло и свѣтъ и гдѣ они имѣютъ взаимное общеніе.

Далѣе въ плачахъ выражается сильнѣйшая вѣра въ явленія умершихъ живымъ: родственники, похоронивъ покойника, обыкновенно спрашиваютъ, когда ждать его въ

---

[1]) Стр. 100, 11—13; 214, 1—20.

[2]) Сл. стр. 304 и 305.

[3]) Стр. 191, 110; 211, 59;

[4]) Стр. 33, 35—37.

[5]) Стр. 197, 6 и 7.

гости, въ какое время года, въ какой день недѣли, въ полночь ли ждать по свѣтлому мѣсяцу, али въ полдень ждать по красному солнышку, по утрышку-ль ранешенько, аль по вечеру позднешенько. При этомъ всегда высказывается живѣйшая готовность встрѣтить и принять умершаго съ полнѣйшею любовію. Превосходно въ этомъ отношеніи приглашеніе напр. матерью своего сына; она подробно разсказываетъ, какъ она приметъ его, угоститъ, снарядитъ и отправитъ „на гульбище съ бурлаками молодыма, на гульбище съ красныма со дѣвушкамъ [1]). Связанные съ такими представленіями обряды до нынѣ продолжаютъ бытовать на Сѣверѣ Россіи [2]).

Нельзя не обратить вниманія и на то, что ходятъ оплакивать умершаго по всѣмъ хоромамъ: при этомъ обыкновенно причитываютъ:

Повзыщу—пойду надежную головушку,
Я по этому хоромному строеньицу.
Я на этомъ на сараѣ колесистомъ,
Я на этомъ на дворѣ да хоботистомъ;
Не сряжается ль, надежная головушка,
Не залагатъ ли онъ ступистоей лошадушки,
Не поѣзжатъ ли во темны лѣса дремучіи“ [3]).

Эта причеть, соединенная съ поисками умершаго по дому, по двору не отражаетъ ли въ себѣ вѣрованій семейнаго культа? Если вы скажите: „я видѣлъ хозяина“, то Заонежанинъ пойметъ, что вы видѣли домоваго: то и другое понятіе для него тождественны.

Замѣтимъ здѣсь и то, что въ причитаніяхъ всегда возносится „спасибо съ благодарностію попамъ отцамъ духовнымъ и служителямъ церковнымъ, „что они не погнушались бѣдностію, послушали не зартачились, попѣли не лѣнилися, Церкви Божіи отмыкали и честно — именно похоронили. Едва ли эту благодарность можно объяснять только отно-

---

1)Стр. 45, 1—15.
2) Стр. 103, 1—66.
3) См. стр. 310.

шеніями духовенства къ народу: смыслъ этого обрядоваго плача гораздо глубже. Въ старину какъ извѣстно, людей убогихъ, бездомовыхъ, странныхъ — всѣхъ скоропостижно-умершихъ, не внося въ церковь, отправляли въ убогій домъ, и складывали въ одну общую яму гдѣ нибудь на мертвой горкѣ или въ болотѣ. Изъ житія Даніила Переяславскаго [1]) видно, какъ смущались благочестивыя сердца, что эти бѣдные люди погребены не у церкви, что на божедомскомъ мѣстѣ о тѣхъ безчисленныхъ душахъ не слышалось ни пѣнія, ни молитвы, ни поминовенія. Движимый такимъ именно смущеніемъ, Даніилъ Переяславскій создалъ даже монастырь на подобномъ скудельничьемъ мѣстѣ. При томъ же на сѣверѣ Россіи было и положительное вѣрованіе, что „погребенье именно у Церкви благопріятствуетъ спасенію души [2]). Имѣя это въ виду, не трудно понять, почему попамъ отцамъ духовнымъ возносится благодарность за то, что „Церкви Божіи отмыкали, честно—именно отпѣвали и хоронили покойнаго на Варварской, славной буявѣ, у Николы у Святителя или Пречистой Богородицы.

Смерть кого нибудь изъ близкихъ — является не только горемъ семейнымъ, а иногда и общественнымъ: въ разныхъ образахъ рисуется зло—великое безчастьице въ нашихъ плачахъ. Въ плачѣ вдовы напр. представляется, что—впереди оно—злодѣйно уродилося, впереди ея въ купели окрестилося впереди оно летѣло яснымъ со́коломъ, позади оно летѣло чернымъ во́рономъ; впереди оно безсчастье не укатится, позади оно злодійно не останется.[3]). Но особенно любопытно происхожденіе горя народнаго, общественнаго Въ Окіянъ морѣ ловцы пригодилися, изловили оны свѣжу рыбоньку, точно хвостъ да какъ у рыбы лебединой, голова у ней въ родѣ, какъ козлиная; распололи какъ уловню эту рыбоньку

---

[1]) Стр. 219. 1 –10. Рук. XVII в. въ 4 ку—(принадл. Н. С. Тихонравову.

[2]) Иные, говорится въ одной изъ грамотъ Царя Алексѣя Михаиловича, и до старости дожили а въ покаянье еще не пришли, развѣ въ болѣзни находящіеся просятъ погребсти ихъ у Церкви и ихъ невольное покаяніе мало пріятно Богу. См. мою статью: Олонецкій монастырь Кликенцы. стр. 5.

[3]) Подобнымъ же образомъ рисуется оно и въ „Повѣсти о горѣ—злосчастіи.

много множество песку у ей приглотано, были сглонуты ключи да золоченыи; прилагали ключи ко Божіимъ церквамъ и ко лавочкамъ торговымъ, но они приладились только къ тюрмамъ заключевныимъ.

Не поспѣли отпереть дверей, дубовыхъ, какъ,

Съ подземелья злое горе разомъ бросилось,
Чернымъ ворономъ въ чисто поле слетѣло;
И само тутъ, злодійно, восхвалялося,
Што тоска буде крестьянамъ неудольная [1]).
Подъѣдать стало удалыхъ, добрыхъ мо́додцевъ,
Много прѝбрало семейныихъ головушекъ.
Овдовило честныхъ, мужнихъ — молодыихъ женъ,
Обсиротило, сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ;
Съ того моръ пошелъ на милую скотинушку,
Съ того зябель на сдовольны эты хлѣбушки,
Непріятности во добрыхъ пошли людушкахъ [2]).

Встрѣчается, наконецъ, въ плачахъ любопытный примѣръ народнаго представленія тучи и грозы въ образѣ Ильи пророка: здѣсь онъ является полнымъ распорядителемъ грозныхъ силъ природы и прямо называется „громовнымъ“, Знакомый съ славяно-русской миѳологіей не можетъ не видѣть въ этомъ образѣ древняго перуна и, очевидно, только христіанское міросозерцаніе поставило надъ нимъ „Владыку милосердаго“, у котораго Илья спрашиваетъ дозволеніе „дать тучу на чистое на полюшко, спустить стрѣлу огненную въ бѣлую грудь крестьянина могучаго[3])

Вотъ тотъ несложный кругъ вѣрованій и представленій, который сказывается читателю въ предлагаемыхъ, народныхъ, погребальныхъ плачахъ. Само собою разумѣется, что съ этой точки зрѣнія въ нихъ не усматривается особенностей отъ

---

[1]) Стр. 290, 80—84.
[2]) Стр. 291, 99—101.
[3]) Стр. 245, 1—17.

созерцаній, общихъ не только славянскимъ, но и всѣмъ индо-европейскимъ народамъ.

Но совсѣмъ иное представляется, когда смотримъ на нихъ со стороны бытовой и народныхъ нравовъ: наши плачи въ этомъ отношеніи рѣзко отличаются не только отъ плачей корсиканскихъ, но даже славянскихъ. Не чувствомъ мести и негодованія, какъ корсиканскія, не духомъ воинственной храбрости какъ сербскія, дышутъ наши погребальные вопли; въ нихъ видятся мирные, земскіе люди, которые борются только съ сѣверной природой за свое существованіе: и эта-то суровая, неблагодарная природа заставляетъ ихъ оплакивать въ умершемъ прежде всего потерю рабочей силы, безъ которой такъ бѣдственно положеніе оставшейся семьи.

Здѣсь вы постоянно встрѣчаетесь съ темными лѣсами дремучими, съ высокими горами — толкучими, съ дикими болотами и мхами дыбучими, съ Свирью—рѣкою свирѣпою, съ малыми—круглыми озерышками, съ островами незнакомыми и берегами небывалыми, съ Онегушкомъ великимъ и Ладожскимъ сердитымъ. Предъ вами мелькаютъ деревца шатучія, суховерхія, рощицы еловыя, горькія осинушки, курчавыя березыньки, ракитовые кустики, малиновые прутики; а въ нихъ витаютъ—змѣи клевучіи и звѣри съѣдучіе; чаще всего вы встрѣчаете заюшка загнанаго, горносталюшка упалаго, сѣраго волка и звиря (медведя); много бываетъ здѣсь птицъ незнаемыхъ; изрѣдка залетаетъ сюда соловей—птица свистучая, но чаще слышится кокоша горегорькая; есть птицы привѣтливыя и догадливыя: соколочикъ златокрыленькой, орелъ—птица говорящая, косатая ластушка и бѣлая лебедушка, но больше здѣсь птицъ хищныхъ и жалкихъ: черный воронъ, гуси заблудящіе, сорока поскакучая, ворони́ца полетучая и всякая у́падь во темномъ лѣсу. Буйныя вѣтры господствуютъ здѣсь: подымается па́дара — погода непомѣрная: огромныя деревья вырываетъ съ корнемъ, горы даютъ трещины, въ морѣ вода мѣшается съ пескомъ; но вотъ еще подуютъ то́роки съ запа́домъ, — кресты на могилахъ сокидаетъ, солому со хороминъ посрываетъ, на морѣ образуются сто́лшни—и лодкамъ и соймамъ грозитъ великая опасность.

Понятно, какую борьбу долженъ вести сѣверный человѣкъ съ такой угрюмой, бурной и непостоянной природой: не даромъ рабочая пора въ плачахъ называется „страдой или страднымъ временемъ; для того только, чтобы поддерживать здѣсь свое существованіе, нужно имѣть „силу звѣриную, цотягй надо держать лошадиные.“

Подавленный этой борьбою, сѣверный крестьянинъ часто не имѣетъ возможности восполнять свою внутреннюю жизнь даже общеніемъ съ своими родными; здѣсь повсюду „далéки устороньица, тёмныя залѣсьица и малыя безлюдьица.“ Не даромъ повѣнецкая корела въ плачахъ называется корелушкой проклятой. Нельзя туда пробѣхать ни зимой ни лѣтомъ.

Сѣрой заюшко туды не проскакиватъ,
Малая птица не залѣтыватъ,
Извощики туды не заѣзживаютъ,
Перехожіи калѣки не захаживаютъ.
Студенóй зимой живетъ бездорожьице,
Какъ весной живетъ великое распутьице;
У озеръ нѣтъ перегребныхъ малыхъ лоточекъ
Черезъ рѣченьку дубовой нѣтъ мостиночки...[1])

Естественно, при такой обстановкѣ—тяжелой, однообразной—съ одной стороны идеалъ крестьянскаго довольства сосредоточивается на довольныхъ этыхъ хлѣбушкахъ, а съ другой—получаютъ особенное значеніе *гостибища*.

Далѣе, плачи рисуютъ предъ нами картину внутренней жизни народа и знакомятъ насъ съ его занятіями, нравами и обычаями. Мы видимъ, что на Сѣверѣ живутъ „пахари земли матушки и ловцы—добры мóлодцы, стрѣляютъ сѣрыхъ утушекъ и ловятъ свѣжую рыбоньку. Женщины здѣсь стряпеюшки, ткіюшки, а нерѣдко ведутъ и полное крестьянство и правятъ домомъ—жирушкой; дѣвицы же занимаются щепетеньицемъ: изъ котурна досужна рукодѣльица вышиваютъ всяки разны полотенечки; кладутъ трубы столокотнія, запасаютъ дары тонкобраныя“.

---

[1]) Стр. 91, 86—89, 82, 91, 96, 97.

Не смотря на всю бѣдность, во многихъ мѣстахъ здѣсь любятъ чисто одѣваться. Щегольство въ нарядахъ составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ особенностей напр. Заонежанъ [1]).

Въ плачахъ такъ описываются эти наряды: „удáлы—добры мóлодцы носятъ поддевочку дорогихъ суконъ, на ноженькахъ сапоженьки козловые, кругъ сердечка—кушачики шелковые, на головушкѣ — шляпоньки пуховыя, на бѣлой груди —цѣпочки золоченыя. Нарядившись, удалый—добрый мóлодецъ калёной гребеночкой учесываетъ свои жемчужныя кудерышки и завиваетъ ихъ въ колечка золоченые. Красныя дѣвушки носятъ цвѣтное, басистое платьице,—сарафаны новомодные, рострубистые; на головушкѣ „жемчужную подвѣсточку, по подвѣсточкѣ рóзову косыночку; въ завивную свою косу русую вплетаютъ дорогія, золотыя ленточки; по русой косы кладутъ цвѣты алые; во ушеньки—серёжки бриллантовы; на бладую грудь цѣпочку золоченую; на плеченьки—шубу соболиную. Забавами и весельемъ для молодыхъ людей служатъ лѣтнія гульбищечка, вёшнія игрищечка и зимнія, тихомѣрныя бесѣдушки.

Изъ обычаевъ домашней жизни укажемъ на два. При входѣ въдомъ здѣсь творятъ обыкновенно Ісусову молитовку, крестъ кладутъ по писаному, поклонъ ведутъ по учоному; первой поклонъ—Пречистой Богородицѣ, другой поклонъ большухамъ подомовымъ, третей поклонъ—сусѣдямъ спорядовымъ. Молитва Ісусова играетъ здѣсь важное значеніе; ею обыкновенно прогоняютъ нечистыя помыслы и привидѣнія [2]).

Замѣчателенъ еще обычай — чтенія книгъ начётчиками. Сестра, оплакивая своего брата, между прочимъ разсказываетъ,—какъ покойный читалъ крестьянамъ „Божью книгу,“ толковалъ имъ „про Божьи законы“ и училъ ихъ, по Божью писанію ду-друга любить [3]).

Обычная жизнь народа наполняется большею частію пе-

---

[1]) Чтобы имѣть къ празднику новую покрутку, здѣсь продаютъ иногда нѣсколько пудовъ муки изъ послѣдняго пуда.

[2]) Стр. 218, 30—49.

[3]) Стр. 160, 35—55.

реговорами и пересудами на счетъ сосѣдей: пустословье, какъ рѣка бѣжитъ, напрасника, какъ порогъ шумитъ [1]).

Родственныя отношенія въ нашихъ плачахъ характеризуются, какъ нельзя лучше. Жена оплакиваетъ въ своемъ мужѣ прежде всего „державу—опору семьи, правителя крестьянской жирушки; но это личное сожалѣніе не подавляетъ въ ней чувствъ привязанности и безкорыстной любви; она величаетъ своего мужа надежной головушкой, любимой семеюшкой, милой ла́душкой; самую могилу называетъ „любовной могилушкой."

„Погляди-тко, моя ла́душка,
„На меня да на побѣдную!
„Не березынька шатается,
„Не кудрявая свивается,
„Какъ шатается, свивается,
„Твоя да молода́ жена;
„Я пришла, горюша горькая,
„На любовную могилушку
„Расказать свою кручинушку [2]).

Еще сильнѣе и нагляднѣе сказывается здѣсь любовь родителей къ дѣтямъ. Мать, оплакивая сына, не пріищетъ словъ, чтобы выразить свою нѣжную привязанность; она ублажаетъ его величаніями: „яра моя свѝчушка, кра́сно мое на́ золотѣ, те́пла моя пазушка, вольный—бѣлый свѣтушко, ска́чоная жемчужинка, яблонь кудреватая, верба золоченая: называетъ его" болѣзнымъ дитяткомъ, своимъ рожденьемъ, воспитаньемъ и всѣмъ талаиомъ участью.

Она падае, родима, о дубовой полъ,
Слезы катятся у ей, какъ рѣка бѣжитъ,
Возрыдатъ она, побѣдна, какъ порогъ шумитъ;
Ю великая кручина удоляе,
Зла дѣтиная тоска — неугасимая [3]).

---

[1]) Стр. 23, 52—53.
[2]) Стр. 35, 18, 22.
[3]) Стр. 99, 12-16.

Оплакивая дочь, она говоритъ: „голубонька моя теплая, налимная ягодка, косатая ластушка, бѣлая лебедушка.“

Такою же любовію дышутъ и отношенія дѣтей къ родителямъ.

Дочь называетъ отца „родимымъ батюшкомъ, человѣкомъ, што ни лучшимъ, человѣкомъ самолучшимъ, кормильцемъ батюшкомъ, краснымъ солнышкомъ“; мать же свою величаетъ „сердечнымъ великимъ желаньицемъ, родителью жалосливою, возмольщичкой, оборонюшкой великой, мижонвымъ днемъ.

Братъ оплакивается, какъ любимый повозничекъ—на гульбища и бесѣдушки, какъ сберегатель ея красы—волюшки.

Смыслъ плача о сестрѣ выражается въ словахъ:

„Потеряла я думу крѣпкую,
„Словцо тайное, не проносное
„И великую заступушку [1]).

Жалость по дядѣ вызывается попеченіями о племянницѣ. Оплакивая его, она говоритъ;

„То не дядюшка былъ, второй батюшко:
„Украшалъ да мою вольную онъ волюшку,
„Уласкалъ онъ меня, бѣлую лебедушку [2]).

Плачи о сватѣ также обусловлены добрыми родственными отношеніями сватовства.

Далѣе, въ „плачахъ“ превосходно изображается семейное положеніе вдовца, вдовицы, мачихи, сиротъ—малыхъ дѣтушекъ и особенно красныхъ дѣвушекъ.

Вотъ, пріунывъ сидитъ удалый добрый молодецъ, приклонена—то буйная головушка, утуплены очи во сыру землю; рутитъ слезушки онъ на дубовый полъ. Онъ думаетъ думу крѣпкую, какъ воспитать сердечно—мало дитятко безъ милой, любимой семеюшки. Обратится ли за попеченіями къ своимъ сестрамъ, но имъ сулить надо „лю-

[1]) Стр. 39—44.
[2]) Стр. 172—183.

бимыи подарочки". Задумаетъ ли снова жениться но красныя дѣвушки гнушаются имъ: скажутъ „удовщище женихъ,—посидѣлище". Возметъ ли наконецъ молоду́ жену, но она будетъ „не ласкова, не упа́дчива до малаго сердечнаго дитятка".

Положеніе мачихи, какбы ни была она добра и умна, также бываетъ безвыходно: тихо сказать дѣтямъ—не послушаютъ, суровó сказать дѣтямъ—обиждаются.

А тутъ еще теща попрекаетъ:

„ Что же грозно, не спросясь, распоряжаешься
„ Ты надъ этыма—обидныма дѣтушкамъ?"[1]).

Горе вдовы бездѣтной въ „плачахъ" представляется тяжелымъ потому особенно, что ей не предстоитъ въ будущемъ ровно никакихъ утѣшеній: при древней, глубокой ея старости не́кому о ней позаботиться".

Еще тяжелѣй горе вдовы, окруженной цѣлымъ стадомъ дѣтей. Мучительныя труды и заботы предстоятъ ей для того, чтобы вырастить ихъ при тѣхъ скудныхъ средствахъ и обстоятельствахъ, въ какихъ она, обыкновенно, остается:

„Ужъ какъ ростить то сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ,
„Рѣзвы ноженьки—притопчутся,
„Бѣлы рученьки—примахаются,
„Сила мóгуча во плечушкахъ придержится,
„Безъ морозушку—сердечко прирострескаетъ [2]).

Иногда по-смерти мужа вдова остается въ той же „богоданой семьѣ" и поднимаетъ дѣтей своихъ въ кругу дядей, тетокъ и тому подобныхъ родственниковъ. Эта особенность ея положенія не только не облегчаетъ, а напротивъ, часто усиливаетъ ея внутреннія страданія. Не справедливое и жестокое отношеніе семьи къ ея дѣтямъ возмущаетъ ее до глубины души:

---

[1]) Стр.
[2]) Стр. 163, 22–24.

„У ней со́вьется тоска неугасимая,
„ Она взмолится тутъ матушкѣ—сырой землѣ:
„ Ты прими меня матушка сыра земля,
„ Схорони меня съ сиротнымъ, малымъ дѣтушкамъ[1]).

Сама она въ семьѣ, будто чужая; только поглядываетъ изъ-за дверей, какъ другіе угощаются. Невѣстки на нее злятся: „имъ не въ честь ея крестьянская работушка.“ По ночамъ, когда всѣ спятъ, она сидитъ подъ окномъ да слезами обливается. Идетъ ли на работу, встрѣчаетъ ли сосѣдей, показываетъ видъ, что „веселешенька“, а у самой „безъ огня сердце разгоряется, безъ смолы утроба раскипляется, безъ воды рѣзвы ножки подмываетъ[2]).

Не легче положеніе вдовы, если ей одной съ сиротами—малолѣтками приходится поддерживать свой домъ и вести крестьянство. Материнская любовь къ дѣтямъ въ ней борется съ крайнею нуждою, которая заставляетъ ее посылать ихъ на работы трудныя и имъ не посильныя. Превосходно въ „плачахъ“ описаніе этой нравственной борьбы. Матьхочетъ разбудить свое дитя, но вотъ оно спитъ крѣпко:

„ Рѣзвы ноженьки его—пораскиданы,
„Бѣлы рученьки отъ сердца—поразмахнуты,
„ Его желтые кудерки—порастряхнуты.

Тихо подходитъ она къ тесовой кроваточкѣ, сотворитъ Іисусову молитовку, подро́читъ по бладой головушкѣ. Жаль разбудить его; призакроетъ соболинымъ одѣяльицемъ и выдетъ въ хоромное строеньице.

Но вотъ ея малы—недоросточки на луговой по́женкѣ. Она спѣшитъ навѣдаться о нихъ. Приходитъ и видитъ:

„Спятъ ея сердечны малы дѣтушки,
„Какъ зайки подъ ракитовымъ подъ кустышкомъ,
„Горностали подъ малиновымъ подъ прутикомъ[3]).

---

[1]) Стр. 217, 14, 15, 16.
[2]) Стр. 87, 4, 5, 10—12.
[3]) 13, 48—52.

Она начинаетъ браниться; дѣти плачутъ; она пѣняетъ на свою судьбу несчастную и тоже слезами обливается. Сосѣдки ее утѣшаютъ и материнская любовь снова начинаетъ ласкать „малыхъ своихъ дѣтушекъ“.

Бываетъ наконецъ еще болѣе жалкое положеніе вдовы—матери. Предоставленная самой себѣ, окруженная стадомъ дѣтей—она не въ силахъ бываетъ доставить имъ кусокъ хлѣба для насущнаго пропитанія. Единственное для нихъ спасеніе отъ голодной смерти—хожденіе по міру и собираніе милостыни. Болитъ за нихъ материнское сердце: они страдаютъ отъ непогоды, пугаются собакъ и терпятъ всевозможныя огорченія отъ людей. Отправляя ихъ въ міръ крещоный, она дѣлаетъ имъ такія наставленія:

„Вы ходите, малы дѣтушки, умнешенько,
„Вы на уличкѣ, дѣти, не балуйте-тко
„По крестьянскимъ домамъ да не воруйте-тко.
„У мня милости тогды вы не упросите:
„Буду бить бранить сердечныхъ я васъ дѣтушекъ.

Но дѣтямъ, испытавшимъ невзгоды хожденія по міру, не хочется идти на этотъ подвигъ. Они отвѣчаютъ ей:

„Вѣютъ вѣтрышки на уличкѣ буйнешенько,
„Какъ погодьице теперь холоднешенько;
„Кабы знала ты родитель про то вѣдала,
„Каково ходить-то въ мірѣ во крещономъ:
„Заболятъ да наши рѣзвы эты ноженьки,
„Со крылечка на крылечико ставаючи,
„Не посмѣемъ мы, побѣдныи головушки,
„Въ домъ зайти ко крестьянину богатому,
„Постоимъ да у косѣвчата окошечка [3]).

Положеніе молодой вдовы—матери представляетъ для ней новыя испытанія. Кромѣ общаго вдовьяго горя, ей предстоитъ еще много соблазновъ и искушеній, опасныхъ для ея чести. Наставленія, какія даетъ сосѣдка молодой вдовѣ при гробѣ ея мужа, рисуетъ предъ нами идеалъ нравственнаго и благороднаго направленія народной жизни.

---

[3]) Стр. 18,54—57.

Иными чувствами проникнутъ „плачъ вдовы объ опившемся мужѣ. Какъ нельзя правдивѣе изображена здѣсь жизнь ея „съ упьянсливой головушкой“. Вдова не плачетъ о разлукѣ съ нимъ: „хоть нѣтъ пахаря на чистомъ этомъ полюшкѣ, раззорителя въ хоромномънѣтъ строеньицѣ. „Но она жалѣетъ объ одномъ, что смерть пришла къ нему безъ креста, безъ молитовки“: никакому человѣку я бы злому, говоритъ она, не радѣла бы этого великаго безсчастьица.“.

Сироты всегда бываютъ въ жалкомъ положеніи.

„Какъ сову да знать по перьицамъ.
„Совиныхъ дѣтей по крыльицамъ;
„Такъ сиротку знать по платьицамъ,
„Знать по буйной по головушкѣ[1]).

Но особенно тяжело положеніе дочери безъ матери. Ни что въ мірѣ не можетъ замѣнить для ней материнской любви и попеченья, а потому и плачъ ея проникнутъ глубочайшимъ чувствомъ и исполненъ высокой поэзіи.

Наконецъ, горюющимъ о потерѣ родныхъ и близкихъ всегда кажется, что весь домъ принимаетъ участіе въ ихъ скорби:

„Пріунывъ, стоитъ любимая скотинушка
„У добрыхъ конéй головушки наклонены,
„Лошадины въ землю очи пріутуплены.
„Пріунывъ, стоитъ палата грановитая,
„Припечаливши косѣвчаты окошечка,
„На слезахъ стоятъ стекольчаты околенки.[2])

Естественно, что при подобныхъ ощущеніяхъ вдова или сирота часто кланяется въ ноги роднымъ, сосѣдямъ и проситъ ихъ забыть, что была гордая она, не поклонная, съ сусѣдями была не сговорная. Не начаялась горя, не надіялась.

Всѣ намѣченныя нами черты семейной, народной жизни дороги для науки особенно потому, что обрисовываются самимъ народомъ въ его творческомъ словѣ, въ самыя священныя минуты его жизни. Не менѣе драгоцѣнны должны

1] Стр. 47, 50—53.
2) Стр. 215, 4—6.

быть и тѣ народныя воззрѣнія, какія высказываются здѣсь относительно общественныхъ дѣятелей, съ коими ближе всего сталкивается народная жизнь. Въ плачахъ выражается мысль, что верховныя лица, и московскіе богачи, отъ которыхъ зависитъ облегченіе ихъ судьбы, не знаютъ—не вѣдаютъ „про безсчастную ихъ жизнь крестьянскую“. За то народъ умѣетъ цѣнить тѣхъ лицъ, которые близко стоятъ къ нему и такъ или иначе вліяютъ на его положеніе.

Прежде всего замѣтимъ, что народъ имѣетъ правильный взглядъ на подати казенныя: „мнѣ не честь хвала, родитель, молодецкая, говоритъ сынъ своей матери, што вѣдь подати казенныя не плачены; не къ лицу тебѣ, родитель—родна матушка, што таскаться по избамъ тебѣ по земскіимъ, у стола стоять, родитель, у судебнаго, супротивъ стоять судей неправосудныихъ“ [3]).

Но дѣло въ томъ, что этѣ подати собираются иногда безъ всякаго вниманія и снисхожденія къ временнымъ нуждамъ и обстоятельствамъ крестьянъ; бѣдная вдова разсказываетъ покойнику:

У судебныхъ то мѣстъ да настоялася,
Безъ креста-то вѣдь я Богу намолилася,
Безъ Іисусовой молитовки накланялась,
Всѣмъ судьямъ, властямъ вѣдь я да накорилася.

Первые начальники, которые вводятъ крестьянъ въ великой изъянъ и убытокъ, по описанію плачей; это—староста съ писаречкомъ хитромудрымъ: они называются здѣсь „міроѣдами голопузыми“.

Но за то съ любовію и благодарностію народъ вспоминаетъ „тѣхъ старостъ и писарей“ которые“ болѣзнуютъ объ обчествѣ собраномъ и стоятъ по немъ стѣной городовой отъ этыхъ мировыхъ да злыхъ посредниковъ“. Цѣлыя деревни бросаютъ свои работы и идутъ проводить на тотъ

---

[2]) Стр. 183, 344—348.
[3]) Стр. 16, 5—58.
[4]) Стр. 297, 125—142.

свѣтъ своихъ благодѣтелей. Здѣсь среди воплей родственной любви раздается и голосъ любви народной; кромѣ личныхъ достоинствъ умершаго оцѣнивается и дѣятельность его общественная.

Въ „Плачѣ о старостѣ“ въ лицѣ мироваго посредника изображается типъ чиновныхъ властей, наѣзжающихъ къ народу съ разными взысканіями и порученіями. Почему этотъ типъ—очерчивается въ образѣ именно посредника, объясняется мѣстными обстоятельствами. Въ Олонецкой губерніи мировые посредники—не мѣстные туземцы, знакомые съ условіями и жизнію народа, не выборные люди, извѣстные тому самому обществу, которому должны служить, но тѣ же чиновники, назначаемые управительнымъ порядкомъ, нерѣдко люди наѣзжіе и безъ достаточнаго образованія. Не смотря на свою недавность, они успѣли соединить въ себѣ и то неуваженіе къ народу и ту высокомѣрную притязательность, коими отличались былыя, полицейскія власти. Въѣздъ посредника въ деревню, въ „плачахъ“ изображается, подобнымъ въѣзду богатырскому—на коняхъ добрыхъ, съ подковами золочеными, съ сіяющей сбруей и сѣделышкомъ черкаскимъ. Деревенскіе ребята, испугавшись разбѣгаются по своимъ домамъ. Входя въ земскую избу, онъ не хочетъ уважать народныхъ обычаевъ и такъ надъ крестьянствомъ надрыгается, быдто въ родѣ человѣкъ, какъ не крещоный. Описаніе его требованій, его поведенія, его дѣйствій проникнуто злой народной ироніей и сопровождается проклятіями ему—злодѣю супостатому.

Попъ—отецъ духовный также подобно старостѣ бываетъ предметомъ плача общественнаго. Не сложны и поверхностны тѣ добрыя черты, въ которыхъ рисуется типъ примѣрнаго попа — отца духовнаго. Что онъ „не упьянслива головушка“, что рачитель до участковъ деревенскихъ былъ, что служилъ обѣдни онъ по правиламъ, заутрени по Божіимъ по законамъ, что, требы отправляя, не страшился ни погоды онъ, ни пàдары — вотъ все изъ чего слагается образъ примѣрнаго священника. Но что особенно дорого для народа, такъ это то, что при случаяхъ „внезапной смерти“ онъ избавлялъ народъ „отъ изъяну, отъ

напасти отъ великой, отъ судей онъ сохранялъ неправосудныихъ".

Въ плачахъ вспоминаются еще „дохтура́—да славны лѣкари" принимающіе участіе въ слѣдственныхъ дѣлахъ. Вдова, оплакивая опившагося мужа, послѣ похоронъ вопитъ:

„Спаси, Господи, судью да правосудную!
„Спаси, Господи, вѣдь лѣкарей умильныихъ!
„Разсудили они дѣло по хорошему:
„Тѣло грѣшное оны да запитущее
„Порѣшили хоронить по скорешеньку (281,1—4)

Русской народъ не жалуетъ докторовъ главнымъ образомъ за то, что они „па́трушатъ и терзаютъ на части мертвыя тѣлеса;"да при томъ въ старые годы они не прочь были запускать руку и въ крестьянскія карманы при слѣдственныхъ дѣлахъ (150,25—54).

Вообще подъ вліяніемъ крѣпостнаго права и старыхъ россійскихъ порядковъ, народъ привыкъ сильно бояться начальства и избѣгаетъ всевозможныхъ столкновеній съ нимъ [1]).

Наконецъ, погребальные плачи не лишены значенія и въ наукѣ о языкѣ: въ нихъ мы встрѣчаемъ слова и грамматическія формы представляющія весьма серьезный интересъ въ этомъ отношеніи. Нѣкоторыя изъ нихъ служатъ напр. къ объясненію подобныхъ же выраженій и оборотовъ въ Словѣ о полку Игоревѣ и заимствованы, какъ видно, изъ одного съ ними, общаго, народнаго источника. Какъто: *ладушка*[2]), *загозочка*,[3]), *безотній*, [4]) *незнамый* [5]). Въ плачахъ: *черны вороны пріограяли* (7, 31) Въ словѣ: *бусови врани възграяху* (5,6;7,16). Въ плачахъ: *отъ суда Божья, родъ, да мы не дънемся, отъ смерѣ тушки вѣдь намъ да не убѣгать* (53, 26 и 27). Въ словѣ: *ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути* (11,4

[1]) Стр. 261, стих 290—357.
[2]) 36, 39. Въ словѣ: лада (Изд. Тих. 6, 3; 11 28).
[3]) 73, 86. Въ словѣ: зегзица (11, 12).
[4]) 2, 3; 171, 12. Въ словѣ: отній (4, 22, 8, 21].
[5]) 26, 43. Въ Словѣ: незнаемь [11, 12].

и 5). Въ плачахъ: *„Со укладу сердце складено; со желѣза груди скованы.* (53, 26 и 27). Въ словѣ: *Ваю храбрыя сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалѣна* (8, 5 и 6).

Какъ тамъ, такъ и здѣсь встрѣчаются еще слова, сходныя или по образованію, каковы напр. *вороница* (плач. 212, 1) и *чанца* (Слов. 12, 15) или по происхожденію отъ одного корня, каковы напр. *могутушка* (плач 29, 120) и *могуты.* (Сл. 8, 9) *уедіе* (Сл. 5, 8) и *уяданье* (пл. 372, 20).

Кромѣ этихъ выраженій и оборотовъ, въ плачахъ встрѣчается не мало другихъ не менѣе древнихъ словъ, повсемѣстно вышедшихъ изъ употребленія въ живомъ языкѣ, каковы напр. *удолять* [1]) *ретовать* [2]), *зари спорыданье* (185,35) *огнище* (17, 25) *становище* (181, 252) *буява* (17,25) *опальный* (287, 4) *сесвѣтный* (68, 16) а также церковнославянскія: *настоятель* (185, 35) *длани* (252, 8) *потопъ* (264,25) *завѣтъ* (415, 108) *напасть* (296, 119) *содомъ* (82, 45) *демоны* (278, 234) и т. п.

Дальнѣйшія особенности языка причитаній излагаются въ особыхъ о томъ нашихъ замѣчаніяхъ, помѣщенныхъ въ концѣ книги.

Но есть и еще сторона въ причитаньяхъ, которую собиратель долженъ бы имѣть въ виду, но которая однако жъ оставлена имъ безъ всякаго вниманія: это сторона музыкальная, именно тѣ народные мотивы и мелодіи, въ которыхъ изливаются эти погребальные плачи. Изученіе музыкальности народныхъ голосованій имѣло бы значеніе не для одного искусства: оно необходимо повело бы къ разъясненію самого народнаго пѣснотворчества и стихосложенія, которыя въ своемъ теченіи всегда развиваются подъ непосредственнымъ вліяніемъ музыкальныхъ мотивовъ и мелодій. Но, сознавая всю важность этой стороны собранныхъ причитаній, мы должны сознаться, что по отсутствію музыкальной подготовки, сами по себѣ не могли уловить

---

[1]) 99, 15. Въ Остромір. Ев: вѣрата адовы не удолѣютъ. Изд. Вост.стр. 281.

[2]) 211, 61. Отъ корня реть. См. въ Требникѣ XV в. Москов Эпарх. библ.

этѣ мелодіи и переложить ихъ на ноты; съ другой стороны, не могли воспользоваться и помощію окружающей среды въ этомъ отношеніи. Нельзя сказать, чтобы въ Петрозаводскѣ, гдѣ записана большая часть причитаній, не было людей, которые бы занимались музыкой: но это дѣлается только въ силу обычая и для практическихъ цѣлей: мы не встрѣтили тамъ живой души, которая носила бы истинную преданность этому искусству и стремилась стать выше той ступени развитія, на которой позволяетъ остановиться сила обычая. По этому наши замѣчанія о музыкальной сторонѣ причитаній должны ограничиться не многими словами и общими, неопредѣленными выраженіями.

Напѣвы погребальныхъ плачей, собранныхъ въ Олонецкой губерніи рѣзко отличаются какъ отъ свадебныхъ голосованій, такъ и отъ обычныхъ въ другихъ мѣстахъ надмогильныхъ всхлипываній и рыданій. Мотивы ихъ очень просты, тихи и заунывны; глубокая древность ихъ даетъ чувствовать себя непосредственно, особенно въ плачахъ Ирины Ѳедосовой. Пѣніе ея вращается на трехъ, четырехъ нотахъ, но оно поражаетъ оригинальностію переходовъ.

Въ стихахъ состоящихъ изъ 12 и 13 слоговъ, при пѣніи послѣдніе двѣ слога отсѣкаются и, такъ сказать, замираютъ на устахъ.

№ 6[illegible]
И. Я. Го[illegible]

Собиратель.

Из библиотеки
К. Я. Голейовского

I.

ПЛАЧЪ ВДОВЫ ПО МУЖѢ.

Укатилося красное солнышко
За горы оно да за высокія,
За лѣсушка оно да за дремучіи,
За облачка оно да за ходячіи,
За часты звѣзды да подвосточныя!
Покидать меня побѣдную головушку
Со стадушкомъ оно да со дѣтиною *);
Оставлять меня горюшу горегорькую
На вѣки-то меня да вѣковѣчныи!
Нé-какъ ростить-то сиротныхъ мнѣ-ка дѣтушекъ:
Будутъ по міру оны да вѣдь скитатися,
По подоконью оны да столыпатися **);
Будетъ уличка—ходить да не широкая,
Путь дорожинька вотъ имъ да не торнешенька;
Безъ своего родителя, безъ батюшка
Пріизвіются-то буйны на нихъ вѣтрушки,

*) Дѣтина употреблено здѣсь въ смыслѣ собирательномъ.
**) Толпами бродить.

И набаются-то добры про нихъ людушки *),
Што вѣдь вольныи дѣти безуненныи,
Не храбры да сыновья ростутъ безотніи,
Не красны да слывутъ дочери у матушки.
Глупо сдѣлали сиротны малы дѣтушки,
Мы проглупали родительско желаньицо.
Допустили эту скорую смерётушку,
Мы не заперли новыхъ сѣней рѣшетчатыхъ,
Не задвинули стекольчатыхъ околенокъ;
У воротъ да мы не ставили приворотницьковъ **),
У дубовыихъ дверей да сторожателей;
Не сидѣли мы у трудной у постелюшки,
У тяжела, крута-складняго зголовьица;
Не глядѣли про запасъ мы на родителя, на батюшка.
Какъ душа да съ бѣлыхъ грудей выходила,
Оци ясныи съ бѣлымъ свѣтомъ прощалися.
Подходила тутъ скоряя смерётушка,
Она крадчи ***) шла злодѣйка душегубица
По крылечку ли она да молодой женой,
По новымъ ли шла сѣнямъ да красной дѣвушкой,
Аль калѣкой она шла да перехожею ****),
Со синя ли моря шла да все голодная;
Со чиста ли поля шла да вѣдь холодная;
У дубовыихъ дверей да не стуцялася,
У окошечка вѣдь смерть да не давалася *****):

---

*) У Шейна: Безъ тебя моя удалая головушка,
Навѣются на нихъ вѣтры буйные,
Понаговорятся про нихъ люди добрые. (Чт. И. и Д. 1870 г. XII, 10—25).

**) Приворотникъ, у г. Безсон. приворотникъ (П. К. ч. II, 8, 49), тоже что древнее привѣратникъ.

***) Крадучись.

****) У Рыбник.: Аль удалымъ дороднимъ добрымъ молодцемъ,
Аль славнымъ бурлакомъ Петербургскимъ.

*****) Т. е. не просилася.

Потихошеньку она да подходила,
И чорнымъ ворономъ въ окошко залѣтѣла *).
Мы проглупали сиротны малы дѣтушки,
Опустили мы великое желаньице;
Кабы видѣли злодійную смерётушку,
Мы бы ставили столы да ей дубовыи,
Мы бы слали скатерти да тонко-браныя **),
Положили бы ей вилки золоченыя,
Положили бъ востры ножички булатніи,
Нанесли бы всякихъ ѣствушекъ сахарніихъ,
Наливали бы ей питьица медвянова,
Мы садили бы тутъ скорую смерётушку,
Какъ за этыи столы да за дубовыи,
Какъ на этыи на стульица кленовыи ***),
Отходяци бы ей низко поклонялися.
И ласково бы ей тутъ говорили:
„Ай же, вѣдь скорая смерётушка!
„Отъ Господа Распятаго, знать, создана.

---

*) У Рыбн.: Видно, налетѣла скорая смеретушка
Скоролетною птицынькой,
Залетѣла во хоромно во стреньице,
Скрытно садилась на крутосклядно на зголовьице
И впотай вѣдь взяла душу со бѣлыхъ грудей. (111, 414, 4—8)

**) Вышивныя, узорчатыя.

***) У Рыб.: Если пришла бы калікой перехожей,
Наладила бы хлѣбъ-соль столовую,
Накормила бы калику перехожую
И оставила бы законную свою семеюшку;
Если удалымъ дородным добрымъ молодцемъ,
Я одѣла бы его во цвѣтно платьицо,
Обула бы въ сапоженьки козловые,
Дала бы опоясочки шелковыя;
Если славнымъ бурлакомъ Петербургскимъ,
Я дарила бы золотой казной безсчетною,
И поставила законную свою семеюшку. (111, 411, 4—14).

„Отъ Бладыки *) на сыру, знать, землю послана
„За бурлацкима удалыма головушкамъ;
„Ты возми злодѣй—скорая смеретушка,
„Не жалѣю я гулярна, цвѣтна платьица;
„Ты жемчужную возми мою подвѣсточку,
„Съ сундука подамъ платочки Левантеровы **),
„Со двора возми любимую скотинушку.
„Я со стойлы-то даю да коня добраго,
„Со гвоздя даю тѣ уздицу тесмяную,
„Я сиделышко дарю тіѣ черкаское,
„Золотой казны даю тіѣ по надобью;
„Не бери столько надежноей головушки,
„Не сироть столько сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ,
„Не слези меня побѣдноей головушки.
Отвѣчала злодѣй скорая смерётушка:
— Я не ѣмъ, не пью въ домахъ да вѣдь крестьянскіихъ,
— Мнѣ не надобно любимоей скотинушки,
— Мнѣ со стойлы-то не надо коня добраго;
— Мнѣ не надо злотой казны безсчетноей,
— Не за тымъ я у Бладыки Свѣта послана:
— Я беру да злодѣй—скорая смерётушка
— Я удалыя бурлацкія головушки;
— Я не брезгую вѣдь смерть да душегубица
— Я не нищіимъ вѣдь есть да не прохожіимъ,
— Я не бѣдныимъ не брезгую убогіимъ.
Тутъ спрого́воритъ вдова благочесливая:
Видно нѣтъ того на свѣтѣ да не водится,
Што вѣдь мертвыи съ погоста́ не воротятся,
Хоть не дальняя дорожка,—безъизвѣстная,

*) Т. е. Владыки
**) Вм. Левантиновы.

Не лѣсныи перелѣски—мутарсливыи *).
Глупо сдѣлали сиротны малы дѣтушки,
Не сходили мы во улички рядовыя,
Не дошли да мы до лавочки торговыя,
Не купили листъ бумаженьки гербовыя,
Не взыскали писаревъ да хитро-мудрыихъ,
Не списали мы родителя-то батюшка
На потретъ да его бѣло—это личушко;
На эту на гербовую бумаженьку
Его желты бы завивныи кудерышки,
Его ясно развеселое бы личюшко,
Прелестны бы, учтивыи словечюшки **),
Велико бы родительско желаньицо.
Какъ подростать станутъ сиротны малы дѣтушки,
По сѣнямъ да станутъ дѣтушки похаживать,
Изъ окошечка въ окошечко поглядывать,
На широкую на уличку посматривать;

---

*) Т. е. мытарственные.

**) У Рыбн.: Ужъ вы слушайте, все родъ-племя сердечное!
Вы берите-ка листы да двурублевые,
Двурублевые листы да вѣдь гербовые,
Вы чернильца возьмите-тко столовыя,
Писарей да отъ столовъ ли отъ дубовыихъ,
Вы спишите-ка законную семеюшку
И на эту бумаженьку гербовую:
Бѣло лицико пишите со очамы,
Вы головушку со черныма бровамы,
Потому же вы со русыма кудрямы.
Какъ послѣ своей законной я семеюшки,
Проживать буду вдовой благочестивою,
А какъ стоснется по законной по семеюшкѣ,
Такъ держать бумаженьку написану,
Буду день держать во бѣлыихъ во рученькахъ,
Лице къ лицюшку вѣдь буду прилагати,
Я семеюшкой своею называти,
Уже въ ночь да у ретливаго сердечушка
Я на нѣжныя груди да на ретливыя. (III, 415 34—53)

Приходить стане—разливня красна веснушка,
Повытаютъ снѣжечки со чиста поля,
Повынесе ледочки со синя моря;
Какъ вода со льдомъ вѣдь есть да поразойдется,
Быстры риченьки съ горъ да поразольются,
Протекутъ да вѣдь мелки малы риченьки
Во это въ океянъ—да сине морюшко;
Какъ пойдутъ наши сусѣди спорядовыи
На трудну, на крестьянскую работушку;
Будутъ пахари на чистыихъ на полюшкахъ,
Сѣвчи да на распашистыхъ полосушкахъ.
Малы дѣтушки на мать станутъ поглядывать.
Сироту да меня вдовушку выспрашивать:
„Ты послушай сирота же вдова матушка!
„Уже гдѣ да есть родитель-то нашъ батюшка?
„Тутъ я бъ выняла гербовый листъ—бумаженьку,
„Показала бы сердечнымъ малымъ дѣтушкамъ.
Еще скажутъ-то сиротны малы дѣтушки:
„Кто же пóйде на распашисты полосушки?
„Какъ у насъ да вѣдь родитель наша матушка,
„Нѣту пахаря на чистыихъ полосушкахъ.
„Сѣнокосца на луговыхъ нѣту поженкахъ,
„Рыболовушка на синемъ нѣтъ Онегушкѣ.
Тутъ я спáхнуся *) кручинна вся головушка
За свою да за надежную сдержавушку;
Ушибать стане—великая тоскичюшка,
Унывать стане ретливое сердечюшко.
„Да какъ ростить-то сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ.

Обращаясь къ сосьдямъ, вдова падаетъ имъ въ ноги и продолжаетъ:

Поклоню да свою буйную головушку,
Покорю свое печальное сердечюшко /

*) Спохвачусь.

Я со этой вышины да до сырой земли,
Своимъ милымъ спорядовыимъ сусѣдушкамъ;
Не откиньте тко вдову вы безпріютную,
Со обидныма, сиротныма дѣтушкамъ;
Да вы грубымъ словечкомъ не обидьте-ткось,
Да вы больнымъ ударомъ не ударьте-ткось.
Какъ пойдутъ мои сиротныи къ вамъ—дѣтушки,
По вашему крыльцу да по переному,
Не заприте-тко новыхъ сѣней рѣшотчатыхъ,
Допустите въ тепловито свое гнѣздышко,
Ко дверямъ да вы на дверную на лавочку,
Да вы милостину имъ тутъ сотворите-тко
Сиротамъ моимъ безсчастнымъ-малымъ дѣтушкамъ,
Вы на добрыи дѣла ихъ научите-ткось.
Когда прежъ сего до этой поры времечка,
Была въ живности любимая семеюшка,
Маломошному сусѣду не корилася,
Была гордая вѣдь я да не поклонная,
Я съ сусѣдями была да не сговорная;
Не печалла я горя, не надіялась,
Што разлукушки съ законной со державушкой,
Што останусь, сирота вдова безсчастная,
Я со этой станицей неудольноей *),
Со малыма, сердечныма дѣтушкамъ.
Какъ жила я съ надежной головушкой,
Была счастлива вѣдь я да все таланная;
Вдругъ, знать, счастье то сусѣды обзавидали.
Добры людушки меня да пріобаяли,
Чорны вороны талачъ, знать, пріограяли,
Видно, участь ту собаки пріобаяли.

---

*) Безсчастной.

Какъ по моему великому несчастьицу,
Тутъ проклятая злодійка безталанница,
Впереди меня злодійка уродилася,
Впереди меня въ купѣли окрестилася.
Какъ жила я у желанныхъ родителей
Во своемъ да я прекрасномъ дѣвичествѣ,
Изнавѣшена была я цвѣтнымъ платьицомъ,
Изнасажена была я златымъ жемчугомъ:
Мои милыи, желанныи родители
Тутъ повыбрали судимую сторонушку,
Мнѣ по разуму блада сына отецъскаго;
Отпущали на судиму какъ сторонушку,
Отдавали за блада сына отецъскаго
Знать, не участью таланомъ награждали,
Знать, великіимъ безсчастьемъ надѣляли;
Ужъ какое-то зло великое безсчастьицо
Впереди меня злодѣйно снаряжалося,
На судимую сторонушку справлялося,
Во большомъ углу безсчастьицо садилося,
Впереди да шло безсчастье ясныимъ соколомъ,
Позади оно—летѣло черныимъ ворономъ;
Впереди оно безсчастье не укатится,
Позади оно злодійно не останется;
Посторонь оно злодійно не отшатится;
Кругомъ—около безсчастье обстолпилося,
Всѣмъ беремечкомъ злодійно ухватилося,
За могучіи оно да мои плечушки.

При выносѣ покойника вдова сокла:

Не спѣшите-ткось, спорядныи сусѣдушки,
Вы нести мою надежную семеюшку,
Со этого хоромнаго строеньица.
Ты прощайся-ко, надежная головушка,

Съ этымъ добрымъ хоромнымъ строеньицомъ,
Со малыма сердечныма дѣтушкамъ;
Ты со этой-то деревней садовитою,
Ты со волостью этой красовитою,
Ты со этыма спорядныма сусѣдушкамъ *).
Вы простите, спорядовы вси сусѣдушки,
Мою милую, надежную семеюшку,
Вы любимую законную сдержавушку
Во всѣхъ тяжкіихъ его да прегрѣшеньицахъ
Со свѣтнымъ его да все живленьицомъ **).
Вы не спомните, спорядныи сусѣдушки,
Ужъ вы зломъ его не спомните-тко лихостью.

За тѣмъ, обратившись ко вдовѣ сосѣдкѣ, если она бываетъ при этомъ, продолжаетъ:

Я гляжу смотрю, печальная головушка,
На тебя смотрю, спорядную сусѣдушку,
На тебя да я вдову благочесливую;
Отдали ходишь, сусѣдушка, туляешься ***)
Со мной на́ рѣчи, побѣднушка, не ставишься,
На сговоръ со мной, печальна, не сдаваешься.
Видно, въ живности надежная головушка,
Ты въ прохладноей живешь, да видно, жирушкѣ.

---

*) У Рыбн.: Унесите ка, сосѣди спорядобные,
На это на кладбище на умершее!
Ты, прощайкося, законная семеюшка,
Со своей теперь съ домовою со жирушкой,
Со довольной съ золотой казной безсчетноей,
И съ своимъ да родомъ-племенемъ сердечныимъ,
Со мной да со кручинною головушкой! (III, 416, 80—86).

**) Житьемъ живленьицемъ

***) Хоронишься.

А если есть дѣти,—прибавляетъ:

Знать, не ростишь ты сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ,
Видно, нѣтъ въ сердчѣ великой кручинушки,
Нѣтъ обидушки въ ретливомъ, знать, сердечушкѣ!
Не попустишь ты, сусѣдушка, зычен голосъ,
Не умильнаго, складного причитаньица,
Знать, боишься ты великова безсчастьица,
Ужъ какого с злодѣйна безталаньица.
Знаю—вѣдаю, кручинная головушка,
Про твое да горегорькое живленьице:
Вѣдь ты ростишь-то сиротныхъ также дѣтушекъ,
Во маѣтной, во бобыльской ростишь жирушкѣ;
Не одны родители хотя насъ отродили,
Однымъ участью, талономъ надѣлили;
Да ты слушай же, безсчастная сусѣдушка,
Хоть головушка твоя да безначальная,
Сердечушко твое да безпечальное;
Мы съ тобой, да свѣтъ спорядная сусѣдушка,
Во безсчастный день во пятницу засіяны,
Въ безталанный день во середу вспорожены;
Какъ во ту пору родитель спородила,
Когда кузнеци во кузнецахъ стояли,
Часовыи на часы да прибиралися,
Какъ булатъ—это желѣзо разжигали,
Какъ желѣзны эты обруци ковали
На наши на безсчастныя сердечушка,
На нашу на побѣдную утробушку.
Да ты слушай же, горюша безпріютная:
Кабы знала ты, спорядная сусѣдушка,
Про мою да про велику бы не згодушку,
Про эту бы неносную обидушку!
Какъ сегодняшнемъ Господнимъ Божьимъ дѣнечкомъ

Безъ воды да рѣзвы ножки подмываетъ,
Безъ огня мое сердечко разгоряется,
Умъ за разумъ у безсчастной забѣгаетъ;
Буйна го́лова безъ вѣтрышка шатается *).

Если станутъ унимать, вдова вопитъ:

Дайте волюшку спорядныи сусѣдушки:
Не жалѣйте-тко печальноей горюшицы,
Не могу терпѣть побѣдная головушка,
Какъ долитъ тоска великая тоскичюшка:
Со кручинушки смерётушка не придетъ,
Со кручинушки душа съ грудей не выдетъ.
Мое личушко вѣдь есть да не бумажное.
День ко вечеру теперь да коротается,
Лѣса къ зени-то **) теперь да преклоняются,
Красно солнышко ко западу двигается,
Въ путь дороженьку надежа снаряжается.
Сирота бѣдна вдова да оставляется—
Со безсчатною со станицей дѣтиною.
Подойдите-тко сиротны малы дѣтушки
Вы ко этоей колодѣ бѣлодубовой,
Вы ко спацьливу ***) родителю ко батюшку.
Вы спросите про великое желаньицо,
Вамъ вѣдь въ комъ искать великаго желаньица
И ласковыхъ прелестныихъ словечюшекъ.
Уже такъ мнѣ-ка побѣдноей тошнешинько.
Путь-дорожинька теперь да коротается,
Вси отцы попы духовныи сбираются,

---

*) У Рыбн.: По часту да умъ въ головушкѣ мѣшается,
Безовременно свѣтъ съ очей т е ряется.

**) Къ землѣ.

***) Ласковому, обходительному.

Оны Божіи то церквы отпираютъ,
Оны Божіи-то книги отмыкаютъ *);
Воску ярова свѣщи да затопляются,
Херувимскіи стихи тутъ запѣваются.

Сосьдка отвопливаетъ:

Ты послушай же спорядная сусѣдушка,
Што вѣдь я скажу кручинная головушка:
Тебѣ времячко сусѣдушка выспрашивать
Про мое да про побѣдное живленьицо;
Мнѣ и въ вёшной день кручинушки не высказать,
Мнѣ въ осеннюю недѣлюшку не выпомнить
Этой злой, да все вдовиноей обидушки;
Мнѣ на вёшной ледъ досадушки не выписать,
Хитро-мудрымъ писарямъ да имъ не вычитать;
Какъ другой живу учетной, долгой годышокъ,
Какъ я рощу-то сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ,
Накопилося кручинушки въ головушку,
Все несносныя тоскичюшки въ сердечюшко;
У мня три поля кручинушки насіяно,
Три озерышка горючихъ слезъ наронено;
Во побѣдноемъ, сиротскоемъ живленьицѣ,
Во бобыльной, во сиротской живу жирушкѣ;
За бобыльскімъ столомъ да хлѣба кушаю;
Я не знаю же побѣдная головушка
Кое-день, кое-темная е ноченька,
Кое свѣтлое Христово воскресеньицо;

---

*) У Рыбн.: Какъ наши служители церковніе
За моей видно законноей семеюшкой:
Оны въ черныя во ризы надѣвалися,
На рукахъ да Божьи книги начиталися,
Велѣлъ взять мою законную семеюшку. (III, 416, 75—79).

Мы съ тобой, моя спорядная сусѣдушка,
Передъ Господомъ Бладыкой согрѣшили, знать;
Видно тяжкаго грѣха да залучили,
Мы въ воскресной день во церковь не ходили,
Мы молебеновъ горюши не служили—
Какъ Пречистой, Пресвятой да Богородицѣ,
Мы не ставили свѣщи да все рублевыя,
Мы не клали пелены да все шелковыя,
Отъ желаньица мы Богу не молилися,
Отъ усердія Бладыку не просили мы
Про своихъ да про законныихъ сдержавушекъ,
Штобы Господи далъ добраго здоровьица,
Онъ наставилъ бы имъ долгова бы вѣкушку;
Знать за наше за велико прегрѣшеньицо,
Далъ имъ Господи тяжело неможеньицо,
Прислалъ Господи Самъ скорую смерётушку.
Укоротилъ Господь долгой-то имъ вѣкушко;
Обсиротилъ насъ побѣдныихъ головушекъ,
Безъ своихъ жить безъ законныихъ сдержавушекъ;
Да какъ ростить-то сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ,
Надо по́скаки держать да горносталевы,
Поворотушки держать да сѣра заюшка,
Надо по́летъ-то держать да соловьиной;
Набъ на лавочкѣ горюшамъ не посѣживать,
Набъ за прялочкой саженки недотягивать,
Удубовой надо грядки не постаивать:
Ужъ какъ ростить-то сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ
Рѣзвы ноженьки у насъ да все притопчутся,
Бѣлы рученьки у насъ да примахаются,
Сила мо́гуча во плечюшкахъ придержится;
Безъ морозушку сердечко прирострескаетъ;
Какъ живуци безъ законноей сдержавушки,
Принакопится злодійской тутъ кручинушки:

Не высказывай во добрыи во людушки,—
Ты повыбери слободну, пору—времячко,
Ты выдь-ко тамъ ко быстроей ко риченькѣ,
Сядь, побѣднушка, на кру́той этотъ бережокъ,
Прибери да неподвижной синей камешокъ;
Тутъ повыскажи обидную обидушку,
Рути *) слезушки, горюша, въ быстру рѣку;
Камышокъ отъ рички не откатится,
Въ добры люди кручина не роскажется,
Не узнаютъ того добрыи-то людушки".

За тѣмъ обратившись къ покойнику, сосьдка—вдова продолжаетъ:

Мнѣ-ка сѣсть было печальноей головушкѣ
Мнѣ ко этому спорядному сусѣдушку;
Да ты слушай спорядовой мой сусѣдушко,
Да какъ сойдешь ты на иное живленьице
На второе, на Христово какъ пришествіе,
Не увидишь ли надежноей головушки?
Ты поро́скажи, спорядной мой сусѣдушко,
Про мое да про несчастное живленьицо,
Про мое да сиротъ малыхъ возрастаньицо;
Какъ во эвтыхъ два учетныхъ долгихъ годышка
Прискудалась вся сиротна моя жирушка,
Разрѣшетилось хоромное строеньицо,
На слезахъ стоятъ стекольчаты околенки,
Скрозь хоромишки воронишки летаютъ,
Скрозь тынишка воробьишечки падаютъ;
Большака пѣту по дому—настоятеля,
Ко крестьянской нашей жирушкѣ правителя;
Задернили вси распашистыя полосушки,

*) Лей.

Лѣсомъ за́росли луговы наши поженки.
Ты пораскажи спорядной мой сусѣдушко
Скажи низкое—поклонно челобитьицо
Отъ меня скажи печальной отъ головушки,
Отъ сиротнаго отъ малаго отъ дитятка.
Глупо сдѣлала кручинная головушка.
Не писала скорописчатой я грамотки.
Я не клала-то по праву тіѣ рученьку,
Ты бы снесъ ю на второе на пришествіе;
Може, вольняя была бы тебѣ волюшка
Отъ эвтово Бладыки отъ Небеснаго,
Може, съ ду—другомъ сусѣдушки свидались бы,
Вы на стрѣтушку бы шли да вѣдь срѣталися,
Ты бы отдалъ скорописчатую грамотку;
На словахъ скажи-жъ спорядной мой сусѣдушко
Ты про мо́е про безсчастное живленьицо,
Про бобыльную, сиротску мою жирушку;
У меня да сироты—нонь безпріютной
Золотой казны на грѣхъ да не случилося;
Какъ по моему вдовиному несчастьицу
Были лавочки теперечко не отперты,
Нонь купцовъ да все во лавкахъ не сгодилося,
Листъ—бумаженьки въ продажѣ не явилося,
Писаревъ да подомамъ-то не случилося;
Все по моему несчастному живленьицу
Какъ у этыхъ писаревъ да хитромудрыихъ
Отчего у ихъ чернильнички скатилися,
Какъ чернила по столу да проливалися.
Лебединыя пера да притупилися;
Какъ безсчетная была бы золота казна
Писаря-то бы меня да не боялися
Написали бъ скорописчатую грамотку;
Не утай, скажи, спорядной мой сусѣдушко

Моей милоей законноей сдержавушкѣ:
Какъ посли своей надежноей головушки
Я по земскимъ избамъ да находилася,
У судебныхъ-то мѣстъ да настоялася,
Безъ креста-то вѣдь я Богу намолилася,
Безъ Исусовой молитовки накланялась,
Всѣмъ судьямъ, властямъ вѣдь я да накорилася.

Посль отпьванья—овдовѣвшая вопитъ:

Што стою, бѣдна горюшица, задумалась,
Чужихъ басенокъ побѣднушка ослухалась;
Дивовать да вѣдь будутъ мнѣ-ка людушки,
Знать, на радости стою да на весельицѣ,
Сняряжаю я законную сдержавушку
Какъ во жирную, бурлацку во работушку:
Не въ бурлакушки спущаю того вольныи
Не по эту золоту казну довольную;
Я гляжу—смотрю печальная головушка
Передъ Спасомъ-то свѣщи да догоряются,
Херувимскіи стихи да допѣваются,
Божіи книги теперь да запираются:
„Спасетъ Богъ да васъ отцы попы духовныи,
„Спаси Господи служителей церковныихъ,
„Што послушали побѣдную головушку
„Потрудились—шли во церковь во священную,
„Што вы душеньку его да отпѣвали,
„Тѣлеса-то вы его да погребали.
Накрываютъ эту бѣдную головушку
Уже этоей доской да бѣлодубовой,
Опускаютъ-то во матушку сыру землю,
Во пореба его да во глубокіи.
Ой, тошнымъ да мнѣ побѣднушкѣ тошнешенько!
Нонь я дольщица Никольской славной улицы

Половинщица Варварской славной Буявы *)
Нонь я дольщица великоей кручинушки,
Половинщица злодійной я обидушки;
Мнѣ куды съ горя горюшѣ подѣватися?
Разсадить-ли мнѣ обиду по темнымъ лѣсамъ?
Уже тутъ моей обидушкѣ не мѣстечко,
Какъ посохнутъ вси кудрявы деревиночки;
Мнѣ разсѣять-ли обиду по чистымъ полямъ?
Уже тутъ моей обидушкѣ не мѣстечко,
Задернятъ да вси роспашисты полосушки;
Мнѣ спустить-ли то обиду во быстру рѣку?
Загрузить-ли мнѣ обиду во озерышкѣ?
Уже тутъ моей обидушкѣ не мѣстечко,
Заболотѣетъ вода да въ быстрой риченькѣ,
Заволочится травой мало озерышко;
Мнѣ куды съ горя горюшѣ подѣватися,
Мнѣ куды бѣдной съ обидой украватися?
Во сыру землю горюшѣ набъ вкопатися **);
Сиротать будутъ сиротны малы дѣтушки:
Будутъ дѣтушки на улочкѣ дурливыи,

---

*) Кладбища

**) У Рыбн.: Мнѣ въ темномъ лѣсу ли заблудитися,
Али мнѣ упасть да въ кругло малое озерышко,
Аль утонуть въ малой быстрой рѣченькѣ,
Гдѣ раздѣять мнѣ великая кручинушка?
Буду нищей—калікой перехожоей,
Какъ во чистое во полюшко раздѣять великая кручинушка,
Такъ съ моей съ великой со кручинушки
Выростать да будутъ лѣсушки дремучія,—
Уже тутъ моей кручинушкѣ не мѣстечко:
Воспрещать будутъ сосѣди спорядобные,
Что заростать будутъ поля да хлѣбородныя.
Какъ раздѣять мнѣ великая кручинушка
Какъ во славно во широко во озерушко,
Будутъ худущки въ озерѣ не сходучіи,

Во избы-то сироты да хлопотливыи,
За столомъ-то будутъ дѣтушки ѣдучіи;
Станутъ по избы вѣдь дядюшки похаживать
И не весело на дѣтушекъ поглядывать,
Оны грубо-то на ихъ да поговаривать:
„ Охъ ужъ вольныи вы дѣти самовольныи“
Станутъ дѣтушекъ побѣднушекъ подергивать,
Въ буйну голову сиротъ да поколачивать *);
Уменя жъ тутъ у бѣдной у головушки,
У мня совьется тоска неугасимая;
Я взмолюсь да тутъ ко матушкѣ сырой землѣ:
Ты прими да меня матушка сыра земля,
Схорони меня съ сиротнымъ малымъ дѣтушкамъ.

Когда умершаго зароютъ, вдова припадаетъ къ землѣ и вопитъ:

Пріукрылся нонь надежная головушка,
Во матушку вѣдь онъ да во сыру замлю,
Въ погреба вѣдь онъ да во глубокіи!

А камешки на лугахъ не двигучіи.
И тутъ моей кручинушкѣ не мѣстечко:
На помѣшкѣ будетъ рыболовушкамъ.
Хоть задѣять въ Свирь-рѣку сварѣную,
Застоятся тутъ пороги шумячіи,—
Тутъ моей кручинушкѣ не мѣстечко:
Застоится на рѣкахъ да ключева вода.
Я сберу-пойду сердечныхъ своихъ дѣтушекъ,
Не разступит я ли вѣдь матушка сыра земля?
Какъ бы матушка сыра земля разступилася,
Я съ дѣтушкама сейчасъ схоронилася (111, 30—54).

*) У Шейна: Пошатаются мои милыя пташечки по чужимъ людямъ,
Понаскучаютъ мои малыя пташечки,
Всѣмъ честнымъ людямъ,
Понавидятъ они много горя великаго!
Къ кому жь они приклонятъ свою буйную головушку?
Не будетъ имъ теперь ласковаго словечушка
Безъ своего роднаго батюшки. (XII 11,, 5—11).

Призарыли тамъ надежу съ горъ желтымъ пескомъ,
Накатили тутъ катучи, бѣлы камешки!
Прозабыла я кручинная головушка—
Доспроситься у надежной у державушки:
Когда ждать въ гости любимое гостибищо?
Во полночь ли ждать по свѣтлому по мисяцу,
Али въ полдень ждать по красному по солнышку?
Аль по утрышку да ждать тебя ранешенько,
Аль по вечеру да ждать тебя поздешенько?
Не утай, скажи, надежна мнѣ головушка;
Ухожу своихъ сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ,
Я на эту на спокойну, малу ноченьку;
Съ горя сяду подъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
Со обиды — подъ туманное околенко,
Сожидать буду надежну тя головушку;
Покажись—приди надежная головушка,
Хоть съ подъ кустышка приди да сѣрымъ заюшкомъ,
Изъ подъ камышка явись да горносталюшкомъ *);
Не убоюсь бѣдна кручинная головушка,
Тебя стричу на крылечикѣ переноемъ,
Отворю да я новы сѣни рѣшотчаты,
Запущу да въ домъ крестьянску тобя жирушку;
Ты по старому приди да подосюльному—
Большакомъ ты въ домъ приди да настоятелемъ:
Видно, нѣтъ того на свѣтѣ да не водится,
Што вѣдь мертвыи съ погоста не воротятся,
По своимъ домамъ оны да не расходятся,

---

*) У Шейна: Не забывай меня, сиротинушку, съ своими бѣлыми лебедушками
Что летай-ка ты къ намъ яснымъ соколомъ,
Что садись-ка ты передъ моимъ окошечкомъ,
А я буду узнавать тебя, сиротинушка,
Что не мой ли это милый батюшка. (XII, 10, 23—27).

Едина стоитъ могилушка умершая!
У меня да у печальной бы головушки
Кабы было золотой казны по надобью;
Я бы наняла вѣдь плотничковъ, работничковъ,
Я бы сдѣлала кивоты бѣло-дубовы,
Я на эту на могилушку умершую,
Штобы бѣлыимъ снѣжкомъ не заносило бы,
Частымъ дождичкомъ могилы не залило бы,
Мурава трава на ней тутъ выростала бы,
Всяки—разныи цвѣточки разцвѣтали бы;
Я бы по часту туда стала учащивать,
Я бы по долгу вѣдь тамъ стала усѣживать;
У меня да какъ печальной бы головушки
Въ полномъ возрастѣ сердечны были дѣтушки;
Оны бъ ставили кресты животворящіи
На этой бы могилушкѣ умершеей,
На родителя кормилица свѣта батюшка.

Возвратившись съ погоста, вдова останавливается у крыльца своего дома и рыдаетъ, причитая:

Я пріѣхала печальная головушка
Я отъ этой церкви Божьей посвященной,
Я со этой могилушки умершей;
Тамъ оставила любимую семеюшку,
Я во матушкѣ оставила сырой землѣ,
Нонь гляжу-смотрю печальна горепашица,
Я на это на хоромное строеньицо,
По вону стоитъ палата грановитая,
По нутру стоитъ тюрьма заключевная,
На слезахъ стоятъ стекольчаты околенки,
При обидушкѣ косѣвцяты окошечка,
Отшатилося крылечко переное,
Отъ этого хоромнаго строеньица,

Разрѣшетились новы сѣни рѣшотчаты;
Мнѣ нельзя пройти кручинной головушкѣ
Во это хоромное строеньицо;
По взыщу-пойду любимую семеюшку
Я по этому хоромному строеньицу,
На этомъ ли сараѣ колесистомъ,
Во этомъ ли дворѣ я хоботистоемъ:
Не залагатъ ли онъ ступистой лошадушки,
Не поѣзжатъ ли во темны лѣса дремучіи;
Не могу найти печальная головушка.
Вы сжалуйтесь-ко спорядныи сусѣдушки,
Засмотрите-тко печальную головушку,
Не покиньте сироту вы горегорькую
Со сердечныма, малыма дѣтушкамъ:
Сирота вѣдь я горюша безпріютная;
Нонь позябну я холодной, студеной зимой,
Нонь помучусь я голодной смерётушкой;
Нигдѣ нѣту-то талой талиночки,
Ни въ комъ нѣту мнѣ великаго желаньица:
Какъ-то жить буде печальной мнѣ головушкѣ?

(Если молода).

Не порой да моя молодость проватится,
Голова моя не во́ время состарится;
Надо жить бѣдной горюшицѣ умію́ци,
По уличкѣ ходить надо тихошенько,
Буйну го́лову носить надо низешенько,
Набъ сердечушко держать мнѣ-ка покорное
Ко тыимъ сусѣдамъ спорядовыимъ,
Не обидили бъ сиротной, молодой вдовы.

Сусѣдка къ молодой вдовѣ:

Не неси гнѣву, кручинная сусѣдушко,
На меня ты на приближну свою по́дружку,

Што придамъ тіѣ духовна ума разума,
Въ безталанную твою да я головушку;
Ты послушай, хотя жъ причеть не хорошая,
Ты воспомни, хоть наказы не любимыи:
Какъ посли своей любимой семеюшки,
Затюремничкой вѣдь ты да не наси́дишься,
Прозабудешь всю великую кручинушку,
Пооставишь всю злодійную обидушку,
Не носи да свое цвѣтное ты платьицо,
Не держи да ты любимой покрутушки,
Ты не крась да свое бѣло это личушко,
Будутъ зариться *) вѣдь многи столько людушки,
Приласкаться-то удалы станутъ мо́лодцы,
Будутъ ласково тебя да уговаривать:
„Што возро́стимъ мы сердечныхъ твоихъ дѣтушекъ;
Воспитать тебя мы будемъ мать безмужнюю“;
Не окинься, бѣдна вдовушко моло́дая,
Ты на этыхъ на удалыхъ, добрыхъ молодцевъ,
На баску—ихъ молодецкую походочку,
На ихъ цвѣтно—ты гулярное на платьицо,
Не окинься на красу—басу съ убожествомъ,
Не на желтыи, завивныи кудерышки,
На учливу, чваковиту **) поговорюшку,
Не прикинься къ ихнымъ ласковымъ словечушкамъ,
Живутъ ласковы словечушки обманчивы
И прелестной разговоръ ихъ да надсмѣчливой;
Съ уму съ разуму оны тебя повыведутъ,
Ты терпѣть будешь печальна худу славушку;
Не честь-хвала тебѣ буде вдовиная
Красоту смѣнять, побѣдна, на безсчестьицо,

---

*) Засматриваться, жадно глядѣть на кого.
**) Нѣжну.

Свой-тотъ разумъ—на великое безумьицо;
Туть не хлѣбушки тебѣ да не надіюшка,
Твоимъ дѣтушкамъ вѣдь тутъ не приберегушка.
Еще слухай-ко кручинная головушка:
Какъ пройдетъ худа слава не хорошая,
Тутъ отрёкнется порода именитая,
Не потужатъ по побѣдной твоей бѣдности;
Говорить да станутъ сродчи—милы сроднички,
„Эка, вольная вдова да самовольная,
За шальствомъ пошла она да за безумьицомъ,
Много суровьства стало—больше удали;
Безъ своей да безъ надежной головушки
Стала хорошо ходить да одѣватися,
Стала до бѣла она да намыватися;
Ужъ какъ рѣчь стала у ей не постатейная *),
Разговорушки у ей да нехорошіи".
Ты послушай-ко кручинная головушка,
Хоть хорошо да скажутъ люди—не дарить ихъ стать,
Буде грубо тебѣ скажутъ—не бранить ихъ стать;
Все за благо ты горюша принимать будешь,
Небылицу ты горюша да напрасницу:
Какъ о свѣтломъ Христовѣ воскресеньицѣ,
О Бладычномъ-ли Господнемъ Божьемъ праздничкѣ,
Хоть пойдешь ты во церковь посвященную,
Пуслословье про тебя какъ рѣка бѣжитъ,
Напрасничка вѣдь е, какъ порогъ шумитъ;
Говорятъ да баютъ люди по тихошеньку,
Што не Господу пошла Богу молитися,
За гульбой пошла она да за гуляньицемъ,
По подруженькамъ пошла да не хорошіимъ;

---

*) Неприличная.

Во глаза да недоростки посрѣкаются,
Што гулять да отъ сердечныхъ ходить дѣтушекъ.
Ты послушай-ко кручинная головушка,
Ты оставь да свои прежнія гуляньица,
Забывай да свое прежне доброумьицо,
Не смѣши да многихъ добрыхъ столько людушекъ,
Не безчести свое родъ—племя любимое,
Худой славы на тебя бы не наздынули,
Въ чистомъ полѣ бы ворóны не награялись;
Ими *) совѣсть ты во бѣломъ своемъ личушкѣ,
Стыдъ безчестьице во ясныхъ держи очюшкахъ;
Весела ходи горюшица—не смѣйся-тко
При тоскичушкѣ—ты будь, слезно не плачь бѣдна.
Еще слухай-ко кручинная головушка,
Будешь жить да безъ надежной какъ семеюшки
Во сколотной **), во маетной этой жирушкѣ,
Не клони да въ сонъ ты буйноей головушки,
Ты по утрышку ставай, не засыпайся-тко,
Не велико хоть крестьянство—управлять надо;
Ходи къ добрымъ ты людямъ на бесѣдушку,
Посовѣтуй о крестьянской о работушкѣ;
Тутъ крушить будетъ ретливое сердечушко;
Хоть ты выйдешь ко спорядным сусѣдушкамъ,
Не роздій да ты великой кручинушки,
Спамятуешь меня бѣдную—побѣдную,
Ты воспомнишь мою причеть не хорошую,
Тебѣ слюбятся наказы—не любимыи.

*) Имѣй.
**) Суэтливой.

На другой день, приближаясь къ погосту, вдова вопитъ.

Слава Богу,—теперь—да слава Господу!
Путь дороженька теперь скороталася,
Другъ-могилушка въ глаза да показалася:
Постою, бѣдна горюша, нонь подумаю,
Умомъ разумомъ, горюша, посмѣкаюся;
Пришло три пути широкихъ—три дороженьки:
Ужъ какъ первый путь-широкая дороженька
Во улички она да во рядовыя,
Во лавочки она да во торговыя,
Какъ другая путь-широкая дороженька —
Во церковь эту Божью посвященную;
И какъ третья путь-широкая дороженька
На эту на могилушку умершую —
Ко моей она надежной головушкѣ.
Мнѣ во улички ль пройти да во рядовыя,
Аль во лавочки пройти мнѣ во торговыя?
Я вдова теперь е да молодешенька,
Умъ-тотъ разумъ во головушкѣ глупешенекъ:
Какъ во лавочкахъ купцы стоятъ моло́дыи,
На словахъ они, купцы, да вѣдь ученыи.
На лицо они вѣдь е да всѣ ласко́выи;
Какъ на двухъ они словахъ да пріоббаютъ,
На учливыихъ рѣчахъ да приласкаютъ;
На сговоры тутъ горюша пріокинуся,
На молодыихъ купцовъ какъ пріобзарюся,
Позабуду тутъ любимое гостибищо;
Подивуютъ мнѣ-ка добрыи молодушки:
„Позабыла нонь сердечную головушку,
„Видно, нѣтъ въ сердчѣ великой кручинушки“;
Я пройду лучше во церковь посвященную,
Я поставлю тамъ свѣщу да все рублвеую;

Попрошу да тамъ поповъ-отцовъ духовныхъ:
Сослужили бы обидню полуденную;
За обидинкой молебенокъ пропѣли бы,
Они Господу-то Богу помолились бы.
Возвращусь да съ Божьей церкви посвященныя
Я на эту на могилушку умершую;
Край пути нашла горюша перепутьицо,
Край дороженьки любимое гостибищо;
Нонь раздумалась печальная головушка:
Я вночесь да спала темной этой ноченькой,
Прилѣтали перелётны малы птиченьки,
Малы птиченьки летѣли-то незнамыя,
Прилеталъ да этотъ мелкой соловеюшко,
Друга́ птиченька орелъ да говорючей;
Соловеюшко садился подъ окошечко,
Какъ орелъ да эта птича на окошечко;
Соловей сталъ потихошеньку посвистывать,
Какъ орелъ да жалобненько выговаривать;
Они тоненькимъ носочкомъ колотили,
Человицьимъ они гласомъ прогласили,
„Отъ крѣпка сна меня тутъ разбудили
И въ потай мнѣ-ка побѣдной говорили:
„Ай же, стань-ко ты вдова да пробудися,
„Отъ крѣпка сна безсчастна прохватися;
„Ты спахнись *) да за надежную головушку,
„Ты справляйся во любимое гостибище;
„На сегодняшній, Господень Божій де́ньчекъ —
„Тебя ждетъ въ гости любимое гостибище
„Твоя милая надежная головушка;
„Тамъ построено хоромное строеньицо —

*) Спохватись.

„Прорублены рѣшотчаты окошечка,
„Врѣзаны стекольчаты околенка,
„Складены кирпичны теплы печеньки,
„Насланы полы да тамъ дубовыи,
„Перекладинки положены кленовыя,
„Што бы шла да ты горюша не качалася,
„Што бъ дубовая мостинка *) не сгибалася;
„Поразставлены тамъ столики точеныи
„Поразосланы тамъ скатерти все браныя,
„И положены тамъ кушанья сахарныя,
„И поставлены тамъ питьица медвяныя,
„Кругъ стола да вѣдь все стульицо кленовое,
„У хоромъ стоитъ крылечко съ переходами;
„Сожидатъ тебя надежная головушка.
Отъ крѣпка сна горюша пробудилася,
Я за мелкихъ этыхъ птиченекъ хватилася,
Я вдовинымъ своимъ разумомъ сдивилась:
Што за чюдушко-то мнѣ да причюдилося?
Што за дивушко-то мнѣ-ко предъявилося?
Мнѣ во сняхъ ли то горюшѣ показалося?
На яву ли то горюшѣ объявилося?
Тутъ скоренько я съ кроваточки ставала,
Тутъ со радости слезами обливалась,
Со досадушки кручиной вытиралась.
Тутъ издула огонечки муравейныи,
Затопляла я кирпичну свою печеньку,
Скоро стряпала стряпню я суетливую,
Скоро ладила обѣды полуденныи,
Я справлялась во любимое гостибище;
Шла путемъ да какъ широкой дороженькой,

*) Мостинка половица въ сѣняхъ.

Всѣ колоденки въ обиды припинала,
Со кручины башмачонки притоптала;
Приходила тутъ къ могилушкѣ умершей.
Обманулъ на меня малой соловеюшко,
Облукавилъ вѣдь орелъ да говорючей;
Не поставлено хоромное строеньице,
Единъ крестъ стоитъ вѣдь тутъ животворящій,
Едины лежатъ катучи сини камешки.
Мнѣ-ка систь бѣдной горюшѣ, пригорюниться,
Мнѣ припасть да ко могилы, приголубиться,
Воскликать-да мнѣ надежу—недокликаться.
Я просить буду побѣдная головушка,
Я Пречисту, Пресвятую Богородицу,
Я этаго Владыку свѣта истиннаго,
Штобы буйны далъ Онъ вѣтры, неспособныи:
Війте буйны, війте вѣтры, столько вѣтрушки,
Со Божіихъ церквей вы главъ да не роните-тко;
Со домовъ да жолобовъ вы не снимайте-тко.
На синемъ морѣ волны да не давате-ткось,
Кораблей большихъ вѣдь вы не разбивайте-ткось,
Вы удалыихъ головъ не потопляйте-тко;
Столько війте-тко вы буйны вѣтероченьки
На эту на могилу на умершую!
Роскатите-тко катучи бѣлы камешки,
Разнесите-тко съ могилушки желты пески,
Мать сыра земля теперь да разступилась бы,
Показалась бы колода бѣлодубова;
Распахнитесь тонки бѣлы саватиночки!
Покажитесь тѣлеса мнѣ-ка бездушныи!
Пришли Господи Ты Ангеловъ Архангеловъ!
Протрубили бы во трубы золоченыя,
Оны вздернули бы воздухи спасеныи!
Вложи Господи вѣдь душу во бѣлы груди,

Ему зрѣньицо во ясныи во очюшки!
Умъ-тотъ разумъ-отъ во буйную головушку,
Какъ рѣчистъ языкъ въ уста да во сахарніи,
Ему силушку во рѣзвыи во ноженьки,
Какъ могутушку въ могучи его плечюшки,
Какъ маханьицо-во бѣлы его ручюшки!
„Да ты стань востань надежная головушка,
„На свои да стань могучи рѣзвы ноженьки;
„Сотвори да ты Ісусову молитовку,
„Да ты крестъ клади надежа по ученому,
„Да ты здѣй со мной доброе здоровьицо,
„Воспрогóвори единое словечюшко;
„Ты спроси да у побѣдной у головушки
„Про мое да ты вдовиное живленьицо. *)
„Не дай Господи на семъ да на бѣломъ свѣтѣ
„Безъ тебя жить безъ надежноей головушкн
„Мнѣ со этыма со братьямъ богоданыма;
„Не по силушкамъ крестьянска мнѣ роботушка
„Все нетрудницей у нихъ я не роботницей.
Какъ сегоднишнимъ Господнимъ Божьимъ денечкомъ
Знать разгнѣвалась надежная головушка:
Я не пó часту къ тебѣ да вѣдь ухаживаю,
Я не пó долгу горюшица усѣживаю,

*) У Рыбн.: Разступись-ка, ты, матушка сыра земля,
И откройся, нова гробова доска,
И полетите съ неба, ангелы, архангелы,
И вложите-ва душу во бѣлы груди,
И рѣчи съ языка въ разумную головушку,
И бѣлый свѣтъ въ ясны очи.
Ужъ ты встань, моя законная семеюшка,—
Я у Господа у Бога упросила,—
Крестъ положи по писаному,
Поклонъ положи по ученому,
Сдѣй со мною доброе здоровьице! (III, 412, 64—71).

Видно, долго я къ тебѣ да собиралася?
Я у братьицовъ еще утрось подавалася,
У вѣтляныихъ *) нешутокъ **) домогалася;
Какъ гордливыя вѣтляныя нешутушки
Мнѣ-ка съ грубости горюшицѣ сказали,
Не съ веселья свѣты-братцы отвѣчали:
„ Не досугъ итти въ любимо во гостибище,
„ Постановится крестьянская роботушка“-
Я того бѣдна вдова да не пытаютца,
Я съ горючима слезами придвигалася,
Понизешеньку я братцамъ поклонялася,
Не надолго поры времечка давалася,
На единъ столько Господень Божій денечекъ;
Свѣты братьица мои да сжаловалися,
Оны ласково меня да приласкали;
Тутъ спустили во любимо во гостибище;
Хоть въ гостяхъ бѣдна горюша побывала,
Не убавила кручинушки — прибавила.
Какъ сегоднишнимъ Господнимъ Божьимъ денечкомъ
Какъ я шла да путемъ-широкой дороженькой;
Все я думала побѣднымъ, буйнымъ разумомъ,
Угощусь да у любимой у семеюшки,
Я подумаю-то крѣпкой съ нимъ вѣдь думушки,
Породію тутъ великую кручинушку;

У Шейна: Размакни, моя удалая головушка, свои бѣлы ручушки,
И прогляни ты своими очами ясными,
Распечатай ты свои уста сахарныя,
Промолви мнѣ, сиротинушкѣ, хоть единое словечушко,
Что обрадуй ты мое ретивое сердечушко,
Что обрадуй ты хоть на единый часъ,
На единый часъ, на одну минуточку! (XII, 10, 15—22).

*) Развязныхъ, разторопныхъ

**) Невѣстокъ—братниныхъ женъ

На глаза ко мнѣ мой свѣтъ да ты не явишься,
На сговоры мнѣ побѣдной не сдаваешься;
Видно, нѣтъ тебѣ тамъ вольной этой волюшки;
Знать за тридевять за крѣпкима замками,
Сторожа стоятъ вѣдь тамъ да все не старіютъ,
Какъ булатніи замки да все не ржавіютъ;
Видно вѣкъ мнѣ-ка горюшѣ не видать буде,
Видно на́ слыхѣ побѣдной не слыхать буде
Про свою да про надежную головушку.
Мнѣ пойти было кручинноей головушкѣ,
Мнѣ спросить еще побѣдноей горюшицѣ,
У своей-то у законной у сдержавушки:
„Гдѣ работушка побѣдной работать мнѣ-ка?
„Гдѣ вѣкъ-отъ горюшѣ коротать буде?
„У твоихъ ли мнѣ у братцовъ у родимыихъ,
„Али вытти на родиму взадъ на родину?
Пораздумаюсь побѣдная головушка:
Мнѣ не гостьицей на родинкѣ гостить буде;
Я отъ бережка горюша откачнулася;
Я ко дру́гому побѣдна не прика́чнулась.
Какъ посли тебя надежная головушка
Я не знаю-то побѣдна горепашица,
Кое день, кое темная е ноченька,
Кое Свѣтлое Христово Воскресеньицо,
Аль Бладычной е Господень Божій праздничекъ.

По приходѣ домой-около дверей-вопитъ:

Вы послушайте-тко братцы богоданыи!
Не заприте-тко новыхъ сѣней рѣшетчатыхъ,
Не задвиньте-тко стекольчатыхъ околенокъ,
Допустите до хоромнаго строеньица;
Вы возмите-тко побѣдную головушку,
Вы во дворъ меня горюшицу коровницей,

Вы во зимное гумно да въ замолотцики,
Вы во лѣтныи меня да во работники;
Золотой казны вы мнѣ да не платите-ко,
Только грубыимъ словечкомъ не грубите-тко,
Къ дубову столу меня да припустите-ко;
Не обидьте вы печальную головушку,
Не прошу да я побѣдна горепашица—
Со полосыньки у васъ да я долиночки
Не со поженки у васъ да я третиночки,
Половины со хоромнаго строеньица
И не па́ю *) со любимоей скотинушки:
Я о томъ прошу побѣдная головушка.
Вы обуйте столько рѣзвы мои ноженьки,
Вы одѣньте столько бѣлы мои плечушки,
Вы подобрите побѣдную головушку!

Обращаясь къ дѣтямъ продолжаетъ:

Стань-послушай мое стадушко дѣтиное
Кругомъ на-околъ желанной своей матушки!
Я въ гостяхъ была побѣдная головушка
Во гостибищѣ у вашего у батюшки;
Я челомъ била ему да низко кланялась,
Перепалась **) я побѣдна въ горючихъ слезахъ,
Зовуци да въ домъ—крестьянску его жирушку;
Отъ-тошна долитъ великая обидушка,
Порастрескалась безчастная утробушка:
Онъ не сдіялъ со мной добраго здоровьица,
Не спрого́ворилъ единаго словечюшка,
Не спахнулся за сердечныхъ своихъ дѣтушекъ.

---

*) Жеребей-часть.
**) Изнемогла.

Не надія-на родителя на батюшку!
Пріубрался свѣтъ—надежная головушка
Къ красну солнышку—на приберегушку,
Къ свѣтлу—мѣсяцу—на придрокушку!
Хоть обкладена могилушка сырой землей,
Заросла эта могила муравой травой;
Изъ живова мертвой станется,
Изъ мертва́ живой не збудется.
Ужъ вы подьте-тко кокоши горегорькія,
Я прижму васъ ко ретливому сердечюшку,
Пороздію тутъ великую кручинушку;
Далъ бы Господи талану вамъ бы участи,
Не покинули бъ сиротной вашей матушки
Все при древней при глубокой меня старости.
Буде жизнь да долговѣка моя про́длится,
Душа грѣшная моя да проволочится.
Еще слушай мое стадушко дѣтиное!
Да какъ шла я путемъ широкой дороженькой,
Все горючима слезамы уливалася,
Злой великоей кручиной утиралася,
Я на стрѣтушкѣ людей неузнавала;
Приходить стала къ крылечику переному,
На доспросъ взяли сусѣди спорядовыи,
Да ты гдѣ была вдова благочесливая?
Што томнымъ идешь сусѣдушка томнешенька?
Што заплаканы побѣдны твои очюшки?
У породушки была, знать, именитой?
Знать, за гостьицу тебя не почитали?
Знать, обидушки твоей да убоялись?
Унимать стали побѣдну уговаривать,
Мнѣ про васъ да милыхъ дѣтушекъ росказывать:
Какъ сегоднишнимъ Господнимъ Божіимъ денечкомъ
Прискучали вси сиротны твои дѣтушки,

Сожидающи родитель тебя матушку
Выходили на крылечико перёное,
Выбѣгали на прогульную на уличку,
Все глядѣли во раздолье—во чисто поле,
На широку путь дорожку колесистую;
Всѣ приплакались сердечны твои дѣтушки,
„Уже гдѣ-то есть родитель наша матушка,
Да куды она родитель подѣвалася.“
Безъ ума отвѣтъ держала
Тутъ спорядным я сусѣдушкамъ:
Спасетъ Богъ вамъ спорядовыя сусѣдушки,
Што спахнулись за сердечныхъ монхъ дѣтушекъ,
Сжаловались до обидноей головушки;
Я у синяго была славна Онегушка,
Я у пристаней была да корабельныихъ,
Я глядѣла все обидная головушка,
Я во лѣтную во теплую сторонушку;
Віютъ витрышки севодня полегошеньку,
Корабли идутъ по морю потихошеньку,
Пекё солнышко теперь да жалобнешенько;
Все я думала побѣднымъ своимъ разумомъ,
Какъ не ѣдетъ ли любимая семеюшка
Корабельщичкомъ на синемъ на Онегушкѣ
Онъ со этыимъ товаромъ заграничныимъ;
Уже тутъ у мня у бѣдной у головушки
Расходилася обида въ ретливомъ сердчѣ,
Разгорѣлася безсчастная утробушка;
Тутъ я грохнулась горюша о сыру землю,
Бывъ какъ дерево свалило отъ буйна́ вѣтра́.

Если дѣти находятся въ заработкахъ или въ военной службѣ и вообще, гдѣ бы то ни было, на чужой сторонѣ, то вдова, такъ причитаетъ на могилѣ своего мужа:

Я путемъ иду широкоей дороженькой.
Не ручей да бѣжитъ быстра эта риченька,
Это я бѣдна слезами обливаюся;
И не горькая осина разстонулася,
Это зла моя кручина расходилася.
Тутъ зайду да я горюшица побѣдная
По дорожкѣ на искатъ гору высокую
Край пути да на могилушку умершую;
Припаду да я ко матушкѣ сырой землѣ,
Я ко этой побѣдна къ муравой травѣ,
Воскликать стану горюша умильнешенько:
Ой, развѣйся буря—падара!
Разнеси ты пески жолтыи!
Разступись ко мать—сыра земля!
Расколись-ко гробова доска!
Размахнитесь бѣлы саваны!
Отворитесь оци ясныи!
Погляди—тко моя ладушка
На меня да на побѣдную!
Не березынька шатается,
Не кудрявая свивается,
Какъ шатается—свивается
Твоя да молода жена.
Я пришла горюша—горькая
На любовную могилушку
Разсказать свою кручинушку.
Ой, не дай же Боже—Господи
Жить обидной во сирочествѣ,
Въ горегорькоемъ вдовичествѣ!
Пріовіютъ тонки вѣтерки,

Обдождятъ да мелки дождички,
Осміютъ да всѣ крещеныи
Всѣ сусѣды порядовыи,
Всѣ сусѣдки, малы дѣтушки.
Ой, не дай-же, Боже—Господи
Какъ синя моря безъ камышка,
Какъ чиста-поля безъ кустышка,
Также жить бѣдной горюшицѣ
Безъ тебя да мила ладушка!
Какъ листочикъ въ непогодушку
Я шатаюсь на бѣломъ свѣтѣ.
Какъ зеленая травиночка,
Сохну—вяну я кажинной день.
По чужимъ дальнимъ сторонушкамъ
Разлетѣлись мои ластушки,
Всѣ разбросаны—разкиданы
Да мои безсчастны дѣтушки.
Хоть стоснется имъ—сгорюнится
На чужой дальней сторонушкѣ;
Не съ кѣмъ горя по раздіяти,
Не съ кѣмъ горя поубавити.
Нѣтъ не роду, нѣтъ ни племени
Не тебя, родитель—батюшка
Ни меня—желанной матушки.
Охти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Не въ моготу пришло горюшко,
Надломило мою силушку.
Ой вы люди, люди добрыи,
Вы возмите саблю вострую,
Вы разрѣжьте груди бѣлыя
Посмотрите на ретливое,
Какъ ретливое сердечюшко
Позаныло—позаржавѣло

У меня бѣдной горюшицы.
Живуци безъ своей ладушки.
Охъ-ти мнѣ да мнѣ тошнешенько.
Не въ моготу пришло горюшко,
Надломило мою силушку.

Наедитъ—когда стоскуется, рыдая, приговариваетъ:

Мнѣ пойти было кручинноей головушкѣ.
Мнѣ во эты мелко-рубленыя клѣточки,
Мнѣ-ка взять было ключи да золоченыи,
Отомкнуть было ларцы да основаныи,
Мнѣ-ка вынять тамъ желеточки шелковыя,
Мнѣ-ка взять да столько цвѣтно его платьицо
На свои мнѣ-ка на бѣлы—эты рученьки,
Приложить было ко блеклому ко личушку,
Мнѣ прижать было къ ретливому сердечушку;
Тутъ присѣсть было къ стекольчату окошечку,
Во рукахъ держать да цвѣтно его платьицо,
Поглядить да на восточную сторонушку,
Мнѣ ко этой Божьей церкви посвященной,
Поглядить да на путь-широку дороженьку,
Тутъ не йдетъ ли то надежная головушка.
Неодѣнется ль во цвѣтно онъ во платьицо,
Не пойдетъ ли ко Бладычному ко праздничку,
Не возрадуется ль ретливое сердечюшко
У меня да у побѣдной у головушки.
Ты приди теперь надежная головушка,
Единымъ теперь вѣдь я да единёшенька
На сегоднишній Господній Божій праздничекъ;
Я приму тебя за гостюшка любимаго,
Угощу тебя желанную семеюшку.
Не могу дождать кручинная головушка;

Кладу платьица на стопочки *) точеныя,
Кругомъ около горюшица похаживаю,
Я по цвѣтному по платьицу подрациваю **).
Снаряжусь—пойду кручинная головушка
Ко этому Бладычному ко праздничку,
Повзыскать пойду надежную семеюшку
Я во этыихъ толпахъ да молодецкихъ;
Прибирать стану постылая головушка
Я по бѣлому его да все по личушку,
Я по яснымъ его да вѣдь по очюшкамъ,
Я по желтымъ, по завивныимъ кудерышкамъ,
Я по возрасту—надежу—да по волосу,
По походочкѣ его да по щепливой ***).
По говорюшкѣ его да по уцьливой ****).
Не могу прибрать кручинная головушка
Не изо ста вѣдь я да не изъ тысящи
Сопротивъ своей любимоей семеюшки.
Какъ пойтить мнѣ ко Бладычному ко праздничку,
Подивуютъ мнѣ-ка добрыи вѣдь людушки,
Што забыла знать любимую семеюшку.
Все гулятъ да у Бладычныихъ у праздничковъ
Во любимой во спорядноей покрутушкѣ;
Знать, приманиватъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Знать, на радости она да на весельицѣ;
Нонько годушки пошли да все бѣдовыи,
Какъ безсовѣстной народъ пошелъ мудреной.
Пораздумаюсь побѣдная головушка,
Отложу да я горюша Божьи праздники;

---

*) Стопа—вѣшалка.
**) Рукой поглаживаю.
***) Щегольской.
****) Вѣжливый, учтивый.

Буду Господа Владыку вѣдь я знать.
Поминать стану любимую семеюшку;
Потоскую надъ косѣвчатымъ окошечкомъ.
Я поплачу на брусовой лучше лавочкѣ;
Знать, судьба моя—горюшици несчастная,
Горька участь-то моя, знать, безталанная;
Видно, жить мнѣ безъ надежной вѣкъ семеюшки.
Знать, коротать мнѣ горюшѣ свою молодость,
Мнѣ не дать спѣси во бладу во головушку,
Суровьства *) да во ретливое сердечушко;
Мнѣ въ веселый часъ горюшѣ—не смѣятися,
Мнѣ кручинной быть горюшицѣ—не плакать;
Свѣтовъ братцевъ не гнѣвить надо,
Богоданыихъ сестрицъ да не сердить надо.
Я безъ вѣтрышка горюша нынь шатаюся,
На работушкѣ, побѣдна, призамаюся;
Надо силушка держать да мнѣ звѣриная,
Потяги надо держать да лошадиныи;
Столько живуци безъ милоей семеюшки,
Я со этой со великой со кручинушки,
Я бы выстала на гору на высокую.
Со обиды пала въ водушку глубоку бы;
Лучше матушка земля да разступилась бы,
Туды я бѣдна горюша пріукрылась бы!
Тутъ не ржавѣло бъ ретливое сердечюшко,
Тутъ не ныла бы безчастная утробушка.
Получила я побѣдная головушка
Не любимое словечико—вдовиное:
Какъ несчастноей вдовой да называютъ,
Бывъ холодноей водой да поливаютъ.

---

*) Суровьство—рьяность, горячность.

Не радѣла бы побѣдная головушка
Я народу бы, горюша, некрещеному
Во побѣдномъ жить сиротскомъ во вдовичествѣ!
Какъ посли своей любимоей семеюшки
Уже шесть прошло учетныихъ недѣлюшекъ
Мнѣ-ка за шесть-то учетныхъ кажетъ—годиковъ.
Притрудилась на крестянской я работушкѣ
У мня силушка теперь да придержалася;
Съ горя рученьки мои да примахалися,
Во слезахъ да ясны оци примутилися.
Добры людушки того да надивились.
День и ночь хожу на трудной на работушкѣ
Не въ спокою тутъ ретливое сердечюшко.
Не во радостяхъ кручинная головушка.
Я во этой во великой во досадушкѣ;
Я приду да со крестянской какъ работушки.
Я по вечеру приду бѣдна поздёшенько;
Вся въ собраньицѣ любимая семеюшка—
Свѣтушки да тутъ всѣ братцы богоданыи
Со своима со любимыма семеюшкамъ.
Со сердечныма рожоныма со дѣтушкамъ;
Какъ во свѣтлую собрались оны свѣтлицу—
Во столовую во нову оны горенку;
Кругъ стола сидятъ оны да кругъ дубоваго.
Оны пьютъ сидятъ теперь да угощаются;
Ужъ какъ я бѣдна кручинная головушка
Опришенна *) отъ любимой отъ семеюшки.
Отряхнулась я отъ свѣтлой новой свѣтлицы,
Отрѣшилась самоваровъ я шумячіихъ;
Не за цяемъ-то вѣдь я да угощаюся—

*) Отрѣшенна.

Я горючима слезама обливаюся,
Я крестьянскоей работой забавляюся;
Закрѣплю свое ретливое сердечюшко.
Тутъ я ставлю имъ столы да все дубовыи,
Да я слажу имъ тутъ ужины вечерныя,
Потихошеньку къ дверямъ да подходить стану.
Я съ за тульица, съ за липинки поглядываю,
Изъ за дверей да разговорушки держу;
Сговорю да свѣтамъ братцамъ богоданыимъ:
Скоро-ль идете за столъ да хлѣба кушать?
Засвирипятся вѣтляны тутъ нешутушки
На меня да на кручинную головушку,—
Што торопишься за ужину вечернюю,
Знать, спѣшишься на спокойну, темну ноченьку;
Оны искоса вѣдь вси тутъ запоглядываютъ,
Со всей лихостью оны да разговоръ держатъ:
Не устали твои бѣлыя тамъ рученьки;
Не работушку сегодня роботала е,
За кудрявой деревиночкой стояла все,
На красное на солнышко поглядывала,
Скоро-ль солнышко ко западу двигается,
Скоро-ль красное за облако закатится,
Со работушки вдова да въ домъ пришатится.
Имъ не въ честь моя крестьянская работушка;
Потихошеньку горюшица похаживаю,
Все по этому хорошему строеньицу.
Вся усадится любима тутъ семеюшка
Какъ за столъ да хлѣба кушать;
Кругъ стола стану горюшица похаживать,
Приносить да стану ѣствушка сахарніи,
Словно бѣлочка на нешутушекъ поглядывать;
Одинъ умной да мой братецъ богоданой,
Онъ спрогóворитъ единое словечюшко:

Ты вдова наша невѣстушка родимая.
Што похаживашь сноха наша любимая,
Ты садись-ко вѣдь за столъ да хлѣба кушать,
Тоже дольщичка вѣдь ты да не подворница.
Ты участница участку деревенскому.
Ты вѣдь пайщица любимоей скотинушки,
Половинщица хоромному строеньицу,
Ты садись, бѣдна, за столъ да хлѣба кушать.
Тутъ возрадуюсь побѣдная головушка;
Благодарствую я братцу богоданому:
„Спасетъ Богъ да свѣтушка братца любимаго,
„На твоемъ да на великомъ на желаньицѣ,
„На прелестныхъ, на ласковыихъ словечюшкахъ.
Тутъ за столъ сяду горюшица смѣлёшенько
Я поѣмъ да тутъ обидна веселёшенько,
Устелю да тутъ пуховы имъ перинушки,
Уберу я со стола да со дубоваго;
Тутъ я сяду подъ косѣвчато окошечко;
Успокоится любима вся семеюшка;
Бывъ великая вода тутъ разливается.
Подъ окномъ сижу—слезами обливаюся.
Тутъ не сномъ да коротаю темну ноченьку.
Я побѣднымъ своимъ разумомъ смѣкаю все:
Какъ изутра буде по ранному заутрышку.
Разрядятъ ли на крестьянску хоть работушку.
Въ доброумьи ли вѣтляныя нешутушки,
Со спокойной станутъ темной оны ноченьки?
Ужъ я бѣдна кручинная головушка,
Бывъ упалой, *) какъ загнаной сѣрой заюшко,

*) Испугавшійся, упавшій духомъ.

По мостиночкѣ съ утра́ стану похаживать,
Я на свѣтушковъ—на братьицовъ поглядывать.
Стану спрашивать кручинная головушка:
„Мнѣ куда пойти на крестьянску на работушку?
„На луга ли мнѣ пойти ль да сѣнокосныя?
„На поля ли мнѣ пойти да хлѣбородныя?
Разрядятъ да свѣты-братцы богоданыи.
Какъ пойду бѣдна кручинная головушка
Я на трудну на крестьянскую работушку.
Проливаю тутъ я слезы на сыру землю:
Я правой ногой—горюци заступаю,
Штобъ не видѣли сусѣды спорядовыи.
Што заплаканы вѣдь ясны мои очюшки.
Што утерто мое бѣлое—это личушко:
Не́ сказали бы тутъ братцамъ богоданыимъ,
Не шепнули бы вѣтляныимъ нешутушкамъ,
Все остудушки въ семьѣ не заводили бы.
Оны въ грѣхъ бѣдну вдову да не вводили бы;
Въ стричю стритятся сусѣди спорядовыи,
Я поклонъ воздамъ обидна понизешеньку:
Говорю бѣдна горюша веселёшенько;
Не подамъ виду во добрыи во людушки.
Што иду бѣдна горюша при обидушкѣ:
Веселымъ иду горюша веселёшенька;
Не въ укоръ да буде братцамъ богоданыимъ
Отъ этыхъ отъ спорядныихъ сусѣдушокъ;
Я путемъ иду съ сусѣдмы взвеселяюся,
Свѣтовъ братьицовъ вѣдь я да одобряю.
Злыхъ нешутушокъ вѣдь я да восхваляю;
А што дѣется въ ретливоемъ сердечюшкѣ,
Кабы знали про то людушки да вѣдали:
Хоть иду бѣдна горюша веселёшенька,
Безъ огня мое сердечко разгоряется,

Безъ смолы моя утроба раскипляется
Безъ воды да рѣзвы ножки подмываетъ. **)

---

*) У Рыбн.: Потеряла я, бѣднушка,
Многоумную, разсудную,
Удалую головушку.
Какъ куды припокинулъ ты
Какъ пріоставилъ ты,
Многоумная головушка,
На вѣтренно свиваньице,
Аль на людское смѣяньице?
Уже мнѣ гдѣ искать желаньица:
Во твоихъ-ли сердечныхъ родителяхъ,
Аль въ братцахъ ясныхъ соколахъ?
Ужъ не надѣюсь я, бѣднушка,
Найти въ твоихъ братцахъ родимыхъ,
И въ родителѣ-батюшкѣ,
И въ добротушкѣ-матушкѣ.
Ужъ какъ буду искать, бѣднушка,
Во чужихъ многихъ добрыхъ людяхъ
И въ порядныихъ сосѣдовьяхъ:
Еще вложатъ ли желаньице
Въ моемъ роду да племени
Какъ желанный милый дядьица,
Аль двуродны милы братьица,
Али братцы-ясны соколы?
Въ моемъ-то роду племени
Велико вложатъ желаньице,
Да большее прививаньице
До меня бѣдной горюшицы.

II.

ПЛАЧЪ ДОЧЕРИ ПО ОТЦѢ.

Когда умершаго одънутъ, дочь заводитъ.

Ты скажи, родитель—батюшко,
Мнѣ извѣдай, красно солнышко,
Ужъ ты куды да снаряжаешься,
Ужъ ты куды да сокручаешься;
Во избу ли ты во земскую,
Аль къ обидни богомольной,
Аль ко утрени воскресной?
У тя платьица не здѣшніи,
И обуточка не прежняя;
Сама знаю, сама вѣдаю,
Што ты есь да снаряжаешься,
Какъ во эту во дороженьку
На родительску на буевку *)
Ко сердечнымъ ко родителямъ;
Оставляешь ты насъ бѣдныихъ,
Покидаешь насъ безчастныихъ.
Во эту какъ во порушку
Пришла смерть да безподсудная,
Голова да безрозсудная:
Какъ не видла взять смерётушка

*) Буевка—кладбище.

Вѣдь не нищого, не бѣдного
Человѣка волокидного;
Она взяла у насъ прибрала
Человѣка, што ни лучшаго,
Человѣка самолучшаго,
Большака въ домѣ начальника;
Попытала было бѣднушка —
Я сидѣть бѣдна горюшица
У больной трудной постелюшки,
Не пущать да я смерётушки;
Какъ злодійная смерётушка
Не беретъ у мня у бѣднушки
Не безчетной золотой казны,
Не покруты моей цвѣтной;
Какъ береть злодій смерётушка
Моего кормильца батюшка.
Ужъ скажи-тко красно солнышко,
Ты родитель да мой батюшка —
Мнѣ-ка въ комъ искать желаньица *)?

---

*) У Рыбн.: Ты на кого меня, родитель, поосгавилъ,
Ты на чье большо великов желаньице?
Будуть вѣтрышки насъ обвѣвати,
Добры людюшки вѣдь будутъ обижати.
Ты на чье насъ велико на желаньице,
Намъ вѣдь гдѣ искать великаго желаньица
Намъ въ твоемъ ли роду-племени сердечноемъ,
Аль во своемъ вѣдь во хоромноемъ строеньицѣ?
Хоть долго намъ плакать унывати,
А родителей въ глаза намъ не видати! (III, 416, 1—10)

У Шейна: Родимый ты, мой батюшка!
На что ты меня, горькую, оставилъ,
Горькою оставилъ, сиротой несчастною?
На кого ты покинулъ сиротъ несчастныихъ?
Подломились мои ноженьки,
Опустились мои рученьки,
Изсушилось мое сердечушко! (XII, 566, 9 1—7).

Какъ у мня бѣдной горюшицы
Подъ угломъ да нѣту тетушки,
Во сусѣдахъ нѣту дядюшки:
Мнѣ желаньица не выискать.
Какъ во нашемъ роду племени
Не цвѣты да разцвѣтаются —
Сироты да оставляются,
Сироты да малы дѣтушки;
Безъ родителей — сердечныихъ
Знать сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ;
Какъ сову да знать по перьицамъ.
Совиныхъ дѣтей по крыльицамъ;
Такъ сиротку знать по платьицямъ,
Знать по буйной по головушкѣ;
У сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ
Волосъ къ волосу не ладится
И головушка не гладится,
Какъ сиротны малы дѣтушки
Носятъ платьица обдержечки
И обуточку,—обтопточки *),
Ѣдятъ щеечки **) охлебочки
И кусочики объѣдочки;
Какъ сиротны малы дѣтушки
И на улушки игривые
И о праздничи гульливые,
За столомъ да большевытные ***)
Во избушки—хлопотливые.

---

*) Обтопточки—изношенная обувь.

**) Щеечки уменьш. отъ щи.

***) Ѣдучіе.

А когда понесутъ умершаю изъ дому въ церковь, дочь причитаетъ:

Не спущу я дочь обидная
Своего кормильца батюшка
Со высокой новой горенки:
Пусть-ко мой кормилецъ батюшко
Какъ во горенкѣ, на лавочкѣ;
Сама знаю, сама вѣдаю,
Тое вѣкъ въ свѣтѣ не водится,
Што изъ мертвыхъ живы родятся:
Теперь часъ часу минуется,
Часу время коротается,
Разставанье приближается
Со кормильцомъ свѣтомъ батюшкомъ.

За тѣмъ продолжаетъ отъ лица умершаю:

Вы простите-тко пожалуста
Всѣ сусѣди спорядовые,
Всѣ сусѣдки подъугольныя
Моего кормильца батюшка!
Можетъ, занято—не отдано,
Съ кѣмъ бранились—не простилися;
Вы прощайте-ко пожалуста
Всѣ поля да со насѣвами,
Всѣ луга да со покосами!

Когда поднесутъ къ буеву, дочь причитаетъ:

Какъ не радуйся-ко Господи,
Пресвятая Богородица —
Не свѣчу несу рублевую
Не пелену да я шелковую

Я несу вѣдь тѣло мертвое,
Да то личюшко вѣдь блеклое
Своего кормильца батюшка.

Заносятъ покойника въ церковь, и начинается чинъ погребенія, по окончаніи котораго причитаютъ:

Спасетъ Богъ да благодарствуемъ
Вамъ отцы—попы духовные
И служители церковные
На умильномъ отпѣваньицѣ,
На учтивомъ причитаньицѣ,
Што попѣли, потрудилися
Какъ читали, не лѣнилися
Вы отпѣли тѣло мертвое,
Это личюшко то блёклое.

Когда выносятъ на буеву:

Вы встрѣчайте-ко родители
Моего кормильця батюшка!
Укатилось красно солнышко
Какъ за лѣсушки за темные
Какъ за горы за высокія!
Не видать да столько бѣднушкѣ
Вѣкъ-то красного мнѣ солнышка;
Отпущала какъ обидная
Со высокой новой горенки,
Со полаты грановитыя,
Со усадьбы красовитыя,
Ужъ я тое умомъ думала—
Ужъ я стану искать бѣднушка

Какъ желаньица, во дядюшкѣ:
У желанного у дядюшки
Поверхъ платьица желаньице;
Какъ шинь *) „платьице“ прискинули,
Все желаньице откинули **);
Я ходила приминялася
Ночью къ свѣтлому я мисяцу,
Днемъ ко красному ко солнышку
Какъ умомъ-то я подумала:
Пекё мисяцъ—то свѣтлёшенько
Да не тонь есте теплёшенько,
Какъ отъ красного отъ солнышка;
Не тако есте желаньице,
Какъ у сердечныхъ у родителей:
Половинное желаньицо,
Съ половиночки—третиночка
Со трети—сема частиночка;
Какъ чужіе-то родители
Во глаза вѣдь прилещаются,
Позаочь-то надсмѣхаются.
Какъ сегоднѣшніимъ денечкомъ
Мой родной желанной дядюшка
Онъ будилъ меня побѣдную:
Ты вставай моя голубушка,
Свѣтъ любезна моя племничка,

---

*) Шинь—скоро.

**) У Шейна: Что, какъ я живу, сиротинушка, съ братцемъ соловеюшкомъ,
Что какъ я живу сиротинушка съ любимой невѣстушкой:
Обижаютъ они меня, сиротинушку,
Изпуряютъ они меня грубнымъ словечушкомъ,
Что не въ честь имъ моя скорая работушка,
Не придумаю я, сиротинушка,
Что куда преклонить мою буйную головушку. (XII, 8, 19—25).

Вѣдь сегоднешнего дéнечку
На родительской на бу́евкѣ,
У кормильця свѣта—батюшка,
Годовóй Владычной праздничекъ;
Дожидатъ меня, обидную,
Онъ во гости во бажоные,
Во гостибище любимое;
Я не знать да перепалася,
Я не знать да срадовалася,
Изъ окна въ окно кидалася,
На крылечушко бросалася,
Поскорёшенько справлялася
На родительску на бу́евку
Ко кормильцю свѣту батюшку;
Какъ въ великой во обидушкѣ
Очи ясны помутилися,
Ноги рѣзвы подломилися;
Ужъ я шла да умомъ думала,
Што сегоднешнего дéничку,
У кормильца свѣта батюшка,
Для годóваго для праздничка
Я сама въ гостяхъ повыгощу
И къ себѣ въ гости повызову.
Анъ *) по мóему не сталося:
Какъ сегоднешнего дéничку,
У кормильця свѣта батюшка,
Стала къ горенкѣ трога́тися,
Стала горенка терятися,
И окошка запиратися,
И ворота заложатися;

*) Между тѣмъ.

У кормильця свѣта—батюшка
Сторожа, видно, не ста́рѣютъ,
Знать, замочики не ржавѣютъ,
Видно, плотно поразгнѣвался
На меня, бѣдну горюшицу:
Не могу, дочи обидная,
Порозба́ять, порозго́ворить
Своего кормильця батюшка;
Знать, у батюшка желаннаго
Со уклáду сердце складено,
Со желѣза груди скованы;
Какъ сегоднешнего де́нечку
Я пошла съ дому похвастала:
Погоди, родитель матушка,
Я пойду, дочерь обидная,
На Петровскую на улушку,
Ко кормильцю свѣту батюшку;
Што пойду да я повызову,
Какъ къ тебѣ мужа законнаго,
А къ себѣ кормильця батюшка.
Анъ по мо́ему не сталося;
Какъ приду я нонь, горюшиця,
Ко родитель—своей матушкѣ?
Чѣмъ я буду нонько хвастати?
Видно, тымъ да я похвастаю,
Што сегоднешнего де́нечку
На родительской на бу́евкѣ
Не столь горя поубавила,
Вдвое, втрое поприбавила;
Не могла, бѣдна, повызвати
Своего кормильця батюшка

На могилѣ:

Недоли-ко меня, бѣднушку,
Все злодійная обидушка;
Хоть сегоднишнего дéнечку
Допусти-тко, сиротинушку,
До буевки родительской,
До могилы человѣческой, —
До кормильця свѣта батюшка;
Какъ сегоднишняго дéничку
Не убойтесь-ко, родители,
Не убойтесь-ко, сердечные:
Не огонь иду—не óбожгу,
Не змѣя плыву—не óклюю:
Я иду, бѣдна горюшиця,
Самъ-другъ иду, съ обидушкой,
Самъ-третей да со кручинушкой,
Я не ради отъѣданьица,
Иду ради повиданьица.
Ты на што да прирозгнѣвался,
Свѣтъ—родитель ты мой батюшко,
На меня сиротну дѣвушку:
Не пробаешь—не проговóришь
Одногó слова—единаго;
Видно, плотно прирозгнѣвался
На меня, бѣдну горюшицю;
У тебя, кормилецъ батюшко,
Знать, съ укладу сердце складено,
Со желѣза груди скованы;
Знать, на то ты приразгнѣвался
На меня, бѣдну горюшицю,
Што сходила—ошибúлася
Я ко двумъ годовымъ праздничкамъ;

Буде на то ты приразгнѣвался,
Для того сходила, бѣднушка,
Што ко этымъ ко праздничкамъ:
Какъ я то умомъ подумала,
Изъ за морь птички слетаются,
Съ городовъ купци съѣзжаются,
Съ деревень народъ сбирается;
Какъ я то умомъ подумала,
Какъ схожу, дочерь обидная,
Ко годовому ко праздничку,
Бывать, я вѣдь да повыхожу
Во толпахъ да въ добрыхъ молодцахъ,
Бывать, я да вѣдь повыберу
Своего кормильця—батюшка,
Я по возрасту, по волосу,
По его да звучну голосу:
Поубавлю тутъ обидушки;
Анъ сходила—сволочилася
Ко годовымъ ко праздничкамъ;
Какъ не столько пріубавила
Я великой обидушки,
Я не столько пріубавила,
Вдвое-втрое поприбавила —
На ретиво на сердечушко;
Какъ злодійная обидушка
Не по мношечку скопилася,
Крѣпко на́ сердце садилася;
Кабы въ эту пору времечко
Кабы были люди смѣлыи,
Распороли груди бѣлыя,
Поглядили на сердечушко,
Каково есте обидушки;
Про злодійну про обидушку

Больше ротъ да не отворится,
Мой языкъ да не воротится;
Не дай, свѣтъ да Богородица,
Жить во раннемъ сиротаньицѣ;
Не радію, дочь обидная,
Я не другу вѣдь, не недругу,
Жить во раннемъ сиротаньицѣ:
Безъ морозу сердце вызябло,
Безъ дождя личко повымокло;
Не дай свѣтъ да Богородица
Жить церкви безъ священника,
Часовни жить безъ старосты,
Деревни безъ десятника,
Стоять дому безъ хозяина,
Угоды безъ крестьянина.

Тоже на могилѣ:

Приклонись, буйна головушка,
Ко любимоей могилушкѣ —
Ко кормильцу свѣту—батюшку.
Вы сповѣйте, вѣтры буйные,
Со низовой со сторонушки;
Разнесите, вѣтры буйные,
Всѣ пески да вѣдь сыпучіе
И всѣ камешки катучіе!
Разступись-ко, мать сыра земля!
Расколись-ко, гробова доска!
Размахнитесь, бѣлы саваны!
Ужъ вы, ангелы—архангелы,
Опуститесь съ неба на́ землю;
Вы кладите свѣту—батюшку
Во бѣлы груди—здыханьицо,

Во ясны очи—глядѣньицо!
Погляди, родитель—батюшко:
Не березынька мотается,
Не осина нагибается,
Какъ згибается—мотается
Твое мило горе—дитятко;
Я пришла горюша горькая
Пораздіять злой кручинушки:
Безъ тебя, кормилецъ—батюшко,
Пріовѣютъ вѣтры буйные,
Пріосудятъ люди добрые;
Ты оставилъ меня, батюшко,
Не во пору, не во время —
Середи вѣку моло́дого;
Ты оставилъ, кормилецъ—батюшко,
Не по силушкѣ работушку,
Не по смѣтушкѣ заботушку;
Ужъ какъ пойду я то, бѣдная,
На крестьянскую работушку
Одна да единешенька, —
Зажупятъ косаты ластушки
На кудрявыихъ березонькахъ:
Подойду тогда я, бѣдная,
Ко косатымъ своимъ ластушкамъ
Поразвіять своей кручинушки;
Сяду подъ кудрявую березоньку,
Пораздію тутъ великую заботушку,
Какъ пойдутъ-то люди добрые,
Всѣ крещоны, православные,
На любовную ра́ботушку
Со кормильцямъ свѣтамъ—батюшкамъ,
Со желанныма родителямъ; —
А ужъ я-то пойду, бѣдная,

Одна да единёшенька,
Безъ кормильця свѣта—батюшка,
Безъ желаннаго родителя;
Обомре у мня сердеченько;
Нѣтъ у мня надеженьки,
Ни великой оборонушки!
Ужъ пойду то я, безсчастная,
По годовымъ частымъ праздничкамъ,
Не учесана головушка,
Не укатана рубашечка,
Не обуты рѣзвы ноженьки,
Не одѣты узки плеченьки;
Безъ тебя, родитель батюшко,
И учесана головушка
Да не тонь есте гладёшенько;
Хоть уплетена русá коса —
Да не тонь есте красёшенько.
Не дай же, Боже—Господи,
Чиста поля—безъ кустышка,
Синя моря безъ камешка,
Красной дѣвушки—безъ батюшка,
Безъ желаннаго родителя:
Пріосудя люди добрые,
Всѣ сусѣди спорядовые,
Всѣ сусѣдки, малы дѣтушки,
Безпоранну сиротинушку.

III.

ТОЖЕ.

Череповск. увзд. Новг. губ.

Приходила, молодехонька,
Я къ обиденкѣ заздравной,
Соглядѣла, сосмотрѣла
Своего кормильця батюшка,
Не могла я, бѣдна сиротá,
Оглядѣти, осмотрѣти;
Ужъ я вышла, бѣдна сиротá,
На площадочку на красную,
На округу Государеву:
Поискать да бѣдной сиротѣ,
Мнѣ-ка мистечка примѣтнаго,
Батюшкова домовищечка;
Пасти грудью на сыру землю,
Мнѣ подать да свой взышóнъ *) голосъ
Подъ матушку да подъ сыру землю,
Подъ гробницу сыродубную,
Подъ тонкіе да бѣлы саваны
Къ своету кормильцу батюшку:
„Солетайте съ небесъ Ангелы,
„Вложите душеньку въ бѣло тѣло,
„Вложите свѣтъ да во ясны оци,

*) Ум. взычеевъ т. е. звучный, громкій.

„Жалѣньице да въ ретиво сердчё,
„Говореньице да въ сахарны уста!
„Стань, пробудись, мой родимой батюшко,
„Отъ сна отъ крѣпкаго,
„Отъ крѣпкаго сна, отъ мертваго;
„Хоть промолви ты едино́ слово
„Со мной горюхой—си́ротой!
„Я пришла, бѣдна горюшица,
„Тебя звать да въ дороги гости,
„Я во свой да благодатной домъ;
„Приди думушки подумати
„И словечушко перемолвити,
„Какъ мнѣ жить, бѣдной горюшицѣ.
„Такъ скажи жь, родимой батюшко:
„Ты когда придешь въ дороги гости
„Въ кою пору, въ кое времечко,
„Середи ли ты бѣло́ва дня
„Или въ полночь—ночку темную,
„Какъ добры люди улягутся,
„Вси сусѣди успокоятся;
„Мы съ своей да горюхой матушкой
„Будемъ ждать да дожидатися;
Мы бы вышли тебя стритити
Далеко да во чистомъ полѣ;
Приди думушки подумати
И словечушко перемолвити,
Какъ намъ жить будетъ горюшицамъ
Во сиротствѣ да во бѣдности,
Мы слывемъ дѣти сиротскіи —
Вольница да безугрозница;
Хоть говорю я, бѣдна си́рота,
Свою мысель потѣшаюци;
Хоть и плачу, бѣдна си́рота,

Свое сердчё надсажаюци;
Можно знать да можно вѣдати,
Не бивать да ключу на́ водѣ,
Не сплывать камню поверхъ воды,
Не бывать кормильцу батюшку,
Въ своемъ домѣ благодатноемъ;
Изъ орды есть выхожатели,
Отъ неволи откупаются;
Изъ подъ матушки сырой земли
Нѣту выходу и выѣзду,
Нѣту пѣшаго и коннаго,
Не дверей нѣтъ, не лазеечки;
Не косѣщаго окошечка,
Никакого проповѣщичка;
Не придетъ, родимой батюшко,
Во свой да благодатной домъ,
Ко своимъ горюхамъ бѣднымъ.

Село Логиново.

IV.

ПЛАЧЪ ДОЧЕРИ ПО МАТЕРИ.

Я сидѣла вонь, печальна, призадумалась;
Въ эвтотъ часъ, бѣдна горюша, во минуточку,
Допустила злодій—скорую смерётушку
До родителя—желанной своей матушки.
Я бы видѣла злодійку душегубицу,
Со оружія, лиходійку, застрѣлила бы,
Съ писталета я, злодійку, запалила бы;
Она крадчи шла, злодійка, лиходѣица,
Ко крылечку вѣдь она не подходила,
За вито́ она колечко не гремѣла;
Малой пташечкой въ окошко залетѣла
И впотай она родитель уносила;
Укатилося великое желаньице,
Оно въ водушки, желанье, во глубокіи,
Въ дики темныи лѣса да во дремучіи,
За горы́ оно, желанье, за толкучіи,
Быдто рыбинку спу́стила я въ синё море,
Жаръ какъ птицю опустила я со клѣточки, *)

*) У Рыбн.: Какъ сегоднишніимъ денечкомъ
Вставала по утру ранешенько,
Повстрѣчалась злодѣйная кручинушка,
Больная досадушка,
Какъ потеряла родителя-матушку. (XII, 419, 8—12).

Какъ соло́вьюшка спустила съ тепла гнѣздышка!
Тутъ ужа́хнулось ретливое сердечюшко,
Подломились съ горя рѣзвы мои но́женьки,
Задрожали тутъ дѣвоцьи мои рученьки;
Я не видла-то, побѣдна, свѣту бѣлаго,
Пооста́лась, сирота горька—безсчастная,
Въ темномъ лисѣ—какъ еди́на деревиночка.
Въ синемъ морѣ водоплавна една у́тушка,
Быдто деревцо въ лѣсу да я шатучее,
Быдто лѣтняя трава да подкошоная *).
Я проглупала родитель свою матушку;
Мнѣ держать бы-то родитель во бѣлыхъ рукахъ,
Прижимать бы мнѣ родитель ко бѣлымъ грудямъ,
Не давать бы мнѣ злодійкѣ душегубицѣ.
Знать-што Господомъ Бладыкой обзаконено,
Пріобидѣть меня, горьку сиротинушку.

Обращается къ матери покойницѣ:

Не утай, скажи, родитель жалосливая,
Гдѣ оставила сердечное желаньице,
Свои ла̀сковы—прелестныи словечушка **)?

---

*) У Рыбн.: Какъ у насъ да у безсчастныихъ
Во углу столу пустешенько,
Во другомъ-то холоднешэнько;
Какъ не стало у бѣдныихъ
Родителя матушки,
Какъ не стало у бѣдныихъ
Родителя-матушки,
Какъ денной нашей заступушки,
Ночной да богомольницы,

*) У Шейна: Милая ты, моя матушка
Сладкая ты, моя матушка,
Тайное мое словечушко невыносное!
Бывало, я на тебя, моя милая матушка надѣюсь:

Знаю—вѣдаю кокоша горегорькая,
Въ витрѣ въ сивѣрѣ—великое желаньице
Въ синемъ камышкѣ—прелестныи словѣчюшки;
Надо волюшка побѣдной мнѣ спрошоная.
Буду горька сирота я застрочоная,
Не по плечюшкамъ крестьянска мнѣ работушка,
Не по возрасту—великая заботушка;
Поровечницы теперь да мнѣ—не подружки
Молоды жены—не крѣпка мнѣ-ка думушка;
Въ переломъ пришло великое безчастьицо,
Зла несносная тоска неугасимая
Все долитъ мою безчастную утробушку,
Ноетъ—ржавѣетъ ретливое сердечюшко;
Въ нестатейномъ знать дворишкѣ, гдѣ родилася.
Зло—безчастье тутъ велико устоялося
Впереди оно злодійно дожидалося;
Скрозь неражи пеленчёнки розно—мокрыя
Зло безсчастье тутъ ко мнѣ да прибиралося,
Кругомъ наоколъ ремней да обвивалося,
Во дырявоей люльчонкѣ знать со мной оно качалося,
Вдвое-втрое тутъ злодійно накачалося;
Впереди оно безсчастье не укатится,
Позади оно злодійно не останется.
Ой тошнымъ да мнѣ тошнешенько;
Я не вижу, кое день, кое темная-дѣ ноченька;
Бывъ сине море разливается,
Какъ лѣса къ зени приклоняютъся,
Мать сыра земля колыбается.

Ни въ чемъ ты меня не покидала,
О чемъ я тебя ни попрошу, все ты мнѣ давала
Милая ты, моя матушка!
На кого ты меня покинула?
Какъ мнѣ будетъ горько жить! (XII, 2, 15—24)

Ай-же море, море синее,
Ты розлей мою кручинушку!
Ой—лѣса, лѣса дремучіи,
Вы здавите злу обидушку!
Ай-же матушка сыра земля,
Ты прими меня сиротинушку!

Сосѣдки унимаютъ:

Ты не плачь бѣдна душа да красна дѣвица,
Не рути дочи обидна горюци слезы,
Ты не порти свое бѣло это личушко,
Ты не трать столько дѣвоцьи ясны очюшки!

Сирота отвѣчаетъ:

Дайволюте-тко *) народъ да люди добрыи!
Не жалійте сироты вы горегорькоей;
Со кручины буйна гóлова мотается,
Со досады руса кóса росплетается,
Отъ-тошна мои перстни да роспаялися,
Со обиды жемчуги да роскатилися,
Со досады цвѣтно платье росшивается;
Со кручинушки смерётушка непридетъ,
Со тоскичушки душа съ грудей не выйдетъ;
Хотя портится лицо, да не бумажное,
Текутъ слезы у горюши. не скачёнъ жемчугъ;
Безъ огня-жъ мое сердечко разгоряется,
Безъ смолы моя утроба розкипляется.
Дайволюте-тко народъ да люди добрыи;

*) Дайте-тко волю.

Я о томъ прошу васъ дочи нонь обидная,
Спомяните-тко родитель—мою матушку
Запишите-тко во вично поминаньицо;
Не оскýдае домъ крестьянска ваша жирушка,
Што попросите попа отца духовнаго
Помянуть да вы родитель мою матушку.

Къ матери:

День ко вечеру теперь да коротается,
Въ путь—дороженьку родитель снаряжается,
Далеко мое желанье удаляется!
Наглядитесь бѣдны ясны мои очюшки,
Про запасъ да на родитель—свою матушку,
Во своемъ пока хоромноемъ строеньицѣ,
На своей пока брусовой она лавочкѣ.
Не деревьица отъ вѣтра нагибаются,
Не листочики по зени растилаются,
Это я прошу родитель—свою матушку:
„Если будетъ тебѣ вольная тамъ волюшка
„Отъ этого Бладыки отъ Небеснаго,
„Ты приди моя родитель жалосливая,
„Засмотри меня безсчастну сиротиночку;
Хоть по утрышку приди да ты ранёшенько,
„Хоть по вечеру родитель ты познёшенько;
„Какъ повыду на крестьянску на работушку,
„Я раздольицемъ пóйду да чистымъ полюшкомъ,
„Хоть съ погоста прилети да чорной галочкой,
„Перелётной покажись да малой пташечкой,
„Хоть съ подъ кустышка явись да сѣрымъ заюшкомъ;
„Я на срѣту сдію доброе здоровьицо
„И мы сойдемъ съ тобой въ мало устороньицо;

„Тутъ подумаемъ мы крѣпкой съ тобой думушки; *)
„Я порóскажу тебѣ дочи обидная
„Про свое да горегорькое живленьицо,
„Про свое да я сиротско возрастаньицо.
„Не дай Господи на семъ да на бѣломъ свѣту
„Поостаться отъ родителя отъ матушки;
„Надо ластýшкой летать да кругомъ людушекъ
„Надо плеточкой кругъ ихъ да обвиватися
„Точно бѣлочкѣ въ глаза да имъ посматривать.

При выносѣ.

Не спѣшитесь-ко народъ да люди добрыи
Вы нести мою родитель жалосливую,
Раззорять да тепловито наше гнѣздышко.
Дайволюте-тко сусѣдушки крещеныи
Распроститься мнѣ съ сердечнымъ со желаньицемъ,
Мнѣ подъ крылышко припасть да родной матушки
Ой, прости моя родитель—красно солнышко,
Не покрутушки прошу я разноцвѣтной,
Не безсчетной я горюша золотой казны,
Дай проценьицо ты мнѣ съ благословленьицемъ

Къ сосѣдямъ.

Дайволюте—тко народъ да люди добрыи,
Вы простите—тко родитель—мою матушку

---

*) У Шейна: Родимая ты, моя матушка!
На горе ты меня зародила!
Пошла я горе безъ тебя мыкать.
Бывало, ты мнѣ все готовила,
Бывало, ты мнѣ все припасала,
А теперь я стану, горькая, горе мыкать:
Ни кто со мной думушку не подумаетъ,
Тайное словечушко ни кто не промолвитъ. (XII 11,, 5—11).

Вы не помните—тко зла да ейной лихости;
Ты прости бѣдно хоромное строеньицо,
Да ты славная широка прости улица!
Вы простите-тко лужки—да всѣ зеленыи,
Вы простите всѣ поля да хлѣбородныи!
Не несутъ да меня рѣзвы теперь ноженьки
Ко этой Пресвятой да Богородицѣ;
Мнѣ дороженька вѣдь нонь да не по разуму,
Мнѣ сторонушка теперь да все не по́ уму;
Какъ долитъ тоска великая кручинушка.
Впереди идутъ попы отцы духовныи,
Позади несутъ родитель мою матушку;
Впереди поютъ стихи да херувимскіи,
Позади вопитъ безчастна сиротинушка.

Въ концѣ отпѣванья.

Воску ярова свѣщи да догоряются,
Херувимскіи стихи да допѣваются;
Спаси Господи поповъ отцовъ духовныихъ,
Спаси Господи служителей церковныихъ,
Што Божіи оны церквы отмыкали
И Господни оны книги-то читали;
Порастроньтесь-ко народъ да люди добрыи,
Мнѣ—придвинуться къ колодѣ бѣлодубовой,
Мнѣ—припасть было къ родитель своей матушкѣ;
Поглядить да мнѣ во блеклое во личушко
Не въ первыхъ мнѣ обидноей въ послѣдніихъ;
Не держите-тко за бѣлы меня рученьки,
Я во вѣкъ съ своимъ желаньемъ не розстануся,
Я жива лягу въ колоду бѣлодубову:
Я вкопаюсь съ ей горюша во сыру землю;

Не въ моготу мнѣ се—свѣтное живленьицо,
Жаль тошнешенько родителя мнѣ матушки.

На могилѣ.

Поразтроньтесь люди добрыи!
Припаду я ко могилушкѣ,
Я послушаю безсчастная,
Нонь не стонетъ ли сыра земля,
Не вопитъ ли моя матушка
Не жалѣетъ ли обиднушки;
Ой, не стонетъ мать сыра земля—
Не вопитъ моя родитель жалосливая!
Съ горъ катитесь ручьи вёшныи,
Вы розмойте пески желтыи,
Поднимите—гробову доску,
Вы откройте—полотенечка;
Дайте разъ зглянуть горюшицѣ,
На родитель мою матушку!
Ой, не льются ручьи вешныи,
Не размоютъ песковъ желтыихъ,
Не покажутъ моей матушки!
Возбушуйте—вѣтры буйныи
Со всѣхъ ли четырехъ сторонъ,
Понеситесь вы къ Божьей церквы,
Размечите вы—сыру землю,
Вы ударьте въ большой колоколъ,
Разбудите мою матушку!
Не бушуютъ—то вѣтры съ четырехъ сторонъ,
Не ударятъ оны въ большой колоколъ,
Не разбудятъ моей матушки.—
Налетите съ небесъ Ангелы,—Архангелы,
Вовложите вы душу въ грудь умершую,

Въ бѣлы рученьки—маханьицо,
Въ быстры ноженьки—ходаньицо! —
Не летятъ да съ неба Ангелы-Архангелы.
Не влагаютъ души́ въ грудь умершую.
Знать, не выстать синю камешку съ синя моря,
Не бывать въ живыхъ родитель—моей матушкѣ.
Охъ, тошнымъ да мнѣ тошнешенько!
Пройдетъ зимушка холодная,
Вотъ наступитъ весна красная,
Потекутъ да рѣчки быстрыя,
Зацвѣтутъ въ рощахъ деревьица,
Запогуркиваютъ голуби,
Запосвистывать соло́вьюшко;
У меня жъ бѣдной—горюшицы
Не сойдетъ съ сердца кручинушка,
Не убавится обидушка;
Распекё да красно солнышко
Середи да лѣта теплаго,
Не согрѣетъ сиротинушки,
Лишь притеплить меня бѣднушку,
Зеленая дубравушка —
На могилѣ моей матушки! *)

---

*) У Дашкова: «Родитель моя матушка, жалкое желаньице!
«На кого ты насъ оставила, на кого мы сироты понадѣемся?
«Ни съ которой стороны не завѣютъ на насъ теплые вѣтерочки,
«Не услышимъ ласковаго словечка.
«Люди добрые отъ насъ отшатнутся,
«Родные отзовутся:
«Заржавѣетъ наше сиротское сердце,
«Печетъ красное солнышко среди лѣта теплаго, а насъ не согрѣетъ.
«Лишь притеплятъ насъ зеленая дубравная могилушка
«Прибери насъ, матушка, подъ правое крылышко,
«Промолви слово ласковое!
«Нѣтъ, сиротинка ты свое сердечушко крѣпче камышка,

Если отецъ молодъ и можетъ снова жениться; то сирота—въ праздничный день горюетъ на могилѣ матери въ такихъ словахъ:

Пришло три пути—дороженьки
Мнѣ, побѣдной сиротинушкѣ;
Какъ первая дороженька
На славное—то буево,
Другая—то дороженька
Къ Миколѣ ко угоднику,
А третья тропиночка
Къ муравчатой могилушкѣ.
Мнѣ пойти было, обиднушкѣ,
Ко могилушкѣ муравчатой,
Мнѣ припасть было, побѣднушкѣ,
Тутъ ко матушкѣ сырой землѣ,
Побудить да все покликати
Мнѣ родительско желаньицо.
Ужъ повійте, вѣтры буйные,
Раскатите бѣлы камешки,
Разступись-ко мать сыра земля,
Покажись бѣла колодушка,
Порасшейтесь бѣлы саваны!
Налетите съ небесъ Ангелы-Архангелы,

«И прижала нела ковыя рученьки къ ретиву сердцу!
«Лебедушка моя бѣлая!
«Въ какую путь дороженьку собралась, снарядилась ты,
«Съ которой сторонушки ждать намъ тебя?
«Взбушуйте вы, вѣтры буйные, со всѣхъ четырехъ сторонушекъ!
«Понеситесь вы, вѣтры, къ Божіей церкви,
«Размечите вы сыро землю!
«Ударьтесь вы, буйны вѣтры, въ большой колоколъ!
«Не разбудитъ ли звонъ его родную матушку,
«Не промолвитъ ли она со мною слова ласкова?

(Описан. Олонецк. убг. 1842 г.)

Вы смахните туманъ со ясныхъ оцей,
Вовложите душу въ бѣлу́ю грудь
Въ рѣзвы ноженьки—хоженьицо,
Въ бѣлы рученьки—маханьицо,
Во язычекъ—говореньицо,
Во сердечушко—здыханьицо!
Да ты стань-востань, красно солнышко,
Воспромо́лви хоть единое словечушко,
Словцо тайное—непроносное
Со мной да сиротиночкой!
Ты на кого да насъ покинула,
На кого насъ пооставила?
Ты оставила—спокинула
На желаннаго на батюшка.
Ужь какъ нашъ желанной батюшко
Молодымъ да молодешенекъ,
Ужъ онъ ходитъ по бесѣдушкамъ,
Да по тихимъ вечериночкамъ;
Приберетъ себѣ молоду́ жену,
Молоду жену—люту мачиху;
Богодана буде матушка
Не желанна, не ласкова,
Не ласкова, не упа́дчива *)
До побѣдной сиротиночки,
До позя́блой сѣмяниночки.
Какъ на семъ да на бѣломъ свѣту
Одно красно пекё солнышко,
Едино́ живетъ желаньицо.
Ой, не дай да Боже Господи,
Земли матушки—безъ пахаря,

*) Не падка, не заботлива

Рости дѣвушкѣ безъ матушки;
Вѣтры вiютъ потихошеньку,
Анъ прихóдитъ холоднёшенько
Сиротинкамъ, краснымъ дѣвушкамъ;
Ты пожалуй, моя матушка,
Къ горегорькой сиротиночкѣ,
Ко позяблой сѣмяниночкѣ
Во любимое гостибище;
У дверей стоятъ придвернички,
У воротъ да приворотнички,
По дорожкѣ—стережатыи,
По пути да бережатыи;
Дубовы столы поставлены, —
Яства сахарны наношены,
Хоть не сахарнiи—сиротскiи;
Ты когда придешь—посýлишься
По веснѣ-то ли по красной,
Аль по лѣтушку по теплому,
Аль по осени протяжной,
Аль по зимушкѣ холодной;
Не могу, бѣдна горюшица,
Порасскликать, поразгóворить
Я родитель свою матушку;
Знать, убралось-упокоилось.
Тепловито мое солнышко,
Во погреба да во глубокiи,
За лѣсушка за темныи,
За горы за высокiя;
Заросла да заколодила
Путь—дороженька широкая
Къ тепловиту красну солнышку.
Вотъ пройдетъ зима холодная
И настанетъ весна красная,

Разольются быстры риченьки,
Налетятъ да птички ластушки,
Сѣры—малыя загозочки;
Запашутъ пахарьки въ чистыхъ поляхъ,
Затрубятъ пастушки въ зеленыхъ лугахъ,
Засѣкутъ сѣкарки во темныхъ лѣсахъ;
Отъ тебя же, красно солнышко,
Не придетъ вѣстка—грамотка
Къ горегорькой, красной дѣвушкѣ;
Не сплывать, знать, синю камышку по верхъ воды,
Не вырастывать на камешкѣ муравой травѣ,—
Не бывать въ живыхъ родимой моей матушкѣ;
Какъ во эту пору-времечко —
Безъ тебя, да красно солнышко,
Развилося, раззорилося
Наше вито—тепло гнѣздышко;
Всѣ столбы да пошатилися,
Всѣ тынишки роскатилися;
Нонь не знаю я, не вѣдаю —
Мнѣ куды да прикачнутися
Сиротинкѣ горегорькоей.

V.

ПЛАЧЪ НЕВѢСТЫ НА МОГИЛѢ МАТЕРИ.

Череп. увзд. Новгор. губ.

Выйду я на широкую долину,
Зайду на высокую могилу,
Попрошу благословленьица
У желанной своей матушки.
Со которой зайти да со сторонушки?
Со лѣвую сторонушку?
Меня осудятъ народъ да люди добрые;
Не учёная, скажутъ, не торёная;
Зайти со правую сторонушку?
Такъ тамъ стоятъ стережатые да бережатые;
Тутъ хранятъ ю да и милуютъ;
Мнѣ зайти бѣдной сиротинушкѣ
Супротивъ бѣла́ лица
Да супротивъ ретива сердца;
Вы развійтесь вѣтры буйные,
Раскатитесь бѣлы камешки!
Раскуйтесь гвоздики шеломчатые,
Покажись-ко гробова доска,
Развернись-ко бѣлой саванъ.
Отокройтесь оци ясные,

Сговорите золоты уста!
Благословите меня си́роту,
Счастьемъ—таланомъ надѣлите!
Погляди, родима матушка:
Налетѣло лебедей стадо,
Всѣ стоятъ да вѣдь лебедушки
Бѣлехоньки да веселёхоньки;
Одное то бѣлой лебедушки
Подрѣзано да ретиво сердчё,
Подшиблено да право крылышко;
Такъ узнавай, родима матушка:
Твоя пришла да дочка милая
Со голубушкамъ милымъ сестрамъ,
Со подруженькамъ задумныимъ;
Ты скажи, родима матушка,
Мнѣ горюхѣ—бѣдной си́ротѣ,
Приходилъ ли къ тебѣ батюшко,
Спросился ли онъ, доложился ли
Меня верстать да во чюжи люди,
На чужу́, дальну сторонушку;
Такъ прійди, родима матушка,
Ты—во свой да благодатный домъ,
На мою на свадьбу горькую,
На горькую да на сиротскую;
Ужъ ты скрась ко свадьбу горькую,
Взвесели свадьбу сиротскую,
Со честнымъ благословленьицемъ,
Со сердечнымъ надѣленьицемъ;
Да ты выкупи меня, выручи
Изъ неволюшки великія;
Мнѣ бы оцень не хотѣлося
Нонь итти да во чужи люди:
Охти мнѣ да мнѣ тошнешенько;

Какъ не слышитъ меня матушка,
Знать, прогнѣвалась на горькую,
На мою участь несчастную;
Хоть говорю я, бѣдна сѝрота,
Свою мысель потѣшаюци,
Хоть и плачу, бѣдна сѝрота,
Свое сердче надрывающи и т. д. *)

По возвращеніи съ погоста домой, обращается къ дѣвицамъ и вопитъ:

Перестаньте люди добрые,
Хоть на часъ да призатихните,
Што минѣ-то, бѣдной сѝротѣ,
Причюлось да прислышалось:
Какъ на улицѣ широкой
Вдругъ добры кони затопали,
Тосменны узды забрякали,
Шелковы плети защолкали,
Новы сани роскатилися,
У воротъ кольцо забрякало
И ворота растворилися,
Къ намъ на дворъ гости пріѣхали;
Гдѣ то есть у бѣдной сѝроты,
Сироты у горегорькія,
Родимой мой батюшко,
Родимой да жалосливой.

За тѣмъ обращаясь къ отцу, продолжаетъ:

Отходи, родимой батюшко,
Прочь отъ печеньки кирпичныя,

*) См выше. III ст. 52—71.

Отъ шесточка отъ муравлена;
Выходи родимой батюшко
На мосты да на калиновы;
Ты стричай да дорогу гостью,
Свѣтъ родиму мою матушку;
Не отъ вѣтру, не отъ вихоря,
Свѣтла—свитлица разствoрилася,
На пяту да становилася;
Зрадуйся-тко да ретиво сердче!
Возвеселись да буйна гóлова!
Богъ даетъ да дорогу гостью,
Дорогу гостью сердечную,
Изъ подъ матушки сырой земли
Съ подъ гробницы сыродубовой
Со честныимъ благословленьицемъ,
Со сердечнымъ надѣленьицемъ;
Такъ благослови родима матушка
Меня горюху, бѣдну сироту,
Хоть не въ явь да людямъ добрыимъ,
Таюци да отъ добрыхъ людей
Меня Богомъ, Божьей милостью,
Пресвятой да Богородицей!

Выходя на середину избы, благодаритъ невидимую гостью:

Тебѣ спасибо мила матушка
На честномъ благословленьицѣ,
На сердечномъ надѣленьицѣ;
Какъ твое то благословленьице
На огнѣ оно не горѣло,
На водѣ да не тонуло,
Въ чужихъ людяхъ оборонило
Оборонюшка великая!

Такъ подари-тко мнѣ моя матушка,
Подари мнѣ золотой казны;
Выкупи меня да и выручи
Изъ неволюшки великой,
Изъ мѣста изъ невольнаго,
Изъ невольнаго, почётнаго;
Я—бъ осталась бѣдна сирота
Жить въ душахъ я красныхъ дѣвицахъ;
Богъ суди родиму батюшку,
Што поспѣшился, потóропѣлся
Со мной горюхой во чюжи люди;
На што кинулся онъ, бросился
На имѣнье ли богачество,
На хоромы ли высокіе,
Аль на ихну золоту казну;
Сама знаю молодехонька
И слыхала бѣдна сирота
Со стороны да отъ добрыхъ людей
Про чюжу дальну сторонушку,
Про злодіевъ-то чюжихъ людей,
Што на нихъ нѣту славы добрыя,
У ихъ богатство—не богатое,
У ихъ иминье—середовое
Золота казна вѣдь счётная,
У ихъ земля не хлѣбородная,
Поля гористые, да каменистые;
По выбралъ мнѣ судьбину Божью,
Не подъ лицё мнѣ красной дѣвушкѣ
Не подъ плечо мнѣ молодехонькѣ.

Обращается къ отцу:

Родимой мой батюшко!
Ты сади-тко дорогу гостью.

Подъ переднее окошечко,
Подъ Святые подъ Апостолы,
Почести гостью, поподчивай.

Подаютъ пиво и водку; взявши стаканъ или чашку въ руки, сирота вопитъ—къ невидимой гостьи:

Родима моя матушка!
Наталья свѣтъ Ивановна?
Тебѣ добро принять, пожаловать,
Стаканъ да пива пьянаго,
Чарочку да зелена вина
Отъ меня отъ бѣдной сироты!
На здоровье тебѣ выкушать!
Съ нашего да пива пьянаго
Не болитъ да буйна го́лова,
Не щемитъ да ретиво серцё,
Весело да напиватися
И легко да просыпатися....
Хоть говорю я бѣдна сирота
Свою мысель потѣшаюци,
Хоть и плачу бѣдна сирота
Свое серце надрываюци и т. д. *)

*) См. выше. пл. III, стих ... 52—71.

Село Логиново.

VI.

ПЛАЧЪ

ПО ЖЕНѢ, ЕСЛИ ДИТЯ ОСТАНЕТСЯ РЕБЕНКОМЪ.

Какъ скоро «вѣдомъ» пошлютъ — то родственница пришедшая на похороны у двѣрей вопитъ:

„Отворись-ко двѣрь—да ты дубовая,
Ты по пятничкамъ теперь да по желѣзныимъ,
Ты по петелкамъ теперь да по булатныимъ,
Ты по этому порогу грановитому;
Не отъ вѣтрышка теперь да не отъ сивера
Потихоньку на пяту двѣрь отворялася,
Только мнѣ моя сестрица не стрѣчается.
Порастроньтесь-ко народъ да люди добрыи,
Дайте мистечка теперь мнѣ не сомношечко,
Не конемъ пройти горюшицѣ проѣхать,
Не орломъ птичей мнѣ-ка пролѣтѣть;
Единой пройти печальной мнѣ головушкѣ,
Со одну дайте дубовую мостиночку.
Вы не гнитесь-ко мостиночки дубовыя,
Не ломитесь перекладинки кленовыя,
Я тонка иду горюша, какъ тесёмочка,
Зелена иду побѣдна, какъ травиночка;

Мнѣ пройти, бѣдной горюшѣ, во большой уголъ,
Мнѣ крестъ да класть, горюшѣ, по писаному,
Мнѣ поклонъ вести, горюшѣ, по учоному,
На всѣ на три—четыре на сторонушки,
Всѣмъ спорядныимъ сусѣдушкамъ,
Въ собину воздать любимой, милой сватьюшкѣ;
Мнѣ-ка стать, бѣдной горюшѣ, доложитися,
Не возбранно ли, любима моя сватьюшка,
Попустить мнѣ не взычепъ голосъ?
Хоть нескладно у горюши причитанъице,
Не гля чести у меня не гля по́хвалы —
Со великой со обидушки,
По своей милой племянничкѣ,
Што на рѣзвы она ножки не ставае,
На пути да на дорожкѣ не стрѣтае,
Со мной тайнаго словечка не забае.

Къ зятю:

„Я гляжу, смотрю, печальная головушка,
Я на сво́его любимаго племянничка;
Пріунывъ сидитъ, удалый добрый мо́лодецъ,
Што задумался, крылатый ты ясёнъ соколъ?
Принаклонена-то буйная головушка,
Утуплены оци во сыру землю,
Рутитъ слезушки онъ—на дубовый полъ;
Разлучилъ Господь съ семеюшкой любимой;
Поосталося сердечно это дитятко —
На великую ему да на заботушку:
Дума думушку бурлака пошибае,
Умъ за разумъ у дородня забѣгае,
Какъ-то жить да безъ любимоей семеюшки:
Надо ростить-то сердечно мало дитятко;

Кто носить буде на бѣлыхъ его рученькахъ,
Кто истопитъ теплы, парны эты баенки,
Кто умоетъ его бѣло это личушко,
Кто учешетъ его бладую головушку,
Кто справлять до тонки бѣлыя рубашеньки,
Устилать буде пухову кто перинушку?
Безъ своей да ты семеюшки любимой,
Съ кѣмъ то думать будешь крѣпку эту думушку?
Кто сжалу́ется до бѣднаго до дитятка?
Буде спацьлива, желанна эта бабушка?
Аль сжалуются спацьливы родны дядюшки?
Да ты слушай же, родимый нашъ племянничёкъ:
Была умная семья твоя любимая,
Обходимая со добрыма со людушкамъ,
Какъ уцьлива со породой именитой;
Была на́ слово она да не спѣсивая,
На ричахъ была она да не бросливая;
Остудушки въ семьѣ не возводила,
Безотвѣтна была бѣлая лебедушка;
Почитала Богоданыихъ родителей,
Воскликала Богодану свою матушку;
Пройде бранное словечко несговорное,
Хоть у васъ тамъ ьо семеюшкѣ любимой,
Со милыма вѣтляныма нешуточкамъ,
Стане по́ избы голубушка похаживать,
Всѣмъ туть ласковы словечка проговаривать:
„Не грубите, свѣты братцы Богоданыи,
„Не спѣсивься, Богодана моя матушка,
„Вы межъ ду-другомъ желанны несердитесь-ко,
„Не узнали того добрыи бы людушки,
„Што содомъ есть во любимоей семеюшкѣ.
Какъ на уличкѣ ходила хорошохонько,
Говорила тутъ съ сусѣдмы веселёшенько,

Не въ проно́съ было сусѣдямъ сиорядовымъ,
Не въ розска́зъ да было сродчамъ—милымъ сродникамъ,
Што вѣдь здоръ живетъ въ семеюшкѣ любимой.
Еще слушай же, родимой нашъ племянничекъ!
Послѣ милой-то жены-семьи,
Много у́ма надо разума въ головушкѣ,
Да какъ ростить то сердечно—мало дитятко;
Спотѣшать надо на бѣлыхъ его рученькахъ,
Набъ воспитывать его да во бѣло́й груди.
Тутъ сгруснешься ты, удалая головушка,
Спомянуешь ты жену-семью любимую,
Принесешь покоръ родителямъ желаннымъ,
Своимъ милымъ сестричушкамъ родимымъ,
Спотѣшали бы сердечно мало дитятко,
Безпокоились по темнымъ бы по ноченькамъ,
За этыма качелямъ за маетныма,
За этымъ дитёмъ да безпокойнымъ;
Уважать надо сестрицамъ-то родимымъ,
Набъ сулить да имъ любимыи подарочки,
Покупать да набъ жемчужныи подвѣсточки,
Ко бѣлой груди—платочки левантеровы,
На бѣлу руку—колечка бриліантовы,
По стану́ да сарафаны раструбистыи,
Имъ по плечушкамъ соболи—куныи шу́боньки,
На рѣзвы ноги—башмачики козловыи,
По башмачикамъ—чулочики бумажныи,
По бѣлу лицу—мылья Вытегорскія,
Штобъ спахнулися сестричушки родимыя,
Ублажали бы болѣзно мало дитятко.
Хоть не долго-то пройдетъ да поры—времячка,
Пройдетъ шесть этыхъ недѣлюшекъ учетныхъ,
Посли милой семеюшки любимой,

Ты проситься будешь прощенье съ благословленьицомъ
У своихъ свѣтовъ родителей:
„Благословите-тко, желанныи родители,
„Въ другой разъ да мнѣ въ законъ-то поступитися,
„Хоть великаго грѣха да залучить;
„Мнѣ нельзя жить безъ жены-семьи любимыя;
„Буду ровнюшку-жену да прибирать себѣ,
„Я изъ красныхъ жену да себѣ дѣвушекъ“,
Станутъ дѣвушки тобой да все гнушатися,
Говорить станутъ бѣлыя лебедушки,
Своимъ оны родителямъ:
„Не невольте насъ, желанныи родители,
„Во неволюшку, на чу́жу на сторонушку,
„Во заботу за блада сына отецкаго;
„Намъ не по́ уму остуда—чужа сто́рона,
„Не по совѣсти остудней бладъ—отецьской сынъ,
„Удовицицо *) вѣдь женихъ да посидѣлицо, **)
„Е сердечное рожено у ихъ дитятко;
„Я не матушкой буду—лихой мачихой.
Ты послушай же любимой нашъ племянничекъ:
Приберешь-жъ хотя любимую семеюшку,
Ты денну себѣ крѣпку эту думушку,
Темной ноченькой себѣ да разговорщичку;
Хотя жъ будетъ тутъ великое желаньицо
До жены да до семьи своей любимой,
Прозабудешь ты сердечно это дитятко;
Сурово стане вѣдь мачиха похаживать,
Она грубо стане на́ дитя поглядывать,
Все не ласково она да разговаривать;
Не зачешетъ она буйноей головушки,

*) Вдовецъ.
**) Очень старой—сѣдой.

Не возметъ его на бѣлы къ себѣ рученьки,
Не прижметъ его ко ретливому сердечушку;
Она дитятко въ утробѣ не носила,
Трудно—тяжело его не спородила,
Бѣлой грудью дитё да не кормила *);
Каково тепло отъ буйнаго отъ сивера;
Таково добро отъ лихой живе мачихи;
Возростетъ да какъ сердечно мало дитятко,
Безъ родителя оно да вѣдь безъ матушки,
На спацьливыхъ стане дяденекъ поглядывать,
Словно бѣлочка въ ясны оци посматривать,
Скрозь обидушку да ихъ стане выспрашивать:
„Ой, скажите вы спацьливы родны дяденьки,
„Ужо гдѣ мое великое желаньицо,
„Уже гдѣ да е спацьлива моя матушка?
„Какъ отъ бладости во радости не бывано,
„Отъ рожденьица веселыхъ дней не видано,
„Красно солнышко меня не пропекае,
„Я не убрано, позябло хожу дѣтятко,
„Я Ісусовой молитвы не слыхаю“.
Отрѣкнулся мой родитель—родной батюшка,
Какъ прибралъ себѣ любимую семеюшку,
Все туды пошло великое желаньицо,
Навязалася злодійка, лиха мачиха;
Ейны дѣти бытто сыръ въ маслѣ катаются,
Опришеннои **) я какъ баромъ обливаюся;
Ейны дѣтушки гостинцамъ уласкаются,
Я жъ обидной колотушкамъ угощаюся;

---

*) У Рыбн: Какъ которое жадобное
Тяжёло было да ношено,
Трудно—больно пріотрожено. (III, 417, 5, 3—6):

**) Отрѣшенный.

Какъ играютъ ейны дѣтушки, кидаются,
Я бывъ птиченька въ темномъ лѣсѣ пугаюся;
Ейны дѣтушки на уличкѣ смиренныи,
Я-жъ дитё всегды не постатейное.

Къ невѣсткамъ:

Какъ посли своей любимоей невѣстушки
Мы ходить станемъ побѣдны къ вамъ головушки,
Не заприте-ко новыхъ сѣней рѣшетчатыхъ,
Не задвиньте-тко стекольчатыхъ околенокъ;
Намъ захочется побѣднушкамъ тошнёшенько
Засмотрить это позябло мало дѣтятко,
И завѣдать намъ любима вся покрутушка,
Ю не носить ли названа, лиха мачиха?
Вы послушайте, любимыя невѣстушки,
Вы возмите-тко ключи да золоченыи,
Приберите сундуки вы окованыи,
Берегите-тко любимую покрутушку.

Къ отцу:

Ты послушай-ко, любимой нашъ племянничекъ.
Какъ уѣдешь ты, родитель родной батюшка,
Со своей да ты семьей—женой любимой,
Ко этому Бладычному ко праздничку;
Какъ ко вечеру день буде коротатися,
Стане дѣтятко на уличкѣ похаживать,
Сожидать стане желаннаго тутъ батюшка
И названную родитель еще матушку;
Стритить дитятко на широкой на уличкѣ,
Глупымъ разумомъ просить стане гостинечекъ,

Вы не сгру́стнитесь желанныи родители,
На позябло это глупо, мало дитятко;
Хоть гостинечекъ ему не привозите-тко,
Столько грубымъ словечкомъ не грубите-тко,
Вы обидушки къ сердцю не придавайте-тко,
Ужо такъ да это дитё обиднёшенько.

Мачиха сосъдка:

Не дай Боже вѣдь того, да не дай Господи,
Дитей ростить безъ желанныихъ родителей,
Ихъ воспитывать названой, лихой мачихѣ:
Тихо сказать дитямъ—не послушаютъ,
Сурово́ да сказать дитямъ—обиждаются;
Столько злится Богодана эта матушка,
На эту все обидную невѣстушку;
По дитяхъ стоитъ стѣной да городовой,
По вну́чаткамъ—желаньицемъ великимъ;
Все бранитъ—журитъ вѣтляную непутушку,
„Што же грозно, не спросясь, распоряжаешься
„Ты надъ этыма обидныма дѣтушкамъ?
Не дай Господи на семъ, да на бѣломъ свѣтѣ,
Столько слыть да названой, лихой мачихой;
Много у́ма надо разума въ головушку,
Какъ воспитывать сердечныхъ, чужихъ дѣтушекъ.

VII.

ПЛАЧЪ ПО СЫНѢ.

Замужняя сестра приходитъ изъ своей деревни на похороны брата и, подойдя, къ своему дому, поетъ:

Уже стать на́ этой горѣ—на дороженькѣ,
Мнѣ-ка стать, бѣдной горюшѣ, пріодуматься,
Доспроситься у сосѣдей, удовѣдаться;
„Вы скажите спорядовыи сусѣдушки;
„Што дiется на родимой моей родинѣ,
„У моихъ да у пристаршихъ у родителей;
„Вси во добромъ ли оны да во здоровьицѣ,
„Во великомъ ли оны благополучьи;
„Есь ли въ живности сердечно у ихъ дитятко,
„Моя милая скачоная жемчужинка,
„Свѣтушко́ братецъ—родимой?
Подходить стала къ крылечику перёному,
Подломились у мня рѣзвыи тутъ ноженьки,
Пріуряхнулось ретливое сердечушко,
Я зглянула на хоромное строеньицо:
Пріунывъ стоитъ строеньице пустылое;
Отдали́ *) стоитъ палата бѣлокаменна,

*) Издали.

Облизъ *) стоитъ тюрма да заключевная,
Заключевная тюрьма да подземельная.
Когда прежъ сего, до этой поры времечка,
Я ходила на родину свою родинку,
Ко желаннымъ ли родителямъ,
Ко свѣтушку ли братцу я родимому;
На крылечушкѣ свѣтикъ—братецъ стрѣтаетъ,
Онъ ужъ добраго коня да разсѣдлаетъ,
На конюшну онъ во стойлу убираетъ,
И бѣло-яровой пшены онъ насыпаетъ;
А сегодняшнымъ Господнимъ Божьимъ дѣнечкомъ
Ко крылечку я пріѣхала перёному,
Не стрѣтаетъ меня братецъ—красно солнышко;
Ужъ пройти мнѣ во хоромное строеньицо
Мнѣ крестъ да класть, горюшѣ, по писаному,
Мнѣ поклонъ вести, побѣдной, по ученому,
Поклонъ первой Пресвятой да Богородицѣ,
Другой поклонъ сусѣдямъ спорядовымъ,
Въ собину поклонъ братцу—красну солнышку;
Воскликать да тутъ братца мнѣ роднаго,
Взвеличать да соколочка златокрылаго,
Супротивъ сердца ретливаго;
Може, я бѣдна горюша по таланнѣе,
Може, братецъ до меня да пожеланнѣе:
„Ужъ ты стань—востань, скачоная жемчужинка,
„Со этой со брусовой бѣлой лавочки,
„Стань на рѣзвы свои да ты на ноженьки,
„Отшиби отъ сердца бѣлы свои рученьки,
„Ужъ ты здій со мной доброе здоровьицо,
„Ты по старому, мой свѣтушко, по прежнему;

*) Вблизи

„Когда прежъ сего до этой поры—времечка,
„Было вложено великое желаньицо,
„До моей бѣдной головушки;
„Восрѣталъ ты на крылечикѣ перёномъ,
„Провожалъ меня во свѣтлу нову горенку,
„Ты садилъ меня на стульицо кленовое,
„Почиталъ меня за гостьицу любимую:
„Какъ сегоднишнимъ Господнимъ, Божьимъ дéнечкомъ
„Не встаешь ты со брусовой, бѣлой лавочки,
„Не сшибаешь ты отъ сердца Божьи рученьки,
„Ты не здѣешь со мной добраго здоровьица,
„Не спрогóворишь единаго словечушка;
„Чѣмъ разгнѣвала я свѣтушка родимаго?
„Што я пóчасту къ тебѣ, знать, не ходила,
„Што при трудной я постелѣ не смотрѣла?
„Не начáлась я побѣдна, не надіялась,
„Што разлýчитъ Господь съ братцомъ со родимымъ;
„Можешь знать—да вѣдать, вольной бѣлой свѣтушко,
„Ты про мóе про несчастное живленьицо,
Мнѣ-ка нé своя вольна столько волюшка;
Какъ на этой судимой *) на сторонушкѣ,
Строги—грозны Богоданыи родители;
Мнѣ день прошолъ—у бѣднушки—дáваютца **)
Другой день прошолъ да слова дожидаютца,
Третій день прошолъ—на родину справляютца,
Можешь знать да вѣдать, вольной бѣлой свѣтушко,
Што вѣдь дальная судимая сторонушка,
Удалила какъ родима моя родинка;
Я за гóрамы вѣдь с да за толкучима,

*) Гдѣ суждено быть въ замужествѣ.
**) Дѣвичн Заонежск. подрѣчія.

Я за темныма лѣсама за дремучима,
Я за этыма быстрыма за рѣчинькамъ,
За крутыма, малыма озерышкамъ,
За славнымъ, синимъ за Онегушкомъ;
Съ того не по́ часту на родинку учащивай;
Студеной зимой живетъ—бездорожьицо,
Занесетъ путь широкую дороженьку,
Снѣжочкама ее да вѣдь перистыма *);
Не заходятъ къ намъ добры людушки,
Сѣрой заюшко туды не проскакиватъ,
Малая птича не залетыватъ,
Извощички къ намъ не занизживаютъ,
Перехожіи калѣки не прохаживаютъ,
Отъ васъ грамотки къ намъ не приналшивали;
Какъ весной живетъ великое распутьицо,
Разольются круглы, малыи озерышки,
Изъ-за горъ да пройдутъ быстры эты риченьки;
Мнѣ нельзя бѣдной горюшицѣ пронятися, **)
На родимую сторонку передатися;
У озеръ нѣтъ перегребныхъ малыхъ лоточекъ,
Черезъ рѣченьку дубовой нѣтъ мостиночки ***);
Хоть росполется сине, славное Онегушко,
Хоть во ту пору есть вольна мнѣ-ка волюшка,
Черезъ морюшко мнѣ нѣтъ тогды попутчиковъ,
Чрезъ Онегушко нѣтъ легкихъ перевощиковъ;
Приберу хоть я, побѣдная, попутчиковъ,
Чрезъ Онегушко ужъ я да перевощиковъ;
Тутъ поѣду на родиму свою родинку,
Хоть повыѣдемъ на синее Онегушко,

---

*) Снѣгомъ крупнымъ какъ горья.
**) Быти изъ затрудненія.
***) Переладицы, мостовины.

Призавіютъ столько буйны эты вѣтрушки,
Стане буря на морѣ подниматися,
Малогребна стане лоточка шататися,
Отъ вѣтра паруса да обрываются,
Дубовыи веселышки ломаются;
Тутъ насъ броситъ въ острова да незнакомыи,
Во эты берега да не въ бывалыи,
Во пути пройде урѣчна вся недѣлюшка,
Отъ желаньица мы Господу намолимся,
Отъ сердечушка Николу принапросимся;
„Дай ко Господи-Бладыко, Свѣтъ-ты милосливой,
Тиху ти́шинку на ши́рокой на уличкѣ,
Благодать да Ты на славномъ этомъ морюшкѣ,
Переѣхать черезъ синее Онегушко,
Передаться на родиму мнѣ на родину;
Съ того по́ долгу горюшица справляюся;
Нуньку *) выбрала досужу пору—времечко,
Я слободную гостивую недѣлюшку,
На свою да на родиму я на родинку;
Меня родинка теперь да не сжидаетъ,
Свѣтушко́—братецъ меня да не срѣтаетъ;
Ой, скажи мнѣ ка братецъ—красно солнышко,
Не убойся многихъ добрыхъ столько людушекъ:
Ты куды мой бѣлой свѣтушко сряжаешься,
Ты въ котору путь дорожку отправляешься,
Ты во славной ли во городъ Петербурской,
Аль въ охотну во бурлацкую работушку,
Аль къ купцамъ да ты во лавочку прикащичкомъ;
Во чюжую да ты сторону бросаешься,
Што не по уму тебѣ да не по разуму?

---

*) Нынѣ.

Про тебя было, сердечно мило дитятко,
Кажись, ѣствушка по разуму составлены,
Цвѣтно платье по уму было покуплено,
Во прягу была *) ступистая лошадушка,
Тибѣ издятько Бладычнымъ, Божьимъ праздничкамъ
И дана была слободна пора-времечко —
По тихіимъ смиреннымъ по бесѣдушкамъ;
Тебя знали многи добры столько людушки,
Приглашали во бурлаки во молодыи;
Не гнушались тобой красныя вѣдь дѣвушки,
Тебя брали во кружки да хоботистыи **);
Не утай, скажи, желанно наше дитятко,
Для чего же ты отъ насъ да удаляешься,
Покидаешь да ты родителей желанныхъ,
Середи грозы безсчастныхъ на погибель,
Ты на луды ***) покидаешь на подводной;
Ой, тошнымъ да мнѣ тошнешенько;
Мою зяблую утробу разрываетъ;
Какъ не слышитъ меня братецъ красно солнышко,
Не спрогóворитъ единаго словечушка;
Какъ булатъ этымъ желѣзомъ груди скованы,
Въ родѣ оловомъ уста его призалиты;
Знаю-вѣдаю печальная головушка,
Укрывается мижонно мое солнышко,
За горушки, мой свѣтушко, толкучія,
За облачка, мой свѣтъ, да заходячіи,
За часты звѣзды да подвосточныя!
Укатается скачоная жемчужинка,

*) Была въ упряжѣ, на готовѣ.
**) Хороводы, извивающіеся при движеніи подобно хвосту.
***) На каменистой отмели.

На иное безвѣстное живленьицо,
Во матушку мой свѣтъ во сыру землю!

Къ матери обращается:

На допросъ возьму родитель свою матушку:
Ты сидѣла ли, печальная головушка,
У рожонаго, сердечнаго у дитятка,
У трудной, у болѣзной у постелюшки?
Ты смотрѣла ли горюшица побѣдная,
Какъ душа да съ бѣлымъ тѣломъ ликовалася *),
Въ друго свѣтно какъ живленьице справлялася;
Могу знать—вѣдать печальная головушка,
Въ торопяхъ да ты вѣдь время торопила,
Во обидушкѣ смотрѣть, знать, позабыла.
Еще слушай же родима моя матушка:
Ты спросила ли рожоно свое дитятко,
Вамъ съ кого глядѣть довольны эты хлѣбушки,
Отъ кого да ждать вамъ легкой перемѣнушки;
У васъ силушка придержалася,
Рѣзвы ноженьки притонталися,
Бѣлы рученьки примахалися;
Нѣтъ надежныхъ у васъ да тыихъ дѣтушекъ,
Не насіяно пшеницы у васъ полюшко,
Не нарощена лядина ясныхъ со́коловъ;
Едино́ было сердечно у васъ дитятко,
Едина́ была скачоная жемчужинка,
Столько изо ста былъ свѣтушко изъ тысящи;
Какъ-то жить будетъ желаннымъ вамъ родителямъ!
Жаль тошнехонько печальной мнѣ головушкѣ;

*) Съ предсмертными мученіями боролась

Изобьетесь вы на лѣтнюй работушкѣ,
Вы назябнитесь студёной, холодной зимой,
Отъ любимоей отстанете скотинушки —
Отъ удалыихъ ступистыихъ лошадушекъ;
Ой, безсчастное хоромное строеньицо!
Не таланна, видно, свѣтлая ты свѣтлушка!
Знать, на мшишечкахъ *) бревнишка были смичены
Знать, худыма топоренкамы изсичены,
Подъ дождёвоей водой да брёвна плавлены,
На угрюмо мѣсто домъ да видно ставленъ;
Тридцать саженъ-то его да въ землю вкопано,
Три сажени-то его да вверхъ подынуто;
Какъ сверломъ окна просверлены,
Рѣшетомъ свѣту наношено;
Супротивъ нашей страдомой хоромынки
Пекё солнышко теперь да не по прежнему,
Какъ свѣтёлъ мѣсяцъ свѣтитъ не по старому ***).

Къ матери—продолжаетъ:

Глупо сдѣлали сиротны вы родители,
Попытаться къ знахарямъ вы не ходили,
Не лячили вы сердечно свое дитятко,
Не избыли отъ злодійной вы смерётушки;
Могу знать вѣдать горюша я побѣдная,
Какъ отъ этой злодійки—душегубицы

---

*) На мхахъ умеяьш. ф.
**) Намѣчены.
***) У Шейна: Какъ не ясенъ день безъ краснаго солнушка.
Мнѣ не весело жить безъ васъ, моя милыя дѣтушки (II, 7, 18 19).
У Рыбн.: Какъ сегодняшній съ денечкомъ
Не свѣтитъ солнце по лѣтнему.
Не грѣетъ по вешнему. (III, 417, 5, 7—9).

И богатыи купцы не откупаются,
И цари столько отъ ней не попираются;
Такъ вѣдь Господомъ Владыкой обзаконено,
Сколько на́ роду-то вѣкушки *) уписано;
Мы подумаемъ, родитель съ тобой матушка,
Поставимъ-ко столы да мы дубовыи,
Сготовимъ-ко мы питьица медвяныи,
Закупимъ всяки ѣствица сахарныя,
Зазовемъ да мы моло́дыхъ красныхъ дѣвушекъ,
Запоютъ какъ звонъ—унылы **) оны писенки ***)
Може, стане тутъ удалой доброй молодецъ,
Тутъ спорхнетъ нашъ соколочикъ златокрыленькій;
Ой, не ладно я горюшица удумала,
Я не хо́рошо побѣдная уладила,
Вдругъ дубовыи столы да пошаталися,
Золотыя яндовы ***) да роспаялися,
Вся конфорова ****) посуда приломалася,
Тутъ медвяное питье да проливалося,
Красны дѣвушки того да испугалися;
Чего нѣтъ, да того на́ свѣтѣ не водится,
Мертвой-то живому не товарищъ;
Лучше сходимъ-ко, родитель родна матушка,
Во эту съ тобой свѣтлую свѣтелочку,
Мы возьмёмъ да его цвѣтно это платьицо,
Со гвоздя возьмёмъ фуражки новомодныя,
Со полу́ возьмемъ сапоженьки козловыи,
Говорить станемъ скачоной мы жемчужинкѣ,

---

*) Вѣку, жизни; умен. форма.
**) Умильныя, трогающія.
***) Пѣсни умен. форма
****) Мѣдный сосудъ для разливанія пива.
*****) вм. фарфоровая.

Ты одѣнься-тко во цвѣтно свое платьицо
Поѣзжай въ гости любимое гостибище,
Взвесели тамъ свою волюшку,
Поиграй во кружечкахъ хоботистыхъ,
Ты бери себѣ тамъ ровню—милу парочку *)
Выбирай себѣ любимую семьюшку; **)
Знать, не гостюшко будетъ не желанной,
Бывъ убитъ—лежитъ удалой доброй молодецъ,
Нашъ подшибенъ соколочикъ злотокрыленькой;
Отрѣкнуться отъ скаченой набъ жемчюжинки.
Я схожу лучше во лавочки торговыя
Закуплю лучше бумаженьки гербовой,
Тутъ попросимъ мы родитель съ тобой матушка,
Да ты—милое сердечко свое дитятко
Я—братца, свѣтушка́ мнѣ-ка родимаго,
Написать намъ словечюшка прилестныи,
Письмо—грамотку побѣдныимъ завѣтную;
Мы положимъ ю во свѣтлую свѣтелочку
Мы запрёмъ писмо въ ларцы да окованыи:
Послѣ нашей скаченой жемчужинки,
Какъ на нашей на родимой родинкѣ.
На прогульной славной уличкѣ,
Во этомъ селѣ да деревенскомъ—
Какъ краса—баса въ деревнѣ со убожествомъ,
Ко Москвы эта деревня примѣнитая ***)—
Приходить стане Бладычной, Божій праздничекъ.
Соѣзжаться будутъ добры эты людушки,
Прибираться буде родъ—племя любимое,
Мы сберемся на родиму свою родинку,

*) т. е. подругу.
**) Жену.
***) На Москву похожая.

Не для хлѣба приду соли наѣдатися,
Не для славнаго любима угощенья,
Засмотрить приду родителей желаланныхъ;
Ты послушай же родима моя матушка,
Не впадись въ тоску великую кручинушку,
По сердечномъ роженомъ своемъ дитяткѣ;
Тутъ мы сходимъ въ мелко рубленыя клеточки
Мы во эту во столову пройдемъ горенку,
Отопремъ да мы ларцы тутъ окованыи,
Прочитаемъ мы писемко—заблудящее,
Обольемся мы слезами горегорькими,
Породіемъ *) тутъ великую кручинушку;
Ой, несчастны мои думы безталанныя!
Не по думушкамъ то дѣло становилося,
Безъ писемка мы съ рожонымъ порозстался.

Къ сосьдямъ,—указывая на мать:

Ужъ вы облачки ходячіи туляйтесь-ко,
По поднебесью вы тучи разбирайтесь-ко,
Красно солнышко на уличко повыстань-ко
Бѣлой свѣтушко въ околенку повыглянь-ко!
Ой, смотрите-тко народъ вы люди добрыи!
Не отъ корню старо дерево срывае,
Не отъ туци сыру землю поливае,
Не отъ вѣтра сине море разстонулося,
Не отъ сивера волна да разшумѣлася;
Какъ тоскуе сирота да горегорькая,
Горекуе **) по сердечномъ она дитяткѣ;

---

*) Поразсѣемъ.
**) Горюетъ.

Она падае родима о дубовой полъ,
Слезы катятся у ей, да какъ рѣка бѣжитъ,
Возрыдатъ она побѣдна, какъ порогъ шумитъ;
Ю великая кручина удоляе *)—
Зла—дѣтиная тоска неугасимая;
Ой, держите-тко родитель мою матушку,
Вы подъ правую держите ю подъ рученьку!
Да ты слушай-ко сиротна бѣдна матушка:
Не впадись вь тоску великую кручинушку,
Ты не трать да бѣдна ясны свои очюшки,
Не скорби да бѣдна бѣло свое личушко,
Не круши свое ретливое сердечушко;
Все жива бѣдна въ могилу не вкопаешься,
Со тоски да во сыру землю не скроешься;
Не видать больше дитятка сердечнаго
Не на полюшкѣ тебѣ да не на морюшкѣ;
Ты бы всячески побѣднушка годилася,
Родной матушкой безсчастна не родилася;
Толь таланна ты родитель—моя матушка!

Мать—къ сосѣдямъ:

Дайволюте-тко народъ вы люди добрыи,
Вси приближнія, спорядныя сусѣдушки,
Мои милые вы сродчи—столько сроднички!
Не держите-тко подъ бѣлы меня рученьки,
Не жалійте вы побѣдную головушку!
У мня личушко пристаршее—сиротское
Текутъ слезы у горюши—холодна вода;
Хоть волосушки падаютъ—сѣдыи, надломленыи;

*) Угнѣтаетъ.

Кабы знали про то свѣтушки бы вѣдали,
Про мою жалость велику бы утробную,
Жаль тошнешенько сердечнаго мнѣ дитятка;
О сыру землю рожденье укрывается!
Во глубокъ погребъ рожденье опущается!
За горы нонь воспитанье отлѣтаетъ:
Потеряла нонь таланъ да всю я участь.

Выходитъ на крыльцо:

Нонь по выду на крылечико переное,
Гдѣ дѣлаютъ колоду бѣлодубову,
Гдѣ ладятъ кресты животворящіи;
На доспросъ возьму я плотничковъ-работничковъ:
Ай же, плотнички-работнички!
Хто задалъ *) вамъ золоту казну безчётную,
Што вы дѣете холодную хоромину—не мшоную;
Не обнесены брусовы бѣлы лавочки,
Не прорублены косѣвчаты окошечка,
Не врѣзаны стекольчаты околенки,
Не складена печенька муравленая,
Не услана перинущка пуховая,
Не собраны утѣхи вси съ забавушкой;
Ой, вы добрыи сусѣди спорядовыи!
Не зорите тепловито наше гнѣздышко,
Не тешите вы колоды бѣлодубовой,
Не пугайте вы безчастныхъ насъ родителей;
Ужъ мы клубышкомъ побѣдныи катаемся, **)

---

*) Заплотилъ.

**) У Рыбн.: «Какъ сегодняшнимъ денечкомъ
«У меня да у горюшицы
«Сердце клубышкомъ катается
«Оно червышкомъ свивается

Ужъ мы червышкомъ безсчастныи свиваемся,
Съ одинокiимъ дитёмъ да разставаемся.

Мать—къ покойнику:

Я состряпала стряпню да суэтливую,
Ужъ я сладила обѣды полуденныи;
Разсвѣтись да ты, яра моя свичушка *)
Да ты стань-востань, болѣзно мое дитятко,
По старому кормилецъ мой по прежнему,
За дубовой столъ садись да хлѣба кушать!
Ты возрадуй насъ родителей желанныхъ,
Взвесели своихъ любимыхъ сродчевъ-сродниковъ
Какъ до этой поры да было времячка,
До сегоднишния Господня Божья дѐнечка.

Къ родственникамъ:

Не прогнѣвайте-ткось родъ-племя любимое
На пристаршую, побѣдную головушку!
У мня ѣствушки теперь да не по старому,
Угощенье у меня да не попрежнему;
Со этой обидушки злодiйной
Безъ ума хожу побѣдна нонь безъ разуму;
Пожалiйте-тко родъ племя любимое,
Пожалiйте-тко вы мать да бездѣтиную!

«Оно кровью обливается,
«Ужъ какъ мнѣ то порозстатися,
«Мнѣ водой ли порозлитися,
«Али клубомъ отъкатитися
«Отъ тебя, рожонаго дитятка?
«Не могу я отъкатитися,
«Не могу я порозстатися
«Отъ тебя, рожоное дитятко.» III, 418, 25—35

*) Свича умен. свичушка.

Къ сосѣдямъ:

Послѣ моего кормильца—мила дитятка
Какъ приходить стане разливня красна веснушка *),
Какъ пойдутъ его любимы поровечники **),
По гульбищечкамъ пойдутъ—по прокладбищамъ,
Красны дѣвушки пойдутъ да по гуляньицамъ,
Добры мблодцы въ снарядной во покрутушкѣ,
Пріосѣдланы ступистыя лошадушки,
Во сѣделышка у ихъ да во черкасскіи,
На добрыхъ коняхъ оны да разъѣзжаютъ,
Жалки пѣсенки оны да воспѣваютъ:
Ужъ какъ я бѣдна кручинная головушка
Тосковать да подъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
Коковать буду горюша подъ околенкой ***),
Какъ несчастная кокоша во сыромъ бору,
На подсушней сижу да деревиночкѣ,
Я на горькой сижу да на осиночкѣ;
Стану по избы горюшица похаживать,
На широкую на уличку поглядывать,
На любимыхъ поровечниковъ посматривать;
Тутъ вѣдь сходится тоска неугасимая,
Удолять стане кручинушка великая;
Ужъ я глядуци на добрыхъ на людушекъ
Съ горя возьму его свѣтло это платьице,
Съ тоски пойду на крылечико перёное,

*) Весна уменьш. веснушка.
**) Ровесники, одногодки.
***) У Рыбн.: Ужь я мать да вѣдь безсчастная:
Какъ кокушка во темномъ лѣсу,
Какъ горюша во сыромъ бору,
Такъ я, бѣдна горюшица (III, 36—39).

Говорить буду любимымъ поровечникамъ:
Ужъ вы подьте ко крылечику перёному,
Вы спуститесь со коней да однокаріихъ,
Вы одѣньте его свѣтло это платьицо,
Вы пройдите-тко по широкой по уличкѣ;
Погляжу бѣдна кручинная головушка
На свое бытто сердечное я дитятко;
Покормлю да свои ясныи тутъ очюшки,
Взвеселю свою безчастную утробушку.

Къ покойнику:

Ты послушай-ко рожено еще дитятко,
Ты приди въ гости къ кручинноей головушкѣ;
Не утай, скажи, кра́сно мое на́ золотѣ,
Мнѣ съ которой ждать тебя сторонушки?
На кою глядѣть путь широку дороженьку?
По утрышку-ль—во роздолье, во чисто поле?
Аль въ полдень мнѣ глядѣть на сине море?
Аль по вечеру побѣдной на зеленой лугъ?
Аль по закатъ глядѣть краснаго мнѣ солнышка,
Въ подъ эту подвосточную сторонушку,
Аль ко этой Божьей церкви посвященной?
Приди по́явись сердечно мило дитятко,
Хоть къ крылечику приди добрымъ мо́лодцомъ,
Хоть незнамой калекой перехожей,
Хоть купцемъ приди Московскимъ;
Не убоюсь—выду, тепла моя пазушка,
Отопру бѣдна горюша дверь дубовую;
Тебя стричу на прогульной славной улицѣ,
Подхвачу тія подъ правую подъ рученьку,
Проведу тебя въ хоромное строеньицо,
Съ тобой сдію тутъ доброе здоровьицо,

Прижимать буду къ ретливому сердечушку,
Глядѣть впрямь буду во бѣло твое личушко,
Глядѣть вточь буду во ясны твои очюшки,
Посажу тебя во чéстной во большой уголъ,
Я поддерну тебѣ столики дубовыи,
Положу тебѣ тарелочки камфоровы, *)
Тебѣ вилочки кладу я золоченыя,
Угощу тебя сердечно мило дитятко.

. . . . . .

Принесу да тутъ бурлацко еще платьицо,
Я по ноженькамъ сапоженьки козловыи,
Сокручу тія—рожено мило дитятко
Словно славнова купца да какъ Московскаго;
По дубовому полу станешь похаживать,
Козлóвы сапоги станутъ поскрипывать,
Стане матушка на дитятко поглядывать.

. . . . . .

Принесу да тутъ гребеночку калёную **),
Учешу твои жемчужныи кудерышки.
Я завью ихъ во колечка золоченыи,
Принесу еще бурлацкую покрутушку,
Поддевочку тебѣ да дорогихъ суконъ,
Кругъ сердечушка кушачики шелковыи,
На головушку тѣ шляпоньку пуховую,
На бѣлую грудь цѣпочку золоченую;
Тутъ заложимъ мы ступистую лошадушку—
Во этыи во санки самокатныи,
Уберемъ да мы во сбрую золоченую,
Мы коверъ-то е-кладемъ да тутъ персидской:
Снаряжу тебя рожено мило дитятко

---

*) Фарфоровы

**) Стальную.

Я по старому тія да по досюльному *)
Ко Бладычному ко праздничку,
На гульбищечко съ бурлаками молодыма,
На гуляньицо со красныма со дѣвушкамъ;
Погляжу да я въ раздолье во чисто поле,
Какъ разъѣзживать сердечно мило дитятко—
На этой на удалой онъ лошадушкѣ;
Ой, безчастны мои мысли—не таланныя;
Всѣ тутъ ѣствушка сахарны разсыпалися,
Разомъ питьица медвяны проливалися;
Вдругъ сотлѣла молодецкая покрутушка,
Какъ на стойлы доброй конь да не имастя;
Знать што тяжкаго грѣха я залучила;
Поразнѣвалась Пречиста Богородица—
На меня, знать, на печальную головушку;
Разлучила со сердечнымъ меня дитяткомъ,
Обсиро́тила побѣдну, мать дѣтиную.

Къ сосѣдямъ:

Ой, вы слушайте-тко добры столько людушки!
Не умильно хоть не складно причитаньице.
Не унылой у мня жалкой этотъ голосокъ:
Послѣ своего сердечнаго нонь дитятка
Мнѣ въ опорченкахъ побѣдной находитися
Буде по міру горюшѣ набродитися;
Мнѣ по чанчанкамъ нуженкой наскрипитися,
По подоконью побѣдной настоятися,
Межъ дворами мнѣ обидной столыпатися,
Мнѣ ходить буде калѣкой перехожей...
Ой, тошнымъ да мнѣ побѣднушкѣ тошнёшенько!

---

*) Какъ бывало до сихъ поръ.

Буде совѣстно мнѣ этыхъ людей добрыхъ;
Вы не сгруснитесь спорядныи суседушки
На побѣдную старушку стародревнюю
Не огрубьте меня грубыимъ словечушкомъ.
. . . . . .
Не началась я горюша не надiялась,
Што возрощу себѣ мило это дитятко.
Тутъ возростила, побѣдна взрадовалася;
Былъ старатель-то крестьянской онъ вѣдь жирушки,
Онъ заботной на крестьянскую работушку,
Онъ спацьливой до сердечныхъ былъ родителей
Нарѣкалъ всегды великiимъ желаньицемъ;
Какъ ходили по крестьянской по работушкѣ—
Мы за шуточки работу работали,
За веселье день по вечеръ коротали;
Пройдетъ день да тутъ у насъ невидаюци,
По скорёшеньку работа сработается;
Онъ спѣвалъ да звонъ—унылы жалки писенки,
Спотѣшалъ да молодецку свою молодость;
Доброумились побѣдны мы головушки,
Какъ орелъ да бытто въ садѣ воспѣваетъ,
Какъ соловьюшко въ зеленомъ возжупляетъ,
Дивовались всѣ вѣдь добры эты людушки..
Ой, тошнымъ да мнѣ побѣдноей тошнешинько:
Ужъ какъ этымъ нонько малыимъ обнощьицемъ
Не могла-то я горюшица докликаться,
Я по утрышку словечка допытатися
У своего да я у роженаго у дитятка;
Не дай Господи на семъ да на бѣломъ свѣту—
Столько нé въ пору разстаться не во времечко!
Лучше мнѣ пришла бы скорая смеретушка.
. . . . . .
Все мы думали печальныи головушки:

Пріобженимъ по студеной холодной зимѣ,
Приберемъ ему любимую семеюшку,
Мы по разуму супругу—молоду жену,
Ему ровно-то изъ красныихъ изъ дѣвушекъ;
Видно, думушки теперечко несчастныя,
Мои мысли у горюши не таланныя!
Кабы знала я горюша про то вѣдала,
Што не долгой-то уписанъ ему вѣкушко,
Я бы малаго вѣдь въ люлькѣ закачала бы,
Въ парной баенкѣ бладенца захвостала бы;
Ужъ такъ то мнѣ побѣдноей тошнешенько —
Раставаться съ возрощенымъ, милымъ дитяткомъ!

Какъ скоро гробъ внесутъ въ домъ, мать вопитъ:

Мнѣ-ка сѣсь было бѣдной горегорькой—матери
На хорошую брусчатую лавочку —
Къ тебѣ—мое рожденье сердечное!
Наглядитесь мои—безсчастныи,
Слезливыи очи ясныи!
Да списать было мнѣ—персонь молодецкая,
Списать скорыя-рѣзвыя поженьки,
Бѣлыя—бумажныя рученьки,
Твое бѣло-румяное личико —
У хорошей у яблони кудреватыя;
Какъ у яблони коренье булатное
Такъ твои-то скорыя поженьки;
Какъ у яблони сучки вѣтки до сырой земли,
Такъ твои бѣлыя бумажныя рученьки;
На яблони листочки камчатыи,
Какъ твое хорошо скруто—платье цвѣтное;

На яблони цвѣтики лазуревы
Какъ твое бѣло румяное личико;
Вершинки на яблони сухо-краснаго золота,
Какъ твои-то молодецкіи волосы;
Не много этой поры времечка,
Все прошло у тебя—миновалося,
Вся гульба, красота полодецкая;
Какъ у тебя, яблунь, верба-кудреватая,
Нынь посохло коренье булатнее,
— Подломились твои скорыя рѣзвыя ноженьки;
У тебя, яблунь, верба кудреватая,
Повисли пруточики висучіи
— Опали твои бѣлыя, бумажныя рученьки;
На тебѣ, яблунь, верба кудреватая,
Повяли цвѣточики лазуревы
— Твое бѣло румяное личико;
Съ тебя, яблунь, верба кудреватая,
Сопали листочки камчатыи
— Скинутъ съ тебя дорого платье цвѣтное,
Со твоихъ со могучихъ со плечиковъ;
Съ тебя, яблунь, верба кудреватая,
Посыпалось сухо-красное золото.
— Опали молодецкіи волосы
— Со твоей бладой, буйной головушки. *)

---

*) У Рыбн.: Подхожу бѣдна горюшица
Ко рожоному жадобному:
«Ты скажи, мое рожоное,
«На кого да пріокинуло
«Меня матерь безсчастьюю?
«Уже не могу я допросытся
«Одно тайное слове ушке
«На досадное сердечушко (III, 418, 11—34).

Когда покойника станутъ полагать во гробъ — продолжаетъ:

Ты послушай-ко сердечно мое дитятко
Не сдавайся со брусовой бѣлой лавочки!
Не спѣшите-тко спорядныи суседушки
Положить его во темную хороминку,
Укрывать его вы тонкимъ полотенечкомъ
Укрѣплять его гробовой доской!
Дайволюте-тко люди добрыи—
Поглядѣть мнѣ на вербу золочоную!
Я о томъ прошу, верба золочоная,
Сговори со мной хоть малое словечушко,
На память мнѣ побѣдной головушкѣ *),
Во-потай скажи сестрицѣ ты родимой,
Памятить будемъ позяблыя обиднушки...
Не забыть буде горюшамъ вѣки-по-вѣки.

Къ попу:

Я клоню да свою буйную головушку,
Я корю свое печальное сердечушко
Со этой вышины да до сырой земли;
Я поклонъ попу отцу духовному
Во эты во рѣзвы ему поженьки;
Вы послушайте попы отцы духовныи,

---

*) У Тихонрав.: За чѣмъ же я тебя,
Свѣта яснаго,
На свѣтъ снородила,
Во святое крещеніе крестила,
Во пелены пеленовила,
Во пелены камчатыя,
Во пояса шелковыя?
Свѣтъ ты мой младой и юношъ,
Юношъ сынъ возлюбленный!.. (Лѣтоп. Р. Л. II, 109).

Да вы вѣрныи служители церковныи!
Вы со выносомъ дитё да хороните-тко,
Честно именно его да вы отпойте-тко,
Штобъ шли да многи добры эты людушки
Проводили бы спорядныя суседушки;
Заплачу да вамъ попамъ отцамъ духовнымъ,
Што сапожонковь своихъ вы не жалили
Што дороженькой вѣдь вы да притрудились;
Разчитаюсь за труды ваши за праведны,
Золотой казны я дамъ да вамъ по надобью;
Со двора я дамъ удоисту коровушку,
Со конюшни-то я дамъ да коня добраго,
Я изъ цвѣтнаго вамъ дамъ да вѣдь изъ платьица;
Потрудитесь-ко попы отцы духовныи
Записать да его въ вично поминаньице,
Вы демьянъ-да этотъ ладонъ разжигайте-тко
Панихиды вы по немъ да отпѣвайте-тко.

Когда воротится съ погоста, встрѣчаетъ поповъ съ словами:

Благодарю да васъ отцевъ-поповъ духовныхъ,
Я за ваше за велико послушаніе,
Што шли ко мнѣ вы не ломалися,
Кручинушки моей не убоялися,
Обидушки моей не устрашилися;
Кручина отъ меня да не отшатнется
Обидушка къ вамъ да не привяжется;
Ужъ какъ шесть пройдетъ учетныихъ недѣлюшекъ,
Я еще прошу отцовъ-поповъ духовныхъ—
Помянуть мое сердечно мило дитятко;
Заплачу да вамъ горюша со вторицею
За ваше за велико безпокойство;
Сапожонковъ своихъ вы не жалили,

Дороженькой бажены притрудились;
Вы идуци къ побѣдной мнѣ головушкѣ,
Унылы черны ризы одѣвали
Мое дитё по честному отпѣвали.

Затымъ идетъ на сарай и вопитъ:

Повзыскать пойду сердечно свое дитятко,
По всему пойду хоромному строеньицу;
Обойду да по селу я деревенскому,
Поспрошу я у любимыхъ поровечниковъ:
Детё да не сидитъ ли на бесѣдушкѣ,
Онъ у тóченыхъ у пялушекъ,
Подлѣ красныхъ тыихъ дѣвушекъ,
Онъ не шутитъ ли съ ними, сидя шуточекъ?
Не могу найти печальная головушка;
Пойду съ горюшка во чистое во полюшко:
Онъ не ходитъ ли въ раздольѣ-во чистомъ полѣ,
Не гулятъ ли онъ, свѣтъ, въ зеленомъ саду?
Не могу прибрать печальная головушка;
Я съ тоски пойду ко быстрой этой ричинькѣ:
Онъ не ходитъ ли по крутому по бережку,
Не стрилятъ ли водоплавныхъ, сѣрыхъ утушекъ,
Со этова оружія за рукавняго?
Не могу найти печальная головушка;
Съ горя кинуся ко синему Онегушку—
Ко пристанямъ кинусь корабельнымъ,
Обойду да я по крутому по бережку:
Какъ не ѣздитъ ли рожено мое дитятко—
На славномъ синемъ морюшкѣ
Не ловитъ ли уловной свѣжей рыбоньки
Этымъ неводкомъ шелковыимъ?
Ловцы ѣздятъ на Онѣгѣ незнакомыи,

Молодцы да столько ѣздятъ съ другой волости;
Не могла найти печальная головушка
Не у быстрой найти да его риченьки
Не на славномъ, синемъ на Онегушкѣ;
Кабы крылышки горюшѣ мнѣ гусиныи,
Да другіи горюшѣ лебединыи,
Я бы по́днялась горюша на сизо крыло,
Выше горушекъ горюша бы высокіихъ,
Выше темныихъ бы лѣсушекъ дремучіихъ,
Вровень съ облачкомъ горюша бы ходячіимъ,
Облетѣла бы горюша подселенну всю,
Я во первое бы поле во Лодейное,
Во другой славной городъ Петербургской бы,
Я во матушку слетѣла бы въ большу Москву,
Повзыскала бы сердечно свое дитятко
Во лакеяхъ повзыскала у господъ бы я,
Иль во кучерахъ его да у священниковъ;
Не нашла бы тутъ сердечнаго я дитятка;
Обошла бы по казармамъ я казеннымъ,
Повзыскала бъ по солдатамъ новобранымъ,
По мастерскимъ бы я искала по столярнымъ;
Куды-хоть брошусь побѣдная головушка
Не найти столько роженаго мнѣ дитятка;
Мнѣ-ка во́ вѣки побѣдной не видать буде,
Мнѣ-ка на слыхѣ побѣдной не слыхать буде;
Хоть отпущено рожено у мня дитятко,
Хоть не въ дальную дорожку безъизвѣстную,
Не въ лѣсныи перелѣски мутарсливыи,
Ко этой Пресвятой да Богородицѣ,
Во матушку да во сыру землю,
Во погреба онъ да во глубокіи;
Теперь все прошло миновалося,
Я на вѣки съ дитемъ да порасталась;

Не́ къ кому горюшѣ пріютитися,
Не́ къ кому побѣдной пришатитися;
Къ роду мнѣ горюшицѣ ко племени?
Аль къ сердечнымъ-любимымъ племянничкамъ?
Отъ чюжихъ людей не довольны эты хлѣбушки,
Отъ пле́мнятъ не велика приберегушка,
Только на́ сердчѣ великая зазнобушка;
Лучше жить буду побѣдная головушка
Во своемъ я во строеньицѣ уныломъ,
На печальной кирпичной своей печенькѣ;
Може, сдобрится родъ-племя любимое,
Сжалуются сродчи мои сроднички
До меня, горюши безпріютной;
Може, засмотрятъ побѣдную головушку

---

*) У Шейна: Я живу сиротинушка, со чужими людьми:
Со чужими людьми, съ не родными дѣтьми,
Чужи дѣтушки не жалостны, чужи люди не догадливы;
Какъ я теперь при старости, что при старости и при хворости
Мнѣ не съ кѣмъ подумать крѣпкой думушки;
Я шатаюсь промежь добрыхъ людей, какъ травинушка;
Я подумаю своимъ глупымъ разумомъ:
Есть ли на свѣтѣ такіе люди безчастные?
Зародила меня матушка на горе,
Надѣлила меня частью горькою.
А вы, мои милыя дѣтушки сердечныя,
Я жила съ молодыхъ лѣтъ въ одиночествѣ;
Я надѣялась на васъ своей крѣпкой надеждушкой,
Я думала, вы будете мнѣ посылочки и поговорочки,
А я думала вы будете мнѣ поильцы, кормильцы;
Ростила я васъ до хорошаго до возраста,
Сокрушала я васъ съ молодыхъ лѣтъ,
Наукала я васъ уму, разуму.
Не сулилъ мнѣ Господь Богъ съ вами пожить;
Вы оставили меня, сиротинушку скорымъ скорешенько,
Вы обрадовали меня, да не надолго;
Миновалась вся жизнь моя хорошая,
А теперь назижусь я всякой всячины! (XII 7, 25, 5—15).

О свѣтломъ Христовѣ воскресеньицѣ,
Аль Бладычномъ Божьемъ праздничкѣ;
Хоть вы цвѣтно его платье разберите-тко сь
Межъ ду-другомъ порода раздѣлите-тко,
Сироту меня посмѣнно засмотрите-тко!

VIII.

плачъ по дочери.

Какъ сегоднымъ, долгимъ годышкомъ,
Передъ этой злой обидушкой
Унывало все ретливое сердечушко,
У меня да у позяблой бѣдной матушки;
Говорила мнѣ-ка бѣлая лебедушка:
„Я не знаю же родитель—мой мижонной день,
„Што болятъ да крѣпко рѣзвы мои ноженьки,
„Што устали нонь дѣвоцьи, мои рученьки,
„Измѣнился бѣлой свѣтъ да со ясныхъ оцей;
Хоть дождусь-то я темной этой ноченьки,
„Хоть я лягу на тесовую кроваточку,
„Все болитъ да моя буйная головушка;
„Ты будить придешь родитель жалосливая,
„Кое-какъ да на постелѣ я розмаюся;
„Погляжу тутъ во косѣвчато окошечко:
„Віютъ витрышки на ши́рокой на уличкѣ,
„Погодушка стоитъ во чистомъ полѣ“.
Я не знала бѣдна мать, горька-дѣтиная

Што разлукушка съ сердечнымъ буде дитяткомъ:
Было совѣстно сказать да во добры люди,
Што грузна́, больна бѣлая лебедушка:
Тутъ по моему великому безсчастьицу
Вдругъ склонило ю тяжело неможеньице,
Сустигала злодій-скоряя смерётушка;
Я сидѣла тутъ по темнымъ у ей ноченькамъ,
Провожала съ ей Господни — бѣлы де́нечки,
Я забросила крестьянскую работушку,
Прозабыла всю любимую скотинушку,
Поднимала отъ пуховой ю перинушки,
Я держала ю на бѣлыхъ своихъ ру́ченькахъ;
Говорить да стала бѣлая лебедушка:
„Не могу сидѣть, родитель жалосливая,
„Не глядятъ да ясны очюшки набѣлой свѣтъ,
„Я труднымъ да нонь, лебедушка, труднешенька.
Приносить стану тутъ ѣствушки сахарніи,
Стану подчивать сердечно свое дитятко:
— Цего хочешь, моя бѣлая лебедушка,
— По уму сложу тѣ питьица медвяныи.
Говорить стане сердечно, мило дитятко:
„Не спѣшись моя, родитель жалосливая,
„Не ходи да ты во лавочки торговыи,
„Не бери ты мнѣ-ка сладкаго яденьица,
„Ты не трать, мое желанье, золотой казны,
„Не тревожь ты добрыхъ многихъ этыхъ людушекъ,
„Не труди меня при трудноей постелюшкѣ;
„Проститъ Господи въ великомъ согрѣшеньицѣ,
„Може, дастъ Господь добраго здоровьица,
„ И наставитъ мнѣ-ка долгова онъ вѣкушку.
— Уже день за день, какъ рѣка течетъ:
Приходить стала разливня красна вёснушка,
Стало синее Онего разливатися,

Мое дитятко отъ насъ да удалятися;
Бывъ, какъ дождички уходятъ во сыру землю,
Какъ снѣжечки быдто таютъ кругомъ на́околъ огней.
Въ родѣ солнышко за облачко теряется,
Также дитятко отъ насъ да укрывается;
Какъ свѣтелъ мѣсяцъ по утру закатается,
Какъ часта звѣзда стерялась поднебесная,
Улетѣла моя бѣлая лебедушка
На иное безвѣстное живленьице!

Когда одѣнутъ:

Ой, долитъ меня дѣтиная тоска не угасимая:
Нонь крутятъ мою косату, милу ластушку,
Во умершее крутятъ да ю во платьице;
Я пойду съ горя во свѣтлую свѣтелочку,
Со обиды по ларцамъ я окованыимъ,
Я повыну ейно цвѣтно это платьице,
Приложу да ей на бѣлыи на грудюшки;
Ужъ я эту жемчужную подвѣсточку
Положу да я на бладу ей головушку;
По подвѣсточкѣ розову косыночку,
Я заглажу ейны русыи волосушки,
Уберу да я завивну ейну ко́сыньку
Въ дорогіи, золотыи эты ленточки;
По русой косы кладу цвѣты алыи,
Я накину тутъ соболью эту шубоньку
На дѣвоцьи ей на бѣлыи на плеченьки.
Полюбуйтесь-ко, родъ племя любимое,
Покрасуйтесь-ко, совѣтны—дружны по́ружки,
Со сторонъ глядя, сусѣди спорядовыи!
Ой, тошнымъ да мнѣ побѣдной тошнешенько,

Не цвѣтно́ ноньку басисто на ей платьице,
Не приляже къ ей жемчужная подвѣсточка,
Ю не грѣетъ-то соболья ноньку шубонька;
Убираютъ мою бѣлую лебедушку
Во эту нонь колоду бѣлодубову;
Не жалѣю я, побѣдная головушка,
Не этой пуховой я перинушки,
Не эта соболина одѣяльица;
Устелите-тко перину хорошохонько,
Вы одѣньте-тко, лебедушку, теплёшенько,
Отрядите мое дитятко любёшенько!
Распороли бы нонь грудь да мою бѣлую,
Посмотрѣли бы во матерну утробушку:
Бывъ огнемъ мое сердечко разгоряется,
Какъ смола кипитъ въ безсчастноей утробушкѣ,
Ушибатъ столько злодійная обидушка!

Къ покойницѣ:

На полётѣ лебедь бѣлая!
Ой, куда летишь-косатушка?
Не утай, скажи, сугрёва моя теплая;
Какъ пчела въ меду добротинка купалася,
Какъ скачонъ жемчу́гъ по блюду разсыпалася:
У стола была любимая стряпе́юшка,
За столомъ да дорогая была ткіюшка;
Изъ котурна, досужа рукодѣльица
Вышивала всяки разны полотенечки;
Столько зарилися многи добры людушки,
Всѣ ласкалися удалы—добры мо́лодцы;
Вѣдь наряжена, кажись, была покрутушка,
Ослобо́жена гостиная недѣлюшка;
Говорили вси совѣтны — милы по́дружки,

Счастливая ты дѣвушка таланная,
Цвѣтными́мъ ты платьемъ изнавѣшена,
Тяжелой ты работой не огру́жена,
Браннымъ ты словечкомъ не огру́блена;
Во прягу тебѣ ступистая лошадушка —
Днемъ ѣздить по унылыимъ по свадебкамъ,
Ввечеру да по смиренныимъ бесѣдушкамъ.
Не нача́лась я, горюша, не надіялась;
„Сыто идется дитя, да долго выспится“.
Хоть по выстану по ранному я у́трышку,
По тиху́ приду́ во свѣтлую свѣтелочку,
Тихомолкомъ ко тесовой я кроваточкѣ,
Сотворю да тутъ Іусову молитовку,
Принакрою соболинымъ одѣялышкомъ,
Я поглажу ю по бладой по головушкѣ:
Да ты спи-же, моя бѣлая лебедушка,
Во своемъ пока прекрасномъ ты дѣвичествѣ,
На этой на пуховой ты перинушкѣ.
Знать, што вѣдало ретливое сердечушко,
Што не долго буде ей-наго живленьица:
Какъ сегоднымъ, долгимъ годышкомъ
Было раннее у ней да пробужденьице;
Не охотило сердечно, мило дитятко
Ходить—издить по унылыимъ по свадебкамъ,
По лѣтныимъ ходить да по игрищечкамъ,
По зимныимъ, тихомѣрныимъ бесѣдушкамъ;
Тосковало за дѣвоцьимъ рукодѣльицемъ,
Бывъ въ гостяхъ да у породы именитой.
Не поспѣла бѣдна мать полюбоватися,
На дитятко свое да насмотритися,
Воспокинула ю бѣлая лебедушка;
Не утай, скажи, косата моя ластушка,
Ты на чье насъ покидаешь доброумьице?

Къ родственникамъ.

Спасетъ Богъ васъ порода родовитая
На вашемъ великомъ желаньицѣ!
Вы любили налимную мою ягодку,
Почитали мою бѣлую лебедешку,
По часту брали въ любимое гостибище:
По этой студёной холодной зимѣ
Да вы пóшлете крылата ясна сокола,
На этой ступистой вы лошадушкѣ,
На дубовыхъ вы санкахъ самокатныихъ;
Она гостьицей бывала дву-недѣльной,
По часту была бесѣдницей воскресной;
Какъ пріидетъ со любимаго гостибища,
Все хвалилося сердечно мое дитятко:
Было мистичко во свѣтлой, скаже, свѣтлицѣ
Мнѣ почётъ-то былъ, скаже, во большомъ углу;
Вы на улицѣ голубоньку стрѣтали,
Черезъ два поля вы гостью провожали;
По уму ей были кушанья снаряжены,
По устамъ ей были питьица составлены,
По рукамъ ей красна ложечка положена;
Теперь все прошло миновалося,
Съ родомъ съ племенемъ она поросталася,
Съ отцемъ съ матушкой распростилася,
Нонь далече отъ породы отшатилась!
Не пріидё къ вамъ бѣлая лебедушка
На гостиную уречную недѣлюшку,
Еще слушай же порода именитая!
Попѣняю вамъ любимы милы сроднички:
Столько гнѣвалось сердечно мое дитятко,
Какъ лежало при болѣзноей постелюшкѣ;
Не пришли вы къ ей бѣлоей лебедушкѣ

Засмотрить да вы при крутомъ ю зголовьицѣ;
Знать, боялись вы тяжела неможеньица,
Устрашились, видно, скорой вы смеретушки?
Отъ суда Божія родъ, да мы не дѣнемся,
Отъ смерётушки вѣдь намъ да не убѣгать;
Знать, што не́-вѣсто вамъ было не вѣсти́мо
Про ейно тяжело неможеньицо?
Памятила моя бѣлая лебедушка,
Сожидала крѣпко милыхъ она дяденекъ;
Хоть я писемокъ горюша не писала,
По словечно да я людямъ наказала:
„Што трудна очень бѣлая лебедушка,
„Тяжела она при скорой смерётушкѣ.“
Не посмили вы спацьливы притти дяденьки,
Подоброумить мою бѣлую лебедушку;
Што вы по́долгу теперь снаряжаетесь,
Што вы по́тиху ко мнѣ сподобляетесь?
Не досужна, знать, пора было времечко?
Аль умножила крестьянска васъ работушка?
Кажись, порушка теперь не рабочая,
Времечко кажись не сѣнокосное;
Аль умножила станица малыхъ дѣтушекъ,
Што вамъ не было слободной поры времечка,
Къ намъ притти о Бладычномъ Божьемъ праздничкѣ,
Не о свѣтломъ Христовѣ воскресеньицѣ?
Чѣмъ розгнѣвала васъ бѣлая лебедушка?
Знать, дубовыи полы да притоптала?
Скамѣечки кленовы присидѣла?
Хрустальны она стекла приглядѣла?
Знать, добрыхъ она коней притомила?
Вашихъ дѣтушекъ она ли притрудила?
Знать, дубовы ваши санки прикатала?
Цвѣтно платьицо у васъ да приносила?

Порозгнѣвалась бѣлая лебедушка
На васъ она спацьливыхъ своихъ дяденекъ,
Сожидаютца родима засмотрѣньица;
Была въ живности—бѣлая лебедушка
Говорила мнѣ печальной головушкѣ,
Засмотрили-бъ какъ спацьливы меня дяденьки,
Принесли бы оны доброва здоровьица,
Я поправилась съ болѣзной бы постелюшки,
Я бы стала со тяжела неможеньица,
Отъ этого я складняго зголовьица.
Да вы слушайте-тко родъ племя любимое!
Послѣ моего сердечнаго какъ дитятка
На вашей прогульной славной уличкѣ,
Бладычной Господень буде праздничекъ,
Тамъ гульбищечко буде со прокладбищемъ
Гуляньице буде со весельщемъ,
Приберутся души красны дѣвици,
Ейны милыя сестрицы сдвуродимыя,
Тайны, милыя совѣтны, дружны по́дружки,
Оны къ вамъ во любимое гостибищо,
Станутъ шуточки лебедушки шутить,
Всяки разны будутъ игры приставлять,
Тутъ воспомните сердечно мое дитятко
Вы при милыхъ, совѣтныхъ, ейныхъ по́дружкахъ;
Была первая любимая затѣйщица
На всѣ разныя игры на забавныя;
Взвеселяла васъ спацьливыхъ родныхъ дяденекъ,
Спотѣшала все сердечныхъ вашихъ дѣтушекъ.

При выносѣ.

Ты прощайся-ко рожено мое дитятко,
Съ добрымъ, хоромнымъ построеньицемъ,

Ты со новой, любимой своей горенкой,
Со этыма, милыма подруженькамъ,
Со этыма удалыма ты молодцамъ!
Вы простите жалосливы милы сроднички,
Ты прости—прощай порода родовитая!
Ко бѣлому лицю прикладайтесь-ко,
Ко сахарнимъ устамъ прилагайтесь-ко!

. . . . . .

Вы простите-тко поля хлѣбородныи,
Вы роскосисты луга сѣнокосныи!
День ко вечеру послѣдній коротается,
Красно солнышко ко западу двигается,
Все за облачку ходячую теряется,
Мое дитё въ путь—дорожку отправляется;
Вы идите-тко попы—отцы духовныи,
Отомните Божіи церквы посвященныя!

После отпѣванья.

Наглядитесь-ко побѣдны мои очюшки
Хоть во этой Божьей церкви посвященной,
Про запасъ вы на сердечно, мило дитятко,
Во умершее во бѣло это личушко!
Всѣ попы—отцы духовны сдивовались,
Пономарь звонитъ во колоколъ—мѣшается,
Попы—отцы книги зачитаются!
Херувимскій оны стихъ ужъ допѣваютъ,
Умершій вѣнецъ ужъ прилагаютъ,
Подъ праву руку бумагу кладаваютъ,
На вѣковое живленье отправляютъ.

. . . . . .

Спаси Господи поповъ—отцевъ духовныхъ,
Што священныя вы церкви отмыкали
На престолѣ Божью книгу отворяли,

Не жалили вы свѣщи да воску ярова;
Вы подсвичники на церковь выносили,
Честно — именно лебедушку отпили.

. . . . . .

Какъ берутъ да мою бѣлую лебедушку
Со этой дубовой со скамеечки,
На право́ плечо удалы добры мо́лодцы,
По лѣво́ плечо совѣтны дружны—по́дружки;
Тутъ несутъ оны колоду бѣлодубову,
Со этой Божьей церкви посвященной
На крещенскую на славну оны у́личку,
На эту на Микольску славну Бу́яву;
Опускаютъ мою бѣлую лебедушку
По этымъ оны бранымъ полотенечкамъ
Во могилушку, мой свѣтъ, во сыру землю;

. . . . . .

Я прошу еще поповъ—отцевъ духовныхъ,
Вы глубоки погреба́ покадите-тко
Не жалійте демьяна да вы ладону.

. . . . . .

Ты прости моя, бѣлая лебедушка,
Во семъ меня—вѣку́ да вѣку будущемъ,
Ты во тяжкомъ великомъ согрѣшеньицѣ,
Буде сло́вечкомъ тебя да пріогру́била.
Прозабыла я, печальная головушка,
Поспросить еще сердечно свое дитятко,
Какъ роздать куды любимая покрутушка.
Сотлѣетъ нонь въ ларцахъ да цвѣтно платьице,
Забусіютъ жемчуги нонь перебраныи;
Я кладу ейну жемчужную подвѣсточку
Во эту Божью церковь посвященную,
Ко этой Пресвятой да Богородицѣ,
Я своей души кладу да на спа́сенье,

Я по дитяткѣ на вѣчно поминаніе;
Вси шелковыи платочки заграничныи
Я роздамъ да по удалымъ добрымъ—мо́лодцамъ:
Пусть-ко держатъ о Бладычныхъ—Божьихъ праздничкахъ.
Пусть-ко носятъ кругомъ шеи молодецькой;
Я вси алыи—дѣвоцьи ейны ленточки,
По душамъ роздамъ по красныимъ по дѣвушкамъ:
Пусть спасаютъ оны бѣлую лебедушку.
Взвеселяются на тихіихъ бесѣдушкахъ;
Роздарю да я колечка золоченыи
По милыимъ, сердечнымъ ейнымъ по́дружкамъ:
Пускай носятъ—то на бѣлыхъ оны рученькахъ,
Поминаютъ свою дру́жну разговорщичку;
Я подобрю всю породу родовитую,
Я полажу всѣхъ сердечныхъ, милыхъ сродничковъ,
Сарафаны я роздамъ имъ мелкоскладніи;
Вы придите сироты да безпріютныя,
Вы обидныя вси дочери безотнія;
Я дарю да васъ по розовой косыночкѣ,
Я за то дарю обидныхъ васъ головушекъ,
Што сиротки вы побѣдны — безпріютныи,
Вамъ не́ отъ кого ждать себѣ покрутушки;
Я еще дарю васъ, бѣлыихъ лебедушекъ,
За ваше за великое желаньице,
Привитали вы къ косатой моей ластушкѣ;
Засмотрили во болѣзной ю постелюшкѣ,
Взвеселяли во тяжеломъ неможеньицѣ,
Проводили вы, косату мою ластушку,
До этой Божьей церкви посвященной,
Вы несли да ю на бѣлыхъ своихъ ру́ченькахъ,
На своихъ несли вы бладыихъ головушкахъ.
Ужъ вы слушайте сиротны малы дѣтушки!

Вы ходите-тко къ побѣдной мнѣ скорёшенько,
Засмотрите-тко позяблую частёшенько,
Во обидушкѣ меня разговорите-тко;
Погляжу на васъ, побѣдная головушка,
На свою да какъ я бѣлую лебедушку. *)

. . . . . .

*) Приводимъ здѣсь еще коротенькій «плачъ о дочери» изъ Терещенки:

Думала ль я, гадала ли я, что доживу до печальнаго разставанья, и буду охать въ тоскѣ и въ бѣдѣ. Не взмилилось мнѣ горемычной кручиниться, пришлось мнѣ говорить тоску лютую, гробовую. У насъ бьется сердце по тебѣ, убивается, а некому утѣшити. Всякой часъ, всякую минуту, по полуднямъ, по полуночямъ, ни заѣмъ, ни запью, не проливъ слезы ручьями пристальными. Ой горькая истома моя! Бѣдная головушка, съ утра до вечера кручинная! Ты душа, мой ангельчикъ, была бѣлѣе снѣгу бѣлаго, румянѣе солнца огненнаго, миловидиѣе луны серебристой, а теперича? О, охъ! — Вздохни, отзовися, аль ты полюбила сырую мать землю, забыла свою родную? Подымались мятели со снѣгами, то на наше бѣдованье: выходили тучи изъ за-облакъ вьюгами грозными, то на наше сѣтованье: они унесли нашъ свѣтъ ненаглядный; они зарыли и землей прикрыли. Не потужилась бы я, кабы болѣсть не тяготила на моей красотѣ; ложилась бы спать я, рапымъ ранехонько, кабы знала, кто меня уложитъ! Не рыдала бы я, какъ бы предвѣдала закатъ ненагляднаго дитятка! То мнѣ и утѣшенье, какъ поплачу.— Заря зарница выходитъ, какъ красная дѣвица, а ты не взойдешь: съ черною ночью сдружилась. Звѣзды взойдутъ огнекрупными слезами, на тебя взглянутъ и падаютъ, а ты, дитятко дорогое, одна не шелехнешься? Сорву ли цвѣточки, положу ли на могилку, ни завянутъ отъ моихъ слезъ, слезъ горючихъ! Кто выпьетъ мою воду, какъ не сырая земля! О ты моя незапамятная! Во снѣ, али на яву я плачу рыданьемъ и тебя не вижу? Во мнѣ все закручинилося, золотая моя рябонька, горошечка-малиновка, душечка канареечка, ума разума не приложу, за что оставила? Вдоволь было истомы въ моей жизни, а ты еще прибавила. За то ли, что я тебя любила, али чѣмъ я тебя прогнѣвала Повѣдай ангельчикъ, не скрывай; скажи: я одна подлѣ тебя: я давно жду твоего отвѣтика, аль ты загордилась, аль не узнаешь голоса взрыднаго? Кланяюсь, цѣлую въ розовыя губки, скажи, хоть на ушко, порадуй не порядную, обними обнимающую тебя. — проснись, пробудись, аль ты спишь вѣковымъ сномъ. (Б. Р. Н. 101, 102).

IX.

ПЛАЧЪ ПО КРЕСТНИЦѢ.

Какъ сегоднишнимъ, Божьимъ де́нечкомъ,
Изпоранному было по утрышку,
До ранняго пѣтунья воспѣваньица,
До уныла соловьинаго жупляньица,
До ранней зори спорыданьица,
До бѣлаго свѣту разставаньица,
До красна солнца выставаньица;
Я сидѣла все, побѣдная головушка,
У своей бѣлой лебедушки
У милаго, крестоваго у дитятка,
Безпокоилась нонь темну всю я но́ченьку;
Трудно—тяжело въ постелюшкѣ лежала,
Она бѣлы свои рученьки сгибала,
На бѣлу́ю грудь ко мнѣ она бросала,
Сама ласковы слова да говорила:
„Благодарствую, крестова моя матушка,
„На всемъ твоемъ сердечномъ я желаньицѣ;
„Съ малыхъ лѣтъ взяла на бѣлы меня рученьки,
„Ты возро́стила обидну, красну дѣвушку,
„Наложила мнѣ-ка цвѣтно это платьице,
„Дорогіи сарафаны — новомодныи,
„Кашемировы платочки — заграничныи,

„На головушку косыночки мнѣ розовы
„Во русу косу мнѣ алыя все ленточки,
„Во ушеньки серёшки бриліантовы,
„На бѣлую грудь цѣпочку золоченую;
„Меня гладила по бладой по головушкѣ,
„Учесала всегды желту мою косыньку;
„Походить стану хоть бѣлая лебедушка
„На гульбищо я на кладбищо
„Со этыма красныма дѣвушкамъ,
„Все наказыващь крестова моя матушка,
„Ты дороженькой ходи потихошеньку,
„На походочку будь все крѣпливая,
„На ричку будь поговорючь чвановитая,
„Ты головушку носи-держи поклонную
„Ты поклонъ держи отъ стараго до малаго,
„Ты старому держи да ради старости,
„Ты малому держи да ради глупости,
„Ополу вѣку поклонъ да ради похвалъ;
„Да ты такъ води бѣлая лебедушка,
„Штобы вѣтрышки про насъ не навіялись,
„Понапрасну добры люди не набаялись,
„Худой славы про тебя не насказали бы,
„На мое сердце тоски бы не наздынули;
Говорила еще бѣлая лебедушка
При послѣди она поры времечка,
Наказала мнѣ на память едино слово:
„Какъ посли меня крестова моя матушка
„Тосковать будешь по миломъ своемъ дитяткѣ,
„Ты гляди да на спорядныихъ суседушекъ,
„На моихъ гляди совѣтныхъ-милыхъ подружекъ;
„Привитай къ сибѣ на тиху на бесѣдушку,
„У меня нонь у бѣлоей лебедышки
„Видно, все прошло миновалося,

„Видно, вѣкъ мой дѣвоцій коротается.
„Цѣлыхъ три этыхъ учетныхъ недѣлюшки
„Я лежу да во тяжелой во постелюшкѣ,
„Ты не сгруснулась крестова моя матушка;
„Хоть день живешь на трудной на работушкѣ,
„Ты осенну, темну ночь да у постелюшки;
„Ты выспрашивашь крестова у мня матушка:
„Трудно-тяжело крестово мое дитятко,
„Не радію тебѣ скороей смерётушки,
„Я спрошу бѣдна-побѣдная головушка,
„Куды класть эта любимая покрутушка,
„Какъ што сдіется надъ бѣлоей лебедушкой,
„По любви скажи крестово мнѣ-ка дитятко;
„Немогу сказать крестова тебѣ матушка,
„Темна ноченька теперь да на исходѣ вѣдь
„Ко крылечушку смерётушка подходитъ;
„Ты буди давно любимую семеюшку,
„Воскликай свѣтовъ братцовъ ты родимыхъ,
„Возбуждай моихъ вѣтляныхъ ты нешутушокъ;
„Ужъ ты вынь съ моей руки созлаченъ перстень,
„Нонька нé люба любима мнѣ покрутущка;
„Вы простите вся любимая семеюшка,
„Во тяжкомъ меня вы согрѣшеньицѣ,
„Во великомъ меня непослушаньицѣ,
„Ты прости меня крестова моя матущка;
„Со правой руки дарю тіѣ злачень перстень,
„Ты держи да по годовымъ его праздничкамъ
Обстолпилася любима вся семеюшка;
Мы глядили во ясны ей очюшки,
Тутъ смахнула она бѣлы свои ручушки,
Крестъ положила по писаному;
Подошла да злодѣй скоряя смерётушка
Она крадци подошла къ милу дитятку;

Опустили вдругъ мы бѣлую лебедушку;
Ясны очюшки у ей да закатились,
Вдругъ поблекло ейно бѣлое это личушко;
Кровь-румянецъ со бѣла лица смѣнилась;
Красота со бѣла лица стерялась;
Улетѣла наша бѣлая лебедушка,
На иное, вѣковое живленьицо!
Кабы знала, побѣдна, про то вѣдала,
У крыльца да стоитъ скорая смерётушка,
Я любимой семейки не будила бы,
Съ простоты дверей я не отворила бы,
Не за што этой злодійки не пустила бы;
Все я думала, побѣдная головушка:
Какъ востанетъ вся любимая семеюшка,
Обстолпимся кругъ тесовой мы кроваточки,
Не допустимъ этой скорой мы смерётушки.
Хоть я ростила родимо это дитятко,
Я съ трехъ годъ безъ желанныхъ родителей
Ублаждала ейну буйную головушку
Хоть остуду отъ семьи я принимала,
Тихомолкомъ ей покрутушку справляла:
Ужъ я ладила ларцы ей окованыи,
Ужъ я клала ей трубы столокотнія, *)
Запасала ей дары тонко бѣлыи,
Я справляла ей пуховую перинушку,
Весь уборъ да на тесовую кроваточку;
Во почётѣ была бѣлая лебедушка
Все у этой холостьбы да неженатой;
дивовали всѣ спорядныи сусѣдушки,
Што въ почетѣ ходитъ дочь да все безотняя;

---

*) Куски полотна во сто локтей

Не обносятъ ю крестьяна полномочныи;
Хитро—спацьлива крестова у ей матушка;
Знать, не спроста вѣдь покруту покупаетъ,
Видно, съ хитростью в[illegible] гульбища отправляетъ;
Все я думала печальнымъ своимъ разумомъ:
Продержу да я до полнаго до возраста,
До урѣчныхъ дѣвоцьихъ двадцать годышекъ —
Пусть покрутушкой она да покрасуется —
Погляжу, бѣдна горюша—налюбуется;
Тутъ повыберу судиму ей сторонушку,
Я крестьянина въ селеніи полномочнаго;
Не въ укоръ было-бъ любимоей семеюшкѣ,
Не въ присловье отъ блада сына отецьскаго,
Што имъ взята у меня—дочь безотняя,
Не наполнены ларцы—окованыи;
Вѣрно, думушки мои все несчастныя,
Безталанна, знать, пуховая перинушка;
Я сберу да на ступисту все лошадушку,
Я повывезу на чистое на полюшко,
Я придамъ къ огню тесовую кроваточку;
Пусть не ржавіе ретливое сердечушко,
Какъ во нашемъ во дѣвоцьемъ, зеленомъ саду —
Всѣ посохли нонь сахарны деревиночки,
Всѣ поблѣкли эты розовы цвѣточики;
Въ родѣ деревца стоятъ какъ подсиченки,
Бывъ шелковая трава, кѣмъ подкошеная;
Измѣнилася рощица зеленая.
Приклонилася травонька шелковая;
Не поспѣла моя бѣлая лебедушка,
Съ ростомъ-возрастомъ сравнятися,
Съ родомъ съ племенемъ нагулятися,
Сколько розана травы да побывало,
Столько въ живности дитё да постывало;

Воспокинуло крестову свою матушку;
Удалилась моя бѣлая лебедушка
За горушки она за высокія,
За облачка она за ходячіи,
Къ красну солнышку дѣвица во бесѣдушку
Къ свѣтлу мѣсяцу-она въ приберегушку!

Когда сокрутятъ покойницу, крестная мать вопит г·

Не утай, скажи, косата моя ластушка,
Ты чего моя косатушка спугалася?
Вдругъ отстала отъ крестовой ты отъ матушки;
Знать, того да ты спугалась моя ластушка,
Што вѣдь годышки идутъ нонѣчь бѣдовыи,
Молоды да пошли людушки мудреныи,
Холосты пошли ребята нонь безсовѣстны,—
Набъ по уличкѣ ходить да все умнешенько.
Возгорчилась, знать, косата моя ластушка,
Што нѣтъ зимняго тебѣ да все извощичка,
Нѣту лѣтняго тебѣ да провожателя,
Сберегателей нѣтъ вольной твоей волюшки.
Приходить стане Христово воскресеньице,
Говорить станешь косата моя ластушка:
Ты послушай же крестова моя матушка,
Ты спусти меня обидну, красну дѣвушку,
Ты на тиху, на смиренну на бесѣдушку;
Всѣ въ собраньицѣ совѣтны мои по́дружки;
Тутъ я сгру́снусь на косату тебя ластушку:
— Баловать потти съ удалыма со молодцамъ,
— Лучше сядь да подъ косѣвчато окошечко,
— Ты возьми свое дѣвочье щепетеньице, *)

*) Вышиванье на пяльцахъ

— Отвори да край косѣвчата окошечка,
— Воспѣвай да звонъ—унылы жалки писенки,
— Ты жупи́ да словно пташка въ зеленомъ саду;
— Какъ ходить часто по тихіимъ бесѣдушкамъ
— Бездомовымъ дочерямъ да не приходится;
— Подивуютъ того добры людушки:
— Видно, дѣвушка она самовольная,
— Безъ грозы ростетъ желаннаго безъ батюшка,
— Нѣтъ начала-то желанной у ей матушки:
— Буйны вѣтрышки на насъ принавіются,
— Понапрасну черны вороны награются.
Знать, того ты возгорчилась моя ластушка,
Што гуляньице было со обидушкой,
Возрастаньице твое съ уныванъицемъ;
Я спѣсивая крестова была матушка,
На словахъ была обидная бросливая,
Обиждала тя обидныма словечушкамъ.

Къ сусѣдямъ.

Я гляжу смотрю печальная головушка:
Полна уличка народу людей добрыихъ,
Цѣло сборище удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Цѣла стая стоитъ красныихъ тамъ дѣвушекъ;
Я не знаю же горюшица, не вѣдаю,
Во обиды этотъ день весь коротаю,
Што гульбищечко ль у насъ да е прокладбище,
Аль унылая слезлива въ домѣ свадебка,
Красной дѣвушки замужне выдаваньице?
Не дары у насъ идутъ тонко бѣлыи
И не поѣздъ-то нонь ѣдетъ молодецкой;
Не разставлены столы да княжецкіи,

Нонь дубовыя мостинки подгибаются,
Дубовыи столы, стоя, шатаются,
На нихъ питьица медвяны проливаются,
Крестова мать съ дитёмъ нонь разставаеся.
Она горькими слезами обливается;
На полу она горюшица валяется,
Ю не держатъ бѣдну рѣзвы теперь ноженьки.
Поглядите-тко совѣтны милы пóдружки,
Посмотрите вы удалы добры молодцы!
Тутъ положена любима ваша пóдружка;
Ейна бладая головушка не убрана
Не излажены ей розовы цвѣточики,
Не въ любимую покрутушку сокручена;
Далеко красна дѣвица удаляется,
Тонкимъ бѣлымъ полотномъ да накрывается,
Бѣло—дубовой доской да укрѣпляется;
Вы воспомните совѣтны, добры пóдружки,
Хоть вёсной вы спомяните о Христовѣ дни,
Вы во лѣто спомяните о Петровѣ дни,
Какъ пойдете вы во лѣсушки дремучіи,
По славныи Ивански парны винички:
Еще спомните совѣтны милы пóдружки,
Какъ пойдете по Петровски красны ягодки,
Гдѣ ходили во темныхъ лѣсахъ дремучихъ,
Гдѣ вы шуточки лебедушки шутили,
Межъ ду—другомъ себя да взвеселяли.
Столько слушайте удалы добры молодцы,
Какъ свѣщи нонь у гроба догоряются,
Впереди-попы отцы да отправляются;
Вы возьмите-тко любимы поровечники,
На бѣлы руки крестово мое дитятко;
Вы несите по прогульной этой уличкѣ,
По пути этой шúрокой дороженькѣ,

Вы ко этой Божьей церкви посвященной;
Опускайте-тко во матушку сыру землю,
Вы на этомъ тонко-бѣломъ полотенечкѣ;
Укатается скачоная жемчужинка,
Отъ меня нонь побѣдной головушки;
Отъ тошна мнѣ горюшицѣ тошнешенько,
Не на смерть да было дитятко вѣдь рожено,
Не на то была покрутушка ей строена;
Кабы знала я про скорую смерётушку
Я бы тяжкаго грѣха не залучала,
На гульбищечко ю не отправляла,
На бѣсовскіи бесѣды не спущала;
Мы ходили бы во церковь во священную,
Мы бы ставили свѣщи да все рублевыя
Полагали бъ пелены да мы шелковыя,
Мы на исповѣдь въ субботу бы ходили,
И священное причастье принимали,
Хоть бы добры того люди дивовались,
Што вѣдь матушка со дитяткомъ спасается,
Знать, во тяжкіихъ грѣхахъ она прощается.
Соберитесь вся порода родовитая,
Становитесь вы ко гробу ко дубовому!
Пріоткроютъ какъ вѣдь бѣло это личушко;
Накуплю я тутъ свѣщей да воску ярова,
По рукамъ роздамъ народу людямъ добрыимъ,
Хоть по едному поклону положите-тко,
Вы крестово мое дитё помяните-тко;
Тайны милыи совѣтны разговорщички!
Становитесь вы къ колодѣ бѣло—дубовой,
Во праву руку—свѣщи да воску ярова,
Во лѣву руку по алой вамъ вѣдь ленточкѣ,
Я дарю отъ совѣтной вашей по́дружки;
Я еще дарю по розовой косыночкѣ;

По низешеньку дѣвицы поклоняйтесь-ко,
Умильнешинько подружку поминайте-тко!
Вы прійдите-тко нищіи, убогіи,
Придите сироты вы безпріютныи,
Хоть нагіи придите не одѣтыи.
Я по тонкой дамъ по рубащечкѣ,
По чулочкамъ дарю по вязаныимъ,
По сапоженькамъ дарю запростѣйшіимъ,
Памятуйте-тко крестово мое дитятко!

Къ попамъ:

„Спаси Господи поповъ отцовъ духовныхъ“,
Безпокоились вы шйроку дороженьку;
Мнѣ любымъ теперь горюшицѣ любёшенько:
Я по разуму дитё да хоронила,
По обычаю дитё я спомянула;
Я богатому сусѣду не корилася,
У маломошняго я не доложилася,
Я исправила честное похороньице:
Я впередъ прошу поповъ отцевъ духозныхъ,
Поминайте шесть недѣлюшекъ уречныихъ,
Не пожалію золотой казны безчетной;
Тутъ вѣдь все ей виковично поминаньице,
Тутъ не спроситъ больше бѣлая лебедушка,
Не ѣденьица она не питеньица,
Не по ноженькамъ башмачиковъ козловыхъ,
На бѣлы руки вязапочекъ шелковыхъ,
Не спроситъ въ косу алыхъ она ленточекъ;
Тутъ не спроситъ-то дѣвочья рукодѣльица
Не спроситъ вѣдь трубы *) да столокотней **)

*) Куска полотна.
**) Во сто локтей.

Разшивной бѣлой бумаги сто—пасомокъ;
Нонь не набъ итти во улички рядовыи,
Заходить да все во лавочки торговыя,
Закупать тамъ товаровъ разноличныихъ;
Единымъ разомъ лебедушка сокручена,
Въ трои суточки лебедушка отправлена,
На вѣковое она да на живленьицо;
Не видать буде крестовой больше матушкѣ
Милое крестово свое дитятко,
Не на уличкѣ гуляюци широкой,
Не на трудной то еѐ на работушкѣ.

X.

ПЛАЧЪ ПО РОДНОМЪ БРАТѢ.

Жена покойнаго встрѣчаетъ золовку:

Мнѣ-ка стать было на рѣзвы свои ноженьки,
Мнѣ повытти на новы сѣни рѣшотчаты,
Просказали мнѣ-ка добры эты людушки,
Какъ у моего крылечика перенаго,
Не ручéй — быстра ричка разливается,
На три стороны ручьями растекается;
Моя милая сестрица свѣтъ родимая,
Она горькими слезамы обливается,
До перёнаго крылечка доберается.
Раступитесь-ко народъ вы люди добрыи,
Раздайтесь-ко сусѣди спорядовыи!
Я срѣтать буду горюшица высказывать.

Я пѣнять буду сестрицѣ да причитывать:
Не несуть нынь-ко безчастны меня ноженьки,
Не дае это ретливое сердечушко
Тебя стритить свѣтъ, голубко моя милая,
Не здымаются безчастны бѣлы рученьки,
На твои плеча сестрица на могучіи—
Сдіять доброе здоровьице;
Што же по́долгу сестрица снаряжалася,
Да ты спо́тиху желанна сподоблялася?
Аль не знала ты про братца про родимаго,
Што онъ былъ во тяжелой во постелюшкѣ,
Цѣло двѣ этыхъ урѣчныихъ недѣлюшки?
Аль боялась ты сестрица неможеньица?
Аль страшилась ты злодійноей смерётушки?
Какъ во добромъ былъ онъ во здоровьицѣ,
Почитали вы насъ бѣлыя лебёдушки,
Нонь какъ сдіялась великая незгодушка,
Какъ сустигла насъ злодійская кручинушка,
Отрѣкнулися вы родъ племя любимое,
Отлишилися сестричушки родимой;
Съ чего жъ по́долгу, голубко, снаряжалася?
Таки-ль не́-вѣсто было не вѣстимо? *)
Къ вамъ записочки были да вѣдь писаны,
Пѣшеходы вѣстовы были посыланы,
Штобъ пришла ты на родиму свою родинку,
О свѣтломъ Христовѣ воскресеньицѣ;
Аль воскресный день ты въ церкви простояла?
До полудня, знать, молебенки служила;
На недѣли на работы продолжалась?
Какъ же здумала косата моя ластушка,

*) Или вамъ было не извѣстно?

Ты сегодня сего денечка Господняго,
По утрышку стать да ты ранешенько
Али Господа Бога побоялась,
Таки-ль добрыихъ людей да постыдилась,
Ты осмилилась притти къ намъ поскорёшеньку;
Добры людушки того да сдивовалися,
Што до насъ ты сестрица сжаловалася;
Што повыбрала слободну пору времячко,
Што забросила крестьянску свою жирушку;
Ты не спацьлива до братца была милаго,
Не желанна до сердечныхъ была племнятокъ; *)
Я на этой на уречной всей недѣлюшкѣ
Сожидала тебя бѣлую лебёдушку;
Цѣлой день я до позняго до ве́черка
Я глядѣла во косѣвчато окошечко,
Я смотрѣла на дороженьку широкую;
Подойду тутъ ко тяжелой я постелюшкѣ
Ко своей милой любимоей семеюшкѣ,
Стане спрашивать любимая семеюшка:
„Не видать, видно, сестричушки родимой,
„Знать, не йдетъ она по чистому по полюшку,
Путемъ—ши́рокой—дороженькой?
Говорить стану надежной я головушкѣ:
— Не видать да все сестричушки родимой,
— Знать, боится зла великаго несчастьица—
— Вѣрно, тво́его тяжела положеньица.
Тутъ отвѣтъ держалъ надежная головушка:
Скрозь обидушку держалъ онъ таково слово:
„Какъ я былъ въ добромъ здоровьицѣ,
„Почастешеньку сестрица къ намъ ходила,

---

*) Плем янниковъ

„Она по́долгу родимая гостила;
„На переномъ крылечкѣ была стричена,
„Была гостьица она да все улажена,
„Ейна шубонька была у насъ скидывана,
„Въ нову горенку была она проведена,
„На кленовы была стульица посажена.
Говорилъ да еще братецъ, красно солнышко,
При смеретушкѣ онъ едино́ слово:
„Послѣ схватится сестрица, да накается,
„Какъ постылая родима буде родинка,
„Ю не стритить свѣтушко́-братецъ желанной
„На этомъ крылечикѣ переномъ,
„Со своей ю надежной головушкой,
„Съ сердечныма рожены́ма дѣточкамъ;
„Гостибище ей буде не по прежному,
Угощеньице, ей буде не по старому;
Извини того сестрица, свѣтъ желанная,
Што пѣняла я при добрыхъ тебѣ людушкахъ;
При всѣхъ милыхъ суседяхъ спорядовыхъ;
Не могла стерпѣть сестричушка родимая,
Содержать да я обиды въ ретливомъ сердчѣ;
Разгорѣлася безчастная утробушка,
Поразгнѣвалась горюша горегорькая
На тебя милу сестрицу я желанную;
Нонь прошу тебя—голубонько сердешняя,
Ты пожалуй во хоромное строеньицо,
Ты пройди да нонь во свѣтлую свѣтёлочку,
Въ роззореную столову пройди горенку;
Не убойся-тко великаго безсчастьица—
Злой этой великой ты кручинушки.
Наздыну теперь безсчастны бѣлы рученьки
На твои плеча сестрица—на могучіи;
Ноньку сдіемъ съ тобой доброе здоровьице

Мы по прежному, сестрица, по досюльному,
Мы плотнешенько ко сердечку прижиматися.
Ко устамъ сдіемъ—сестрица—прилагатися;
Подойди-тко ты ко братцу ко родимому,
Воскликай да соколочка златокрылаго;
Ты голубушко—сестрица поталаннѣе,
Може, братецъ до тебя да пожеланнѣе;
Може сдіетъ съ тобой доброе здоровье,
Онъ спрогóворитъ единое словечушко.

Къ дѣтямъ.

Да вы слушайте сиротны—мои дѣтушки!
Вы коритесь-ко желанной своей. тетушкѣ,
Вы клонитесь-ко во рѣзвы ей во ноженьки,
Вовложила бы великое желаньицо—
До васъ моихъ сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ;
Какь — о Бладычномъ Божьемъ праздничи
Да вы пóйдете позяблы семяниночкѣ
Во любимое сердечно къ ей гостибище,
Принимала бы за гостюшекъ любимыхъ,
За баженыхъ сердечныхъ своихъ племнятокъ,
Васъ садила бы за столъ да за дубовый,
Она съ прочіимъ народомъ—людей добрыихъ,
Она кушаньемъ бы васъ не обносила,
Цяемъ-кофеемъ она не обходила бы.

Къ сусѣдямъ:

Ужъ вы слушайте народъ—да люди добрыи,
Мои милы спорядовыя сусѣдушки,
Не сдивуйте-тко печальной мнѣ головушкѣ,

Уперёнаго крыльца што устоялася,
Оглядѣлась на людей, да пріобдумалась,
Отъ невѣстушки ричей да пріуслухалась;
Скрозь обидушку она да мнѣ высказыватъ,
Во слезахъ она горюша выговариватъ;
Не безсудьте—мою бѣдную головушку,
Какъ я шла да путемь ши́рокой—дороженькой
Мимо эту Божью церковь посвященную,
Пріунывъ стоитъ церковъ посвященная,
Ко сырой земли глава приклонилася,
Животворящій этотъ крестъ да пошатнулся:
Подошла я къ крылечику переному
Тутъ раздумалась побѣднымъ своимъ разумомъ
Это што да надъ главой то сочинилось,
Надъ крестомъ животворящимъ сочюдилось?
Въ томъ прощаюся побѣдна извиняюся.

Обращаясь къ невѣсткѣ, продолжаетъ:

Лучило́сь слышать печальной мнѣ головушкѣ
Про твою мнѣ-ка великую незгодушку,
Получила ты желанная голубонько
Не любимое словечушко—вдовиное;
Хоть я по́долгу горюша снаряжалася,
Хоть я спо́тиху побѣдна сподоблялася,
Можешь знать—вѣдать родимая сестрица,
Моя дальняя судимая сторонушка
Отдалёна отъ родимой я отъ родинки,
Далеко да во корелы во проклятой,
Подалiе я отъ сродчевъ—милыхъ сродничковъ;
Я за мхамы сестрица за дыбучима,
Я за темныма лѣсамы за дремучима;

Какъ во эту во побѣдную сторонушку
Буйныи вѣтры не провѣваютъ,
Птиченька къ намъ не прилетаетъ;
Нѣтъ проѣзду на ступистыихъ лошадушкахъ,
Нѣтъ проходу во темныхъ лѣсахъ дремучихъ,
Почтовой ямской широкой нѣтъ дороженьки;
Столько малая единая тропиночка,
Столько прóйдено у малой у скотинушки;
Къ намъ добрыи люди не забродятъ,
Оны вѣсточекъ къ намъ не приносятъ,
Письма грамотки къ побѣднымъ не доходятъ,
Съ передачей по людяхъ все невѣрныихъ:
По пути оны въ дорожкѣ замѣшалися,
Письма грамотки оны да ростеряли.
Я сидѣла хоть во свѣтлой своей свѣтлицѣ,
Подъ этымъ подъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
Взвѣщевало зло ретливое сердечушко,
Не сказало про великую невзгодушку;
Подъ окошечкомъ сидѣла—пораздумалась,
На дороженьку глядѣла—порасплакалась;
Себѣ думаю, побѣдна, думу крѣпкую,
Не болитъ, да кажись, буйная головушка,
Унывать столько ретливое сердечушко;
Я раздумалась печальнымъ умомъ разумомъ:
Какъ отпущена надежная головушка
На это кругло малое озерышко
Удить тамъ уловной свѣжей рыбоньки
На маломъ онъ—надёженька, на яличкѣ
— Не больша да малогрѣбна эта лоточка —
Тутъ повыброшусь на шúроку на уличку,
Буйны вѣтры въ чистомъ полѣ не развѣются-ль,
Буря—пáдара на озеркѣ не здымается—ль,
Мала лоточка тамъ не шатается—ль:

Не утонула бы надежная головушка
Во это кругло—мало бы озерышко;
Я глядѣла на четыре всѣ сторонушки —
Тиха ти́шинка на ши́рокой на уличкѣ,
Благодать да все на кругломъ на озерышкѣ;
Ужо такъ да у крылечка ушаталася,
Едва въ теплыи покои воротилася;
Я садилась на тесовую краваточку,
Привалилася на кру́тое зголовьице:
Зла тоска бѣдну горюшу ушибае,
Ретливо сердче мое все унывае,
Горьки слезы изъ оцей да протекаютъ.
Тутъ раздумалась печальнымъ своимъ разумомъ;
За семеюшкой мнѣ жирушка господская,
Отъ законной я сдержавы не обижена,
Што головушка моя да разболѣлася?
Што обидушка въ сердечкѣ расходилася?
Тутъ скорешенько съ кроватки я ставала,
Во косѣвчато окошечко глядѣла,
Во чисто поле, побѣднушка, смотрѣла:
Изъ-за-горушекъ теперь было высокихъ,
Изъ за темныхъ изъ за лѣсушекъ дремучихъ,
Эта малая тропинка устилается,
Знаменуетъ *) человѣкъ—да поспѣшается.
Тутъ раздумалась печальнымъ умомъ—разумомъ.
Я дождусь да человѣка-то незнамаго,
Не съ моей ли со родимой идé родинки,
Не ко мни-ль идутъ милы мои гостюшки:
Не сердечной ли любимой идё плéмничекъ,
Изъ роду́-ль идетъ тетушка добротушка,

*) Виднѣется.

Аль изъ племени спацьлива, може, дяденька;
Сожидаю я побѣднушка—раздумалась:
Не гостинная пора нонько времячко,
Теперь порушка пришла всѣмъ рабочая,
У крестьянъ теперь время сѣнокосное,
Всѣ призаняты старушки—стародревнія,
Со дитямы по домамъ оны разставлены.
Себѣ думаю побѣднымъ своимъ разумомъ:
Подходить да человѣкъ сталъ незнакомой
По близехоньку къ селу онъ деревенскому,
Поскорёшеньку къ крылечику переному;
Немогла признать, побѣдная головушка,
Уже такъ да будто разумомъ смѣкнула я,
Уже быть да какъ сусѣдкѣ спорядовой;
Тутъ я вышла на новы сѣни рѣшотчаты,
Доспрошусь да человѣка я—довѣдаюсь.
Отворяла какъ дверь да тутъ дубовую,
Увидѣла сусѣдку спорядовую;
Ужъ я такъ вдругъ испугалася,
Въ лицѣ кровь вся помѣшалася,
Пораздумалась печальнымъ умомъ разумомъ:
Што—не *) сбылось на родимой моей родинкѣ:
Тутъ я сдѣяла съ ёй доброе здоровьице.
Незнаю печальная головушка,
Зрадовалась ли, побѣдна, испугалася;
Не могла да съ ей словечка сговорить.
Проводила ю во свѣтлую свѣтелочку,
Посадила я на стулъ да на кленовой,
Супротивъ сѣла побѣдна я головушка;
Тутъ спросила спорядовую сусѣдушку:

---

*) Што не вм. что-нибудь

Ай, куды-жъ идешь спорядная сусѣдушка?
По завѣту ли идешь Богу молитися,
Къ Богородицѣ-ль идешь—прилагатися
О своихъ ли ты грѣхахъ идешь прощатися?
Чего нѣтъ да досюду—ль не водилося,
Вы приближніи сусѣды спорядовыи
Не торили къ намъ малоей тропиночки,
Вы не знали судимой моей сто́роны;
Ужъ ты какъ шла путемь—ши́рокой дороженькой?
Ты по малымъ шла тропинкамъ не мѣша́лась-ли?
Темнымъ лѣсушкомъ ты шла да не блудила ли?
Ты скажи мнѣ спорядовая сусѣдушка,
Со какой ли пришла вѣсточкой ты съ радостной?
Отвѣчала тутъ спорядная сусѣдушка:
Хоть я ближняя, голубушка родимая,
Ужъ я гостьицей буду не любимой;
Разказать теби подруженька не смію,
Огрубить тобя мнѣ бы не хотѣлося:
„Свѣтушко́ братецъ родимой твой
„Приказалъ долго жить, много кланяться“.
По покоямъ стала бѣдна я похаживать,
Тосковать стала горюша слезно плакать,
Сожидать стала надежную головушку,
Со эта кругла малаго озерышка,
Со этой со уловной свѣжей рыбонькой;
Со скуки едва день прокоротала,
Со обиды два часа бѣдна промѣшкала.
Я схватилась за любиму эту гостьицу;
Какъ усталая любима моя гостьица,
Шла дальную путь—ши́року дороженьку;
Самовары становила я шумячіи
Заварила цяи,-кофеи горячіи;
Угощала тутъ я прежню свою по́дружку:

„Ты за столъ садись теперь да хлѣба кушать,
„На спокой лягь на тесовую кроваточку,
„Отдыхай да съ пути дальноей-дороженьки.
Сама сѣла на тесовую кроваточку,
Потихошеньку тутъ стала розговаривать,
Вопотай стала горюшица выспрашивать:
„Онъ былъ долго-ли въ тяжеломъ неможеньицѣ,
„При трудной болѣзной постелюшкѣ?
„Въ кое время пришла скоряя смерётушка
„По утрушку—ль она ранёшенько,
„По вечеру-ль она позднешенько,
„Аль въ полдень красна солнышка?
Воспрого́воритъ спорядная сусѣдушка:
— Онъ лежалъ да во постелѣ двѣ недѣлюшки,
— Пришла скоряя смерётка во полуночи;
Буди про́клята судьба моя несчастная,
Эта дальная судимая сторонушка
Говорила я печальная головушка:
„За крестьяниномъ была бы лучше бѣднымъ,
„У родимой я жила бы столько родинки,
„Во глазахъ были бъ сродчи мои сродначки;
„Засмотрѣла бы я братца свѣта бѣлаго,
„Я сердечныхъ своихъ племнятокъ.
Тутъ я до́ждалась надежную головушку,
Вышла—стритила на ши́рокой на уличкѣ.
Какъ томнымъ стою, побѣднушка, томнёшенька,
Разговоръ веду съ надежей унылешенекъ;
Говоритъ да мнѣ надежа таково слово:
„Што заплаканы, голубко, у тя очюшки?
„Въ роди разума ты смѣнилася,
„Пріутерто твое бѣло это личушко;
„Знать, тоскуешь по родимой ты сторонушкѣ,
“Знать, скучаешь по любезнымъ сродчамъ сродничкамъ?

Ты живешь, кажись, во всемъ да удовольствіи;
„Я словечушкомъ тебя не обиждаю,
„На работушкѣ тебя не истомляю.
Говорила тутъ печальна я головушка:
— Ты не знаешь-то надеженька не вѣдаешь,
— Отчего жъ мое сердечко заобидилось,
— Што головушка моя да закручинилась!
— Какъ сегодня сего дéнечка Господняго,
— Пришла вѣсточка съ родимой мнѣ сторонушки,
— Пришла къ гости къ намъ спорядная сусѣдушка:
Говоритъ да мнѣ надежная головушка:
„Што ты врешь—несешь, голубко, пустословушку,
„Съ коей стóроны сусѣдка объявилася?
Отвѣчала я печальная головушка:
— Ты иди скоряй во свѣтлую свѣтелочку,
— Нѣту въ живности довольна бѣла свѣтушка,
— Свѣта милаго братца мнѣ родимаго.
— Ты пойдемъ-ко свѣтъ любимая семеюшка
— На родиму мою родинку,
— Ты ко милой вѣтляной нешутушкѣ,
— Я ко свѣтушку братцу ко родимому.
Тутъ спрогóворитъ надежная головушка:
„Да ты слушай же жена—семья любимая,
„Намъ нельзя вдругъ обыимъ удалятися,
„Пооставить такъ хоромное строеньицо,
„Воспокинуть вся крестьянска наша жирушка,
„Стала дальняя путь—шúрока дороженька.
Тутъ давалась я побѣдная головушка:
— Ты спусти хотя-жъ меня одну.“
Говоритъ да мнѣ надежная головушка:
„Съ кѣмъ ты дальну пойдешь шúроку дороженьку?“
Говорю да я печальная головушка:
— Я пойду туды съ спорядноей сусѣдушкой,

— Я оттуль найму любима провожателя.
Говоритъ еще надежная головушка:
„Отпущу я не надолго поры времечки—
„Я съ ходама на одну столько недѣлюшку.
Взрадовалась я печальная головушка;
Тутъ сготовили цяи да мы горячіи.
Садилися къ столу мы ко дубовому,
Съ старопрежней совѣтной—милой по́дружкой.
Стала спрашивать печальная головушка,
Я про всихъ христіанъ тутъ православныхъ
Старопрежнихъ сусѣдъ да спорядовыхъ:
Вси—ль во добромъ оны во здоровьицѣ,
Вси въ живности-ль старушки стародревнія?
За столомъ да тутъ сидѣли ровно два часа,
Разговоръ да тотъ имѣли ровно три часа.
Тутъ накрыли мы столы эты дубовыи,
И садилися за ужины вечерныя;
Я не ѣла обиднушка, не кушала,
Я горючима слезамы улпвалася.
Великой обидой забавлялася.
Тутъ ложились на спокойну мы на ноченьку;
Я не сномъ да темну ночку коротала,
Со кручины по покоямъ проходила,
Со обиды столько думушку продумала
Пронесетъ да какъ путь ши́року дороженьку.
Поспѣшусъ да на родиму свою родинку.
Тутъ повыстала по утрышку ранёшенько.
Я умылася, побѣднушка, скорёшенько;
Я одѣлася, побѣдна, суровёшенько:
Сапоженки, побѣдна, на рѣзвы ноги,
Вязаночки *) одѣла на бѣлы руки.

---

*) Шерстяныя рукавицы.

Кашемировой платочикъ кругъ головушки;
Я одѣла-то дорожно свое платьице;
Не топила я кирпичной этой печеньки,
Снарядилися въ путь шúроку дороженьку:
Не страшилася лѣсовъ да я дремучихъ,
Не боялася я мховъ да тамъ дыбучихъ,
Не ужахнулась я горъ да все высокихъ:
Во темныхъ лѣсахъ звѣрей я не страшилася,
Въ путь дороженьку побѣдна снарядилася
Кабы знали вы сусѣды про то вѣдали,
Про мою да про велику бы незгодушку
Я бы лѣтяци дорожку пролетѣла бы,
Я прячуци путь широку припрятала;
Кабы крылышки горюшѣ мнѣ гусиныи,
Да другіи мнѣ горюшѣ лебединыи,
Подымалась бы—горюша—выше лѣсушку,
Выше горушекъ, побѣдна, я толкучихъ.
Въ двѣ минутушки дорогу пролетѣла бы,
Въ одинъ часъ да я на родинку поспѣла бы,
Хоть я шла да путемъ шúрокой дороженькой,
Во слезахъ пути дорожки не видала,
Во горяхъ я широ́ку скоротала:
Приходить стала къ селу я деревенскому
Ко своей родимой родинкѣ,
Я ко этому дому крестьянскому,
Какъ взглянула на хоромное строеньице,
Што строенье приклонилось ко сырой земли,
Пріунывъ стоитъ палата грановитая,
Припечаливши косѣвчаты окошечка,
На слезахъ стоятъ стекольчаты околенки.
Какъ пошла—стоитъ сестрица тутъ родимая,
На крылечушкѣ она да на переномъ,
Все сшибатъ она бѣлы эты рученьки,

Поджиматъ она, несчастна, ретливо сердчé;
При слезахъ стоятъ любимы мои племнятка,
У ихъ буйныи головки не заглажены,
У ихъ русы волоса да все не завиты,
Тутъ смекнула я побѣднымъ своимъ разумомъ:
Со злодійной со великой, знать, кручинушки
Буйна гóлова у дѣтушекъ не гладится,
Волосъ къ волосу у ихъ да не приляжетъ.
Мнѣ тошнымъ бѣдной горюшицѣ—тошнехонько,
Вся любимая семья при кручинушкѣ,
Все родъ племя любимо припечаливши.
Я раздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ:
Какъ пройти мнѣ обидноей головушкѣ
Безъ спросу на крылечико переное,
Безъ докладу на новы сѣни рѣшотчаты,
Безъ дозволенья во хоромное строеньицо?
Доложусь я у сестрицы у родимой,
Войду я во строеньицо хоромное,
Ужъ я крестъ кладу горюша по писаному;
Я поклонъ веду горюша по ученому;
Мнѣ-ка стать было горюшѣ прiодуматься:
Доспрошусь бѣдна горюша удовѣдаюсь,
Доложусь бѣдна кручинная головушка
Не возбранпо-ли сестрица, свѣтъ, родимая,
Попустить мнѣ-ка горюшѣ невзыченъ голосъ,
Не умильное, не складно причитаньицо,
Не для чести горюшѣ не для пóхвалы,
Не ради удивленья людей добрыихъ;
Какъ долитъ тоска великая обидушка,
Обшибатъ меня кручинушка—
Жаль тошнешенько братца мнѣ родимаго.
Пожальчіе соколочка златокрылаго.
Того жаль бѣдной горюшѣ горегорькой

Не была да што при скорой я смерётушкѣ,
Не сидѣла у болѣзной я постелюшки,
Не глядѣла я во ясны его очюшки,
Не смотрѣла я во бѣло его личушко:
Когда прежь сего, до этой поры времячка,
Хоть не по́часту на родинку ходила,
Не по мисяцу на родинкѣ гостила —
Меня родинка побѣднушку ожидала,
Меня братецъ на крылечушкѣ срѣтаетъ.
Какъ сегодняшнимъ, Господнимъ, Божьимъ дѐнечкомъ
Измѣнилася родима моя родинка,
У крылечушка земля да подгибается,
Вся семья стоитъ въ кручинушкѣ шатается;
Поразгнѣвался сдовольной, бѣлой свѣтушко,
Разсердился братецъ, красно мое солнышко:
Не ставатъ да онъ на рѣзвы свои ноженьки,
Онъ не сдѣетъ со мной добраго здоровьица,
Онъ не спроситъ у печальной у головушки,
„Какъ дороженьку, сестрица, проималась,
„На ступистой ли ты да на лошадушкѣ
„Аль пѣшеходная любима, мила гостьица?

Къ невѣсткѣ.

Ты послушай-ко сестрица—свѣтъ родимая,
Ты скажи мнѣ-ка, горюшицѣ, пожалуста —
Про свою скажи надежную головушку,
Мнѣ про свѣтушка ты братца про родимаго,
Какъ лежалъ онъ во тяжеломъ неможеньицѣ,
Ты сидѣла ли, побѣдная, близешенько,
Припадала-ль къ ретливому сердечушку,
Приласкалась-ли ко бѣлу его личушку,
Ты ко этымъ устамъ ко сохарнымъ?
Ты спросила-ли любимую семеюшку —

Тебѣ какъ жить, горюшѣ, воспитатися,
Сиротъ малыхъ дѣтей да возростйть буде,
Да имъ въ комъ искать великое желаньице,
Въ комъ прелестныи имъ ла́сковы словечушка?
Аль во ту пору сестрица—въ это времечко
Дѣламы ты, печальна, занималась,
Со крестьянамы, обидна, угощалась?...
Попѣняю скрозь обиду унылнешенько
Я тоби да свѣтъ—сестрица—моя милая,
При прежнихъ спорядовыихъ сусѣдушкахъ,
Я при всемъ роду, горюша, при всемъ племени—
Когда былъ онъ при болѣзной постелюшкѣ,
Ко мнѣ вѣдому, сестрица, не послала,
Письма грамотки, родима, не писала;
Кабы знала я, горюша, про то вѣдала
Про велико, его-бы неможеньице,
Я бы на́няла спорядную сусѣдушку,
На эту на уречную недѣлюшку,
Ю оставила бъ большухой подомовой,
Единёшенька сама бы пріотправилась,
На свою да на родиму я сторонушку;
Во темныхъ лѣсахъ звирёвъ я не боялась бы,
Въ темной рощѣ волковъ сѣрыхъ не страшилась бы;
Тутъ скорешенько-бъ въ дорожку сторопилася,
Мнѣ застать бы свѣтушка́ братца родимаго,
Пока въ живности скачоная жемчужинка —
При смертной, злодійной смерётушкѣ;
Поглядѣла бы во бѣло его личушко,
Посмотрѣла бы во ясны ему очюшки,
Сговорила бы хоть малое словечушко,
Я на память-то со братцемъ со родимымъ;
Хоть сходилась бы тоска неугасимая,
Я бы въ томъ, бѣдна горюша, не терзалась,

Што я свѣтушка—братца не видала;
Я списала бы перомъ да лице бѣлое,
Я списала бы буйную головушку,
Столько на́ эту гербову на бумаженьку,
Я бы взяла тотъ потреть—эту бумаженьку,
Къ себи клала-бы подъ правую подъ пазушку,
Прижимала бы къ ретлигому сердечушку,
Прилагала бы ко блеклому ко личушку,
Я снесла бы на судимую сторонушку,
Положила бы во свѣтлой я во свѣтлицѣ,
Я на стѣнушку, побѣдна, на лицовую,
Я на стопочку побѣднушка точоную,
Я ходила бы, побѣдна, любовалася,
Я смотрѣла бы, несчастна, красовалася,
Какъ на свѣтушка на братца бы родимаго.

Къ племянничкамъ:

Ужъ вы слушайте, болѣзны малы племнятки,
Не видать буде родителя вамъ батюшка,
Не слыхать буде спацьяиваго желаньица;
Далеко ваше желанье удаляется,
Гробовой доской родитель укрывается;
Послѣ схватитесь, несчастныи, наплачитесь;
Миѣ-ка жаль, бѣдной горюшѣ, нонь тошнешенько,
Васъ сердечныхъ, любимыхъ племянничковъ.
О Владычномъ, Господнемъ, Божьемъ праздничкѣ
Аль о свѣтломъ Христовѣ воскресеньицѣ,
Какъ придутъ эты безсчастны сиротиночки —
Отъ обиденъ о ны этыхъ полуденныхъ,
Въ раззоренно, тепловито свое гнѣздышко,
Ко своей—родителѣ—ко матушкѣ,

Станетъ спрашивать родитель—бѣдна матушка:
Какъ вы были, сердечны мои дѣтушки,
У этой Пресвятой вы Богородицы,
Тамъ замитили ль родителя вы батюшку?
Столько видѣли ли ясны его очюшки,
Столько слышали ли жалкой его го́лосокъ?
Тутъ дѣтушки у ей порасплачутся,
Родна матушка съ дитямы ростоскуется,
Уже такъ бѣдна—горюша розгорюется;
Станутъ ди́ти на брусовую на лавочку,
Принаклонятъ свои буйныи головушки,
Пріутупятъ ясны оци во дубовой полъ,
Говорить станутъ родителю матушкѣ:
Хоть были мы въ церкви Божьей—посвященной,
Мы стояли—то сиротны малы дѣтушки,
Посторонь да мы стояли людей добрыихъ;
Мы родителя въ глаза да не видали,
Жалка го́лоса его мы не слыхали;
Видно, нѣтъ того на́ свѣтѣ да не водится,
Видно, мертвыи съ живыми не становятся,
По разнымъ церквамъ не расходятся.
Вы послушайте болѣзны, милы племнятка:
Не видать буде родителя вамъ батюшка,
Не слыхать буде родительска желаньица;
Далеко ваше желанье удаляется,
Гробовой доской родитель укрывается!...

Къ суседямъ:

Ноньѣ корюсь хлѣбосоламъ вѣковѣчнымъ,
Я крестьянъ прошу съ слезамы со горючима,
Какъ обсиротится побѣдна эта жирушка,
Сиротать пойдутъ безсчастны малы дѣтушки,

Пойдутъ по міру оны да по крещеному,
Межъ дворамы станутъ дѣтушки толкатися,
По под-оконьямъ побѣдныи шататися,
Не обуты будутъ дѣти—не одѣтыи,
Какъ голодныи—придутъ оны—холодныи,
Вы не сгруснитесь сусѣды спорядовыи,
На этыхъ сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ,
Вы отъ темной ихъ ночи сохраните-тко,
Вы отъ частаго дождя приберегите-тко,
Вы студеной этой зимушкой согрѣйте-тко
Вы сжалуйтесь-ко народъ люди добрыи—
Хоть какіи сапоженки подарите-тко,
Вы одѣньте-тко тѣло да ихъ грѣшное,
Хоть не убыточно вы дайте, не корыстное,
Кафтанишечко вы дайте не мудрящее;
Да вы призрите сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ;
Я поблизку бы родимой жила родинки.
Край бы волости жила я красовитой,
Кабы вольная была мнѣ-ка волюшка
Отъ надежной любимой семеюшки
Я прибрала бы сиротныхъ малыхъ племнятокъ
На свою да я побѣдна приберегушку;
Я обула этыхъ дѣтушекъ,—одѣла бы,
Не спустила бы я по міру крещеному.
Сиротать будутъ побѣдны малы племнятка
Лѣтней порушкой замочитъ частымъ дождикомъ,
Западутъ зимой снѣжкомъ оны перистымъ;
Позябнутъ у ихъ рѣзвы эты ноженьки,
Морозомъ-то прищолне ручки бѣлыя,
Буйнымъ вѣтрышкомъ повіе личко милое;
Тутъ дрожатъ буде ретливое сердечушко
Объ этой о студеной, холодной зимой:
Стоятъ дѣтушки къ селу да подбераются,

У крестьянъ да къ темной ноченькѣ даваются,
У крылечушка собакъ да устрашаются:
Деревенскіи собаки-то съѣдучія.
Какъ повыростутъ да полнаго до возраста,
Да какъ вёшняя вода со льдомъ разольется,
Малы дѣтушки оны съ ду-другомъ разойдутся.
У вдовы тутъ у родителя у матушки
Перетрескае ретливое сердечушко,
Столько ростяци сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ;
Тутъ горючима слезамы пріобо́льется,
Сговоритъ она родитель таково слово:
За мое, знать, за велико согрѣшеньице
Надѣлилъ Господь станицу малыхъ дѣтушекъ—
На грѣхи мнѣ-ка побѣдной, на заботушку,
На великую побѣдной на тоскичушку.
Какъ пойдутъ оны по міру по крещоному,
Съ ума разума дитей я тутъ не выложу
Я не въ день-то ихъ, не въ темную вѣдь ноченьку:
Оны ка́къ ходятъ сердечны—малы дѣтушки,
Не балуютъ ли на ши́рокой на уличкѣ,
Не дерутся ли съ малыма ребятама?
Какъ походить станутъ сердечны мои дѣтушки,
Оны горькима слезамы порасплачутся;
Бѣдна матушка глядитъ—да растоскуетъ,
Снаряжать стане родитель, да наказыватъ:
Вы ходите малы дѣтушки умнешенько,
Вы на уличкѣ-то дити не балуйте-тко,
По крестьянскіимъ домамъ да не воруйте-тко,
Не обижайте-тко дитей да христіанскихъ:
У мня милости тогды вы не упроситe:
Буду бить, бранить сердечныхъ я васъ дѣтушекъ.
Обиждать буду словечушкомъ обиднымъ.
Говоритъ буде горюша угаваривать,

Малыхъ дѣтушекъ она буде упрашивать:
По избы да станутъ дѣтушки похаживать,
На родитель станутъ матушку посматривать,
Во косѣвчаты окошечка поглядывать.
„Говорить станутъ родителю тутъ матушкѣ:
„Вютъ вѣтрушки на уличкѣ буйнешенько,
„Какъ погодынце теперь холоднешенько,
„Заноситъ всѣ малыя тропиночки,
„Ужъ какъ этыма снѣжечкамы перистыма
„На уличкѣ погода поднимается;
„Не видать нонько сусѣдей спорядовыхъ,
„Намъ нельзя пойти родитель—родна матушка.
„Мы позябнемъ вѣдь на шйрокой на уличкѣ,
„На этой пути—шйрокой дороженькѣ;
„Лучше день лежимъ, родитель, не ѣдаютца,
„Да мы суточки родитель не пиваютца,
„Не пойдемъ мы рожоны твои дѣтушки,
„Да мы по міру не йдемъ по крещеному—
„Кабы знала ты—родитель—про то вѣдала
„Каково ходить-то въ мірѣ во крещеномъ:
„Заболятъ да наши рѣзвы эты ноженьки,
„Столько по міру побѣднушка шатаютца
„Со крылечка на крылечико ставаютца;
„Не посміемъ мы побѣдныи головушки—
„Въ домъ зайти ко крестьянину богатому.
„Постоимъ да у косѣвчата окошечка;
„Какъ зайти да во хоромное строеньицо,
„Може, огрубя насъ грубыимъ словечушкомъ;
„Обиднымъ буде побѣднымъ обиднешенько;
„Ростоскуемся сердечны тутъ мы дѣтушки,
„Съ горя сходимъ на могилушку умершую
Ко своему родителю ко батюшку;
„Тутъ поищемъ мы совѣту—уму—разуму,

Прощенья мы тамъ съ благословленьицемъ
„Тутъ спрогóворимъ желанной родной матушкѣ:
„Не дай Боже того, да не дай Господи,
„Сколько горюшка побѣдны привидаемъ,
„Мы въ обидушкѣ побѣдны возрастаемъ,
„Лучше бъ матушка на свѣтъ да не родила;
„Намъ наскучило побѣднымъ сиротаньицо,
„Столько хóдяци вѣдь пó міру крещоному;
„Столько водушки вѣдь мы не испиваютца,
„Што горючихъ, горькихъ слезъ да проливаютца *).
„Сапожоночки у насъ притоптались,
„Балуюци шубенки придержались,
„Мы находимся побѣдны-то босёшеньки,
„Буйна гóлова у насъ да нашатается,
„Добры людушки того да насрѣкаются;
„Мы не знаемъ тутъ побѣдныи головушки,
„Куды намъ несчастнымъ подѣватися
„Въ коей стóроны побѣднымъ воспитатися,
„Какъ безъ своего великаго желаньица;
„Хоть по утрышку пойдемъ бѣдны ранешенько
„Хоть снарядитъ насъ родитель суровешенько—
„Не проѣхана у добрыхъ у людушекъ
„Эта путь—широкая дороженька,
„Не пройдена у спорядныхъ у сусѣдушекъ;
„Не больша эта тропиночка
„Нѣту малой единой слѣдовиночки
„Отъ нашего крылечика перёного;
„Удалимся отъ родимой лучше родинки,
„Отшатнемся отъ хоромнаго строеньица,
„Мы отъ своего витаго отъ гнѣздышка!
„Во чужой да во подальноей сторонушкѣ

*) Дѣспр. Олон. подрѣч.

„Мы пойдемъ бѣдны—побѣдны воспитатися,
„Не въ глазахъ бы у родителя у матушки.
„Часто плачетъ же родитель все тоскуе,
Каждый день наша кокоша горекуе.

Къ невѣсткѣ.

Да ты слушай же сестрица—свѣтъ родимая,
Вознесу тебѣ спасибо съ благодарностью,
Што не жалѣла золотой казны безсчетной,
Хоронила ты надежу умильнешенько,
Ты вѣдь собрала породу родовитую,
Спасетъ Богъ тебѣ на томъ—съ благодарностью;
Хоть дала ты мнѣ вѣсточку не радостну,
Снарядила ты спорядную сусѣдушку,
Призвала меня печальную головушку
На послѣднее прощаньицо,
На вѣковое ко брату разставаньицо;
Про запасъ бѣдна горюша посмотрѣла
На свою милу скачону я жемчужинку.
Унывало хоть ретливое сердечушко,
Обмирала моя зяблая утробушка,
Я незнала все горюша горегорькая,
Отчего меня кручина ушибае?
Не могла умомъ побѣдна примѣнитися,
Не къ кому бѣдна горюша пріютитися;
Далеко живу горюша въ устороньицѣ,
Я во маломъ горюша во безлюдьицѣ,
Я во темномъ горюша во залѣсьицѣ.
Набъ съ корелушкой побѣдной мнѣ знакомиться,
Набъ корельскимъ языкамъ пріучатися,
Оставлять набъ чваковито нарѣченьицо
Мнѣ учливая—умильна поговорюшка;

Оцень скучно мнѣ побѣдной обживатися,
На этой судимой на сторонушкѣ,
Хоть близко по́ близку кругло малое озерышко,
По подоконью бѣжитъ да рѣчка быстрая,
Мнѣ не любится побѣдной головушкѣ,
Во этой во корелушкѣ во дикой;
Когда прежь сего до этой поры времячка,
Какъ былъ въ живности сдовольной бѣлой свѣтушко
Какъ приду я на родиму свою родинку
О Бладычніихъ о праздничкахъ,
Всѣ во собраньицѣ крестьяна православныи,
На бесѣдушкѣ сусѣди спорядовыи,
Кругомъ столика крестьяна пріобсажены
На столѣ да Божья книга прираскинута,,
Сидитъ свѣтушко братецъ читаетъ,
Христіана-то сидятъ да книгу слушаютъ:
Хорошо онъ пословечно имъ высказыватъ,
Онъ про Божіи законы выговариватъ,
Сговоритъ да имъ сусѣдямъ таково слово:
Вы сусѣдушки живите во согласьицѣ.
Ужъ вы ду—друга крестьяна не обидьте-тко,
Да вы Господа Бладыку не гнѣвите-тко,
Я скажу да вамъ по Божьему писанію,
Какъ у Господа Бладыки обзаконено:
Жить на семъ свѣтѣ—ду—друга любить,
Вы сполна этотъ законъ исполняйте-тко,
Всего дастъ вамъ Бладыка многомилосливой
На поли Онъ вамъ дастъ безъ измѣнушки.
На гумны вамъ дастъ безъ мѣрушки.
Я гляжу смотрю печальная головушка,
Куды все у насъ подѣвалося
Куды Божіи книги потерялися;
Пустымъ да по покоямъ все пустешенько,

Кленовы стоятъ стулыица простешеньки,
На столахъ да вси доски расклеилися,
Православныи крестьяна отступилися
Отъ моей да отъ родимой ноиь отъ родинки.

Къ попамъ:

Вы пройдите-тко попы—отцы духовныи,
Проходите-тко служители церковныи,
Во нашу во побѣдну эту жирушку,
Во унылое, хоромное строеньице,
Во печальную, во свѣтлу эту свѣтлицу;
Вы садитесь-ко по стульицамъ кленовымъ,
Вокругъ столиковъ садитесь-ко дубовыхъ.
Ты послушай-ко, невѣстушка голубушка,
Попроси да хоть сусѣдей спорядовыхъ,
Подсобили бы гостей да оны чествовать,
Ужъ какъ этыихъ поповъ отцовъ духовныихъ,
Ужъ какъ этыихъ служителей церковныихъ:
Мы по чары поднесемъ да зелена вина,
По другой мы нальемъ сладкой водочки,
На тарелочки несемъ разны закусочки.
Говорить стану печальная головушка,
Я вобче да всимъ попамъ—отцамъ духовнымъ:
Въ золоту казну попы не забирайтесь-ко,
Столько свѣтущка вы братца споминайте-ко
Въ шесть этыхъ учетныихъ недѣлюшекъ,
За обѣдней панахиды-то служите-ко,
Хоть не вкрутѣ—по маленчку расчитаемся;
Спасетъ Богъ да васъ поповъ—отцевъ духовныхъ,
Што пріѣхали—не зартачились,
Поры времени не жалѣли,
Коней добрыхъ притрудили;

Не гнушалися попы—отцы духовныи,
Сироты вы горегорькой, безпріютной;
Ужъ вы слушайте попы—отцы духовныи
Когда случится—служители церковныи —
Итти мимо по селу вамъ деревенскому,
Вы зайдите на родиму мою родинку,
Разговорите вы—кокошицу тоскливую
При этой при злодійноей кручинушкѣ;
Хоть зайдите о Бладычныхъ Божьихъ праздничкахъ,
Отъ тала́ сердча, побѣдна, принимать будетъ,
Припасетъ для васъ любимо угощеньице,
Для всей братьи причетенъ-то священскіихъ.

XI.

ПЛАЧЪ ПО СЕСТРѢ.

Калязин. уѣзда Тверск. губ.

Голубушка мила—се́стрица!
Ужъ куды ты сурядилася,
Ужъ куды да ты сподо́билась?
Во котору путь дороженьку,
Въ каки гости незнакомыи,
Незнакомыи да нежеланныи?
Сурядилась ты сподо́билась
На вѣчное житье безконечное.
Безъ тія да мила се́стрица

Нонь пустымъ у насъ пустешенько,
Опусталъ широкъ теремъ
Во широкое подворье;
Безъ тія да мила сéстрица
Не работница я, не трудница,
Напринимаюсь всякой всячины
И холоду и голоду
И осудушки великія;
Голубушка мила сéстрица!
Не окрикнешь меня не огóворишь,
Ты во снѣ нонь не покажешься
На яву мнѣ не привидишься;
Потеряла я думу крѣпкую
Словцо тайное—не проносное
И великую заступушку.

. . . . . .

Подыми-тко-тесь вѣтры буйныи
Со тонкимъ-те вѣхорёчками!
Разнеси-тко-тесь желты пески,
Желты пески—мелки камышки!
Разступи-тко-сь ты матушка сыра земля,
Раскрой-ко-ся гробова доска,
Размахни-тко-ся тонкой, бѣлъ саванъ!
Воскинь ты мила сéстрица
Свои очи ясныи
Стань-ко ты мила сестрица
На свои скоры ноженьки
Возвей ко-ся мелкой пташечкой
Во свое-то ли тепло гнѣздо;
Сойдем-ко-ся близко нáблизко
Поклоним-ко-ся низко нáнизко
Подумаемъ мы посовѣтуемъ
Какъ коротать мнѣ дѣвочій вѣкъ

Не давай-ко мнѣ долго маяться *).

Село Твердилово.

XII.

ПЛАЧЪ О ДЯДѢ РОДНОМЪ.

Когда одънутъ покойника племянница вопитъ:

Мнѣ-ка сись было бѣлой лебедушкѣ
Либо на́ эту брусову бѣлу лавочку,
Либо подлѣ на дубовую скамеечку,
Супротивъ лица на кленовой стулъ;
Мнѣ подпасть было подъ правое ушинько,
На допросъ взять желаннаго мнѣ дядюшку,

---

*) Со восточной со сторонушки
Подымалися да вѣтры буйные
Со громами да со гремучими,
Съ молоньями да со палючими;
Пала, пала съ небеси звѣзда
Все на сестрицыну на могилушку. .
Разшиби-ко ты, громова стрѣла,
Еще матушку, да мать-сыру землю!
Развались-ко-ся, ты, мать-земля,
Что на всѣ четыре стороны!
Сокройся-ко да гробова доска,
Распахнитеся да бѣлы саваны!
Отпалитеся да ручки бѣлыя
Отъ ретиваго отъ сердечушка,
Разожмитеся да уста сахарныя!
Ты промолви-ко, мила сестрица,
Слово то со мной ласково,
Слово то со мной привѣтливо!
Еще я то, мила сестрица,
Во тоскѣ живу, во кручинушкѣ,
Безъ свово-то мила ладушки,
Со своими-то съ малы дѣтками.

По роду мнѣ-ка желанной родной дядюшка,
По кресту мнѣ-ка крестовой этотъ батюшка;
Ты куды мой воспріемной снаряжаешься?
Ты въ котору путь родимой поспѣшаешься?
Ой, тошнымъ мнѣ горюшицѣ тошнешенько!
Поставилъ свѣтъ печальныхъ насъ головушекъ,
Сложилъ рученьки ко бѣлой груди,
Тѣлеса придалъ ко матушкѣ сырой земли;
Пошла на́ убыль любимая семеюшка,
Въ раззореньицо крестьянска пошла жирушка;
Нонь торговы эты лавки запираются,
Про Московскіихъ купцовъ да запасаются;
По великому злодійному несчастьицу,
По дѣвоцьему моему безталаньицу,
Нонь при домѣ я печальна не случилася
Какъ во эту пору было въ тое времечко,

Была то у меня мила сестрица —
Дума крѣпкая, слово ласково;
Была то у меня мила сестрица —
Была ласкова, была привѣтлива...
Нанести-то на насъ есть кому,
А пристать-то за насъ некому.
Какъ была бы у меня мила сестрица,
Постояла бы за меня горой высокою,
Постояла бы стѣной да бѣлокаменной
Во снѣ-то мнѣ ты не привидашься,
На яву-то мнѣ да не покажешься...
Прилети-ко, мила сестрица
Ко мнѣ да горегорькою;
Ужь ты сѣдь-ко, мила сестрица,
На окутисе да на окошечко.
Ты послушай-ко, мила сестрица,
Горегорькихъ-то моихъ пѣсенокъ:
Я живу-то, горегорьчая,
Безъ батюшка безъ родимова,
Безъ родимой родной матушки,
Безъ своево милова ладушки. (Пермск. Сборн. кн. II. 1860 г.),

Въ полдень краснаго было да то солнышка,
Приходила къ нему скоряя смерётушка,
Отлишила насъ великаго желаньица;
Кабы знала я горюша—про то вѣдала,
Отъ постелюшки бы прочь не отходила,
Я сидѣла бы душа красна дѣвиця
У болѣзна, круто-складняго сголовьица,
Говорила бы съ спацьливымъ моимъ дядюшкой;
Я держала бъ его буйную головушку,
Я на бѣлыхъ держала бы на рученькахъ,
Прибирала бы русы его волосушки,
На бумаженьку сѣду его бородушку,
На патретъ бы колесисты его бровушки
Я завивны бы кудёрки—золоту дугу;
Все я думала безсчастна красна дѣвиця:
„Съ тяжела да добры люди поправляются,
Съ легка молодцы удалы помираютъ„.

Обращаясь къ теткѣ продолжаетъ:

Ты скажи мнѣ жалослива, родна дяденька,
„Раставалась какъ съ надежной ты головушкой,
„Сговорилъ ли хоть единое словечушко,
„При послиди, при злодійной смеретушкѣ?
Буду гнѣвъ держать обидна красна дѣвиця,
Я на свѣтушка братца на родимаго,
Што не далъ мнѣ слободна Божья дéнечка
Посидѣть у крестоваго у батюшка:—
Снарядилъ онъ на крестьянскую работушку;
Какъ была бы я бѣлая лебедушка—
Въ своемъ домѣ, въ свѣтлой свѣтлицѣ.
Я сидѣла бъ подъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
Я глядѣла бъ на шúроку на уличку,

По пути я—къ Божьей церкви посвященной;
Усмотрѣла-бъ, може, идуци я скорую смеретушку,
Тутъ задвинула бъ стекольчаты околенки,
Заперла бы вдругъ широкіи воротечки,
Заложила бы новы двери дубовыя,
Сама вышла бъ на крылечико переное,
Говорить стала бъ я скороей смеретушкѣ:
„Ай же борзая калѣка перехожая!
„Ты откуль грядешь, куды путь держишь?
„Я бы стала тутъ калѣку уговаривать:
„Ты подъ пóдружку возьми стару бабушку,
На сине море иди—да ты холодная,
„Во чисто поле иди—да ты голодная.
Нонь-ко крадци пришла скоряя смеретушка,
Пробралась въ наше хоромное строеньице,
По пути она летѣла чернымъ ворономъ,
Ко крылечку прилѣтала малой пташечкой,
Во окошечко влетѣла сизымъ гóлубкомъ;
Разлучила съ воспріемнымъ меня батюшком ъ:
Его ясныи тутъ очи запиралися,
Сахарніи уста да загражалися,
Душа съ бѣлыхъ грудей вынималася.
Какъ я шла со крестьянской работушки,
Единá шла путемъ—шúрокой дороженькой,
Въ разны стороны металась умомъ разумомъ;
Приходить стала къ крылечику переному,
Какъ сглянула на хоромное строеньице,
Припечаливши хоромное строеньице:
По вону стоитъ горница,
По нутру стоитъ морозница,
Скрозь околенко виднѣеветъ кручинушка,
Скрозь другое выглядаетъ зла обидушка;
Тутъ свилося—задрожало сердце дѣвоцье,

Я не видла-то побѣдна свѣту бѣлаго;
Я зглянула на крылечико переное,
Какъ стоитъ столько спацьлива моя дяденька;
Не со радости она меня стрѣтае,
Она бѣлыма-то ручкама мавае,
И горьки сама слезы проливае.
Тутъ спросила у спацьливой я у дяденьки:
„Што въ кручинушкѣ стоишь пригорюнивши?
„Аль труденъ—боленъ крестовой, видно, батюшко?“
Тутъ въ слезахъ мнѣ родна дяденька сказала
На переноемъ крылечкѣ отвѣчала:
— Какъ у насъ да моя теплая сугрёвушка,
— Во дому у насъ великая незгодушка,
— Въ свѣтлой свѣтлицѣ великая кручинушка,
— Таланъ—счастье отъ насъ да удаляется
— Къ намъ великое безсчастье забирается“.
Тутъ прошла я по крылечку перёному—
И взошла да я во свѣтлу нову горенку;
Какъ зглянула на тесовую кроваточку,
Почивалъ да гдѣ крестовой мой батюшко;
На часу́ тутъ кровать расклѣилася,
Она на́ двое кровать раскатилася;
Я зглянула какъ на столики дубовыи....
Тутъ положенъ же спацливой милой дядюшка—
Онъ сокрученъ во умершее во платьице;
Я съ досадушки побѣдная зглянула,
На эту Пресвяту Мать Богородицу....
Што вѣдь топится свѣча да воску ярова?
Я то думала дѣвоцьимъ своимъ разумомъ:
Для того, видно, свѣця у нихъ затоплена,
Какъ по старому было по досюльному—
Поѣзжать стане крестовой милой батюшко,
За товаромъ онъ, бывало, заграничнымъ;

Стане Господу молиться отъ желаньица—
Дай-ко Господи—мнѣ путь доброй—дороженьку,
Дай-ко счастія Господь благополучія,
Мнѣ бы съѣздить за товаромъ разноличныимъ“.
Нонь раздумаюсь я бѣлая лебедушка:
Въ свѣтлой свѣтлицѣ попы стоятъ духовныи;
Не молебенки они нонь воспѣваютъ
Воспріемнаго попы нонь поминаютъ.
Подойти да ко столу мнѣ ко дубовому,
Пріоткинуть тонко бѣло это по́лотно;
Дайволюте—тко спорядны мнѣ сусѣдушки,
Стану спрашивать обидна красна дѣвушка:
„Ты куды родной дядюшка справляешься?
„Въ безъизвѣстну, знать, дорожку поспѣшаешься
„Ко этой Пресвятой ты Бородицѣ?
„Какъ намъ жить буде печальнымъ головушкамъ?
„Вси отрѣкнутся нонь сродчи милы сроднички,
„Вси отступятся купцы твои пріятели,
„Вси отшатнутся попы отцы духовныи;
„Мимо про́йдутъ оны нову эту горенку
„И межу собой спрого́ворятъ:
„Теперь все прошло вѣдь здѣсь да угощенье;
„Тутъ не зглянутъ на косѣвчаты окошечка;
„Бѣдное тутъ, скажутъ, состояніе;
„По дому нѣтъ большака у ихъ начальника“
Нонь посли тебя крестовой—милой батюшко
Унывать стане ретливое сердечущко,
Умирать буде зяблая утробушка;
Ушибать стане великая тоскичушка;
По дорожкѣ хоть намъ въ стрѣчу пострѣчаются,
Нонь не здіютъ съ нама добраго здоровьиця,
Не спрого́ворятъ единаго словечушка,
Погнушаются побѣдныма головушкамъ.

При выносѣ:

Я гляжу смотрю обидна красна дѣвиця:
На пяту да новы двири оттворяются,
Съ дубовымъ гробомъ сусѣди пробираются,
Полагаютъ же великое желаньице—
Во эту колоду бѣлодубову;
Вдругъ поносятъ со хоромнаго строеньица
И повозятъ на ступистыихъ лошадушкахъ;
Впереди идутъ попы отцы духовныи,
Во правой рукѣ несутъ да книги Божіи,
Во лѣвой—несутъ оны да свѣщи ярыя;
Тутъ поютъ оны вѣчно поминаньице.
Не спѣшитесь-ко вы добры мои людушки—
Взять поднять колоду бѣлодубову,
Вы нести со хоромнаго строеньица,
Со столовой нести новой горенки!
Не сиротьте-ко побѣдныхъ насъ головушекъ!
Да ты слушай же крестовой милой батюшко!
Не сдавайся со брусовой бѣлой лавочки,
Ты не йди со столовой новой горенки;
Видно, нѣтъ того на свѣтѣ да не водится
У мертваго съ живымъ дѣло не ладится.

Къ попамъ:

Я поклонъ воздамъ попамъ отцамъ духовнымъ,
Благодарность я служителямъ церковнымъ:
Спаси Господи поповъ отцовъ духовныхъ,
Што послушали побѣдныхъ насъ головушекъ,
Безпокоились путь—ши́року дороженьку,

Со пѣніемъ несли его церковнымъ,
Съ поминаніемъ несли его духовнымъ;
Я во свѣтлую прошу васъ нонь во свѣтлицу,
Я учéстую служителей церковныхъ;
Вы садитесь-ко на стульица кленовыи,
Ко столикамъ садитесь-ко дубовыимъ—
По прежнему садитесь по досюльному;
Я прошу да васъ поповъ отцевъ духовныхъ
Вы впишите-тко во книги херувимскія,
Во вѣчное его да поминаньице;
Вамъ злата за то надо или серебра?
Али краснаго вамъ надо да вѣдь золота?
Али скатнымъ возмёте да вы жемчугомъ?
Разчитаюсь за труды ваши за праведны.

Къ теткѣ:

Ты послушай же бажена моя дяденька:
Ты проси да нонь поповъ отцевъ—духовныхъ,
О своей проси любимой о семеюшкѣ,
Поминали бы въ учетныхъ шесть недѣлюшекъ—
Ихъ молитовки ко Господу доходныя;
У насъ все прошло теперь миновалося,
Скрозь туманъ пекё красно теперь солнышко,
Скрозь облако свѣтитъ бладъ свѣтёлъ мѣсяцъ;
Приминимся спацьлива родна дяденька:
Не высоки терема живутъ вдовиныи,
Не красны слывутъ дочери безматерни,
Не славны сыновья живутъ безотніи;
Поостависи сердечно мы желаньице
У этой Пресвятой мы Богородицы;
Отпустили свои ласковы словечушка

Во погреба съ тобой мы во глубокіи—
Во матушку съ тобой мы во сыру землю;
Нонь пустымъ у побѣднушекъ пустешенько,
По хоромному строенью унильнешенько;
Отложить надо намъ сладко уяданьице,
Отмѣнить надо любимо угощеньице;
Мы горючима слезамы угощаемся,
Мы великой кручиной забавляемся.

Къ сусѣдямъ вдова:

Да вы слушайте спорядныя сосѣдушки:
Не убойтесь зла великаго безсчастьица
Не страшитесь-ко злодійной вы кручинушки:
Таланъ участь отъ васъ не отшатнется,
Зло—великое бесчастье не привяжется;
Послѣ милой любимой вы сдержавушки,
Не гнушайтесь-ко побѣдныма головушкамъ,
Съ нама здійте-тко вы доброе здоровьице,
Проговорите едино хоть словечушко,
Взвеселите вы побѣдныхъ насъ головушекъ.
Вмѣстѣ пойдемъ на крестьянску какъ работушку,
Единой путемъ широкой дороженькой,
По единымъ чистымъ полюшкамъ,
По единымъ лугамъ сѣнокоснымъ,
Разрядите-тко побѣдныхъ насъ головушекъ,
Укажите намъ крестьянскую работушку;
Послѣ милой сдержавушки любимой
Безъ вѣтрышка побѣдныи шатаемся,
Безъ угару болитъ буйная головушка;
На всѣ стороны нашъ умъ—разумъ кидается,
Нѣтъ разрядчика побѣднымъ намъ головушкамъ,

Распорядчика крестьянскоей работушки:
Точно заюшки подъ кустышкомъ загнаныи,
Въ чистомъ полѣ словно гусья заблудящіи;
Мы повыстанемъ по утрышку ранешенько,
Да мы сядемъ подъ косѣвчато окошечко,
Какъ кокоша въ сыромъ бору коковать стане,
Также мы бѣдны—побѣдны тосковать будемъ;
Мы не знаемъ-то обидныя крестьяночки,
На каку потти крестьянскую работушку;
Мы посмотримъ на спорядныихъ сусѣдушекъ
На чисто поле какъ парни ужъ справляются,
На полосушки сѣвчи да снаряжаются;
Тутъ пойду бѣдна кручинная головушка,
Возбуждать пойду сердечно свое дитятко:
„Да ты стань-востань сердечно мило дитятко:
„Отъ крѣпка сна дитё ты пробудися
„На крестьянскую работушку спахнися;
„Всѣ повыстали сусѣди спорядовыи,
„Ужъ справляются на трудную работушку“.
Тутъ повыстане рожено мое дитятко
Не дорослая кудрявая рябинушка
Недозрѣвша въ сыромъ бо́ру ягодиночка:
Его плечушки—у свѣтушка узёшеньки,
Въ росту рученьки его да вѣдь тонешеньки
Во годахъ еще дитя молодешенько
Умомъ разумомъ сердечное глупешенько;
Тутъ отправлю на крестьянскую работушку,
Повыду въ слѣдъ на ши́року на уличку,
Покорюсь спорядовыимъ я сусѣдушкамъ;
На работушку его нарядите-тко,
На полѣ работу укажите-тко;
Возвращусь сами въ хоромное строеньицо,
Затоплю да я печеньку муравлевную,

Возбуждать стану любимую племянничку:
„Ай же, стань моя бѣлая лебедушка,
„Пробудись наша любимая племянничка
„Да ты стряпай-ко стряпню домовитую,
„Ладь-ко намъ обѣды полуденны,
„Я пойду да на крестьянскую работушку,
„Обойду всѣ луговы эты поженьки,
„Засмотрю да всѣ луга я сѣнокосны,
„Не вломилась-ли любимая скотинушка
„Не истратила-ль траву нашу шелковую.
Тутъ пройду я на распашисты полосушки,
Сосмотрю свое сердечно это дитятко;
Сама я сяду на катучій бѣлый камышекъ,
Растоскуюсь горегорькая обиднушка.
Воскликать стану надежную головушку
На эты на роспашисты полосушки:
„Появись—приди надежная головушка,
„Хоть съ чиста поля явись яснымъ соколомъ,
„Со темныхъ лѣсовъ явись сизымъ голубемъ,
„Хоть съ глубокихъ озеръ сѣрой утушкой, *).

---

*) Оборись-ко-ся, мой милый ладушко,
Перелетнымъ ты да яснымъ соколомъ!
Ужь и выйду на широку я на уломку:
Посмотрю я, горегорькая,
На всѣ на четыре стороны —
Не летитъ ли моя мила пташечка,
Не несетъ ли мнѣ вѣсточку-грамотку?
Ужь мнѣ ждать будетъ — не дождатися,
Мнѣ глядѣть — не наглядѣтися:
Ну, нѣтъ мнѣ отъ милова ладушки,
Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки.
Ни словястнаго челобитьица!
А какъ безъ мово-то мила ладушка
Наносятъ на моня люди добрые!...
Пришла весна красная;
Выѣзжаютъ всѣ люди добрые

„Не убойся ты, надежная головушка,
„Засмотрѣть приди сердечно это дитятко,
„На трудной крестьянской ты работушкѣ;
„Видно, вѣкъ тое въ свѣтѣ не сбывается,
„Што мертвый съ могилы ворочается“.
Какъ притрудится сердечно мое дитятко,
Пріустане на крестьянской онъ работушкѣ,
Какъ придетъ, свѣтъ, по позднему по ве́черу,

На работушку на тяжелую —
У меня то, горегорькія,
Нѣтъ милова ладушки..
А придетъ страда сѣнокосная —
И затупится коса моя булатная...
И тогда то, горегорькая,
Сяду я подъ ракитовъ кусть,
Помяну-то я горегорькая,
Своево мила ладушку:
Затупилась у меня-то коса да булатная,
Не по старому да не по прежнему...
А какъ былъ бы ты, милый ладушко,
Ты направилъ бы мнѣ косу булатную
По старому да по прежнему...
Хожу то я, горегорькая,
По лугамъ то да по зеленымъ;
Смотрю-то я, горегорькая,
По добрымъ то да по людямъ,
И примѣчу я, сирота горькая,
Своево мила ладушку: —
Какова была у него походочка,
Какова была у него поступочка,
Каково у него было лицо бѣлое,
Каковы у него были очи ясныя,
Каковы были кудри русыя,
Не могла-то я узрѣть — высмотрѣть
По его-то частой походочкѣ,
По его-то русымъ кудерцамъ
По его-то яснымъ очикамъ —
Своево мила ладушка, —
И лишилась я дружка милова:
Пришло времячко всечастно слезы лить,
Горевать, кручиниться и за-все тужить. (Тамъ же 130 стр.)

По закату придетъ краснаго солнышка,
Уберетъ да онъ ступистую лошадушку,
Приде—сяде на брусовую на лавочку,
Спибетъ бѣлы, молодецки свои рученьки,
Выше плечь онъ на бла́дую головушку,
— Да ты слушай же родитель моя матушка,
— Што болятъ да мои рѣзвы эты ноженьки,
— Примахалися бурлацки мои рученьки —
— Пріусталъ я на крестьянской на работушкѣ.
Пойдойду тутъ къ роженому я дитятку,
Я поглажу—то по буйной по головушкѣ,
Я подрочу по могуцимъ—бѣлымъ плечевькамъ,
Знать, толь счастливо ты дитятко таланное,
Отлучилъ Господь родителя вѣдь батюшка!
Какъ болитъ, щемитъ ретливое сердечушко
Уменя да у побѣдной у головушки,
Што трудна тебѣ крестьянская работушка,
Былъ въ живности родитель пока батюшко,
Моя милая—любимая семеюшка,
Видна́ жъ была крестьянска у насъ жирушка,
Довольна золота казна безсчотная,
Мы по утрышку тебя не возбуждали,
Отъ тала́ сердча тебя мы сберегали;
Какъ пошиты были ситцевы рубашечки,
Казинетовы налажены поддевочки,
Кругъ сердечка опоясочка шолковая,
На рѣзвы ножки сапоженьки козловыи;
Мы зачешемъ твою бладую головушку,
Уберемъ кудри во шляповьку пуховую,
Мы по выпустимъ на ши́року на уличку,
Хоть не въ до́рости сердечно было дитятко,
Поглядимъ да мы въ косѣвчато окошечко:
Не ясенъ соколъ въ чистомъ полѣ полетывать,

Наше дитятко по уличкѣ погуливатъ;
Со сторонъ смотрѣть любо было дорого,
Дивовали вси добры того людушки,
Срѣкалися талану твоей участи;
Знать сабаки твою участь пріоблаяли,
Твое счастіе сусѣды пріоббаяли;
Сустигало тутъ злодійно безталаньице,
Отлишилъ Господь великое желаньице;
Были лавочки у насъ хотя жъ торговыя,
Пріоткрыты товары разноличныи,
Золота казна туды у насъ положена,
Въ долгъ товары у родителя распущены;
Пошли людушки теперь да все безсовѣстны,
Платить долгъ этотъ народъ не имается;
По судамъ ходить побѣдной мнѣ головушкѣ,
Задарить надо судей неправосудныхъ;
На горюци оны слезы не окинутся,
Должники жъ въ долгахъ вѣдь е—да попираются;
Раззорилась вдругъ крестьянска наша жирушка
Поступилъ ты во злодійную заботушку;
Въ переломъ пришла великая кручинушка,
Не по силушкамъ крестьянская работушка.
Уговаривать сердечно стану дитятко:
„Ты заботься на крестьянской на работушкѣ,
„Проработаешь уречную недѣлюшку
„Я во крайней, во суботней этотъ де́нечекъ,
„Я повытоплю тутъ парну тебѣ баенку,
„Постелю тебѣ пуховую перинушку,
„Пріотдо́хнешь тутъ сердечно мое дитятко,
„О свѣтломъ Христовомъ воскресеньицѣ;
„Не возбужду тебя по раннему по утрышку.
Я приду ко тесовой хоть кроваточкѣ,
Погляжу бѣдна кручинная головушка

„Крѣпко спитъ мое рожоно мило дитятко“;
Рѣзвы ноженьки его—пораскиданы,
Бѣлы рученьки отъ сердца поразмахнуты,
Его желты кудерки порастряхнуты;
Потихýприду къ тесовой кроваточкѣ,
Сотворю да я Ісусову молитовку,
Подрочу его по бла́дой по головушкѣ,
По обидной, молодецкой по бѣлой груди;
Тутъ горюци бѣдна слезы проливать буду,
Мнѣ-ка жаль тошно мила дитятка,
Призакрою соболинымъ одѣяльицемъ;
Тутъ повыду во хоромное строеньице,
Состряпаю стряпню домовитую,
Исправлю обѣды полуденныи —
Во часу эты обѣды во двѣнадцатомъ,
Тутъ приду да я къ сердечному ко дитятку,
Возбуждать стану обидная головушка:
„Да ты стань—востань сердечно мило дитятко,
„Ты умой свое обидно бѣло личушко,
„Ты утрись этымъ бранымъ полотенечкомъ,
„Да ты крестъ клади мой свѣтъ по писаному
„Ты начало положи по священному,
„Ты молись да теперь Богу отъ желаньица,
„Штобы Господи тебя да все помиловалъ,
„Отъ злаго человѣка отъ опаснаго,
„Отъ браннаго словечка отъ напраснаго.“
Спаси Господи сердечно тебя дитятко
На сегоднишній Господень Божій де́нечекъ
На это на Христово воскресеньице;
Я радѣла бы сердечно тебѣ дитятко
Всей великой бы Господней Божьей милости;
Помоги мать Пресвятая Богородица
Возрбстить мнѣ желанно мое дитятко

До полна—молодецка его возраста,
Не въ укоръ было бъ побѣдной мнѣ горюшицѣ,
Не въ присловье отъ спорядныихъ сусѣдушекъ;
Ума разуму набрался бы въ головушку,
Чести—совѣсти въ ретливое сердечушко;
Нонь народишко пошелъ такой безсовѣстной,
Холостыи мужики пошли балованы,
Безотніи сыны да самовольныи,
Вдовины дити пошли не унемныи.
Лучше за́перлись бы ясны мои очюшки,
Пріукрыться бы во матушку сыру землю
Сердечушко мое не унывало бы,
Утробушка моя не умирала бы,
Глядяци на сердечно мое дитятко,
Во маэтной, во сколотной этой жирушкѣ!
Не порой моя головушка старится,
Не времечкомъ вѣкъ мой коротается,
Божіи де́нечки въ обиды провожаются;
Не радію того другу, я не недругу.

. . . . . .

Тутъ по ранному пѣтунью воспѣваньицу,
Съ зауныла соловьинаго жупляньица,
Большаки какъ подомовыи ставать станутъ,
Мужевья да женъ возбуждать будутъ,
Я проснусь бѣдна со поздняго со вечера,
Я съ полуноци горюша думу думаю,
Я подъ утреню зарю сильно росплакаюсь;
Тутъ повыстану побѣдная головушка́,
Со этой тесовой я кроваточки;
Умоюся печальна ключевой водой,
Я утрусь бѣдна горюша шитымъ по́лотномъ;
Помолюсь Пресвятой я Богородицѣ,
Благословлюсь у Бладыки—свѣта истиннаго,

На сей я Господень Божій дéнечекъ;
Тутъ сгляну я во косѣвчато окошечко,
Какъ справляются спорядныи сусѣдушки
Во эты темны лѣса дремучіи,
На эты луга сѣнокосныи,
Косить оны травоньки шелковыя;
Тутъ скажу да я печальная головушка:
„Вы ставайте-тко сердечны милы дѣтушки,
„Вы пойдемьте на крестьянскую работушку,
„Въ сонъ головушки, родимы, не клоните-тко;
„Вы идите путь, дороженьку скорёщенько,
„Вы работайте работу веселешенько,
„На ряду да съ сусѣдямы спорядныма;
Отпущу хоть печальна ихъ головушка,
Мои дѣтушки въ годахъ молодешеньки,
Хоть придутъ на лугову оны поженку,
Устанутъ путемъ ши́рокой дороженькой,
Оны сядутъ подъ ракитовой подъ кустышекъ;
Жалобно пекё красное солнышко,
Обогріе ихъ ретливое сердечушко;
Тутъ вѣдь лягутъ подъ малиновый подъ кустышекъ,
Прозабудутъ всю крестьянскую работушку;
Какъ нѣтъ стараго у ихъ да повелителя,
Большака нѣту у ихъ да распорядчика.
Скоро стряпаю стряпню тутъ суетливую,
Я спѣшусь на крестьянскую работушку,
Я на эты на луговыи на поженки,
На раскосисты луга сѣнокосныи,
Я спѣшусь путемъ дорожкой широконькой,
Я лѣтуци дорожку пролетѣла бы,
Я скоренько путь ши́року припрятала;
Я на стрѣтушку сусѣдямъ не стрѣталась бы
Я съ сусѣдкой разговоръ бы не закинула;

Да я такъ спѣшусь ши́рокой—дороженькой,
Ужъ приду какъ ко луговой этой поженкѣ,
Тамъ не вижу сѣнокосцевъ травъ шелковыхъ;
Я ко прежнему приду ко огнищечку,
Я ко старому приду становищечку,
Да тамъ спятъ мои сердечны милы дѣтушки;
Бывъ какъ зайки подъ ракитовымъ подъ кустышкомъ,
Горностали подъ малиновымъ подъ прутикомъ;
Тутъ я сгру́снуся печальная головушка,
Разобидуюсь на милыхъ своихъ дѣтушекъ,
Возбуждать стану побѣдна ихъ головушка,
Я не ласковымъ словечкомъ не прелестнымъ:
„Беззаботны вы сердечны милы дитятки,
„На кого да бѣдны дѣтушки надіитесь?
Мои дѣтушки того да растоскуются,
На работушкѣ оны сильно росплачутся;
Уже я бѣдна, кручинна тутъ головушка,
Распеняюсь на судьбу свою безсчастную,
Разругаюсь я на жизнь да безталанную;
Хоть работушку побѣдны мы работаемъ
Всѣ горючима слезамы обливаемся
И великой мы кручиной утираемся.
Тутъ придутъ спорядовыя сусѣдушки
Уговаривать меня стануть побѣдную:
„Ты не плачь бѣдна вдовушка безсчастная,
„Не тужи да бѣдна мать ты горегорькая;
„Не обидь своихъ сердечныхъ этыхъ дѣтушекъ,
„Не одна ты е на свѣтѣ безталанная,
„Много вдовушекъ побѣдныхъ на бѣлу свѣту,
„Безъ отцевъ растутъ дѣтушки безъ матерей;
Тутъ раздумаюсь печальная головушка:
Знать, у Господа Бладыки узаконено,
Въ кую пору набъ женѣ съ мужемъ разстатися,

Не куды съ горя—горюшѣ подѣватися,
Мнѣ живой бѣдной въ могилу не вкопатися;
Отложить надо тоску мнѣ-ка великую,
Надо домъ—вести крестьянска эта жирушка,
На работы большакомъ слыть настоятелемъ,
Во домы да набъ большухой подомовой,
Распорядокъ на крестьянской надо жирушкѣ,
Набъ разрядъ да вѣдь сердечнымъ малымъ дѣтушкамъ;
Говорить буду тихонько съ уговорочкой:
„Ай же, милыи сердечны мои дѣтушки,
Вы работайте крестьянскую работушку;
Да какъ съѣзжу я къ Бладычному ко праздничку,
Привезу я вамъ любимыи подарочки,
По сердечной привезу вамъ по обновочкѣ;
Тутъ вѣдь дѣтушки мои да веселешеньки,
На ряду иде крестьянская работушка,
У артельныхъ мужиковъ словно семейныихъ;
Однимъ днемъ да я побѣдна не остануся,
На ряду съ има побѣдная мотаюся.
Ой тошнымъ да мнѣ побѣдноей тошнешенько
Послѣ милой надежноей сдержавушки,
Недородъ да все довольнымъ этымъ хлѣбушкамъ,
Недоросъ да на лугахъ—травахъ шелковыихъ;
Не домъ теперь—житье не разживается,
Жирушка побѣдная скудается;
Кабы знала про безчастное живленьице,
Я въ законъ то горюша не вступала бы,
Я замужьица себѣ не залучала,
Не плодила бы сердечныхъ себѣ дѣтушекъ;
Я сошла бы во пустыню богомольную,
Гдѣ вѣдь дѣвушки спасаются,
Гдѣ старушки постригаются.
Тутъ мнѣ скажутъ еще власти поставленыи:

Припасай золоту казну безсчетную,
Ты отдай намъ всѣ тягости казенныя;
Я раздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ:
Мнѣ гдѣ взять золота казна безсчетная,
Мнѣ отдать да всѣ вѣдь подати казенныи?
Какъ приду я отъ спорядныхъ отъ сусѣдушекъ,
Посовѣтуюсь съ сердечнымъ своимъ дитяткомъ;
Говорить стане сердечно мило дитятко:
— Да ты слушай же родитель моя матушка,
— Со двора продать любиму набъ скотиночку,
— Со конюшенки продать да коня добраго;
Еще слушайко родитель моя матушка:
— Ты пойди да въ мелкорубленыя клѣточки,
— Жаль разстаться со любимой мнѣ скотинушкой;
— Ты бери столько ключи да золоченыи,
— Отмыкай да ты ларцы тамъ окованыи,
— Да ты вынь оттоль цвѣтно это платьице
— Заложи да ты сусѣду спорядовому.
Тутъ скажу да я сердечнопу то дитятку:
„Жаль нести да мнѣ-ка цвѣтно это платьице;
„Какъ выростешь до полнаго ты возраста—
„Станешь ѣздить погульбищамъ—вънемъ—прокладбищамъ
„По этымъ по владычнымъ Божьимъ праздничкамъ;
Какъ отвѣтъ держитъ сердечно мило дитятко:
— Мнѣ не честь хвала, родитель, молодецкая,
— Што вѣдь подати казенныя не плачены;
— Не къ лицу тебѣ родитель—родна матушка,
— Што таскаться по избамъ тебѣ по земскіимъ,
— У стола стоять, родитель, у судебнаго,
— Супротивъ стоять судей неправосудныихъ....

На могилѣ:

Ой же, стань—востань любимая семеюшка,
Не убойся-тко печальноей головушки!
Я не хо́лодна пришла къ тебѣ, не го́лодна,
Не для хлѣба пришла соли наѣданьица,
Не для сладкаго медова упиваньица.
На совѣтъ пришла на крѣпку къ тебѣ думушку,
Пораздіять злу великую кручинушку—
Я съ тобой да со любимоей семеюшкой;
Ты чего гнѣвенъ—любимая семеюшка,
На меня да на побѣдную горюшицу,
На своихъ да сердечныхъ милыхъ дѣтушекъ?
Што не по́часту горюшица учащиваю,
Што не по́долгу горюшица угащиваю,
У тебя да у надежной у головушки?
Какъ посли тебя любимая семеюшка,
Всѣ рѣшились у насъ улички рядовыя,
Раззорились наши лавочки торговыя
Придержалась золота казна безсчетная
Прискудалася крестьянска наша жирушка,
Задернили всѣ роспашисты полосушки,
Лѣсомъ за́росли луговы наши поженки;
Какъ по нашему крылечику переному,
Заколодила путь ши́рока дороженька,
Отрѣкнулась вся порода именитая;
Тутъ раздумаюсь печальнымъ своимъ разумомъ:
Просижу бѣдна хоть день да я до вечера
У этой могилушки умершей,
Прискучаются сердечны въ домѣ дѣтушки,
Куды матушка у насъ пріукрылася,
Со кручинушкой куды она дѣвалася?

Возвращусь еще къ могилушкѣ умершей:
Позабыла я печальная головушка
Позвать въ гости я любимую семеюшку:
„Ко сердечнымъ роженымъ пойдемъ дѣтушкамъ,
Большакомъ пойдемъ ты свѣтъ да настоятелемъ,
Распорядчикомъ къ крестьянской пойдемъ жирушкѣ;
Не убойся-тко надежная головушка,
Не заставимъ мы работы работать тебя;
Стритятъ дѣтушки гостюшка родимаго
На этомъ крылечикѣ переномъ;
Порасхвастаюсь побѣдная головушка,
На обманъ возьму любимую семеюшку:
Ты пойди къ намъ въ любимое гостибище,
Не раззорилась вѣдь крестьянска наша жирушка,
Все по старому у насъ по досюльному,
Не заперты вѣдь лавочки торговыя,
У насъ въ цѣлости товары разноличныя;
Не на што моя надёжа не окинется,
Не на ласковы прелестныи словечушка,
Не на эты онъ мои да горюци слезы;
Какъ посли тебя любимоей семеюшки,
Каждой день да такъ кручинушка скопилася,
Словно камышкомъ въ сердечушко садилася;
Стать высказывать велику всю обидушку,
Сѣсть на лѣтній Господень Божій дѐнечекъ,
Мнѣ во зимну ночь побѣднушкѣ не выпомнить,
Этой злой кручинушки великой;
Не дай Господи на семъ да на бѣломъ свѣтѣ
Жить вѣдь—ростить-то сиротыхъ малыхъ дѣтушекъ;
Управлять да вся крестьянска эта жирушка;
Во двори зазнать любима набъ скотинушка,
Тутъ завѣдать набъ ступистыихъ лошадушекъ,
Засмотрить надо луговы эты поженки,

Заповѣдать всѣ распашисты полосушки,
Не заходитъ ли любимая скотинушка,
Не бранятся ли суседи спорядовыи;
Я того страшусь кручинная головушка,
Всегда имячко мнѣ было со изотчиной
Краснословьицо было́ мнѣ-ка отчимое;
За тобой жила надежной какъ головушкой,
Почитали спорядовы вси сосѣдушки,
Поклонъ во́здали жены мнѣ-ка мужніи;
Теперь—нонь живу кручинная головушка,
Бояци хожу по ши́рокой по уличкѣ,
Торопясь я ко спорядныимъ сусѣдушкамъ,
На срѣканьице все добрымъ-то молодушкамъ;
Куды спѣсь да моя гордость подѣвалася,
Што головушка моя да приклонилася.
Ты прости моя любимая семеюшка;
Нагостилась я побѣдная головушка,
Насидѣлась на катучемъ синемъ камышкѣ,
Нарути́лась горькихъ слезъ да на сыру землю,
Я наплакалась горюша до своей люби,
Я натѣшилась горюша какъ хотѣлося,
На этомъ домовищѣ упокойноемъ;
Объявила всю великую кручинушку,
На этой на могилушкѣ умершей;
Ты рости моя тоска травой незнамой,
Процвѣтай да всякимъ разныма цвѣточкамъ;
Мимо людушки бы шли да дивовалися,
Шли бы малы недоростки—любовалися.
Шли бы старыя старушки поросплакались,
Стогодовы старики да поужа́хнулись;—
Мнѣка стать да со катуча синя камышка
На свои да стать на то́мныи на поженьки,
Мнѣ пойти было къ печальнымъ малымъ дѣтушкамъ,

Порасхвастаться печальной мнѣ головушкѣ,
Што въ гостяхъ была у вашего у батюшки,
Низко кланялась ему до сырой земли,
Я до этой дубравушки зеленой,
До этой я травоньки шелковой;
Я звала да къ вамъ сердечны милы дѣтушки,
Не могла бѣдна горюшица дозватися,
Я единаго словечка допытатися;
Глупо сдѣлала печальна я головушка,
Незашла я въ Божью церковь посвященную,
Не молилась я вѣдь Богу отъ желаньица;
Какъ по моему великому несчастьицу,
Божьи церкви то вѣдь были всѣ призамкнуты,
Служители церковныи пріубрались
По своимъ оны хоромныимъ строеньицамъ.—

XIII.

ПЛАЧЪ О БРАТѢ ДВОЮРОДНОМЪ.

Какъ сегоднишняго дѐнечка Господняго
Пришла вѣсточка побѣдной мнѣ не радостна
Писмо грамотка пришла да невеселая
Подъ этіимъ орломъ—подъ печальныимъ
Подъ этою печатью—подъ черною.
Въ руку брала эту грамотку спугалася,
Роспечатала побѣдна—изнывала вся,
Я читать стала слезамы обливалася;
Не перомъ да это писемко уписано

Не черныма черниламы составлено,
Какъ горючима слезамы оно писано,
Великоей обидушкой составлено,
Злой этой кручиной запечатано;
Ужъ я такъ бѣдна побѣдная головушка
Не могла читать обидной этой грамотки;
Къ себѣ при́звала любимую семеюшку
Во эту во столову нову горенку;
Я лѣво́й рукой писе́мко подавала
Правой рученькой я слезы утирала;
„Ты читай писмо, надежа, умильнешенько,
„Роскажи мнѣ пословечно хорошохонько,
„Да што дiется на родимой моей родинѣ
„У желаннаго родителя у дядюшки;
„Отлучилъ Господь, сердешно знать ихъ дитятко.
Тутъ спроговоритъ любимая семеюшка:
— Снарядись да ты, голубко, въ путь дороженьку,
— Поспѣшайся на родиму свою родинку,
— Ты спросись у богоданой въ домѣ матушки,
— Доложись да у невѣстушекъ голубушекъ,
— Поостались бы съ сердечнымъ твоимъ дитяткомъ.
Подходила къ богоданой тихо матушкѣ,
Я давалася побѣдна съ горючмы слезмы,
Доложилася съ великой я кручинушкой:
„Ты спусти да богодана мила матушка,
„Во тоски, скажутъ, въ великой во обидушкѣ
„Мой спацьливый, жалосливой родной дядюшка;
„Ты спусти да на родиму меня родину
„Ко добротушкѣ желанной, родной тетушкѣ.
Отпустили на родиму меня родину.
Я спѣшилась путемъ ши́рокой дороженькой.
Приходить стала ко селу я деревенскому
Я зглянула какъ на рощицы зеленыя,

Што унылa стоитъ рощица зеленая,
Вси пруточки на деревьяхъ приломалися,
По сырой землѣ листочки ростилаются,
Шелкова трава во садѣ розвѣвается,
Вси поблекли эты розовы цвѣточики;
Какъ жупятъ да теперь птицьки не попрежнему,
Пріуныли эты жалки соловеюшки;
Какъ пустылое хоромное строеньице,
На слезахъ стоятъ стекольчаты околенки,
Подшиблося крылечико переное.
Вѣрно е въ домѣ великая незгодушка;
Доспрошусь я у сосѣдокъ, удовѣдаюсь:
Вы скажите спорядовы мнѣ сусѣдушки
Отчего бы въ саду деревца посохнули,
Отчего да вси цвѣточики поблекнули,
„Во этой во рощицѣ зеленой?
„Али жа́лобно пекло да красно солнышко
„На эты сахарны деревиночки?
„Отъ холодной ли зари цвѣты поблекнули,
„Аль отъ сивера трава къ зени склонилася?
Не утайте-тко спорядныя суседушки
Вы по правды мнѣ горюшѣ разкажите-тко
„Отчего да свѣтла свѣтлица кручинится,
„Для чего въ слезахъ стекольчаты околенки?
Воротилась я къ крылечику переному;
Тутъ гляжу—смотрю, желанной стоитъ дядюшка,
Во други́хъ стоитъ родитель родна тетушка
Какъ томнымъ стоятъ, побѣдныи, томнешеньки;
Вострѣтаютъ на крылечикѣ переномъ.
Мнѣ пройти было кручинной головушкѣ
Наднести да свои бѣлы эты рученьки
На желаннаго родителя на дядюшку,
Мнѣ-ка сдіять въ пути доброе здоровьице,

Во другихъ да со родителью со тетушкой;
„Вы скажите тенлы красны мои солнышки
„Отчего да вы желанны закручинились,
„Со обидушкой меня нонѣ стрѣтаете,
„Со горючима слезамы принимаете?
„Уже гдѣ да е сердешно ваше дитятко?
„Уже гдѣ вашъ соколочикъ златокрыленькой?
„Не стрѣтаетъ меня—верба золоченая;
„Видно при домѣ его да не случилося;
„Въ чисто поле знать свѣтъ—онъ удалился,
„Въ бѣлополотняны шатры онъ ушатрился?
Лучилось слышать кручинной мнѣ головушкѣ
Про ваше зло—великое несчастьице,
Што оброночку побѣдны обронили,
Потеряшечку обидны потеряли;
Вы оброночку безнайду въ цѣлу тысячу
Потеряшечку безнайду—цѣны нѣтъ.
Ужъ моя ли какъ жадобна родна дяденька
Ты злаченъ перстень стеряла со правой руки,
Самоцвѣтъ камень родитель со бѣлой груди,
Бѣлой свѣтъ да ты родитель со ясныхъ оцей
Красоту да ты родитель со бѣла лица;
Ужъ какъ мой желанной дядюшка
Со головушкп стерялъ онъ пухову шляпу
Со правой руки онъ трость да золочоную
Умъ-тотъ разумъ онъ стерялъ да со головушки;
Измѣнилося миженно красно солнышко,
Отлетѣлъ вашъ соколочикъ златокрыленькой
Бывъ какъ птиченька онъ сгинулъ подшибеная,
Въ роди травоньку морозомъ пріударило
Быдто камышекъ нырнулъ онъ во сине море!
Удалилося рожено ваше дитятко
За темныи лѣса задремучіи

За высокія горы за толкучія
Ко зари оно дитё да ко восточной;
Туды вѣтрышки вѣдь е не провѣвываютъ,
Лютое звирье не прорыскивае,
Малая птиця не пролѣтывае,
Не прохожіихъ туды не проѣзжіихъ;
Хоть не дальная сторонка—безъизвѣстная
Не колодистъ туды путь—безповоротной.
Нонь пройду да я во свѣтлу нову горенку,
Проберусь бѣдна въ почестной, во большой уголъ,
Сотворю да я Исусову молитовку;
Тутъ я крестъ кладу горюша по писаному,
Я поклонъ веду горюша по ученому
На всѣ на три четыре на сторонушки;
Я челомъ воздамъ народу людямъ добрыимъ,
Въ собину я свѣту братцу поклоняюся,
Я первóй поклонъ во рѣзвы ему ноженьки,
Я другой супротивъ его бѣлыхъ грудей,
Я третéй поклонъ кудрявоей головушкѣ;
Воскликать стану тутъ братца сдвуродимаго:
„Да ты слушай-ко сдовольной бѣлой свѣтушко
„Ненаглядная ты яра моя свичушка!
„Буде крѣпко спишь ты свѣтъ да пробудися,
„За любимыхъ своихъ гостюшекъ схватися;
„Да ты стань востань на рѣзвы свои ноженьки,
„Отложи отъ сердча бѣлы свои рученьки,
„Размахни да свои оци ясныи,
„Уласкай да ты крестовыхъ своихъ дѣтушекъ
„По прежнему мой свѣтъ да по досюльному;
„Когда прежъ сего до этой поры времечка
„Ты стрѣталъ насъ на крылечикѣ переномъ,
„Угощались за столомъ мы за дубовымъ,
„Разгулялися во садикѣ зеленомъ,

„Веселилися какъ цвѣтики лазуревы;
„Нонь сегоднишнимъ Господнимъ Божіимъ дéнечкомъ
„Знать розгнѣвался сердешной доброхотинка
„На сесрицу ты свою—сдвуродимую;
„Воскликать да стать горюшѣ не докликаться,
„Хоть испытывать побѣдной не довѣдаться
„Мнѣ ласкова прелестна нариченьица;
Ай, извѣдай тепло красно мое солнышко,
Што не выстанешь на рѣзвы свои ноженьки
Отъ тала сердча словечка не забаешь?
Чѣмъ разгнѣвала я крáсно мое нá золотѣ?
Не ходила на родиму што на родинку,
Не пришла я при смеретушкѣ скорешенько?
Не смотрѣла я въ тяжеломъ неможеньицѣ?
Того жаль мнѣ-ка побѣднушкѣ тошнешенько.
Кабы знала я горюша про то вѣдала,
Я давалась у надежной бы головушки
На гостиную уречную недѣлюшку
Посидѣть да къ тіѣ красному бы солнышку.
Вы послушайте народъ да люди добрыи!
Можно знать-вѣдать спорядным вамъ суседушкамъ,
Што во доброй, во крестьянской живу жирушкѣ,
Што разумны богоданыи родители;
Мнѣ-ка дали бы слободну пору—времечко,
Постановили бы крестьянскую работушку.
Посудьячу на желаннаго я дядюшку,
Попѣняю на родитель свою дяденьку;
Мнѣ-ка не дали побѣдноей извѣстьица
Про болѣзную, обидную постелюшку;
Во кручинѣ знать ума да не хватило,
Во обиды въ добрыхъ людяхъ—не спросили.
Ой, раздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ
Што изъ мертвыихъ въ живыхъ да не становятся

Не притеплитъ ноньку бѣлу мою пазушку
Тепло красное умерше ноньку солнышко.

Къ дядѣ и теткѣ.

Прозабыла я кручинная головушка
Доспроситься я горюша удовѣдаться
Долговѣко-ль его было неможеньице;
Онъ лежалъ ли то уречную недѣлюшку;
Не наскучилъ ли въ болѣзноей постелюшкѣ;
Столько видѣли ль безсчастныи родители,
Какъ душа да съ бѣлымъ тѣломъ розставалася,
Красота да со бѣла лица стерялася,
Его желтыи волоски розвѣвалися,
По сголовьицу кудерки розсыпалися.
Аль того да вы безчастны убоялися;
Удолять стала великая обидушка,
Пріужáхнулось ретливое сердечушко,
Знать што дядюшка кручиной забавлялся,
На бѣлыхъ грудяхъ ты дяденька свивалася;
Хоть прижала ты обидна къ ретливу сердчу
Сердобольна доброхотушка,
Хоть ты думала побѣдная головушка,
Содержу свое сердешно крѣпко дитятко
У своей я у позяблой у бѣлой груди,
Не допущу да этой борзой я смеретушки
До своей теплой, сердешной сугревушки;
Подошла да тутъ злодійка лиходѣица
Тихо крадци подходила тутъ смерётушка
Тихомолкомъ взяла красно ваше солнышко;
Вкрутѣ съ дитяткомъ безсчастны вы разстался
Во горяхъ да вы безчастны во обидушкѣ;

Вдругъ проглупали таланъ да свою участь,
Вы не видли тутъ безчастныи родители,
Какъ душа да съ бѣлыхъ грудей выходила,
Ясны очюшки съ бѣлымъ свѣтомъ розсталися.

Къ сусѣдямъ.

Не дивуйтесь-ко сусѣди спорядовыи,
Не дивуйтетко побѣдной мнѣ головушкѣ,
Не гля чести причитаю, ради похвалъ—
Жаль тошнешенько мнѣ брадца сдвуродимаго,
Потошніе соколочка златокрылаго;
Все я думаю печальнымъ моимъ разумомъ,
Не постыла мнѣ родима была родинка;
Хотя-жъ нѣту тамъ желанныихъ родителей,
Не возрощены тамъ братцы теплы солнышки;
На стрѣтаньицѣ былъ милый доброхотинка,
На привѣтѣ да былъ братецъ сдвуродимой;
Мнѣ жаль бѣдной горюшицѣ тошнешенько
За его жаль за великое желаньице;
Засмотрѣлъ мою отданую головушку,
Онъ на этой судимой на сторонушкѣ;
Безъ пути держалъ онъ свѣтъ да перепутьице;
Онъ безъ празднику держалъ да свѣтъ гостибище,
Ходилъ—ѣздилъ ко отданоей головушкѣ,
Въ родѣ свѣтушка какъ братца онъ родимаго;
По кресту да былъ крестовой мнѣ-ка кумушко:
Онъ крестилъ да всѣхъ сердешныхъ моихъ дѣтушекъ,
Принималъ онъ отъ купеля отъ священнаго,
Со бѣлыхъ рукъ отъ попа отца духовнаго!
Онъ дарилъ да всѣхъ сердешныхъ моихъ дѣтушекъ
Онъ по крестику дарилъ да золоченому

Онъ меня дарилъ печальную головушку,
Дороги дарилъ покупки заграничныя;
Нонь пришла бѣдна кручинна я лебедушка
На родимую побѣдна свою родинку,
Я ко свѣту пришла братцу на прощаньице,
На послѣднее вѣково разставаньице,
На съ горючима слезамы обливаньице;
Ужъ какъ братецъ сдвуродимой мое солнышко
Не похаживае по свѣтлымъ онъ по свѣтлицамъ,
Какъ на ноженькахъ сапожки не поскрыпываютъ
Ужъ бѣлыма то ручкама не смахивае,
Да онъ буйной головкой не покацивае,
Да онъ желтыма кудеркама не стряхивае,
Ужъ онъ ласкова словечка не проговариватъ;
Онъ не чéстуе во свѣтлу нову горенку,
Онъ не жалуе—за столъ сѣсь за дубовой,
Онъ со шкапу не береть да чашекъ чайныихъ,
Со комоду онъ подносу золоченого,
Онъ не подчиватъ породы именитой.
Хоть мы шли путемъ—дорогой, не то думали,
Я не вѣрила печальной этой вѣсточкѣ,
Говорила все кручинная головушка:
„Не былица топерь, може, напрасница,
„Што нѣтъ въ живности скачоной жемчужинки;
Хоть я шла путемь дороженькой обидилась,
Подъ ногама мать сыра земля подгибалася,
Отъ горюцихъ слезъ слѣдочки заплывалися,
Добры людушки того да дивовалися;
Не ручей да текё быстра эта риченька,
Катитъ жалуетъ сестрица сдвуродимая,
Проливатъ она путемъ да горюци слезы,
На рукахъ несе бладенця тринедѣльнаго
Во рукахъ веде дитё да трехгодовое

Къ своему куму, крестовому ихъ батюшку.

. . . . . .

*Къ тетк*ѣ.

Ой, послушай-ко родитель моя дяденька,
Ты сходи да въ мелко—рубленую клѣточку,
Отомни ты окованы коробеечки,
Ужъ ты вынь оттуля цвѣтно его платьице,
Мы попросимъ тутъ спорядныихъ сусѣдушекъ,
Мы поставимъ ко на рѣзвы его ноженьки,
Мы обуемъ-ко сапоженьки козловыи,
Мы одинемъ-ко рубашки заграничныя,
Мы сокрутимъ свѣта братца хорошохонько,
Мы зачешемъ-ко, кудерышки гладешенько,
Проведемъ да по хоромному строеньицу,
Мы тутъ сводимъ его въ свѣтлую свѣтелочку;
Ой, неладно я горюшица удумала,
Я не хо́рошо побѣдная уладила;
Уже съ лавочки нонь свѣтъ да не сдвигается,
Не до цвѣтна, видно, нонь ему до платьица,
Столько даромъ молодецька вся покрутушка;
Едина́ да видно думушка вѣдь сдумана,
Во еди́ну путь дороженьку отправленось,
Съ отцемъ съ матушкомъ на свѣтѣ розставается.
Ты послушай же родитель моя дяденька:
Лучше во́зземъ золотой казны по надобью,
Мы закупимъ-ко гербовой листъ бумаженьки,
Писаречковъ наймемъ да хитромудрыихъ;
Ужъ мы спишемъ-ко персонь да лице бѣлое,
На патретъ да его ясны эты очюшки,
Колесисты эты черны его бровушки,

Молодецкіи завивныи кудерышки,
Мы злачень перстень его да на правой рукѣ,
Золотую мы цѣпочку на бѣлой груди,
Мы на память то его на пожеланьице,
Яснымъ очюшкамъ нашимъ на смотрѣньице,
Послѣ этой сахарной деревиночки,
Налимной этой, красной, ягодиночки,
Какъ стоснется мнѣ побѣдной сгорекуется,
Я ходить да на родиму буду родинку,
Я глядѣть буду на этотъ листъ—бумаженьку,
Я смотрѣть да на персонь то человѣческую...

Если у особы, оплакивающей двоюроднаго брата, родители уже умерли, то она, обращаясь къ покойнику, наказываетъ:

Это мнѣ-кова печальной головушкѣ
Написать да скорописчатая грамотка
Ко своимъ свѣтамъ желаннымъ родителямъ;
Мнѣ послать бы по тебѣ мило дитятко
На иное второе живленьице;
Стане облачко со облачкомъ сходитися,
Може, съ ду-другомъ на стрѣту пострѣтаетесь;
Ой, раздумаюсь печальнымъ своимъ разумомъ:
Писма—грамотки писать я не умію,
Писаречика нанять бѣдна не смію,
Безспросясь я у законной у сдержавушки;
Лучше сяду нонь горюшица близешенько,
Во потай скажу отъ добрыхъ тоби людушекъ:
„Ты послушай тепло красно мое солнышко,
„Ты извѣдай все баженымъ родителямъ,
„Скажи низкое поклонно челобитьице,
„Отъ меня ты отъ печальноей головушки,

„Въ собину да отъ сердечныхъ моихъ дѣтушекъ
„Ты подро́бну отъ любимоей семеюшки;
„Пусть не гнѣваются жадобныи родители,
„Што не по́ часту на могилушку учащиваю.
„Што по вешному дни не усѣживаю,
„Не беру да я поповъ отцевъ духовныхъ
„Не служу я панихиды съ поминаньицемъ;
„Можно знать вѣдать желанныимъ родителямъ,
„Хоть за умной я живу за головушкой
„Не мо́я да столько вольна эта волюшка:
„Власть иміютъ богоданыи родители,
„Подъ началомъ ублада сына отецькаго;
„Не посмію звать поповъ—отцевъ духовныхъ,
„Ужъ я въ домъ къ себѣ служителей церковныхъ;
„На родильску субботу не корилася,
„На воскресной день горюша не молилася.“
Ты поро́скажи скачоная жемчужинка,
„Я довольна тобой братцемъ сдвуродимымъ,
„Я вполнѣ да угощеньицемъ любимымъ.
. . . . . .

Къ золовкѣ.

Я гляжу смотрю побѣдная головушка,
На тебя гляжу сестрицу сдвуродимую,
На тебя я на косату лѣтну ластушку;
Отдали́ ходищь, косатушка, туляешься,
Во потай, рутишь, голубко, горюци слезы;
Што же на́ рѣчи лебедушко не ставишься,
На сговоръ да ты, сестрица, не сдаваешься?
Какъ дивуютъ тебя многи добры людушки;
Про кручинушку ты, вѣрно, не слыхала,

Знать, сросла ты за желанныма родителямъ,
Знать, дѣвицила за братцемъ за родимымъ;
Видно, нѣтъ въ сердчѣ великоей обидушки,
Во утробушкѣ да нѣтъ у тя зазнобушки;
Подойди да того бѣлая лебедушка,
Не стыдись ты спорядовыихъ сусѣдушекъ,—
Ты не совѣстись удалыхъ добрыхъ мо́лодцевъ;
Попусти да ты обиднушка жалко́й голосъ,
Хоть не умильное склад но́е причитаньице
По своемъ ты соколочкѣ златокрыломъ,
Ты по свѣтушкѣ братцѣ по родимомъ;
Молча схватишься, голубонько, наплачешься;
Спамятуешь свѣта братца, натоскуешься.
Приходить да станутъ лѣтныи гульбищечка,
Будутъ вешныи голубонько игрищечка;
Походить да станутъ милы твои по́дружки
На игрищечка оны да на прокладбища,
Со повозничкамъ оны да со любимыма;
Хоть доложишься ты бѣлая лебедушка
У своихъ милыхъ, желанныихъ родителей;
Тутъ нальешь ты рукомойникъ ключевой воды,
Ты умоешь свое бѣло это личушко,—
Ты утрешься въ тонко бѣло полотенышко;
Тутъ ты сходишь въ свою свѣтлую свѣтелочку;
Со стола возмешь ключи да золоченыи,
Отомнешь свою кована коробеечку,
Ужъ ты вынешь тутъ любимую покрутушку,
Все снарядное дѣвоцье цвѣтно платьице,—
Тутъ возмешь свою жемчужную подвѣсточку,
Кругъ сердечка опоясочку шелковую,
Ты обуешься въ башмакики козловыи,
Надѣнешь сарафаны рострубистыи,
Тутъ возмешь да часто рыбій мелкій гре́бешекъ,

Ты учешешь свою бладую головушку,
Уплетешь да мелко—прятну косу русую;
Ты нарядишься, косатка, хорошохонько,
До бѣла лица, голубко, принабилишься,
До ала да ты румяны нарумянишься;
Запоходишь по хоромному строеньицу,
Тутъ схватишься за братца за родимаго,
Ростоскуешься, голубко, разобидишься,
По повозничкѣ росплачешься любимомъ.
Когда прежъ сего до этой поры времечка
Приходить буде Бладычной Божій праздничекъ,
Стане по̀ избы вѣдь свѣтушко похаживать,
Потихошеньку съ сестрицей разговаривать,
Говорить стане скачоная жемчужинка:
„Ты послушай свѣтъ сестричушко родимая,
„Ты давайся у желанныихъ родителей,
„Ты проси у ихъ ступистоей лошадушки,
„Уберемся мы, сестрица, хорошохонько,
„Да мы съ издимъ нагульбище на прокладбище“.
Снаряжались вы, голубонько, скорешенько,
Поѣзжали вы со братцемъ веселешенько;
Впереди онъ былъ тоби да передовщичекъ,
Позади онъ былъ любимой вѣдь повозничекъ.
Нонь какъ схватишься за братца за родимаго,
Нѣтъ, повозничка тебѣ да провожателя,
Твоей волюшки да нѣту сберегателя;
Онъ отпущенъ вѣдь къ Миколѣ ко Святителю,
Онъ во матушку отпущенъ во сыру землю,
Онъ во погреба отпущенъ во глубокіи;
Съ горя бросишься во свѣтлу нову свѣтлицу,
Со тоски ты ко ларчамъ да окованыимъ;
Тутъ повынешь ты гулярно его платьице,
Прилагать будешь ко бѣлому ко личушку,

Прижимать станешь къ ретливому сердечушку
Горько выть будешь, горюша, коковать,
Вдругъ познаешь про великую кручинушку,
Сожалить будешь ты братца—свѣта бѣлаго;
Ты отложишь всѣ любимыи гульбищечка;
Какъ крутилася, лебедка, суровешенько,
Такъ разрядишься, голубко, поскорешенько;
Ты покрутушку отложишь со обидушкой,
Бросишь платьицо на стопочку точоную,
Алу ленточку съ русой косы на столъ ты на дубовой;
Сама сядешь тутъ на стульицо кленовое,
Разотворишь, ты косѣвчато окошечко,
Станешь у́ныло, сестрица, причитать,
Коковать станешь, сестрица, выговаривать:
„Я несчастная душа да красна дѣвица,
„Безталанна вся любимая, покрутушка
„И обидна эта руса моя ко́сынька.
Какъ у твоего у братца у родимаго
Красота была въ личѣ да красна солнышка,
Бѣлота была у свѣта снѣгу бѣлаго,
Походочка была его щепливая,
Нариченье его было чваковитое,
Разговорушки его были уцьливыи;
Много у́ма было разума въ головушкѣ,
Много розмыслу въ ретливоемъ сердечушкѣ;
Онъ не гордой былъ свѣтъ да разговорной,
Въ сердчи было великое желаньице,
Не прилестное желаньице сердешное;
Столько изо ста былъ, свѣтъ да съ цѣлой тысящи;
Какъ пойдешь да ты обидна единешенька
По этымъ гульбищамъ прокладбищамъ,
Прибирать станешь скачоную жемчужинку
По этыимъ толпамъ молодецкіимъ,

По этымъ бурлакамъ молодымъ,
Супротивъ да свѣтушка братца родимаго
Не прибрать тебѣ, голубко моя бѣлая,
Не по возрасту тебѣ не по голосу,
Не по желтымъ завивнымъ кудерышкамъ,
Не по бѣлому румяну его личушку,
Не баской его щепливоей походочкой,
Не уцьливой молодецкой поговорюшкой,
Не по яснымъ молодецкимъ его очюшкамъ,
Не по рѣзвымъ, голубонько, по ноженькамъ,
Не по этымъ сапоженькамъ козловымъ;
Краснымъ дѣвушкамъ былъ онъ не насмѣшничекъ
Мужніимъ женамъ не срамитель былъ,
Молодымъ вдовамъ—не похабничокъ,
Онъ солдаточкамъ былъ не проказничокъ,
Не грубитель со желанныма родительмы;
Не капризной былъ породы именитой;
Онъ вѣдь съ бѣдныма людямы угощался,
Бездомовымъ онъ сусѣдямъ покланялся;
Былъ заступушкой тоби, былъ заборонушкой;
Про тебя да вѣдь про бѣлую лебедушку
Вѣтры въ полѣ не навіялись,
Пустословья добры люди не набаялись.
Послѣ братца ноньку—краснаго солнышка
Не звеселятъ тебя обидну красну дѣвушку
Разны игры со забавами
И кружечки хоботистыи;
Не розцвѣтетъ на тѣ цвѣтно это платьицо,
Не украситъ тя любимая покрутушка,
Нѣтъ отъ вѣтрышка тебѣ заборонушки,
Нѣтъ отъ добрыхъ людей тебѣ заступушки;
Погнушаются совѣтны дружны подружки
Тобой да столько бѣлая лебедушка;

Не станутъ все подъ праву съ тобой рученьку,
Не подумаютъ вѣдь крѣпкой съ тобой думушки;
Скажутъ, дѣвушка она да все кручинная,
Бѣло личушко у ей да все обидное.
Какъ ходить да станешь бѣлая лебедушка,
Памятить станешь скачоную жемчужинку;
На гульбищечка пойдешь не веселешенька,
Съ игрищечка придешь да ты печальная,
Сговоришь ты желаннымъ родителямъ:
„Ужо слушай-ко пристаршой родной батюшка,
„Ты возмольщичка печальна родна матушка;
„Не дай Господи на семъ да на бѣломъ свѣтѣ
„Какъ ходить—гулять безъ братца безъ родимаго,
„Безъ сердечнаго повозничка любимаго;
„По пусту да въ полѣ вѣтры припавіются,
„Понапрасну въ полѣ травка нашатается,
„Пустословья добры людушки набаются;
„Віютъ витры въ чистомъ полѣ со западочкой,
„Баютъ людушки теперь со прибавочкой,
„Пріобидятъ меня бѣлую лебедушку.
Вотъ пройдетъ да это тепло красно лѣтушко,
Всѣ гульбищечка пройдутъ—эты игрищечка,
Всѣ весельица—забавы молодецкія,
Приходить стане холо́дна студена зима,
Тихомѣрны наступаютъ тутъ бесѣдушки,
И унылыи приходятъ эты свадебки;
У тебяжъ нонь печальной у головушки,
На санкахъ нѣтъ зимнаго извощичка,
Нѣтъ правителя ступистой лошадушки,
Не съ кѣмъ издить по слезливымъ буде свадебкамъ
Не по этыимъ бесѣдамъ тихомѣрныимъ;
Ты пойдешь тутъ по сусѣдямъ спорядовымъ,
Будешь звать да во сердечны провожатели.

Ты послушай моя бѣлая лебедушка!
Нонь гулять будешь голубко не попрежнему,
Взвеселяться да ты будешь не постарому.
Пріукрылось ноньку все твое весельицо,
Во матушку укрылось во сыру землю,
Во погреба укрылось во глубокіи;
Не съ кѣмъ ѣздить по искатъ горамъ высокимъ,
Не по этымъ смиренныимъ бесѣдушкамъ,
Не по свадебкамъ унылыимъ, слезливымъ.
. . . . . .

Къ родственникамъ и сусѣдямъ.

Вы послушайте-тко родъ племя любимое,
Вси собраныи сусѣди спорядовыи,
Да вы нищіи тепереча убогіи:
Попрошу да васъ побѣдна отъ усердія,
Сотворю да я по милостынькѣ денежной,
Во первыхъ да ради имени Христова,
Во другúхъ да ради братца поминальнаго;
Хоть Исусову молитву сотворите-тко,
Передъ Господомъ глаза вы закрестите-тко,
По единому поклону поклоните-ткось,
Свѣта братца сдвуродима помяните-ткось.
Какъ судилъ—привелъ скачоную жемчужинку,
Его душеньку Господь да къ покаянію;
Хотя далъ ему скорую смеретушку,
Не на славномъ синемъ на онегушкѣ,
Не въ темныхъ лѣсахъ дремучихъ,
Во своемъ домѣ хоромномъ во строеньицѣ,
На своей ему брусовой бѣлой лавочкѣ.
Хотя видѣли желанныи родители,

Какъ душа да съ бѣлымъ тѣломъ ликовалася,
Бывъ, какъ облако она да подымалася.

Къ попамъ.

Я гляжу смотрю печальна нонь головушка
На поповъ отцевъ гляжу теперь духовныхъ,
На служителей гляжу да на церковныхъ;
Во рукахъ у ихъ свѣщи да догоряются,
На налояхъ эты книги дочитаются.
Хирувимскіи стихи да допѣваются;
Ноньку свѣтъ нашъ полотномъ ужъ закрывается,
Во далекую дорожку отправляется.
Вы подите-тко попы отцы духовныи
Впередъ да на могилушку умершую,
Накадите-тко вы погреба глубокіи;
Впереди себя несите-тко пожалуста,
Вы подсвѣчники несите золоченыи,
Честно именно его да провожайте-тко!
Спаси Господи поповъ отцевъ духовныхъ
Спаси Господи причетенъ-то церковныхъ!

Къ дядѣ.

Я гляжу смотрю побѣдная головушка,
На баженаго родителя на дядюшку;
Какъ пристаршее лице его смѣнилось,
Цвѣтно платьицо на немъ все обносилось;
Онъ безъ вѣтрышка желанной мой качается,
Рутитъ слезушки, обидной, на дубовой полъ;
Онъ не може примѣниться ума—разума,
Со кручины онъ не знае куды броситься;

Во неражи сапоженки обувается,
Кафтанишко одѣватъ да стозаплатное,
Подпоясался веревченкомъ не мудрымъ,
Снаряжается съ сердечнымъ онъ со дитяткомъ
Не на трудну, на крестьянскую работушку,
Не во темныи лѣса да во дремучіи,
Не къ Бладычному Господню Божью праздничку;
Понести хочутъ скачоную жемчужинку
Во матушку его да во сыру землю,
Во погреба его да во глубокіи.
Ты гляди смотри пристаршой родной дядюшка,
Ужо тутъ да ваша легка перемѣнушка,
Ужо тутъ ваша великая надіюшка;
Земли матери теперь да онъ не пахарь,
Не кормитель вамъ желанныимъ родителямъ;
Отъ обидни станутъ люди расходитися,
Отъ вечерень то народъ да разъѣзжатися,
Уже вамъ свое дитё не дождатися;
Да ты слушай-ко желанной родной дядюшка:
Не жалій да золотой казны безсчотной;
Ты найми-тко столяровъ да добрыхъ мо́лодцевъ,
Да ты сдѣлай-ко крестъ животворящій;
Клади надпись ты попамъ отцамъ духовнымъ.
Какъ пойду да на родиму я на родинку,
Мимо эту Божью Церковь посвященную,
На пути найду горюша перепутьице,
Край дороженьки любимое гостибище,
Забѣгу да къ свѣту братцу сдвуродимому,
Признавать буду могилушку умершую,
Примичать да по кресту животворящему.
Да ты слушай-ко желанной родной дадюшка,
Ты дари честныхъ поповъ отцевъ духовныхъ,
Разсчитайся за велико погребеніе;

Ты зови да ихъ въ крестьянскую во жирушку,
Ты къ себѣ проси ихъ въ домъ на угощеніе,
Нанимай да шесть—недѣльно поминаньице.

*Къ тетк*ѣ.

Ты смотрѣть будешь печальна родна дяденька
Во это во косѣвчато окошечко,
Скрозь унылую стекольчату околенку,
Сожидать будешь сердечно мило дитятко;
Ты увидишь какъ по чистому тамъ полюшку,
Пойдутъ да многи добры эты людушки,
Отъ этыихъ обиденъ полуденныихъ,
Сожидать станешь сердечно свое дитятко,
Не подойдетъ ли со добрыма людушкамъ,
Не подкатитъ ли съ спорядныма сусѣдушкамъ
Со своей родней—со братьицомъ, пріятелемъ;
Съ горя кинешься спацьлива родна дяденька
Ты на эты новы сѣни рѣшотчаты,
Со досады на крылечико переное,
Со обиды на прогульную на уличку,
Со печали на путь шйроку дороженьку;
Хоть станешь край пути да ты дороженьки,
Станешь спрашивать спорядныихъ сусѣдушекъ,
Вывѣдывать у добрыхъ будешь людушекъ:
Ай-же вы сусѣды спорядовыи!
Вы откуль держите путь эту дороженьку?
Отвѣчать стануть тутъ добры тебѣ людушки:
Мы были въ Божьей церквы посвященной,
У обиденъ мы были полуденныхъ.
Станешь спрашивать печальна ты головушка:
Не видали-ль сердечнаго тамъ дитятка?

Отвѣчать да будутъ добры тебѣ людушки:
Подожди его любимыхъ поровечниковъ,
Може стрѣту оны да не стрѣтались-ли,
На попутьѣ-то они да не видались-ли;
Ты на стрѣтушку пойдешь къ нимъ поскорешенько,
Ты закинешь рѣчь горюша умильнешеньку,
Ты челомъ да бьешь горюша, низко кланяешься:
Да вы здраствуйте удалы добры молодцы,
Челобитьице любимымъ поровечникамъ;
Хотя-жь йдете удалы добры мо́лодцы
Вы отъ этой Божьей церкви посвященной,
Вы не видѣли-ль сердечно мило дитятко,
Богу молячись во этой во Божьей церкви,
Аль въ пути на ши́рокой дороженькѣ?
Нѣтъ ли радостна по васъ да все извѣстьица?
Нѣтъ ли грамотки ко мнѣ да скорописчатой,
Нѣтъ ли низкого поклона челобитьица?
Отвѣчать станутъ сусѣди спорядовыи
Ужъ мы мо́лодцы того не сдогадалися,
Мы по платьицу его не примѣчали,
Не смотрѣли по народу, людямъ добрыимъ,
Мы на стрѣтушку съ нимъ да не стрѣталися,
Въ обнесенной мы ограды не видалися;
Извини да спорядовая сусѣдушка,
Што горюшу мы тебя не взвеселили,
Мы отъ дитятка письма не получили;
Мы собраныи сусѣды спорядовыи,
Разговорамы въ ограды занималися;
Столько видѣли могилу положеную,
Единъ крестъ стоитъ вѣдь е да поставленой.
Тутъ росплачешься, горюша, ростоскуешься,
Ты со причетью вѣдь въ домъ да свой воротишься;
На пути бѣдна горюша постояла,

Только дитятка въ глаза да не видала.
Видно нѣтъ того на свѣтѣ да не водится,
Знать отъ мертвыхъ письма—грамотки не родятся.

XIV.

ПЛАЧЪ О ДЯДѢ ДВОЮРОДНОМЪ

Племянница вопитъ:

Я сижу да нонь-ко бѣлая лебедушка,
Ужъ я долгую, осенну сижу ноченьку;
Ужъ я жгу эту лучинушку сосновую,
Я топлю эту свѣщу да воску ярова
Супротивъ нонь сдвуродимаго я дядюшки;
Я гляжу—сижу во ясны его очюшки,
Я творю да все Исусову молитовку,
Прошу Господа Бладыку со слезамы,
Пресвятую Богородицу съ горючима,
Штобы далъ ему Господи здоровьица
И наставилъ бы долга ему вѣкушка.
Я не знаю же лебедушка, не вѣдаю,
Што горитъ свѣща ярая туманится,
Пресвятая Богородица печалится,
Буйна го́лова моя да все кручинится,
Унываетъ столько побѣдно ретливо сердче́.
Я не знаю нонь обидна красна дѣвиця,
Откуль напасть велика буде кручинушка;
Посмѣкаю я дѣвоцьимъ умомъ разумомъ,
Съ океянъ моря напасть ли, моря синяго,

Аль съ холодной, съ подсиверной сторонушки,
Аль съ темныхъ лѣсовъ незгодушка дремучихъ;
Я въ обидушкѣ вѣдь е да не живала,
Про злодійную кручину не слыхала;
Нонь роздумаюсь печальнымъ умомъ разумомъ,
Наступать теперь великая незгодушка,
Какъ у насъ да во уныломъ, во большомъ углу
Надъ желаннымъ, спацьливымъ моимъ дядюшкой:
Онъ при трудной, болѣзной при постелюшкѣ;
Часъ къ часочику теперь да придвигается,
Заря утреня теперь да спорыдается;
Онъ не чувствуе породы именитой,
Онъ не знае насъ любимыхъ столько племнятокъ;
Уже такъ да онъ желанной нашъ труднешенекъ,
Онъ при смертной теперь да при смеретушкѣ;
Пѣтухи ужъ по сараямъ возжупляютъ;
Вы ставайте-тко любима вся семеюшка,
Вы на рѣзвыи на ножки подымитесь-ко,
Подойдите ко тяжелой вы постелюшкѣ;
Ужъ сосновая лучина пригорѣлась,
Воску яроваго свѣща да притопѣлась;
Единá сижу побѣдна прискучалася;
Удаляется желанной нонь-ку дядюшка,
Онъ во дальную дорожку, безъизвѣстную.
Вы простите вся любимая семеюшка,
Прилагайтесь ко устамъ, да ко сахарнымъ!
Отъ крѣпку сну оны туть пробуждаются,
Кругъ постелюшки оны да туть становятся;
Красно солнышко въ заворъ да выкатается,
Какъ свѣтелъ мѣсецъ за облаку туляется,
Часты звѣздочки теперь да потухаютъ,
Ясны очюшки съ бѣлымъ свѣтомъ прощаются,
Какъ душа да съ бѣлымъ тѣломъ розставается.

Пріукрылся нашъ желанной, родной дядюшка,
Онъ за темныи лѣса за дремучіи,
За высокія горы за толкучія,
За синіи моря да за глубокіи,
Вровень съ облачкамы онъ да со ходячима,
Ко луны онъ нашъ свѣтъ да подвосточной!
Вы послушайте желанныи родители,
Посудьячу я побѣдная поретую,
Што вы прóспали нонь братца сдвуродимаго,
Не сидѣли со мной темной этой ноченьки,
Не глядѣли вы во ясны его очюшки,
Не смотрѣли вы во бѣло ему личушко,
Не спросили его тайнаго словечушка;
Я сама того побѣдна сдивовалася,
Знать на радости стали, на весельицѣ;
Ужъ вы долгую осенню темну ноченьку
На пуховоей перинѣ прохлаждалися,
Крѣпкимъ сномъ да вы желанны забавлялися;
Всѣ приближніи сусѣды посрѣкалися,
Што спокинули болѣзну вы постелюшку;
Единá сидѣла темну эту ноченьку,
Я сидѣла темну ночь да не боялася,
На больнаго я глядѣла, не страшилася,
Я злодійной смерётки не торóпилась.
Глупо сдѣлала печальная головушка:
Подъ ранную зорю да во подъ утренну
Я повышла на новы сѣни рѣшотчаты,
Оттворила я крылечико переное,
Отодвинула я двѣрь да тутъ дубовую,
Откуль возмись перелетна эта птиченька,
Заблудящца, може, птиченька заморская;
Посмотрѣла я побѣдная головушка,
Аль сорока эта птица поскакучая,

Аль вороница она да полетучая;
Анъ злодѣй эта—скоряя смеретушка,
Невзначай она въ домъ нашъ залетѣла,
Она тихо ко постели подходила,
Она крадци съ грудей душу вынимала;
Укатилося великое желаньице!
Не поспѣла я бѣдна горегорькая
Во минуту къ бѣлу лицю приклонитися,
Съ двуродимымъ милымъ дядюшкой проститися;
Кабы знала я горюша про то вѣдала,
Я сегоднишняго дѣнечка Господняго
На пяту да новыхъ двѣрей не откинула-бъ,
Я железны бы заложечки задвинула,
Не пустила бъ этой птиченьки незнамой,
Ужъ я этой злодѣй—скороей смерёгушки
Ко сердечному, желанному я дядюшкѣ.
Да вы слушайте любима вся семеюшка;
Надо звать тепе ь людей да престарѣлыихъ,
Какъ умыть да тѣлеса его бѣлешенько
И одить его на тотъ свѣтъ хорошохонько;
Да ты слушай же спацьлива родна дяденька,
Какъ сидѣла да ты темнымъ этымъ вѣчеркомъ,
Онъ сгибалъ свои безсчастны бѣлы рученьки,
Да онъ смахивалъ побѣдны ясны очюшки.
На насъ да на печальныихъ головушекъ;
Онъ глядѣлъ да все, надеженька, прямёшенько,
На тебя глядѣлъ обидную вострёшенько;
Испугалася желанна родна дяденька;
Што не весело нашъ свѣтушко поглядывать,
Не отъ разуму нашъ свѣтъ да спроговаривать;
Ты отдвинулась желанна родна дяденька,
Убоялася надежной тутъ головушки.
Я хоть возрастомъ вѣдь е да не малёшенька,

Я въ годахъ еще дивица молодешенька,
Я не видного вѣдь згляду не боялася,
Неумильныхъ его словъ да не страшилася;
Я по старости лѣтъ вашихъ дивовалася;
Ужъ какъ я да столько бѣлая лебедушка,
Въ сонъ головушки вѣдь ноцью не клонила
На пуховую перину не ложилась,
Ко бѣлу его лицю тутъ приклонялась,
На бѣлыхъ грудяхъ побѣдная свивалась,
Я плотнешенько къ сердечку прижималась;
Все я думала печальная головушка,
Сберегу да я отъ скороей смеретущки
Сдвуродимаго желаннаго я дядюшку;
Какъ по моему великому несчастьицу,
По закону ли теперь да судьбы Божьей,
Вдругъ головушка моя да разболѣлась,
Бѣло личенько мое да разгорѣлось,
Тѣло нѣжное мое да роснотѣлось;
Я повышла на крылечико переное,
Я повышла на новы сѣни рѣшотчаты,
Допустила тутъ злодійку душегубицу.
Да ты слушай же спацьлива наша дяденька:
Уже нѣту золотой казны безсчетной,
Сходить въ улички съ тобой да во рядовыя,
Сбѣгать въ лавочки съ тобой да во торговыя,
Закупить да каленкоровъ этыхъ черныихъ,
Штобы сшить ему умерше это платьице;
Мы подумаемъ желанна съ тобой дяденька:
Намъ не для цево съ тобой да прославлятися,
Передъ добрыма людмы да выставлятися;
Лучше сходимъ въ мелко рубленыи клѣточки,
Отомнемъ-ко мы ларчи да окованыи,
Оттуль вынемъ-ко трубу да столокотную,

Мы раздернемъ по столу да по дубовому.
Мы возьмемъ-ко съ тобой швей да стародревнихъ,
Мы сошьемъ-ко по умершему то платьице
На вѣки то ему да нерушимыи;
Мы сокрутимъ-ко на иное живленьице
Моего ли свѣта братца сдвуродимаго.
. . . . . .

Къ тетки—продолжаетъ:

Да ты слушай-ко спацьлива родна дяденька,
Погляди-тко ты на ши́року на уличку:
Какъ у нашего крылечика перенаго,
Што вѣдь плотнички-работнички постукиваютъ,
Али домъ оны у насъ да перестраиваютъ,
Свѣтлу свѣтлицу-ль оны да перерубливаютъ,
Аль переное крылечко передѣлываютъ?
Не того да оны плотнички постукиваютъ;
Поразмыслимъ-ко побѣднымъ умомъ разумомъ:
Разбираютъ вѣдь оны да дубовы доски,
Оны дѣлаютъ немшоную хоромину
Про твою милу надежную головушку,
Про мо́его спацьливаго про дядюшку.
Ужъ вы слушайте-тко плотники-работники!
Вы берите золотой казны по надобью,
Вы устройте намъ хоромину по разуму,
Прорубите-тко косѣвчаты окошечка,
Вы поставьте-тко стекольчаты околенки,
Обнесите-тко брусовы бѣлы лавочки,
Вы складите-тко кирпичну теплу печеньку;
Какъ отпустимъ мы надежную головушку,
Да на эту на Ивапску славну уличку,

Мы на эту на Варварьску славну Буяву,
Какъ намъ сто́снется побѣднушкамъ, стоскуется,
Тутъ мы сходимъ ко надежной ко головушкѣ
По крылечику пройдемъ мы по переному.
Угостимся въ тепловитомъ домовищечкѣ.
Мы не ладно-то лебедушки удумали,
Мы не хо́рошо побѣднушки уладили,
Што истратить по пусту́ да золоту казну;
Лучше ро́здаимъ по нищей, меньшей братіи,
Мы наймемъ лучше поповъ отцевъ духовныихъ
На уре́чныихъ, шесть долгіихъ недѣлюшекъ.
Мы запишемъ его въ вѣчно поминаніе.

. . . . . .

При выносѣ.

Я гляжу, смотрю обидна красна дѣвица,
Какъ у насъ у побѣдныхъ головушекъ,
Все смѣнилось нонь въ хоромномъ строеньицѣ:
Пріунывъ стоитъ любимая скотинушка,
У добрыхъ коней головушки наклонены,
Лошадины оци въ землю пріутуплены,
Што вѣдь нѣтъ да большака въ домѣ начальника,
На конюной нѣту стойлы управителя;
Хоть запряжены ступистыя лошадушки
Во сбрую золоченую, во санки самокатныи,
Дубовое полозье поразтрескалось,
Красовитая дуга вдругъ разогнулася,
Золота сбруя помидила,
Серебряны подковы пожелезили
На улетѣ нашъ желанной родной дядюшка,
Уѣзжатъ да онъ великое желаньице.

Къ сусѣдямъ.

Я въ слезахъ прошу спорядныхъ васъ сусѣдушекъ,
Не несутъ да столько рѣзвы меня ноженьки:
Вы берите-тко, подъ бѣлы меня рученьки,
Проводите-тко къ крылечику переному;
Мнѣ поклонъ воздать сусѣдямъ съ благодарностью,
Не жалили што рабочей поры времечка,
Постановили крестьянскую работушку,
Проводить пришли желанны оны дядюшку
До этой Божьей церквы посвященной.
Вы простите всѣ сусѣды спорядовыи
Во всемъ тяжкоемъ его да согрѣшеньицѣ;
Буде грубыимъ словечкомъ огрубилъ кого,
Прибранилъ буде васъ да пристыдилъ,
Вы не вспомните-тко зломъ его да лихостью!
Впереди пошли попы отцы духовныи,
Во слѣдъ несутъ желаннаго тамъ дядюшку,
Позади идемъ печальны мы головушки;
У Божьей церквы розставатися,
Будемъ на́ вѣки съ имъ да мы прощатися.

. . . . . .

Около церкви.

Дня субботы солнце къ западу двигается,
Часъ къ часочику теперь да коротается,
Отъ минуты ко минуты придвигается;
Добры кони путь—дорожку поспѣшаютъ;
У Божьей церквы кони становилися,
Кругомъ добры эты люди обстоялися,

Какъ народъ да того люди сдивовалися,
Обо мнѣ баютъ спорядныи сусѣдушки,
Што тоскуе по желанномъ она дядюшкѣ,
Кажись, въ живности бажоныи родители;
Не дивуйте того добры многи людушки;
То не дядюшка вѣдь былъ да второй батюшко;
Всѣмъ извѣстно вамъ сусѣдямъ спорядовымъ
Про мое было дѣвоцье возрастаньице;
Украшалъ да вѣдь онъ вольну мою волюшку
Уласкалъ онъ меня бѣлую лебедушку,
Говорилъ всегда желанной милой дядюшка:
„Ты послушай столько бѣлая лебедушка,—
„Буде дастъ да Господь добраго здоровьица,
„Улажу тебя бѣлую лебедушку,
„Изукрашу твою вольну эту волюшку;
„Отъ родителей придрокушки не видано,
„Отъ ихъ ласкова словечушка не слыхано;
Съ того жаль мнѣ сдвуродимаго вѣдь дядюшки
За его жаль за великое желаньице;
Нонь сердечушко мое да разгоряется,
Ушибатъ столько злодійная тоскичушка.

На могилѣ:

Ворочусь еще обидна красна дѣвушка
Я ко этой могилѣ обложоной;
Прозабыли мы желанна съ тобой дяденька
Во первыхъ звать во любимое гостибище:
Да ты слушай свѣтъ—желанной милой дядюшка,
Побывашь когда къ побѣднымъ намъ головушкамъ
Ты во свой домъ во крестьянску нашу жирушку,
Сожидать буду душа я красна дѣвушка,

Я сидѣть буду побѣдна подъ окошечкомъ.
Ясны очюшки—держать да во чистомъ полѣ,
Я глядѣть—смотрѣть на шйроку дороженьку;
Ты скажи да намъ свѣтушко пожалуйста,
Когда ждать тебя въ любимое гостибище,
О Бладычномь ли Господнемъ Божьемъ праздничкѣ,
Аль о свѣтломъ о Христовомъ воскресеньицѣ,
Въ рабочую ли ждать пору—во времечко,
Аль въ начатіи уречной недѣлюшки,
Въ понедѣльничёкъ по утрышку ранешенько,
Аль во вторникъ по вечеру поздешенько,
Аль въ полдень во середу краснаго ждать солнышка;
Хоть чистымъ полюшкомъ лети да чернымъ ворономъ,
Ко селу лети вѣдь ты да яснымъ соколомъ,
Ко крылечушку скачи да сѣрымъ заюшкомъ,
По крылечику бѣги да горносталюшкомъ;
Не убоюсь того бѣлая лебедушка,
Выду, стричу на крылечикѣ переномъ,
Съ тобой сдію тутъ я доброе здоровьице.
По новымъ сѣнямъ поди да добрымъ молодцемъ;
Тутъ возрадую любиму всю семеюшку;
Буде спять мои желанны тамъ родители,
Подойду да ко кроватушкѣ скорешенько,
Розбужу свѣтовъ родителей смѣлешенько:
„Вы ставайте мои милыи родители,
„Какъ у насъ да во хоромноемъ строеньицѣ,
„Бѣлой свѣтушко теперь да вдругъ розсвѣтился,
„Въ родѣ красно у насъ солнышко порбспекло;
„Объявился вдругъ любимой у насъ гостюшко,
„Засмотрѣть пришелъ желанной вѣдь нашъ дядюшка.
Тутъ родители мои да испугаются,
На меня тутъ на дѣвичу разругаются;
„Што ты врешь—манишь бѣлая лебедушка,

„Ты тоскуешь по желанномъ, миломъ дядюшкѣ;
„Столько нѣтъ да того на́ свѣтѣ не водится,
„Штобы мертвый съ могилы ворочался;
„Аль во сняхъ тебѣ горюшѣ пріявилось,
„Съ крѣпку сну да ты скоренько пробудилась,
„Сотвори да ты Ісусову молитовку,
„Да ты лягь-ко на пуховую перинушку,
„Да ты крестъ клади, голубко, по писаному,
„На спокойну лягъ на темную на ноченьку.
Нонь раздумаюсь печальнымъ своимъ разумомъ
Не выращивать дерева суховерхова,
Не дождаться вѣкъ любимаго мнѣ гостюшка.
Нонь бы не́сли рѣзвы меня ноженьки,
Не дае итти ретливое сердечушко,
Мнѣ со этой могилушки умершей.

Но приходь домой, у крыльца продолжаетъ:

Нонь пойдемъ-ко свѣтъ желанна—мила дяденька
Мы во́ свой домъ, во хоромное строеньице,
Тамъ повзыщемъ свѣтъ желаннаго мы дядюшку,
По свѣтлой повзыщемъ его свѣтлицѣ,
По двору мы повзыщемъ колесистому,
По сараю-ли повзыщемъ хоботистому,
Во дворѣ да у любимой мы скотинушки
И на стойлы у любимыхъ мы лошадушекъ;
Не могу найти побѣдная головушка.
Не шолъ ли то къ спорядным онъ сусѣдушкамъ,
На совѣтъ да онъ на крѣпкую на думушку,
Приложить совѣтъ о бѣдной своей жирушкѣ,
О своей ли—то крестьянской о работушкѣ;
Знать всѣ думушки его да е обдуманы,

Все се-свѣтно попеченьице отложено,
Во едйну путь дороженьку отправленось;
Пооставилъ насъ побѣдныихъ головушекъ,
Словно гу́сей въ темномъ лѣсѣ заблудящiихъ,
Водоплавныхъ бытто утушекъ подшибеныхъ.

Обращаясь къ теткѣ, утѣшаетъ:

Ты послушай-ко спацьлива родна дяденька,
Сирота—вдова, горюша безнадежная:
Безъ своей да безъ любимоей семеюшки
Ты не дольцичка крестьянской будешь жирушки.
Не участница участку деревенскому,
Не пристройщица хоромному строеньицу,
Ты не пайщичка любимоей скотинушки.
Спростовалась ты побѣдна моя дяденька;
Была въ живности любима какъ семеюшка,
Ты завѣту у него да испросила бы,
Хоть третиночки во малыхъ бы во поженкахъ,
Хоть бы треть да во любимоей скотинушкѣ;
Почитали-бъ тебя сродчи, милы сроднички,
Не обидили-бъ побѣдную головушку;
Ты сама того горюша сплоховалася.
Теперь все прошло вѣдь е да миновалося,
Всѣ укрылися луговыя долиночки,
Отдалилися дворовыя третиночки.

. . . . . .

Уже слушай-ко спацьлива родна дяденька:
Какъ спѣсивъ больно родитель у мня батюшко,
Да вѣдь здорная желанна моя матушка;
Пріобидятъ хоть спацьливу тебя дяденьку,
Пройде бранное словечко не сговорное,

Надо грубость-то за благость принимать;
Тутъ головушка твоя да закручинится,
Сердечушко твое да заобидится;
Тутъ ты схватишься желанна моя дяденька
За прежню свою жизнь да за хорошую;
Какъ жила да за надежной ты головушкой,
Не корилася братцу сдвуродимому,
Ты не кланялась сестрицѣ богоданой;
Теперь—нонѣчи желанна моя дяденька
Много—множество кручины принакопится,
Содержи, да на ретливомъ ты сердечушкѣ,
Бѣдна по́часту къ сусѣдямъ не похаживай,
Про кручинушку сусѣдямъ не розсказывай,
Ты не жалуйся на братца сдвуродимаго.
Не жалу́йся на свирѣпу свою матушку;
Нонь сусѣдушки по мнѣ да не смолчливыя,
Донесуть моимъ желаннымъ родителямъ;
Тутъ свирипиться желанной буде батюшка,
Пойде гордость у родителя—у матушки,
Не пріятность у любимой у семеюшки;
Стане по́ избы родитель моя смахивать,
Тутъ правой погой она стане прищалкивать,
Наговорамы она да наговаривать,
Надавать буде обиды къ ретливу сердчу:
„Што же ходишь ко сусѣдямъ ты поздёхонько,
„Творишь жалобы на насъ да обиднехонько;
„Отъ хоромины, кажись, ты не отказана,
„Отъ дубоваго стола да не отведена.
Тутъ раздумаюсь обидна, красна дѣвушка,
По закону бы теперь да все по Божьему
Мнѣ-ка стать бы по баженой, родной матушкѣ,
Какъ по твоему великому желаньицу
Быть заступой по баженой мнѣ по дяденькѣ;

Уговаривать родитель буду матушку,
Буду совѣстить родителя я батюшка:
— Унимай да ты любимую семеюшку,
— Не давай воли родителю все матушкѣ;
— Не обидьте-тко спацьливу мою дяденьку,
— Вы не слушайте сусѣдей спорядовыхъ;
— Попусту́ да злыи людушки набаются,
— Принаскажутъ на желанную на дяденьку,
— Штобы здоръ пошелъ въ любимоей семеюшкѣ;
— Да вы Господа-то Бога хоть побойтесь-ко,
— Постыдитесь хотя-жъ добрыихъ-то людушекъ!
— Былъ какъ въ живности желанной мой вѣдь дядюшка
— Оны ростили сердечныхъ вашихъ дѣтушекъ,
— Все крутили насъ побѣдныихъ головушекъ;
— Не забудьте-тко желанныи родители;
— Не вѣковая желанна у насъ дяденька;
— Ужо день за день теперечко минуется,
— И недѣля за недѣлей коротается,
— Идутъ годышки, какъ птича пролѣтаетъ;
— Также ей-ной то вѣкъ да умаляется.
— Не поскучьтесь-ко желанныи родители,
— Не обидьте-тко спацьливу мою дяденьку,
— Вы держите-тко побѣдную по старому,
— Почитайте-тко, печальную по прежнему;
— Студеной зимой вы ю да не знобите-тко
— Въ лѣтну пору со двора вы не гоните-тко
— Вы голодноей смерёткой не морите-тко!

. . . . . .

Да ты слушай-ко желанна моя дяденька;
Какъ во свѣтлой ли Господень Божій праздничекъ
Вся усядется любимая семеюшка
За дубовой столъ оны да хлѣба кушать;
Какъ мои свѣты желанныи родители

Соберутся со сердечныма со дѣтушкамъ,
По скамеечкамъ розсядутся кленовыимъ,
Я згляну да тутъ вокругъ стола дубоваго,
Сдогодаюсь того бѣлая лебедушка;
Гдѣ же ходитъ жалослива моя дяденька?
Во домы она теперь не объявляется,
Къ дубову столу она не придвигается;
Ворочусь да тутъ горюша поскорешенько,
По новымъ сѣнямъ пройду да суровешенько,
Я ко свѣтлоей пройду скоро ко свѣтлицѣ,
У дубовыихъ двѣрей да я подумаю,
У порога постою да я послушаю,
Я завѣдаю спацьливу родну дяденьку:
Не кокоша во сыромъ бору кокуе,
Родна дяденька во горенкѣ тоскуе;
Подойду бѣдна горюшица тихошенько,
Воспрогóворю дѣвиця жалобнешенько:
„Не тоскуй моя спацьлива родна дяденька,
„Не давай тоски въ ретливое сердечушко,
„Ты назолушки во зяблую утробушку;
„Нонь пойдемъ моя спацьлива, родна дяденька,
„За дубовой столъ пойдемъ да хлѣба кушать,
„Не придайся во злодійную кручинушку;
„Я зову тебя желанну со усердіемъ
„За этыи обѣды за воскресныи;
„Вся собралася любимая семеюшка,
„За столомъ сидятъ оны да хлѣба кушаютъ;
„Я схватилась за желанну тебя дяденьку.
„Вѣрно, плачетъ она въ свѣтлой, новой свѣтлицѣ,
„Лежитъ грудью на косѣвчатомъ окошечкѣ;
„Подойму да ю подъ правую тутъ рученьку,
„Кого нѣтъ да вѣдь родитель, того не гдѣ взять“ —
„Не оставлю тебя въ свѣтлой я во свѣтлицѣ

„Слезно плакать у косѣвчата окошечка;
„Мы пойдемъ да по новымъ сѣнямъ рѣшотчатымъ,
„Мы мѣнять будемъ кручину на весельице;
„Ты пойди—иди къ столу да ко дубовому,
„Ты садись тамъ на скамеечку кленовую,
„По рукамъ да у мня кладена вѣдь ложечка,
„Все по разнымъ у мня ѣствушки сахарніи,
„По устамъ да тебѣ—питьице медвяное.
„Ужъ ты до́ сыта родитель на ѣдайся-тко
„Ужъ ты до́ люби родитель напивайся-тко!

. . . . . .

Да ты слушай-ко спацьлива родна дяденька:
Не впадись въ тоску великую кручинушку,
Не склонись да во тяжелую постелюшку,
Ты со этой со страсти съ переполоху.
Могу знать вѣдать душа я красна дѣвушка
Про тебя я про желанную про дяденьку:
Безъ угару болитъ буйная головушка,
Безъ вѣтра́ крушитъ ретливое сердечушко,
Со тоски твоя утроба перетрескалась;
Нѣтъ надіюшки тебѣ да приберегушки,
Нѣтъ сердечныихъ, роженыхъ у тя дѣтушекъ
На сдовольныи, заботныи на хлѣбушки,
На роздій нѣту великоей кручинушки;
Уласкаю тебя бѣлая лебедушка
Я прелестныма, ласковыма словечикамъ;
Устелю тебѣ пуховую перинушку,
Подлѣ лягу съ тобой бѣлая лебедушка,
По тихошеньку тебя буду упрашивать,
Со кручинушки тебя я разговаривать:
„Не тоскуй моя желанна родна дяденька,
„Не покину тебя бѣлая лебедушка,
„Хоть при старой тебя древней я при старости;

„Утоплю да теплы, парны тебѣ баенки,
„Я умою тебя дяденьку бѣлешенько,
„Я упарю тебя милу хорошохонько,
„Я схожу да въ лѣсъ за красныма ягодкамъ
„Угощу тебя сердечное желаньице.
Еще слушай-ко спацьлива моя дяденька:
Хоть пойдемъ мы на крестьянскую работушку,
Насъ отрядятъ хоть желанныи родители,
Говорить да стану бѣлая лебедушка:
„Не трудись да моя дяденька труднешенько,
„Лучше сядь да подъ ракитовой подъ кусточекъ,
„Посдохни да на катучемъ синемъ камышкѣ,
„Мѣсто тя да я работой поработаю;
„Не пороскажу желанныимъ родителямъ,
„Сберегать буду желанну тебя дяденьку,
„Во своей пока дѣвоцьей я во волюшкѣ...
. . . . . .
Еще слушай-ко спацьлива, родна дяденька:
Теперь времечко у насъ да пріобойдется,
Спорядовыи сусѣди поразойдутся,
Сродчи—сроднички у насъ да поразъѣдутся;
Тутъ повыборемъ слободну пору времечко,
Мы о свѣтломъ о Христовѣ воскресеньицѣ
Да мы пóйдемъ въ Божью церковь посвященную,
Поминать будемъ великое желаньице;
Тутъ повыйдемъ на могилушку умершую,
Посидимъ да мы безсчасты докуль хочется,
Угостимся мы побѣдны съ тобой дó люби,
Мы у этого креста животворящаго;
Припадемъ мы ко сырой землѣ плотнешенько;
Причитать будемъ съ тобой мы умильнешенько,
Тутъ повыскажешь великую обидушку,
Ты роскажешь про злодійную кручинушку.

По совѣтуешь о бѣдной своей жирушкѣ,
Позовешь да на крестьянскую работушку;
Не познаютъ того добрыи людушки,
Не провѣдаютъ спорядныи сусѣдушки.
. . . . . .

Тетка—отвѣчаетъ:

Возношу тебѣ спасибо съ благодарностью —
Моя тёплая, сердешная сугревушка,
За твое я за великое желаньице,
За твое да за велико доброумьице.
Ты придай мнѣ ума разума въ головушку,
Еще розмыслу въ ретливое сердечушко:
Гдѣ работушка побѣдной работать буде,
Горька молодость побѣдной провожать мнѣ-ка?
Аль даваться на родиму мнѣ на родинку,
Аль кориться къ свѣтушкамъ, братцамъ родимыимъ?
Согрѣваться у кирпичной твоей печеньки?
Мнѣ съ кого глядѣть довольныхъ этихъ хлѣбушковъ?
Знаю—вѣдаю кручинная головушка,
Хоть зовутъ да свѣтушки братцы родимыи
Хотя жъ манятъ—лестятъ сестрицы сдвуродимыя,
Меня жить да на родиму свою родинку,
Тамъ не гостьицей буду, я—подворницей,
Не судьей буду побѣдная—остудницей;
Пораздумаю безсчастнымъ своимъ разумомъ,
Какой нравъ то у братцевъ у родимыихъ,
Какой разумъ у сестрицъ да богоданыихъ;
Свѣты братцы мои да горделивыи,
Какъ сестрицы богоданыя—спѣсивыя;
Не житье да на родимой буде родинѣ;

Въ переѣздахъ я, побѣдна, намотаюся,
Съ переходамы, побѣдна, ростеряюся;
Роздержу да золоту казну безсчетную,
Я истрачу всю любимую покрутушку.
Отвѣчать да буду братцамъ я родимыимъ.
Разговаривать сестрицамъ богоданыимъ:
„Не зовите на родиму меня родину;
„Да вы будете—обидну обижать,
„Во дворѣ держать горюшицу коровницей,
„Во избы держать побѣдную подворницей;
„Не радію я печальная головушка,
„По шатка́мъ пойти побѣднушкѣ по о́зорамъ,
„По чужимъ пойти обидноей подворьицамъ.
Знаю—вѣдаю печальная головушка,
Ужъ какъ это чужое зло—подворьице,
Быдто зимнее, холоднее погодьице;
Каково тепло отъ буйнаго отъ сивера,
Таково добро сестрицъ да богоданыихъ.
Пораздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ,
Не поѣду я со мужьяго помѣстьица,
Я со эта тепловитаго со гнѣздышка.
Не надіюшка на братцевъ на родимыхъ,
Не желанье отъ сестрицъ да богоданыхъ;
Поживу въ своемъ хоромноемъ строеньицѣ,
Въ послушаньицѣ у братца сдвуродимаго;
Воскормитъ онъ до древней меня старости,
Обуетъ мои рѣзвыи онъ ноженьки;
Не наскучатъ имъ сердечны мои дѣтушки,
Единымъ бѣдна горюша единешенька;
Да я грѣться у кирпичной буду печеньки,
Объ этой я студеной холодной зимой;
Когда жъ сгрýснется свѣтъ—братецъ сдвуродимой,
Какъ слихуется сестрица богоданая,

На меня да на побѣдную головушку,
Што не трудница у насъ да не работница,
Раззорятъ она крестьянску нашу жирушку;
Закрѣплю свое ретливое сердечушко,
Наклоню свою печальную головушку;
Тутъ повыду съ тепловитаго со гнѣздышка,
Я отвѣту имъ не отдаваю,
Я назолушки къ сердцю не прибавляю;
Лучше выду на крестьянскую работушку,
Скоротаю день до поздняго до вечера;
Не узнаютъ того добрыи-то людушки,
Ужъ я сыта ли севодня—голоднешенька,
При кручинушкѣ ли я да веселешенька;
Не провѣдаютъ спорядныя сусѣдушки,
Што обидныма словечкама обижена,
Што я грубныма побѣдная огрублена;
Розсказать ли мнѣ во добрыи во людушки
Про свою да всю великую кручинушку,
Не помогутъ того добры мнѣ-ка людушки,
Пріосудятъ тутъ печальную головушку;
Содержу тоску—великую кручинушку
На своемъ лучше побѣдноемъ сердечушкѣ,
На безсчастноей печальной я утробушкѣ;
Я приду да со крестьянской какъ работушки,
Я во свой домъ во крестьянску приду жирушку;
Я згляну тутъ на сестрицю богоданую,
Она съ вёсела-ль голубушка поглядыватъ,
Она ласково-ль со мной да разговариватъ;
Весела буде сестрица богоданая
Подойду бѣдна горюша потихошеньку,
Я спрошу бѣдна—побѣдна помалешиньку,
„Состряпана ль стряпня да вѣдь вечёрная,
„Скоро-ль накрывать столы да все дубовыи;

Какъ отвѣтитъ мнѣ вѣтляная нешутушка:
— Прибирается любимая семеюшка;
— Да вы ставьте-тко столы да все дубовыи,
— Ужъ вы ладьте-тко ужины вечерныя,
— Садитесь-ко за столъ да хлѣба кушать,
— Вы ложитесь на спокойну темну ноченьку,
— Пріустали вы севодня сего дѐнечка,
— Притрудились на крестьянскоей работушкѣ.
Я возрадуюсь печальна горепашица,
Што невѣстка до меня да сжаловалась,
Все подобрила побѣдную головушку;
Хоть и ласковы словечка—не прелестныи,
Желаньице у ей да не сердечное;
Тутъ я лягу на спокойну, темну ноченьку,
На унылую, тесовую кроваточку,
На печальную, пуховую перинушку,
На слезливо, круто складнее сголовьице;
Въ добры люди я виду не даваю,
Темну ноченьку слезамы обливаюсь;
Тутъ роздумаюсь побѣдная головушка,
Прозабыла сказать вѣтляной я нешутушкѣ.
Што будите-тко по ранному поутрышку,
Розрядите на крестьянскую работушку,
Не проспать бы нонь побѣдной мнѣ долгошенько,
Набъ повыстать-то по утрышку ранешенько;
Я смахну свои бѣлы эты рученьки,
За обидную, за бладую головушку;
Съ горя на безсчастну грудь на бѣлую,
Подожму свое ретливое сердечушко;
Пройде вѣшня эта ночь да не видаютца,
Я не сномъ да темну ночку коротаютца,
Я горючима слезамы обливаютца.
Такъ вѣдь Богъ судилъ побѣдной жить головушкѣ

На дѣлу́, видно, несчастье доставалося.
На роду́ я уродилася безсчастная;
Тутъ роздумаюсь побѣднымъ умомъ разумомъ,
Мнѣ куды съ горя пойти да угоститися.
Опришенна отъ спорядныхъ я сусѣдушекъ:
Не посмію подойти къ женамъ ко мужніимъ;
Отдали буду обидная постаивать,
На счасливыхъ, на замужнихъ женъ поглядывать;
Стоятъ жены со мужевьями ликуются,
Со сторонъ да смотря людушки дивуются,
Тутъ раздумаюсь безсчастнымъ своимъ разумомъ.
Со кручинушки куды да мнѣ броситься?
Приберу себѣ такую же попайщицу,
Мы отойдемъ отъ народу—людей добрыихъ.
Да мы сядемъ отъ людей тутъ въ устороньице,
Станемъ думать эту крѣпкую мы думушку,
Памятить станемъ надежныихъ головушекъ;
Тутъ росплачемся мы вдовушки побѣдныя,
Тутъ мы ду-другу обидушку повыскажемъ
Про обидушку у ду-друга повыспросимъ,
Штобы добрыи насъ людушки не видѣли,
Сдвуродимыи то братья не замитили;
Хоть пойдемъ да мы побѣдныи головушки
По одной пути—ши́рокой дороженькѣ.
Мы призáймемся великимъ разговорушкомъ;
Тутъ дороженьку пройдемъ да не видаютца.
Про несчастну свою жизнь да разсуждаютца.
„Не высоки терема живутъ вдовиныи,
. . . . . .
„Не красны дни безъ краснаго солнышка,
„Не весело намъ жить безъ семеюшекъ.
„Напрасничка про насъ, какъ порогъ шумитъ.
„Пустословьице про насъ быгто громъ гремитъ,

„Съ небылицы буйна го́лова шатается,
„Тутъ мы крестъ кладемъ, горюши, по писаному
„Мы поклонъ ведемъ, горюши, по ученому,
„Сотворимъ да мы славу Царю Истинному:
„Пособи да намъ Бладыко Царь небесный,
„Повытерпѣть злодійную напрасничку,
„Да намъ и́знести велико пустословьице!

XV.

ПЛАЧЪ О СВАТѢ.

Невѣсткина—свекровъ отправляется на похороны свата—отца невѣстки. „Сказали:“ Сватушка живова нѣтъ; вотъ тебѣ сватушко! Богъ убралъ—конецъ бревна урвалъ.

Большакъ спусти на похороны сватушка похоронить въ послидній ужъ проводить до Церквы Божьей: доброй былъ!

Снарядилася, пошла путемъ дорогой, горой-водой, лѣсомъ-парусомъ.

На крыльцѣ встрѣчаетъ ее сватья—невѣсткина мать:

Мнѣ повытти на крылечико переное,
Мнѣ-ка на́ эты новы сѣни рѣшотчаты;
Какъ сказали многи добры эты людушки
Мнѣ пробаяли сусѣды спорядовыи,
Што со этого раздолья—со чиста поля,
По этому лугу да по зеленому,
Ко нашему крылечику переному,
Катитъ—жалуе любима мила сватьюшка;
Видно, изъ роду сыскалася изъ племени,

Какъ идетъ она въ хоромное строеньице,
На послѣднее ко сватушку прощеньице.
Ты послушай-ко любима, мила сватьюшка:
Да какъ шла путемъ ши́рокой—дороженькой,
Ты не стрѣтила-ль надежной тамъ головушки,
Во темномъ лѣсу дремучемъ,
Аль на чистомъ его полюшкѣ?
Кругомъ шла да какъ ты малаго, озерышка,
По крутому ты шла да какъ по бережку,
Тамъ не видла-ль любима, мила сватушка?
Онъ охочъ вѣдь былъ надежная головушка,
Ходить—издить къ быстрымъ риченькамъ,
На риченькахъ стрилять сѣрыхъ утушекъ,
На озерышкахъ ловить свѣжихъ рыбонёкъ;
Постою бѣдна горюшица-подумаю,
Поспрошу бѣдна горюша я довѣдаюсь,
Онъ не съѣхалъ ли въ любимо къ вамъ гостибище
Ко своей бѣлой надеженька лебедушкѣ,
Засмотрѣть онъ баженыхъ своихъ внучатокъ;
Подожду бѣдна горюшица, подумаю.
Не раскажетъ ли любима, мила сватьюшка,
О моей милой семеюшкѣ,
Не повѣдать ли добраго извѣстьица?

Сватья—свекровь съ дороги отвѣчаетъ:

Ты послушай-ко любима моя сватьюшка,
На крылечушкѣ меня не останавливай,
На прогулочкѣ—на уличкѣ не спрашивай;
Можешь знать вѣдать любима моя сватьюшка,
Што пристаршая—побѣдная головушка;
Я дороженькой вѣдь шла да пріустала,

У крылечушка едва я отсдыхалась;
У холоднаго вѣстей ты не выспрашивай,
На переднемъ крылечкѣ не вывѣдывай;
Допусти хоть до хоромнаго строеньица,
До своей ты брусовой бѣлой лавочки.
Вы послушайте народъ да люди добрыи,
Приложите-тко совѣтъ думу крѣпкую,
Да мнѣ какъ назвать побѣдную головушку.
По прежнему назвать-ли милой сватьюшкой,
Аль назвать было побѣдной этой вдовушкой?
Не любимое словечико-вдовиное;
Хоть я шла путемъ—ши́рокой дороженькой,
Мимо это кругло малое озерышко.
Я покрутому шла тамъ по бережку,
Я по тихіимъ шла да все по за́водямъ,
Столько видѣла побѣдная головушка
На той сто́роны малаго озерышка,
Што незнамый человѣкъ тамъ шатается:
Не въ домёкъ пришло побѣдной головушкѣ,
Посмотрѣть мнѣ во бѣло его личушко;
Поглядѣть да мнѣ во ясны его очюшки,
Запримитѣть по желтыимъ кудерышкамъ;
Нонь сказала бы побѣднымъ вамъ головушкамъ;
Да я шла какъ кручинная головушка,
Черезъ быстру я шла да эту риченьку
По этой дубовой по мостиночкѣ,
По этой кленовой перекладинкѣ,
За кустышкомъ вдругъ што то схробысталося *)
Уловня въ родѣ рыбонька тамъ свѣжая;
Ужъ я такъ бѣдна побѣдна испугалася,

*) Бульнуло

Отъ риченька бѣжала поскорешенько,
Въ путь дорожку горюша поспѣшалась,
Съ переполоху я шла, взадъ не ворочалась;
Не глядѣла подъ ракитовой подъ кусточекъ,
Не смотрѣла подъ малиновой подъ листочекъ:
Аль подъ кустычкомъ птица перелётная,
Подъ листочкомъ человѣкъ ли е прохожой;
Извини въ томъ любима мила сватьюшка,
Онъ не ѣхалъ на ступистой къ намъ лошадушкѣ,
Во любимое желанное гостибище;
Поджидала я кручинная головушка,
Не подъѣдетъ ли любимой милой сватушко;
Тутъ роздумалась побѣднымъ своимъ разумомъ:
У насъ спущена вѣтляная нешутушка,
Она на́ свою родиму эту родинку.

Къ невѣстѣ:

Ворочусь—пойду печальная головушка
Ко своей я вѣтляной нешутушкѣ:
Ты застала ли въ живности родителя,
Сердешное великое желаньице;
Какъ вечёръ ты по поздому по вечеру
Спросилась у побѣдныхъ насъ головушекъ.
Доложилась у богданаго у батюшка:
„Вы пустите на родиму меня родинку.
„Оцень тяжелъ мой желанной родной батюшко;
Говорила я кручинная головушка,
Большаку да я во домѣ настоятелю:
— Отпустить надо вѣтляная нешутушка
— На свою да на родимую на родинку
— На послиднее къ родителю прощеньице;

Ты просила тутъ вѣтляная нешутушка.
Во собой да ты сердечныхъ своихъ дѣтушекъ;
Отвѣчала я печальная головушка:
— Долго путь пройде дальняя дороженька,
— Со малыма сердечныма дѣтушкамъ;
— Малы дѣтушки пойдутъ по тихошеньку,
— Пріустанутъ путемъ—ши́рокой до́роженькой;
— Ты пройдешь съ има темну эту ноченьку,
— Не застанешь ты родителя вѣдь въ живности;
Говорила я печальная головушка:
— Будутъ дѣточки твои не обижены,
— Имъ устлана пуховая перинушка,
— Будетъ убрано складнее зголовьицо;
— Уложены сердечны будутъ дѣтушки
— Усыплены малы мои внучатки;
Говорила я кручинная головушка:
— Снаряжайся—знай поскорешенько,
— Ты путемъ иди дорожкой суровешенько,
— Заставай ты родителя батюшка,
— Пока въ живности великое желаньице,
— Ты проси собѣ прощенья съ благословленьицемъ,
— Да ты на́ вѣки проси нерушимыи.

Сватья—вдова, мать невѣстки:

Спасетъ Богъ моя желанна, мила сватьюшка,
На вашемъ великомъ желаньицѣ;
Да вы умны богоданыи родители,
Разумна любимая семеюшка,
Почитать да онъ жену—семью любимую:
У васъ вложено великое желаньице
До моей этой бѣлоей лебедушки

До сердечныхъ баженыхъ моихъ внучатокъ,
По часту́ держишь на бѣлыхъ своихъ рученькахъ,
Да ты топишь теплы-парны про ихъ баенки;
Почитаете сердечно мое дитятко;
У васъ вольная дана ей была волюшка
По часту да на родиму ходить родинку;
Все хвалится моя бѣлая лебедушка
Она этой сторонушкой судимой,
Удобрятъ да богодану тебя матушку;
Лучше—краше мнѣ дѣвоцьяго живленьица
На судимой, скаже, этой мнѣ сторонушкѣ.
Да ты слушай-ко любима моя сватьюшка:
Мы довольны, тобой бѣдныя головушки;
Какъ мы издили съ покойной головушкой
Ко своему сердечному дитяткѣ,
Не сгруснулась любима мила сватьюшка
На свою да ты вѣтляную нешутушку;
Не грубила насъ печальныхъ головушекъ;
Не надіялась любима мила сватьюшка
Да насъ до́ сыта побѣдныхъ накормитися,
Съ весела да въ ясны оци наглядитися;
Какъ мы издили съ покойной головушкой,
Онъ хвалился все любимымъ угощеньицемъ,
Удобрялъ да онъ житье ваше богатое,
Восхвалялъ да онъ во добрыи во людушки,
„Наша сча́стлива вѣдь бѣлая лебедушка
„Какъ таланное—сердечно наше дитятко
„Въ похвалы у богоданыихъ родителей“.

Сватья—свекровь отвѣчаетъ:

Ты послушай-ко любима моя сватьюшка:
Я впередъ прошу кручинная головушка,

Ты гости бѣдна любима мила сватьюшка;
Безъ своей хоть ты надежной головушки,
Принимать будемъ горюшицу по старому,
Будутъ ѣствушки тебѣ да подосюльному;
Спасетъ Богъ да вамъ любима мила сватьюшка,
Што ходили ко своей бѣлой лебедушкѣ,
Не гнѣвались вы нашимъ угощеньицемъ,
Не гнушались вы ѣствамы сахарныма!

Сватья—теща:

Еще слушай же любима моя сватьюшка:
Послѣ своего родителя батюшки,
Вы спустите во любимое гостибище—
Мою бѣлую кручинную лебедушку,
Засмотрѣть меня побѣдную головушку,
Хоть о свѣтломъ Христовѣ воскресеньицѣ,
О Бладычномъ ли Господнемъ, Божьемъ праздничкѣ;
Я сжидать буду печальная головушка,
Я стрѣчать—да на крылечкѣ ю переномъ
Со сердечныма желанныма внучаткамъ;
Стану по́ избы горюшица похаживать,
У окошечка я буду все послушивать,
Не скрыпять ли путемъ саночки дубовыи,
Не ѣдуть ли гостюшки любимыи,
Ко мнѣ бѣдной головушкѣ,
Сердечныи, желанны мои дѣтушки;
Я составлю вѣдь ѣствушка сахарніи,
Я по разуму имъ питьица медвяныи,
Закуплю да имъ сладкіи закусочки;
Я тебя прошу любима, мила сватьюшка,
Съ сердечныма я вкупѣ прошу дѣтушкамъ.

Тебя вмистѣ со вѣтляной нешутушкой,
За сестру тебя прошу да за баженую,
Я за гостью почитаю за любимую.

Сватья—свекровь:

Спасетъ Богъ тебя любима мила сватьюшка
На твоемъ да на великомъ желаньицѣ;
При сусѣдушкахъ меня не острамила,
Передъ добрыма людямы ты не выдала:
Хоть не спацьлива вѣдь я да не желанная,
Хоть я на́ слово побѣднушка спѣсивая,
На рячную поговорочку бросливая,
Горяча больно побѣдная головушка;
Пріобижу когда бѣлую лебедушку,
Свою милую вѣтляную нешутушку,
Не въ проносъ да буде въ добрыи во людушки,
Не въ домёкъ да вамъ желанныимъ родителямъ:
Благоразумная вѣтляная нешутушка —
У мня умное сердечно это дитятко:
Не даватъ воли семьѣ своей любимой,
Почитать меня задорну богоданую,
Она матушкой меня да взвеличаетъ
И родителью меня да воскликаетъ;
Заноходитъ на родиму когда родину
Доложится у побѣдной головушки,
Она спросится въ любимое гостибище,
Меня звать стане печальную головушку:
„Ты пойдемъ да богодана съ нама матушка.
„Ты во это во любимое гостибище,
„На мою да ты родиму пойдемъ родинку —
„Ко моимъ свѣтамъ желаныимъ родителямъ;

Да я разумомъ горюшица простешенька,
На словахъ поднять горюшица любимая,
На подъёмъ да я горюшица легошенька;
Снаряжусь вкрутѣ съ сердечныма я дѣтушкамъ;
Мы пойдемъ да тутъ съ има поскорешенько,
Разговоръ держимъ вѣдь съ има веселешенько,
На срѣканьицо сусѣдямъ спорядовымъ,
Будто съ рóдной она дочерью похаживать";
Я ходила ко любезному сватушку,
Почастý во любимое гостибище,
Почиталъ онъ за сердечну милу гостьицу,
Всегда сдіялъ, со мной доброе здоровьице,
Кругомъ нáоколъ обхаживать тихошенько,
Говорить стане побѣдной мнѣ головушкѣ:
„Ты садись да все на стульицо кленовое,
„Ты устала путемъ шúрокой дороженькой;
Говорить стане любимой онъ семеюшкѣ:
„Да ты слушай-ко жена—семья любимая",
Стане шуточную рѣчь онъ разговаривать,
Онъ жену свою вѣдь стане поднаряживать:
„Ты ходи да по хоромамъ-то скорешенько,
„Ты готовь-ко да имъ ѣства суровешенько,
„Да ты ставь-ко самовары имъ шумячіи,
„Ты вари да крѣпки—кофеи горячіи;
„У насъ гостюшки теперечко любимыи,
„Во первыхъ у насъ сердечны эты дѣтýшки,
„Во другихъ да дорогая мила сватьюшка,
Принималъ всегды сватъ мой отъ усердія,
Меня подчивалъ съ великаго желаньица.
Говорить да станутъ добры мнѣ-ка людушки,
Какъ сбивать станутъ побѣдну съ ума, съ разума;
„Да ты ходишь съ сердечныма дѣтушкамъ,
„Не къ лицю ходишь въ любимое гостибище,

„Во глаза лестить любимой тебя сватушко,
„Обсуждать тебя любима, мила сватьюшка,
„Што вѣдь ходишь со сердечныма со дѣтушкамъ,
„Во любимое ты къ имъ да все гостибище;
Я не слушала вѣдь добрыхъ этыхъ людушекъ,
Не какіихъ я пустыихъ разговорушекъ;
Да намъ по́ уму вѣтляная нешутушка,
Намъ по разуму любима ей породушка.
Ты послушай-ко родима моя сватьюшка,
Послѣ твоей-то надежноей головушки
Мы отложимъ все любимое гостибище;
Какъ моей милой, вѣтляной нонь нешутушкѣ
Хоть захочется на родинку тошнехонько,
Отхочется отъ родинки скорешенько.
Столько слушайте народъ—да люди добрыи!
„На катучемъ посидѣть бы хоть на камышкѣ,
На родимой побывать бы столько родинкѣ“;
Все не голодна придё она, не холодна,
Не для хлѣба придё соли наѣданьица,
Не для сладкова медвяна напиваньица;
Повидать да свѣтъ—любиму свою матушку,
Посмотрить да свѣтовъ братьицовъ родимыхъ.
Да ты слушай-ко родима моя сватьюшка.
Какъ сегоднишнимъ Господнимъ Божіимъ дѐнечкомъ
Да я шла путемъ—ши́рокой дороженькой,
Я по вашимъ лугамъ сѣнокосныимъ;
Тутъ посохла на лугахъ трава зеленая:
Тутъ поблёкли всяки розовы цвѣточики
Изъ погибели-то деревця шатаются,
На всѣ стороны пруточки розвѣваются.
По сырой землѣ листочики свиваются:
Устоялась тутъ побѣдна, призадумалась,
Оглядѣлася побѣдна, устрашилася,

Ума—разума побѣдна измѣнилася;
Какъ до сегоднишня Господня Божья дéнечка,
Какъ на вашей на луговой этой поженкѣ
Оценъ длинная трава да выростала,
Всяки разныи цвѣточки розцвѣтали,
Ужъ какъ деревця росли не погибали,
Кругомъ нáоколъ плуточки завивались,
И зеленыи листочики шумѣли;
Тутъ раздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ;
Перемѣна на лугахъ да сѣнокосныхъ,
Измѣнушка въ хоромномъ во строеньицѣ;
Измѣнилися поля да хлѣбородныи;
Тутъ подумала побѣднымъ своимъ разумомъ,
Нѣту въ живности любимаго знать сватушка,
У моей да знать родимой у сватьюшки
Во доми видно великая кручинушка,
На окошечкѣ злодійная тоскичушка,
Поразсталася съ надежной знать головушкой.

Къ свату покойнику:

Ворочусь да я печальная головушка,
Я во этотъ во почестной, во большой уголъ,
Я ко этому, любимому ко сватушку;
Воскликать стану побѣдна жалобнешенько,
Разговаривать по прежнему тихошенько:
„Да ты стань—востань любимой, милой сватушко,
„Да ты сдій-ко со мной доброе здоровьицо
Сговори со мной хоть малое словечушко;
Когда прежъ сего, до этой поры времечка,
До сегоднишня Господня Божья дéнечка,
Какъ срѣталъ да насъ на шúрокой на улицѣ,

Убиралъ нашихъ ступистыхъ лошадушекъ,
Были гостюшки у сватушка униманы;
Соболины, куньи шубоньки скидываны,
Какъ по стопочкамъ вѣдь платьица развѣшены,
По гостямъ да были стульица разставлены;
Какъ сегоднишнимъ Господнимъ, Божіимъ денечкомъ
Не стаешь да ты на рѣзвыи на ноженьки,
Не розманешь свои ясны эты очюшки;
Отъ сердечка бѣлыхъ рукъ не отшибаешь,
Отъ бѣлой груди ты ихъ не подымаешь;
Што же гнѣвъ несешь любимой милой сватушко?
Знать, напрасно добры люди насказали што,
Аль голубушка—невѣстушка пожалилась
На меня да богоданую на матушку,
Какъ на этую свекрову—змію лютую?
Ты послушай-же любимой, милой сватушко:
Кажись, дитятко твое да не обижено,
Все невѣстушка словамы не огрублена;
Я стѣной стою по ей да городовою,
Замѣняю на работушкѣ тяжелой;
Сговори да хоть единое словечушко,
Ты при милыхъ спорядовыихъ сусѣдушкахъ,
При всѣхъ сродчахъ сговори да ты при сродничкахъ;
Знаю—вѣдаю печальная головушка,
Порозгнѣвался родимой милой сватушко,
Што не спущала любимой невѣстушки
Засмотрѣть тебя въ тяжеломъ сголовницѣ,
При злодійномъ твоемъ я неможеньицѣ;
Можешь знать—вѣдать родимой, милой сватушко,
Нынь стрядня да пора—времечко рабочее,
Пришло времечко теперь да сѣнокосное;
Не одна живу вѣдь я да единешенька,
Е великая любимая семеюшка,

Есть вѣдь братья у меня да сдвуродимыи,
Е племяннички у насъ да все любимыи;
Какъ спущать да ю на родинку частешенько,
Буде не любо братцамъ сдвуродимымъ,
Буде не́ лю́бо племянничкамъ любимымъ;
Буде здоръ да во любимой во семеюшкѣ,
Не пріятности въ крестьянской нашей жирушкѣ;
Будутъ грубно свѣты—братцы разговаривать,
Не къ лицу будетъ любимой невѣстушкѣ;
Ты послушай родимой, милой сватушко,
Ты прости меня печальную головушку,
Ты во всемъ вѣку прости да меня въ будущемъ!

При отпѣваніи:

День ко вечеру теперь коротается,
Ко горамъ красно солнышко двигается,
Какъ народъ добры люди собираются,
Старовѣры со пустыней-то съѣзжаются,
Во монашеское платье одѣваются;
Воску ярова свѣщи да затопляютъ,
Одноручное кадило зажигаютъ,
Ставѣрчески стихи да запѣваютъ;
Оны голосомъ ведутъ по тихошеньку,
Оны сло́вечко-то скажуть полегошеньку;
Крестъ кладутъ оны вѣдь по писаному,
Какъ начало полагаютъ старовѣрское;
Отпѣваютъ любимаго нонь сватушка.
Ты послушай-ко родимая невѣстушка:
Да ты стань подлѣ надежноей головушки,
Да ты вточь гляди во темныи во очюшки,
Не пугайся тко великаго желаньица;

Какъ призаперты нонь очюшки плотнешенько,
Почернѣло его бѣло—это личушко,
Поблёкли его бѣлы—эты рученьки,
Придалйсь ко гробу рѣзвы эты ноженьки.

Въ конць отпѣванья:

Я гляжу—смотрю печальная головушка,
Нонь скорешенько свѣщи да догоряются,
Старовѣрскіи стихи да допѣваются;
Вси вѣдь добрыи-то людушки прощаются,
Оны къ мертвыймъ устамъ да прилагаются.
Наглядитесь-ко вы родъ племя любимое,
Насмотритесь-ко сердечны малы дѣтушки.
Приклонитесь-ко во рѣзвыи во ноженьки,
Прилагайтесь-ко къ родителю ко батюшку;
Укрывается великое желаньице,
Удаляется желанной родной батюшко.
Ты прости да нашъ любимой, милой сватушко,
Ты сердечныихъ прости, да малыхъ дѣтушекъ.

Къ дѣтямъ покойнаго:

Вы послушайте любимы, милы сватушки,
Недорослы, боровыя ягодиночки!
Хоть вы возрастомъ свѣты не малешеньки,
Во годахъ еще вы дѣти молодешеньки,
Умомъ разумомъ головушки простешеньки;
Какъ вамъ жить да безъ родителя безъ батюшка,
Управлять да домъ крестьянска буде жирушка;
Прежде добрыхъ людей вы не кидайтесь-ко

Позади да вы отъ ихъ не отставайте-тко
Вы на трудной, крестьянской на работушкѣ;
Много ýма надо разума въ головушку,
Надо розмыслу въ ретливóе сердечюшко
Уже вамъ да златокрылымъ яснымъ сóколамъ;
Глупы—молоды, скачоныя жемчужинки,
Да вы слушайте родитель вашу матушку,
Почитайте вы наказы свѣта батюшка.

. . . . . .

XVI.

ПЛАЧЪ О УБИТОМЪ ГРОМОМЪ МОЛВІЕЙ.

Суспдка—къ суспдямъ:

Какъ о свѣтломъ Бладычномъ Божьемъ праздникѣ,
На ранной на заутрены воскресной,
Пресвятой Илья пророкъ—свѣтъ преподобной,
Пролеталъ онъ ко Престолу ко Господнему;
И проречетъ Илья Бладыкѣ многомилосливу:
„Ужъ я дамъ да эту тучу неспособную,
„Ужъ я нá это на чистое на полюшко,
„Я стрѣлу спущу въ крестьянина могучаго,
„Заражу да я грудь то его бѣлую;
„Не могу терпѣть велика беззаконья:
„Онъ не ходитъ-то крестьянинъ во Божью церковь,
„Онъ не молится-то Богу отъ желаньица,
„О души своей крестьянинъ не спахается,
„Да онъ въ тяжкіихъ грѣхахъ попу не кается.

Испроговоритъ Бладыко свѣтъ тутъ милосливой,
Преподобному Ильѣ да онъ громовному:
„Што ты хочешь Илья—въ волюшку все творишь“.
Какъ по этой по разливной красной веснушкѣ,
На троицкой то было на недѣлюшкѣ,
Накрывать стала крестьянская работушка,
Стали па́хари на полѣ объявлятися;
Тутъ повыѣхалъ спорядной нашъ сусѣдушко,
Онъ въ раздольице повыѣхалъ въ чисто поле,
На эты на роспашисты полосушки.
Съ утра жа́лобно вѣдь солнце воспекало,
Была ти́шинка на ши́рокой на уличкѣ;
На часу́ вдругъ тутъ е да объявилося,
Стало солнышко за о́блака тулятися,
Наставала туча темна—неспособная,
Со громомъ да эта туча со толкучіимъ,
Вдругъ со молвіей-то тученька свистучей,
Со этыимъ огнемъ да она плящіимъ;
На горы шла туча на в лсокія,
Горы съ этой тучи порастрескались,
Мелки камышки со страсти покатилися;
Уже шла да грозна туча эта темная,
По лѣсамъ шла она по дремучіимъ,
Лѣса къ зени съ этой тучи приклонилися,
По ко́решку онѣ всѣ приломалися;
Уже такъ да шла грозна эта тученька,
Въ темномъ лѣсѣ дики звѣри убоялися,
По своимъ мѣстамъ звѣри убиралися;
Становилась туча темна на сине море,
Сине море со дна все расходилося,
Страшно—у́жасно тутъ море разшумѣлося;
Съ луды камни оно тутъ вырывало,
Волной на берегъ оно да ихъ бросало;

Въ синемъ—морѣ бѣлы рыбы убоялися
По своимъ станамъ рыбы размѣталися;
По селамъ пошла туча деревенскіимъ,
Знать, деревнями то туча разгремѣлася,
Мать сыра земля со грому издрожалася;
Съ тучи добрыи дома да пошатились;
Со чиста поля крестьяна убирались,
Во своихъ домахъ оны да сохранялись;
Съ этой страсти крестьяна съ перепóлоху,
Затопляли свѣщи да воску ярова,
Тутъ молили оны Бога отъ желаньица,
Оны кланялись во матушку сыру землю:
„Спаси Господи вѣдь душъ да нашихъ грѣшныхъ,
„Отъ стрѣлы ты сохрани да насъ отъ молвіи,
„Пронеси Господи тучу на чисто поле,
„На чисто поле тучу, за сине море!
На чисто поле тутъ туча своротилася,
Страшно ужасно тутъ туча разгромѣлася,
Очень плящіи огни да разгорѣлися;
Все вѣдь думалъ-то спорядной нашъ сусѣдушко,
Торокóмъ да пройде темна эта тученька;
Становился подъ кудряву деревиночку...
Стрѣла Божія тутъ вдругъ да разлетѣлася,
Не на воду вѣдь стрѣлушка, не на́ землю,
Не на звиря въ темномъ лѣсушкѣ съѣдучаго,
Она пала на сусѣда спорядоваго —
Изорвала все ретливое сердечушко; —
Заразилъ—побилъ Илья—свѣтъ Преподобной
Да онъ славнаго крестьянина могучаго.
Туча темная заразъ-же—уходилася,
Стрѣла—молвія за разъ-же—пріукрылася,
Вдругъ порóспекло тутъ красно это солнышко...
Какъ схватилася спорядная сусѣдушка,

За свою она надежную головушку:
Гдѣ отъ тучи—отъ молвіи сохраняется.
Подъ какой да деревиночкой спасается,
Подъ малымъ-ли ракитовымъ подъ кустышкомъ,
Аль сидитъ онъ на катучемъ бѣломъ камышкѣ;
Тутъ вѣдь бросилась спорядная сусѣдушка,
По селу она пошла да деревенскому,
Тутъ въ раздольице броси́лась во чисто поле,
Скоро шла да по распашистымъ полосушкамъ,
Вдругъ увидѣла ступистую лошадушку,
Доброй конь стоитъ—головушка наклонена;
Тутъ ужахнулось ретливое сердечушко,
Не видать да все надежноей головушки.
Тутъ глядѣть стала по чистому по полюшку,
Какъ сглянула на курчаву деревиночку,
Стоитъ деревце теперь—въ щепу разломано,
Ко сырой землѣ вѣдь деревце приклонено;
Тутъ броси́лася къ кудрявой деревиночкѣ,
Какъ лежитъ ей—на надежная головушка,
На матушкѣ лежитъ да на сырой землѣ,
Бѣла грудь его стрѣлой этой прострѣлена.
Ретливо сердце все молвіей разорвано,
Бѣлы рученьки его да пораскинуты.
Задрожала тутъ побѣдная семеюшка,
Испугалася надежноей головушки;
Нѣту душеньки его да во бѣлой груди.
Нѣту зрѣнья у его да во ясныхъ очахъ.
Во устахъ его языкъ да не воротится,
Какъ убитъ—лежитъ надеженька подстрѣленой,
Отъ страсти онъ, надежа, тучи темной...
Воротилася побѣдная сусѣдушка
Она взадъ да во село тутъ деревенское,
Со роздольица—побѣдна—со чиста поля,

Объявила тутъ сусѣдямъ спорядовымъ,
Какъ надѣлала тревоги всему обчеству,
Безпокойства то крестьянамъ православнымъ;
Караулъ да къ тѣлу мертву полагали,
Къ становому тутъ нарочныхъ отправляли.

Ко вдовѣ—женѣ убитаго:

Ты послушай спорядовая сусѣдушка:
По суду ли то теперечко по Божьему,
По велѣнью-ли то нунько по Господнему,
Было множество народу на чистомъ полѣ;
Какъ увидли темну тучу неспособную,
По своимъ домамъ тутъ всѣ вѣдь убиралися;
Твоя милая надежная головушка
Супротивникъ знать Владыкѣ многомилосливу,
Онъ съ бахвальства во чистомъ полѣ остался,
Со бѣлымъ свѣтомъ вѣдь онъ да поразстался,
Какъ убиту эту смерть онъ получилъ;
Душа грѣшная пошла безъ покаянья,
Тѣлеса его лежатъ безъ поминанья,
Не придаютъ да ихъ ко матушкѣ сырой землѣ.
Пріѣдутъ какъ судьи неправосудныи,
Будутъ пáтрошить надежную головушку,
По частямъ рѣзать по мелкіимъ кусочикамъ;
Какъ распорютъ его грудь да эту бѣлую,
Какъ повынутъ то сердечушко ретливое,
У тебя тутъ у печальной у головушки
Обмирать да стане зяблая утробушка,
Буде жаль тошно надежной головушки.
Ты послушай же спорядная сусѣдушка:
Не жалій бѣдна любимоей покрутушки.

Заложи—снеси крестьянину богатому,
Ты проси да золотой казны по надобью,
Запродай свою любимую скотинушку,
Набери да золотой казны безсчетной;
Какъ пріѣдутъ дохтура да славны лѣкари,
Какъ со этаго со города Петровскаго,
Попроси да бѣдна добрыихъ ты людушекъ,
Своихъ сельскіихъ проси бѣдна начальничковъ,
Писаревъ проси побѣдна хитромудрыихъ,
Штобъ вступились по побѣдной головушкѣ,
Уговорили-бъ дохтуровъ да оны лѣкарей,
Задарили-бъ золотой казной безсчетной,
Штобъ надеженьку твою не патрушили,
Штобы бѣлой его груди не пороли,
Штобъ сердечушка его не вынимали,
Штобъ назолушки тебѣ не надавали,
Штобы придали ко матушкѣ сырой землѣ
Тѣлеса то бы его да безъ терзанья;
Не убойся ты спорядная сусѣдушка,
Говори бѣдна горюшица смѣлешенько,
Ты корись бѣдна съ великоей обидушкой,
Ты упрашивай побѣдна съ горючмы слезмы;
Може, сдобрятся судьи неправосудныи,
Ты сули имъ золотой казны по надобью,
Во потай сули безъ добрыхъ—ты безъ людушекъ,
Тутъ озарятся оны на золоту казну;
Какъ даютъ оны вѣдь, може, приказанье
Сколотить эту колоду бѣлодубову,
Пріубрать твою надежную головушку
И покрыть да этой матушкой сырой землей.
Тутъ зови бѣдна спорядная сусѣдушка,
Какъ поповъ—отцевъ зови бѣдна духовныихъ,
Зазови бѣдна служителей церковныхъ;

Вы возмите-тко со чистаго со полюшка,
Вы во свой домъ—тѣло мертвое—убитое,
Сокрутите въ тонко бѣло полотенышко.
На сдивленьице вѣдь добрымъ столько людушкамъ,
На срѣканьице спорядныимъ сусѣдушкамъ,
Онъ не воръ, кажись, былъ не мошенничекъ,
Онъ не плутъ, кажись, былъ не разбойничекъ,
Не хлопотной былъ въ сусѣдяхъ спорядовыхъ;
Ужъ какой да тяжкой грѣхъ вы сочинили,
Што разгнѣвался Бладыка многомилосливой,
Онъ не спасъ его отъ грому да отъ молвіи,
Не помиловалъ отъ тученьки отъ грозной.
Еще слушай-ко спорядная сусѣдушка:
Ты схоронишь какъ надежную головушку,
Ты во матушку схоронишь во сыру землю,
Ты во погреба опустишь во глубокіи,
Постано́вится крестьянска вся работушка;
У тебя да у печальной тутъ головушки
Раззорится домъ крестьянская вся вѣдь жирушка;
Будешь слыть бѣдна кручинная головушка,
Ты бобылочкой побѣдна сиротиночкой;
Вдругъ отстанешь отъ участковъ деревенскіихъ,
Отлишишься отъ луговыихъ отъ поженокъ,
Ты воспомнишь свѣтъ надежную головушку,
Ты поплачешь на раздольѣ на чистомъ полѣ,
Потоскуешь ты побѣдна въ зеленыхъ лугахъ.
Ты послушай спорядова́я сусѣдушка:
Не впадись въ тоску, великую кручинушку,
Не забыдь *) своей надежноей головушки,
Ты зови бѣдна поповъ отцевъ—духовныхъ,

*) Не забыдь вм. не забудь.

Поминай часто любимую семеюшку;
Знаемъ—вѣдаемъ спорядны мы сусѣдушки,
Была въ живности твоя да какъ надеженька,
Вы не знали спорядовыи сусѣдушки,
Вы не свѣтлаго Христова воскресеньица,
Не Бладычнаго Господня Божья праздничка;
Да вы въ Божью вѣдь церковь не ходили,
Да вы Господу—Бладыкѣ не молились,
Все вѣдь гнались за крестьянскоей работушкой;
Удивлялись многи добрыи вамъ людушки,
И срѣкались спорядовыи сусѣдушки.
Уже вамъ да все побѣднымъ головушкамъ.

. . . . . .

XVII.

ПЛАЧЪ О ПОТОПШИХЪ.

Дочь—вопитъ.

Снарядились мы за славное Онегушко
Во утлой малогребной этой лоточкѣ,
Съ сусѣдямы безсчастны не простилися.
Милосердому Бладыкѣ не молилися,
Воску ярова свѣщей не затопляли;
Знать судинушка по бережку ходила,
Страшно ужасно голосомъ водила,
Во длани судинушка плескала,
До суженыхъ головъ да добералась.

Тутъ отъ бережка побѣдны откачнулися,
Отъ крутóва мы безсчастны отпѣхнулися,
Въ руки брали мы веселышка дубовыи,
Отправлялися за сине это морюшко;
Выѣзжали какъ на славное Онегушко;
Повѣвать стали вѣтрышки способныи
И мы мачты тутъ дубовы становили,
Тонки бѣлы паруса мы распустили;
Вдругъ по нашему великому несчастьицу,
По судьбы видно нашей безталанной,
За тяжкое велико согрѣшенье,
По Божьему Господню повелѣнью,
Съ подхолодной съ подсиверной сторонушки,
Вдругъ óблака скорешенько сходилися,
Наставала туча темна неспособная,
Безъ дождя туча темная безъ молвіи,
Подымалася погода непомѣрная;
Вкрутѣ буйны эты вѣтрышки завіяли,
Съ торокáмы эты вѣтры да вѣдь съ западомъ;
Со хоромышковъ соломы посрывало,
Со могилушекъ кресты всѣ сокидало;
На синемъ морѣ вода вдругъ сколыбалася,
Очень страсть какъ волна-то расходилася;
Пошла рóзсыпь на синемъ морѣ великая;
Тутъ дубова эта мачта приломалась,
Мала лоточка у насъ да сколыбалась,
И склянешенька воды тутъ наливалася;
Добры людушки во лоточкѣ спугались,
Дубовыи веселки съ рукъ повыпали;
Съ этой страсти великой съ перепóлоху
Мы съ дý-другомъ народъ вѣдь не простилися
И ясныхъ своихъ очь да не крестили;
Мы незнали того сами добры людушки,

Какъ смахнуло середи эта Онегушка —
Во этую воду во глубокую:
Утонулъ отецъ съ дитемъ да со родимымъ,
Онъ со малымъ своимъ да недорóсточкомъ;
Единá бѣдна дочи́ я оставалася,
На синемъ морѣ дѣвица я шаталась,
Трои суточки побѣдна колыбалась;
Со слезамы тутъ молитовку творила,
Со горючима Пречистой Богородицѣ:
„Ты спаси меня царица свѣтъ небесная!
„Сохрани меня Микола многомилосливой!
„Буйны вѣтры въ чистомъ полѣ укротились-бы,
„На синемъ морѣ волна да уходилась-бы;
„Да ты дай-ко теперь Боже дай-ко Господи
„Тиху тишиньку на синемъ на Онегушкѣ,
„Благодать да ты на кругломъ этомъ морюшкѣ,
„Мала лоточка теперь бы не шаталася,
„Уже я бѣдна дѣвица не пугалась-бы;
„Хоть прибило бы малу эту лоточку,
„Въ острова хоть прибило не въ бывалыи,
„Въ берега бы стащило незнакомыи.
Съ этой страсти у меня съ перепóлоху
Обмирае моя зяблая утробушка,
Измѣнилось у побѣдной бѣло личушко,
Красота съ лица дѣвóчья потерялася;
У мня стояци во малой утлой лоточкѣ,
За эту за дубовую оклочинку,
Перетерло у мня тонки бѣлы пéрески,
Пріотерпли тутъ дѣвоцьи бѣлы рученьки,
Пріозябли у мня рѣзвы эты ноженьки,
Задрожалося ретливое сердечушко;
Отъ тошнá горя горюша стала плакать,
Стала думать я безсчастна своимъ разумомъ,

Поклонюсь на всѣ четыре на сторонушки;
„Ты прости, прости теперь да бѣлой свѣтушко!
„Ой, ты красное прости да поньку солнышко!
„Ты прости меня родимая сторонушка!
„Отдали́ прости родитель моя матушка!
„Вы простите спорядовыи сусѣдушки!
„Тайны—милыи простите поровѣ́чнички!
„Другъ—совѣтныя простите мои по́дружки!
„Ты прости да на бѣломъ свѣтѣ́ живленьице!
„Прости Господи во тяжкомъ согрѣшеньѣ!
Знать судьба меня дѣвицю повзыскала;
Гля меня видно погода поднималась,
На синемъ морѣ волна да сколыбалась,
Едина́ я въ малой лоточкѣ осталась;
Сговорю еще единое словечушко,
Сотворю да я Ісусову молитовку,
Да я крестъ кладу побѣдна по писаному:
„Ты повыручи Бладыко многомилосливой,
„Ты повыздынь-ко побѣдну со синя моря,
„Не придай мнѣ-ка смерти ты напрасной;
„Буде Господи Бладыко свѣтъ помилуешь,
„Я ходить стану во церковь посвященную,
„Я къ заутренямъ ходить да ко воскр снымъ,
„Я къ обиденькамъ ходить да ко Христовьскимъ,
„По вечеренькамъ ходить буду по Троицкимъ,
„По измогѣ я свѣщи да ставить ярыя;
„Запродамъ да я любимую покрутушку,
„Я придамся ко крестьянину богатому,
„Я во лѣтныи ему во работнички,
„Я во зимныи ему во коровнички,
„Я возьму да золотой казны безсчетной,
„Попрошу да я поповъ отцевъ духовныхъ,
„Я служителей побѣднушка церковныхъ,

„Прослужу да я молебенъ Богородицѣ,
„Я другой да тутъ Бладыкѣ многомилосливу,
„Отложу да я гульбища со весельицемъ,
„Отмѣню да тихомѣрны всѣ бесѣдушки,
„Я заброшу всѣ унылы эты пѣсенки.
Какъ на синемъ морѣ побѣднушка шаталась,
Много страсти я побѣдна привидала,
Много страньства я побѣдна притерпѣла;
Нерадію я побѣдна во добры люди
Этой страсти я великой на синемъ морѣ,
День и ночь да въ малой лоточкѣ шатаютца.
Знать молитовки ко Господу доходныя,
Сожалѣла Пресвята мать Богородица,
Стала ти́шинька на синемъ на Онегушкѣ,
Бѣлой свѣтъ да сталъ на ши́рокой на уличкѣ;
Мала лоточка вѣдь вдругъ да становилася,
Къ круту бережку она да пришатилася;
Я некакъ да не могу тутъ образумиться,
Взять я умъ—разумъ во буйную головушку,
Уже такъ бѣдной горюшѣ мнѣ все кажется,
Бывъ на си́немъ я на славномъ этомъ морюшкѣ;
Тутъ Ісусову молитву сотворила,
Я на крутой, красной берегъ выходила,
Я сама того побѣдна раздивилася:
Знать по моему дѣвочьему моленьицу,
По Бладыкину знать нонь благословленьицу,
Вдругъ прибило тутъ ко кру́тому ко бережку;
Я гляжу бѣдна горюша прюдумалась,
За како-жъ да это мѣсто незнакомое,
Ужъ я во́ вѣки вѣдь здѣсь не бываютца.
Тутъ я сѣла на катучей бѣлой камышекъ,
Я подъ этотъ подъ ракитовой подъ кустышекъ,
Я схватилась за родителя за батюшка,

Я за свѣтушка братца за родимаго,
Во синемъ морѣ оны, може, шатаются.
По раздумаюсь побѣднымъ своимъ разумомъ:
Я пойду да по дубравушкѣ зеленой,
Я по темной этой рощѣ по еловой,
Я вокругъ пойду по кру́тому по бережку,
Я глядѣть стану на всѣ на три-четыре на сторонушки;
Примѣчать стану печальная головушка,
Я по буйному глядѣть стану по вѣтрышку,
Я по облачкамъ глядѣть стану ходячіимъ,
Въ день по красному смотрѣть буду по солнышку,
Съ какой сто́роны вѣдь вѣтры развѣваются,
Куды темныи лѣса да нагибаются,
Въ кою сто́рону идетъ да красно солнышко,
Отъ востока ли оно идетъ ко западу,
Далеко ль моя родимая сторонушка;
Вокругъ о́строва пойду я краснымъ бе́режкомъ,
Призагрію эты рѣзвы свои ноженьки,
Розману́ да я безсчастны свои рученьки.
Роспеки да теплое красное ты солнышко,
Обогрѣй мое безсчастно ретливо сердче,
Ты дѣвоцьи побѣдны мои плечушки!
Обумѝсь моя безсчастна буйна го́лова!
Оглядитесь на свѣтъ ясны мои очюшки!
Повзыскать пойду родителя я батюшка,
Во вторыхъ да свѣтушка братца родимаго,
Я сердечнаго повозничка любимаго,
Не прибили-ль ко кру́ту красну бе́режку;
Погляжу бѣдна кручинная головушка,
Межу этыма катучима я камышкамъ,
На камышкѣ-ль оны да не терзаются?
У бережка оны да не качаются-ли?
Черны во́роны тѣлесовъ ихъ не таскаютъ-ли?

Собаки ихны костья не волочать-ли?
Во тяжкіихъ грѣхахъ—безъ покаянія,
Они приняли смерётушку напрасную;
Тѣлеса у ихъ пойдутъ безъ погребенія,
Не при́даны ко матушкѣ сырой землѣ;
Призавіе буйнымъ вѣтрышкомъ,
Призагріе краснымъ солнышкомъ,
Западётъ тѣло снѣжечикомъ перистымъ;
Не знаемъ мы побѣдныя головушки —
Не умершей мы ихной тамъ могилушки!
Лучше далъ бы Господь скорую смеретушку,
На своей бѣлой, брусовой имъ на лавочкѣ,
Во своемъ домѣ крестьянской-бы во жирушкѣ;
Мы попонъ отцевъ вѣдь тутъ да попросили-бы,
Въ Божью церковь посвященну мы сносили-бы,
Честно—именно вѣдь ихъ похоронили-бы;
Мы-бы знали, гдѣ могилушка умершая,
На Бладычной Божій праздничекъ сходили-бы,
Спомянули тутъ мы ихъ да попахали-бы!

. . . . . .

Я пойду еще печальная головушка,
Я по славному, по кру́тому по бережку,
Я глядѣть стану, сиротна красна дѣвиця,
Малыхъ лоточекъ на синемъ на Онегушкѣ,
Я ловцевъ глядѣть на луды на подводной;
Я кричать буду горюша тухлымъ го́лоскомъ,
Не убойтесь-ко народъ, не устрашитесь-ко,
Вы возьмите сироту да переймите-тко,
Души спасенье своей да залучите-тко.
Знать, по моему талану по великому,
Вдругъ захлопали весёлышка дубовыи,
Показалась малогребна эта лоточка;
Вдругъ наѣхали ловцы да добры мо́лодцы,

Хоть ко бережку оны да становилися,
Оны въ лоточкѣ стоятъ да устрашилися,
На меня бѣдну горюшу оглядилися.
Сговорятъ да тутъ ловцы-то добры мо́лодцы,
Уже што это—за чюдо обчюдилося,
Человѣкъ стоитъ на крутомъ этомъ бе́режку,
Што вѣдь горькима слезама уливается,
Што великой кручиной утирается?
Тутъ повышли-то ловцы да добры мо́лодцы,
Со этой малогребной оны лоточки,
На этотъ на кру́той—красной бе́режекъ;
Туть я пала горюша о сыру землю,
Приклонилася побѣдна во рѣзвы ноги,
Стала клубышкомъ во поженькахъ кататися,
Стала червышкомъ побѣднушка свиватися,
Горючима слезмы да ихъ ножки обливать:
Не убойтесь-ко народъ да не страшитесь-ко,
Вы возмите сироту да переймите-ткось,
Вы свезите-тко въ какое е селенье!
Оны по́дняли побѣдну отъ сырой земли,
Стали спрашивать побѣднушку вывѣдывать,
„Ты откуль взялась теперь да съ кѣмъ ты ѣздила,
„Вы за красныма-ль поѣхали за ягодмы?
Отвѣчала я побѣдна слезно плакала.
Говорятъ еще ловцы да добры молодцы:
„Ты давно-ль взялась на кру́той здѣсь на бе́режокъ?
Уже слушайте народъ да люди добрыи,
Вы повирьте-тко побѣдной мнѣ головушкѣ:
Я не знаю то побѣдная не вѣдаю —
Отъ толку́ сказать побѣдна по хорошему;
Не за красныма поѣхали за ягодмы,
Мы отправились за сине за Онегушко,
Со родителемъ своимъ я со батюшкомъ,

Во вторыхъ да я со братцемъ со родимымъ,
Какъ въ третьйхъ да я съ сусѣдомъ спорядовымъ.
Вдругъ по нашему великому несчастьицу,
Какъ по этому злодѣйну безталаньицу,
Вдругъ поднялася погода непомѣрная —
Призавіяли тутъ буйны столько вѣтрышки —
Потопило всѣхъ побѣдныхъ головушекъ,
Милаго споряднаго сусѣдушка,
Желаннаго родителя батюшка,
Сердешнаго свѣта—братца родимаго;
Я не знаю то безсчастная головушка.
Ужъ я какъ спаслась побѣдна сохранилась,
Трои суточки шаталась во Онегушкѣ;
Знать, не сужено побѣдной мнѣ головушкѣ,
Потонуть да мнѣ на синемъ на Онегушкѣ;
Малу лоточку теперь да пришатало,
Къ круту бережку вѣдь ю да прибивало;
Сохранилъ меня Господи помиловалъ,
Отъ бѣды—смерти побѣднушку напрасной,
Отъ воды меня горюшу отъ глубокой!
Кабы знали про то свѣтушки бы вѣдали,
Сколько страсти—приняла я сколько ужасти!
Вы возьмите-тко скорѣе люди добрыи,
Переймите-тко ловцы да добры мо́лодцы,
Вы во эту малогребну меня лоточку,
Холоднешенька, побѣдна, голоднешенька.

. . . . . .

Меня взяли тутъ ловцы да добры мо́лодцы
Во эту малогребную во лоточку.
Отвезли меня за синее Онегушко,
На милую родимую сторонушку.
Удивилися народъ да люди добрыи,
Устрашалися сусѣди спорядовыи,

Это што теперь за чюдо причюдилося,
Со синя моря вѣдь диво объявилося:
Какъ со мертвыхъ она да воставала,
На родимую сторонку доставалася;
Всѣ собралися сусѣди спорядовыи,
Объявили тутъ властямъ да оны сельскіимъ;
Приходили писаречки хитромудрыи,
Садилися къ столу да ко дубовому,
Вынимали листъ бумаженьки гербовой,
Меня спрашивать тутъ стали да вывѣдывать:
„Гдѣ тонули вѣдь вы е да во синемъ морѣ,
„Да ты какъ красна—дѣвиця оставалася,
„На синемъ морѣ ты въ лодкѣ сохранялася?“
Допросушки отъ бѣдной отбирали,
На гербовой листъ бумагу обчинили,
И становому то начальству доносили.
Тутъ боялася побѣднушка, поло́холась,
Какъ пріиде становой да все начальничекъ,
Онъ куды кладетъ побѣдную головушку,
Меня сошлютъ со родимой, може, родинки;
Буду страньствовать побѣдна слезно плакать.
Ужъ какъ я бѣдна, кручинная головушка,
По горямъ теперь побѣднушка по по́зорамъ,
По допросамъ-то пошла да по великіимъ.
Умомъ разумомъ вѣдь набъ да приминитися,
Набъ стоять да предъ начальствомъ не шататися,
Говорить надо побѣдной не мѣшатися.
Отвѣчать буду побѣдна таково слово:
Я не знаю вѣдь горюшица не вѣдаю,
Уже што да вѣдь надъ нама сочинилось;
Буйны вѣтрышки вѣдь е да поразвіялись,
Уже вкрутѣ тутъ волна да расходилася,
Палъ вѣдь то́рогъ теперь да не удольной,

Сильной сиверъ то завіялъ тутъ свирѣпой,
Мала лоточка у насъ да сколыбалася,
Дубова́ мачта на ней да приломалася,
Тонки бѣлы паруса вдругъ обрывалися,
Утонулъ да тутъ родитель милой батюшко,
Свѣта братца тутъ смахнуло-буйнымъ вѣтрышкомъ
Середи да синя-славнаго Онегушка —
Тутъ же бросило спорядная сусѣдушка,
Ихъ смахнуло разомъ въ водушку глубокую;
Я сама себя, побѣднушка, не знала,
Ужъ я какъ да на синемъ морѣ спасалась,
Трои суточки я безъ вѣсти качалась;
Тутъ прибило ко кру́тому ко бережку,
Къ темну острову меня да не къ бывалому;
Тутъ повыпила я на матушку сыру землю,
Я на́ этотъ на крутой—красной бе́режокъ;
Тутъ пріѣхали ловцы да добры мо́лодцы,
Отвезли меня сиротну бѣдну дѣвушку,
На родимую меня да на сторонушку;
Спорядовыи сусѣди собиралися,
Дива дивнаго оны тутъ дивовалися,
Сожалили всѣ печальную головушку.
„Ты помилуй-ко судья да правосудная!
„Ты спаси меня власть да милосердая!
„Не молила я родителю погибели,
„Не топила свѣта братца я въ сине́мъ морѣ,
„Не спустила я сусѣда́ въ глубоку́ воду;
„Знать, судьба да ихъ такая сустигала.
„Ихъ судинушка головъ да повзыскала;
„По Бладыкину Господню повелѣнью,
„Знать, имъ сужено вѣдь смерть принять потопная,
„Потонуть да знать имъ сужено въ сине́мъ морѣ:
„Я не знаю же побѣднушка не вѣдаю,

„Може, прибило гдѣ къ крутому ко бережку,
„Тѣлеса, може, на камышкахъ терзаются,
„Може, птиченька вѣдь ихъ да патаскается.
„Смилосердуйся судья да правосудная!
„Не изъянь-ко ты побѣдную головушку,
„Не зори меня сиротну красну дѣвушку,
„Умня нѣтъ да золотой казны безсчотной,
„Нѣту скатныхъ, перебраныхъ отдать жемчужковъ,
„Задарить тебя судью неправосудную.
Не остра́стилъ-то начальникъ, не сполбхалъ,
Потихошеньку подпалъ онъ къ красной дѣвушкѣ,
Не свирѣпо онъ со мной да разговаривалъ,
Онъ погладилъ-то по бладой по головушкѣ,
Умильнешенько меня да онъ выспрашивалъ:
— „Ты по своему скажи да по дѣвичеству,
— По души скажи теперь да ты по правдушкѣ,
— Ты о страсти своей да скажи ужасти,
— Што случилося у васъ да сочинилося“.
Удивился онъ судьбы моей несчастной,
Сговорилъ онъ мнѣ побѣдной таково слово:
— Вѣрно, Господу молилась отъ желаньица,
— Богородицѣ молилась съ горючмы слезмы,
— Не соробѣла печальна, не сполбхалась,
— Ты шатаютца на синемъ на Онегушкѣ;
— Ужъ какъ этыма темныма-то ноченькамъ,
— Торогъ—буйны очень вѣтры развѣваются,
— Страшно-ужасно вода да колыбается,
— Шибко лоточка теперь да разшатается;
— Ты держалась за дубовую оклочинку,
— Перетерло твои бѣлы эты рученьки.
Сговорилъ да становой ще начальничекъ,
Онъ народу—сговорилъ да людямъ добрыимъ:
„Да вы съиздите за сине за Онегушко,

Поищите тѣлеса да тамъ безъдушныи:
Буде найдете потопныхъ—схороните-тко,
Тѣлеса да ко сырой землѣ придайте-тко

. . . . . .

Къ сусѣдямъ.

Вы послушайте спорядныя сусѣдушки:
Какъ сегоднымъ, учетнымъ—долгимъ годышкомъ
На наше на хоромное строеньице,
Прилетала лѣсова птича незнамая,
Какъ садилась на хоромное строеньице,
Она укала-то птича по звѣриному,
Какъ свистала эта птича по змѣиному.
Ужъ мы тутъ, бѣдны горюши, устрашилися,
Темной ночью отъ крѣпка сна прохватилися,
Это што у насъ за звѣрь да сидитъ—ухаетъ,
И стращатъ да насъ побѣдныихъ—полохаетъ;
Все я думала побѣднымъ своимъ разумомъ,
Знать, бѣда приде побѣднымъ намъ напрасная,
Пожаръ тамъ на хоромное строеньице,
Либо моръ да на любимую скотинушку.
Не начаялась побѣдна не надіялась,
Я надъ милымъ родителемъ надъ батюшкомъ,
Я не думала про братца про родимаго,
Што потопъ буде на синемъ на Онегушкѣ.
Нонь у насъ да у печальныихъ головушекъ,
Така да е обидушка несносная,
Не радѣла бы обидна красна дѣвиця,
Я бы ворону побѣдна во темныхъ лѣсахъ,
Не радѣла бы сусѣдямъ спорядовымъ,
Я потопу бы на синемъ на Онегушкѣ;

Я привидѣла побѣдна много горести,
Натерзалася, побѣдна, напаталась,
Со бѣлымъ свѣтомъ, побѣдна, напрощалася;
Я не думала безсчастна красна дѣвушка,
Што быть да мнѣ побѣдной на святой Руси,
Што ходить бѣдной горюшѣ по сырой землѣ;
Нонь судилъ да Боже Господи,
Мнѣ-ка быть да на родимой на сторонушкѣ,
Во побѣдномъ во сиротскомъ тепломъ гнѣздышкѣ,
На своей мнѣ-ка брусовой бѣлой лавочкѣ;
Знать, подружки обо мнѣ да помолилися,
Видно, дѣвушку меня да пожалили...
Вы послушайте народъ да люди добрыи,
Подойдите-тко души да красны дѣвушки,
Да вы ставьтесь-ко подъ праву ко мнѣ рученьку!
Съ этой страсти у меня да съ перепо́лоху,
Буйна го́лова у бѣднушки не гладится,
Прядка съ прядкой въ русой косы не сплетается,
Побусили жемчуги да перебраныи,
Изоржавѣли колечка золочены!
Бывъ съ того свѣту горюша объявилась,
Со сиия моря горюша выставала!
Не дай Господи того да на бѣломъ свѣтѣ,
Уже быть да вѣдь на страсти такой у́жасти!

Къ матери:

Ты послушай же родитель моя матушка!
Хоть меня да ты родитель спородила,
Во безсчастной день побѣднушку засіяла,
Ты не участью таланомъ надѣляла,
Приносила хоть въ хоромное строеньице,

Не въ большой уголъ меня да полагала,
На кирпичну́ю знать печеньку ложила,
И сосновую лучину подстилала,
Тутъ великимъ безсчастьемъ награждала!
Столько жаль бѣдной горюшѣ мнѣ тошнешенько,
Великаго родительска желаньица,
Свѣтушка—братца родимаго,
И милаго споряднаго сусѣдушка:
Какъ могучій я былъ бы богатырь,
Кабы силушка была у мня звѣриная,
Потяги да у мня были лошадиныя,
Накатала-бы катучихъ бѣлыхъ камышковъ,
Загрузила бы я славное Онегушко,
На синемъ морѣ волна бы не сходилася,
Со желтымъ пескомъ вода бы не мутилася,
Малогребныхъ этыхъ лотокъ не шатало бы,
Тонкихъ бѣлыхъ парусо́въ не обрывало бы,
Безповинныихъ головъ да не топило бы,
Ужъ какъ мужніихъ бы женъ да не слезило бы,
Сиротъ малыихъ дѣтей не оставляло бы!
Теперь все прошло у насъ да миновалося,
Со тоской, горькой кручиной я позналася;
Таланъ-участь на синемъ морѣ оставила,
Мое счастье въ синемъ морѣ утонуло все;
Нонь рѣшилося великое весельице,
Миновалося любимо доброумьице;
Надо слыть да бѣдной дочери безотней,
Какъ печальной сестры да мнѣ—безбратней;
Нонь не краситъ то любимая покрутушка,
Не цвѣтетъ да на мнѣ цвѣтно это платьице;
Какъ не жемчужкомъ головка изнасіяна,
Великоей кручинушкой надѣлена,
Ясны очюшки не сахаромъ насыпаны,

Горючима слезамы принаполнены,
Не несуть меня, печальной, ножки рѣзвыя,
Ужъ какъ на́ этотъ на крутой красной бе́режекъ,
Неглядятъ мои безсчастны очи ясныи,
На синее на славное Онегушко.
Нерадію я побѣдная головушка,
Ужъ я добрымъ горюша столько людушкамъ,
Ходить ѣздить-то теперь да по синю морю,
Во этыхъ малогребныихъ во лоточкахъ....
. . . . . .

XVIII.

ТОЖЕ

О ДВУХЪ БРАТЬЯХЪ, УТОНУВШИХЪ ВЪ ОНЕГѢ ОЗЕРѢ.

Вопитъ—сестра:

Когда мы были глупёшеньки и малёшеньки
У своихъ-то свѣтовъ у родителей,
Много насъ было баженыхъ дѣтушекъ:
Всѣ были малыи да и глупыи.
Когда стали въ полномъ умѣ—разумѣ,
Стали въ полномъ молодецкомъ возрастѣ,
Тутъ разошлись да и разъѣхались

Наши милыи перелетны соколы,
По чужой-то дальной—ознобной сторонушкѣ,
Подъ строго начальство великое;
Посылали-то скорописчаты грамотки,
Нашимъ-то бѣднымъ свѣтамъ родителямъ,
И пріѣзжали-то къ намъ въ рѣдкую любимую гóзебку,
По хорошему-то лѣту красному;
Мы ходили да погуливали
По честнымъ господскимъ праздничкамъ,
По честнымъ хорошимъ гóзебкамъ.
Какъ уѣзжали-то наши милыи братьица,
Изъ рѣдкой любимой гозебки,
Отъ своихъ-то свѣтовъ родителей,
Въ путь дорожку великую,
Что по богатой да по осени;
Какъ поѣхали по темному Онегу свирѣпому—
На гнилой да улыбчатой соемкѣ.
Тутъ расходилася погодушка великая,
Тутъ разбило-то улыбчатую соемку,
Тутъ постигла-то ихъ скорая смеретушка.
Они не видѣли да и не слышали,
Какъ разсталась душа съ бѣлымъ тѣломъ,
Очи ясныя да со бѣлымъ свѣтомъ;
Ихны плавали тѣла да молодецкія
По темному-то Онегу злодійскому;
Ихъ прибило-то къ крутымъ мелкимъ бережкамъ,
Ихъ выкинуло-то на мелкіи пески да на разсыпчаты;
Расклевали ихъ-ны тѣла да молодецкія,
Мелки птички пташечки;
Еще обжорные да черны вóроны
Разносили ихны косточки
По темнымъ-то лѣсамъ да по дремучіимъ,
Ужъ какъ наши-то бѣдныи родители,

Ужъ какъ мы то сестры безсчастныя,
Ужъ мы не знали да и не вѣдали,
Что получимъ вѣсточку не радостную,
Вмѣсто благодарной скорописчатой грамотки;
Ужъ мы не думали умомъ да и разумомъ,
Что мы потеряемъ потеряшечку,
Потеряшечку да мы безцѣнную —
Какъ своихъ-то дорогихъ братцевъ,
Своихъ-то младыхъ перелетныхъ соколовъ;
Ужъ намъ не видать ихъ да и по вѣку.
Хотя много мы видимъ перелетныхъ соколовъ,
Хотя къ намъ много ѣздитъ добрыхъ молодцевъ,
Ужъ мы не можемъ прибрать умомъ да разумомъ
Милыхъ ясныхъ соколовъ—своихъ братцевъ;
Видно, все прошло да и миновалося.
Ужъ не въ пору́ да и не во́ время,
Намъ пришла тоска—горе великое:
Что по той-то по богатой по осени
Пройдетъ холодная зима да студеная,
Пройдетъ теплая весна да унывная,
Придетъ хорошее-то лѣто красное;
Всѣ слѣтятся да птички пташечки,
Всѣ мелкія да пташечки заморскія,
И станутъ слетаться младые соколы
Младые соколы-перелетные,
Станутъ вить тепловитыи гнѣздышка:
У насъ-то у бѣдныхъ у безсчастныхъ родителей
Какъ разошлись да и разъѣхались,
Милыи то баженыи дѣтушки —
Наши младыи ясны соколы,
По чужой-то дальней озноб̀ной сторонушкѣ,
И одни уѣхали въ путь дороженьку невозвратную.
Какъ придетъ та пора да времячко,

Какъ честной то годовой праздничекъ,
Ильѣ-то пророку да многомилосливому,
Когда пріѣзжали то къ намъ дороги гостиньки
Наши милыи родимыи братьица,
На родную то любимую гӧзебку, —
Теперь кого станемъ ждать да дожидатися?
Еще пуще станемъ ждать да дожидатися,
Когда сойдемъ на трудную работку крестьянскую,
Еще въ чистыя то поля да широкія.
Мы приоскинемъ свои-то очи ясныя
Далекимъ далекошинько, на всѣ четыре стороны;
Ужъ мы станемъ глядѣть да углядывать
Своихъ-то милыхъ братьицевъ,
Что не придутъ ли наши ясныи соколы,
Они—яблони да кудреватыя,
По прежней порѣ да по времячку,
На трудную работку на крестьянскую.
Они ходили къ намъ въ чисты поля да широкія,
Помогали намъ работать трудную работку крестьянскую
Ужъ мы ждали да не дождалися, —
Видно вѣкъ не дождаться да и по́ вѣку.
Ужъ мы сестры горюши горегорькія,
Ужъ мы сядемъ на сѣрыи камешки,
Ужъ мы станемъ коковать
Какъ безсчастныя кокушечки,
Ужъ мы станемъ коковать
Какъ кокушки въ сыромъ бору;
Ужъ видно вѣкъ коковать да и повѣку, —
Видно, вѣкъ невидать милыхъ братьицевъ:
Хотя много идетъ протяжныхъ годичковъ,
Мы не можемъ забыть тоски-обиды великія;
Пуще долить эта тоска горегорькая,
Когда придутъ честныя годовы празднички,

Либо ихъ-то дни ангельски Господніи.
Мы не думали умомъ да и разумомъ,
Ужъ мы не думали поминать такъ скоро
Своихъ братьицевъ родимыихъ;
Ужъ мы думали своимъ глупымъ умомъ да и разумомъ
Мы думали играть хорошія, веселыя свадебки —
Видно на́ вѣкъ тоска пришла да и по-вѣку.

XIX.

ПЛАЧЪ О УПЬЯНСЛИВОЙ ГОЛОВУШКѢ.

Жена покойнаго вопитъ:

Какъ вчерашнимъ то Господнимъ Божьимъ де́нечкомъ
У этой Божьей церквы посвященной,
У матушки Пречистой Богородицы,
Былъ Бладычной-то Господень Божій праздничекъ.
Собиралися народъ—да люди добрыи,
Соѣзжалися вси сродчи—милы сроднички.
Мы повыстали поутрышку ранешенько,
Ужъ я стряпала стряпню тутъ суэтливую,
Да я ладилась къ Бладычному ко праздничку;
Я спросилась у любимоей семеюшки,
У пристаршей богоданой въ домѣ матушки;
Тутъ давалася печальная головушка
Я у пьянсливой надежноей сдержавушки
Ко моей милой сестричушкѣ родимой:

„Ты возьми меня печальную головушку„.
Говорила мнѣ упьянслива головушка:
— Рано ладишься къ Бладычному ко праздничку,
— На брусовой поостанешься на лавочкѣ“.
Ужъ онъ впрягъ скоро ступистую лошадушку,
Онъ во этыи во санки самокатныи,
Онъ не взялъ меня печальноей головушки
Погостить да ко сестричушкѣ родимой,
Повидаться мнѣ побѣдной съ родомъ племенемъ;
Поосталась во хоро́мномъ я строеньицѣ,
Шла я—за́перла воротичка дубовыи,
Да я сѣла на брусовую на лаво́чку,
Тутъ подъ малое косѣвчато окошечко;
Я глядѣть стала на ши́року на уличку,
Я смотрѣть да на спорядныихъ сусѣдушекъ:
Поѣзжаютъ какъ въ снарядноей покрутушкѣ,
Ужъ какъ добрыя жены со мужѐвьями;
Я раздумалась побѣдна, порасплакалась,
Подъ косѣвчатымъ я сидяци окошечкомъ,
Подъ туманноей стекольчатой околенкой;
Тутъ я тяжкаго грѣха-то залучила,
Мужу скорую смерётушку молила. —
Не сдивуйте-тко народъ да люди добрыи,
Помолила што я скороей смеретущки;
Удолила все тоска меня великая,
Ушибать стала злодійная кручинушка;
Хотя-жъ не взялъ ко Бладычному ко праздничку,
Не гля праздничка горюша за обидилась,
Не гля гостьица горюша закручинилась.
Вы подумайте народъ да люди добрыи,
Вы повѣрьте-тко побѣдной мнѣ головушкѣ,
Я съ досадушки словечко сговорила.
Недай Боже вѣдь того, да Боже Господи,

Не радію многимъ добрыимъ я людушкамъ,
Столько жить да вѣдь за горькима за пьяницамъ.
Ужъ какъ я жила печальная головушка
За безумной за надежноей державушкой,
По царевымъ кабакамъ да находилася,
У питейныхъ я домовъ да настоялася,
Я завыручку глядѣла—надрожалася,
Назвалась свою надежицу накланялась,
Я безчестьица побѣднушка наслухалась,
Ужъ я смертныихъ побоевъ натерпѣлася;
Онъ стыдилъ меня, безчестилъ при добрыхъ людяхъ;
Кажись, дому я житья да не послѣдняго,
Отца—матушки я дочь была разумныихъ;
Вѣкъ судьячила побѣдна я головушка,
На своихъ я на желанныихъ родителей,
Што повыдали на чу́жу на сторонушку.
За упьянслива блада сына отечьскаго;
Кажись, зна́комъ былъ остудникъ бладъ отечьской сынъ
Да я шесть жила учетныхъ за нимъ годышковъ,
Онъ вѣдь темныя то ноченьки прохаживалъ,
До полуноци онъ ве́чера просиживалъ,
По этымъ по царевымъ большимъ ка́бакамъ,
Испивалъ да онъ хмѣльны эты напиточки;
Раззорялъ да онъ крестьянску нашу жи́рушку,
Ужъ онъ пропилъ-то снарядно мое платьицо,
Произвелъ мою жемчужную подвѣсточку,
Онъ на винны пропивалъ да все на чарочки;
Сожидала я побѣдна до полуноци,
Я сидѣла подъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
Рѣзвы поженьки держала на дороженькѣ,
Бѣлы рученьки держала на заложечкѣ,
Буйну го́лову горюша во окошечкѣ,
Ясны очюшки держала во чистомъ полѣ;

Такъ сжидала горьку пьяницу—пропоицу:
Ужъ онъ пьянъ, не пьянъ иде да все шатается,
Надо мной бѣдной горюшой надсмѣхается;
Я навидѣлась побѣдна непріятностей,
Я намыкалась побѣдна много горести;
Со двора пропилъ любимую скотинушку,
Со конюшеньки смѣнялъ да коня добраго,
Заложилъ да онъ участки деревенскіи,
Запродалъ да онъ луговы эты поженки,
Всю онъ пропилъ золоту казну безсчетную.
Хоть онъ съѣхалъ ко Бладычному ко праздничку,
Я ждала бѣдна горюша день до вечера,
Не спала да я всю темну эту ноченьку,
Просидѣла подъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
Проглядѣла на путь широку дороженьку;
Пріѣзжали многи добры эты людушки
Отъ Бладычнаго Господняго отъ праздничка,
Я спросила у спорядныихъ сусѣдушекъ,
„Вы скажите мнѣ сусѣдушки—голубушки,
„Не видали-ли надежной тамъ головушки?
Говорили мнѣ спорядныя сусѣдушки:
— Ты не спрашивай горюша не вывѣдывай
— Про упьянсливу надежную головушку,
— Ужъ онъ пьянъ ходитъ у Божьяго у праздничка,
— Тутъ поставлена ступистая лошадушка.
Возгорчилась я побѣдна—нарасплакалась,
„Буди проклята судьба моя несчастная,
„Горька участь-то моя да неталанная;
„Лучше матушка меня не спородила бы,
„Иль замужьицемъ меня не надѣлила бы.
Какъ сегодня, сего дѣнечка Господняго
Я ставала хоть по утрышку ранешенько,
Не ключовой водой да умывалася,

Я не въ тонко полотно да утиралася,
Я не спомъ да темну ночку коротала вѣдь,
Дума думушку побѣдной пошибала,
Въ сонъ головушка была да не приклонена;
Все я думала побѣднымъ своимъ разумомъ,
Што запьется вѣдь законная державушка;
Такъ повышла я на ши́року на уличку,
Бѣлой свѣтъ да вдругъ разсвѣтился;
Я сглянула на путь ши́року дороженьку,
Какъ идетъ да тамъ ступистая лошадушка,
Человѣкъ сидитъ на санкахъ незнакомой.
Тутъ ужа́хнулось ретливое сердечушко,
Обмирать да стала зяблая утробушка;
Поразду́малась побѣднымъ своимъ разумомъ:
Я дожду эту ступистую лошадушку,
Я спрошу у этыхъ добрыихъ у людушекъ,
Про свою спрошу надёжную головушку;
Подходить стала ступистая лошадушка,
Ко мо́ему крылечику переному,
Ко мо́ему теперь да широку́ двору;
Пятисоцкіи сидятъ да со разсыльными
Какъ на этыихъ на санкахъ самокатныихъ;
Сговорятъ мнѣ-ка побѣдной таково слово:
„Нѣту въ живности твоей милой державушки“.
Тутъ задумалась печальна я головушка:
Ужъ гдѣ да пришла скоряя смерётушка,
Потихошеньку побѣднушкѣ скажите-тко,
Не во всѣ люди горюшѣ объясните-тко,
Во царевомъ ли пришла да ему ка́бакѣ,
Аль застынуль онъ на ши́рокой на уличкѣ.
Говорили мнѣ побѣдноей головушкѣ:
Сустигала его скоряя смёретушка,
Какъ во этомъ во царевомъ, большомъ ка́бакѣ,

За винной сустигала его рюмочкой,
Запивался то вѣдь онъ да въ зелено вино,
Очень сложъ былъ до сладкой онъ до водочки;
Вы послушайте народъ да люди добрыи!
Проливаю хоть безсчастна горюци слезы;
Не сдивуйте мнѣ-ка добры того людушки,
Не жалію я надежноей головушки,
Раззорилъ да онъ крестьянску нашу жирушку,
Онъ повыносилъ довольны эты хлѣбушки;
Поостались мы побѣдныи головушки,
Середи грязи горюши на погибель;
Не видали-то сердечны мои дѣтушки,
Вѣкъ желанья отъ родителя отъ батюшка,
Не пошиты по рѣзвымъ ногамъ сапоженьки,
Не положены по плечамъ теплы шубоньки;
Оны ласкова словечка не слыхали,
Не спахнулся-то родитель до ихъ батюшко,
Не приголубилъ ихъ ко бѣлымъ ко рученькамъ,
Не гладилъ ихъ по бладой по головушкѣ;
Обиждалъ да все сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ,
Изгонялъ ихъ изъ хоромнаго строеньица,
Не давалъ да имъ довольныхъ этыхъ хлѣбушковъ.
Не несли бы теперь рѣзвы меня ноженьки,
Во злодѣйной бы теперь да во царевъ кабакъ!
Меня отдали на чужу какъ сторонушку,
Знать, не участью—талаиомъ надѣлили,
Злымъ великіимъ безсчатьемъ наградили;
Ужъ какъ этое злодійное безсчастьице,
Впереди да въ Божью церковь приходило,
Впереди да райскихъ дверей становилось,
Подъ златымъ оно вѣнцемъ да принасѣло,
На буйную мою оно головушку;
Ужъ какъ этое злодійное безсчастьице,

Кругъ налоя впереди да обскочило,
Впереди да въ путь дорожку снаряжалось,
На судимую сторонушку скатилося,
За дубовой столъ безсчастье собиралося,
Во почéстной во большой уголъ садилося,
За праву руку безсчастье ухватилося:
Послѣ этаго вѣнца вскорѣ злачонаго,
Послѣ этаго стола да княженецкаго,
Ко моей милой надежной тутъ головушкѣ,
Вдругъ пришло да вѣдь великое безумьицо;
Знать по моему злодійну безталаньицу,
Наступили злыи люди—не хорошіи,
Погубили тутъ надежную головушку;
Со той порушки вѣдь онъ да съ того времечка,
Почастýсталъ во царевъ кабакъ захаживать;
Набоялася побѣдна—наполóхалась,
Настоялась у дверей я у дубовыихъ,
Сожидаюци надежную головушку.
Тутъ я Господа Бладыку попросила,
За лихихъ людей я Бога помолила:
„Спаси Господи людей да нехорошихъ,
Отлей Господи да людямъ этымъ злымъ,
Стри́ть ихъ Господи на втóромъ на пришествіи,
Хто сгубилъ мою надежную головушку,
Раззорилъ нашу крестьянску эту жирушку.
Приходить стане Бладычной Божій праздничекъ,
Да какъ свѣтлое Христово воскресеньицо,
Говорить стану печальная головушка,
Я упьянсливой надежноей сдержавушкѣ,
Стану плакать я горюша, уговаривать:
„Обратись моя любимая семеюшка,
„Ты отстань да все отъ сладкой этой водочки,
„Ты отъ этыихъ отъ винныихъ отъ рюмочекъ,

„Ты спахнись да о души своей о грѣшной,
„Ты иди да въ Божью церковь посвященную,
„Помолись да ты Богу отъ желаньица,
„Ты покайся-тко попу отцу духовному,
„Може, вбзратитъ Бладыко многомилосливой,
„Да на доброй тебя путь онъ на хорошой;
„Може, дастъ Господь духовна ума—разума,
„Ты забросишь всѣ хмѣльны эты напиточки.
Возгорчится свѣтъ надежна тутъ головушка,
Испромолвитъ мнѣ единое словечушко,
— „Ты несчастная пришла да неталанная,
— Хоть я бралъ тебя жену себѣ по разуму,
— По уму да бралъ семью себѣ по совѣсти,
— Ужъ какъ нѐ зашло талану мнѣ-ка участи".
Тутъ сустигло вдругъ великое безсчатьице,
Онъ не слушалъ-то вѣдь добрыхъ столько людушекъ,
Ужъ онъ Господа Бладыки не боялся,
Роду племени вѣдь онъ да не стыдился,
Родной матушки своей онъ не страшился.
За его, знать, за велико беззаконье,
Пошла душенька его безъ покаянья;
Какъ свели его—смутили эты демоны
Во этотъ злодійной во царевъ кабакъ,
Запивался да онъ тамъ зелена вина.
Не радѣла-бы побѣдна—я головушка,
Ни какому человѣку я бы злому,
Ужъ я этаго великаго безсчастьица;
Кабы знала я горюша про то вѣдала,
Призаньется што надежная сдержавушка,
Я спорядным бы сусѣдямъ покорилася,
Ужъ я добрыихъ людей да попросила бы,
Не спускали бы его да во царевъ кабакъ;
Я о праздничкѣ бы въ домѣ не осталася,

Я давалась до надежной бы головушки,
Я держала бы побѣдна подъ праву руку,
Уласкала бы побѣдна потихошеньку.
Знать, судилъ Господь законноей державушкѣ,
Принять смерть ему надежѣ съ зелена вина.
Удивились всѣ спорядныи сусѣдушки,
Што незгода сочинилась вдругъ великая;
Проклинаютъ его добры эты людушки,
Што надѣлалъ суматохи онъ всему міру;
Безпокоиться по темнымъ набъ по ноченькамъ,
Набъ сидѣть имъ тутъ у тѣла запитущаго,
Набъ отправить объявленіе во Петровъ городъ,
Набъ прелбжить то вѣдь лѣкаря умильнаго,
Ко этому тѣлу его мертвому.

Къ сусѣдямъ:

Спаси Господи крестьянъ да православныхъ,
Што послушали побѣдную головушку,
Да вы сдѣлали колоду бѣлодубову,
Ископали да вы пбгреба глубокіи,
Про упьянслива сусѣда спорядоваго.
Ай-же, слушайте сусѣди спорядовыи,
Я корюсь да вамъ безсчастная головушка,
Не спокиньте-тко побѣдныхъ моихъ дѣтушекъ,
Мнѣ придайте ума разуму въ головушку,
Домъ вести да какъ крестьянска мнѣ-ка жирушка:
Нонь раздумаюсь печальнымъ умомъ разумомъ,
Хоть нѣтъ пáхаря на чистомъ этомъ полюшкѣ,
Раззорителя въ хоромномъ нѣтъ строеньицѣ:
У меня да у безчастной у побѣднушки,
Нонь не ржавѣе ретливое сердечушко
О упьянсливой надежной о головушкѣ;

Ужъ я въ сытости горькихъ слезъ напроливала.
Наболѣлася вѣдь буйная головушка,
Намутилися безсчастны мои очюшки;
Нонь одна у мня великая заботушка.
Не уронить бы мнѣ крестьянской этой жирушки,
Воспитать да мнѣ сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ.
Не дай Господи на семъ да на бѣломъ свѣтѣ,
Вѣкъ коротать мнѣ за горькоей за пьяницей:
Не порой бѣдна головушка состарѣлась,
Не во время красота съ лица стерялася,
Куды спись да мое суровьство дѣвалося;
На дѣлахъ была побѣдна штуковатая,
На словахъ была побѣдна смысловатая,
Разговорная съ народомъ—людмы добрыма;
Какъ попала я за горькую за пьяницу,
Я сама того побѣдна сдивовалася.
Шутки—шмоночки куды мои дѣвалися,
Чваковита поговорюшка смѣнилася.
Спамятуйте-тко вы горьки эты пьяницы,
Во проклятомъ во царевомъ его кабакѣ,
Вы за винной помяните-тко за чарочкой,
Гдѣ вы сборищемъ всѣ пьяницы сбиралися,
Въ коемъ кабакѣ вина да напивалися!
Попрошу теперь поповъ къ себѣ духовныхъ,
Я во свой домъ крестьянску прошу жирушку,
„Вы Господней-то молебенъ прослужите-тко,
„Ужъ вы домъ—мое житье нонь освятите-тко!
. . . . . .

Послѣ похоронъ:

Спаси Господи судью да правосудную!
Спаси Господи вѣдь лѣкарей умильныхъ!

Разсудили оны дѣло по хорошому:
Тѣло грѣшное оны да запитущее
Порѣшили хоронить да поскорешеньку.
Очень умной-то исправничекъ допрашивалъ,
Не стращалъ меня побѣдну—не полохалъ.
„Ты скажи-тко сирота да мнѣ повѣдай-ко,
„По совѣту ли у васъ да посогласьицу,
„По хорошему ли было у васъ съ дý-другомъ?
По своей душѣ побѣдна отвѣчала,
Я на всей волѣ горюша открывалась:
У насъ не было словечушка нонь браннаго;
Онъ повысталъ по утрышку ранешенько,
Снарядился мой надежа поскорешеньку,
Говорилъ да мнѣ печальноей головушкѣ,
„Я поѣду ко Бладычному ко праздничку“,
Залагалъ да онъ ступистую лошадушку,
Во этыи во санки самокатныи;
Тутъ отправился въ путь шúроку дороженьку;
Знать, судинушка его да повзыскала,
Во царевъ кабакъ судьба да зазывала;
Тутъ пришла да ему скоряя смерётушка,
Безъ креста ему пришла да безъ молитовки;
Ужъ Богу то надежа не молился,
Со любимоей семьей да не простился;
Какъ поѣхалъ путемъ шúрокой дороженькой,
Я глядѣла во косѣвчато окошечко,
Скрозь туманную стекольчату околенку,
Летитъ úскопыть въ полѣ лошадиная,
Бѣжитъ конь—иде дорожкой, подтыкается,
Какъ въ саночкахъ надёженька шатается;
Тутъ раздумалась побѣднымъ умомъ разумомъ,
Не дождаться мнѣ побѣдной по хорошому,
Мнѣ не стрѣтить его трезваго на уличкѣ;

Какъ заѣхалъ то надёжа во царевъ кабакъ,
Онъ до ранного обѣда напивался вѣдь,
Цѣлой день сидѣлъ до поздаго до вёчерка;
Его у праздничка сусѣды не видали,
У Бладычна—сродчи—сродначки не знали;
Тутъ съ надеженькой побѣдна поразсталася,
Я со малыма дитямы оставалася....
. . . . . .

XX.

ПЛАЧЪ О СТАРОСТѢ.

Вопитъ—старостиха:

Спаси Господи спорядныихъ сусѣдушекъ!
Благодарствую крестьянамъ православнымъ!
Нежалѣли што рабочей поры-времени,
Хоронить пришли надёжную головушку —
Ужъ вы старосту—судью да поставленую!
Онъ не плуть былъ до васъ, не лиходѣйничекъ,
Соболѣзновалъ объ обчествѣ собранномъ,
Онъ стоялъ по вамъ стѣной да городовой
Отъ этыхъ мировыхъ да злыхъ посредниковъ.
Теперь все прошло у васъ миновалося!
Нѣтъ заступушки у васъ, нѣтъ заборонушки!
Какъ найдетъ *) мировой когда посредничекъ,

---

*) Найдетъ вм. наѣдетъ

Какъ заглянетъ во избу да онъ во земскую,
Не творитъ да тутъ Іисусовой молитовки,
Не кладетъ да онъ креста-то по писаному;
Не до того это начальство добирается,
До судовъ этотъ посредникъ доступаетъ;
Во потай у недоростковъ онъ вывѣдыватъ,
Уже нѣтъ ли гдѣ корыстнаго дѣлишечка;
Да онъ такъ же надъ крестьянствомъ надрыгается,
Быдто въ родѣ человѣкъ, какъ некрещоной.
Онъ затопае ногама во дубовой полъ,
Онъ захлопае рукама о кленовой стулъ,
Онъ въ похóдню по покоямъ запохаживае,
Точно вѣхорь во чистомъ полѣ полетывае,
Быдто звѣрь да во темномъ лѣсу порикивае;
Тутъ на старосту скрозь зубы онъ срыгается,
Онъ безъ разуму рукой ему приграживае;
Сговоритъ ему посредникъ таково слово:
„Што на ямъ да вы теперь не собираетесь?
Неподсудны мировому знать посреднику?
Непокорны вы властямъ да поставленымъ?
Штобы всѣ были сейчасъ же на ямъ согнаны!“
Какъ у этыхъ мировыхъ да у посредниковъ
Нѣту душеньки у ихъ да во бѣлыхъ грудяхъ,
Нѣту совѣсти у ихъ да во ясныхъ очахъ,
Нѣтъ креста-то вѣдь у ихъ да на бѣлой груди;
Ужъ не бросить же участковъ деревенскіихъ,
Не покинуть же крестьянской этой жирушки
Все для этыихъ властей да страховитыихъ!
Назадъ староста бѣжитъ да не оглядываетъ,
Подъ окошечко скоренько постучается
Онъ у этыхъ сусѣдей спорядовыхъ,
Штобы справились на ямъ да суровёшенько:
Какъ наѣхала судья неправосудная,

Мировой да на яму стоитъ посредничекъ,
Горячится онъ теперь да такову бѣду;
Сами сходите, крестьяна, пріузнаете,
Со какимъ да онъ пріѣхалъ со извѣстьицемъ;
Онъ для податей пріѣхалъ ли казенныхъ,
Аль казна его безсчетна придержалася,
Али цвѣтно его платье притаскалося,
Аль козловы сапоги да притоптался?“
Тутъ на скопъ да всѣ крестьяна собираются,
При кручинушкѣ идутъ да при великой;
Тутъ посреднику въ глаза да покланяются,
Позаочь его бранятъ да проклинаютъ;
Возгорчится какъ судья вѣдь страховитая,
Въ темномъ лѣсѣ быдто боръ да разгоряется,
Во всѣ стороны бывъ пламень какъ кидается,
Быдто Свирь рѣка, посредничекъ свирѣпой,
Быдто Ладожско великое, сердитое;
Тутъ онъ скочитъ изъ за этого стола изъ за дубоваго,
Да онъ сглянетъ тутъ на старосту не милымъ зглядомъ,
Тутъ спроговоритъ ему да таково слово:
— „Вы даете все повольку мужикамъ глупцамъ,
— Какъ бездѣльникамъ вѣдь вы да потакаете;
— Хоть своей казной теперь да долагайте-тко,
— Да вы подати казенныя сполняйте-тко“.
Мужиченочки дробятъ да все поглядаютъ:
Ужель морюшко сине да пріутихнетъ,
Мировой скоро-ль посредничекъ уходится,
За дубовымъ столомъ да пріусядется?
Буде взыщется одинъ мужикъ смѣлугище,
О дѣлахъ сказать вѣдь онъ да все о праведныхъ,
Уже такъ на мужика стане срыгатися,
Быдто звѣрь да во темномъ лѣсѣ кидается;
Да онъ рѣзвыма ногама призатопае,

Какъ на стойлы конь копытомъ призастукае.
Стане староста судью тутъ уговаривать:
„Недавай спѣси во бладую головушку,
„Суровьства ты во ретливое сердечушко,
„Да ты чиномъ-то своимъ не возвышайся-тко —
„Едины да всѣ у Бога люди созданы:
„На крестьянъ ты съ кулакама не наскакивай.
„Знай—сиди да ты за столикомъ дубовымъ;
„Удержи да свои бѣлы эты рученьки,
„Не ломай-ко ты перстни свои злачены;
„Не честь—хвала тебѣ да молодецкая
„Наступать да на крестьянъ вѣдь православныхъ!
„Не на то да вѣдь вы судьи выбираетесь!
„Хотя-жъ рьянъ да ты посредничекъ, уходишься;
„Хоть спѣсивъ да ты начальникъ, пріусядешься;
„Околъ ноди мужики да поисправятся,
„Наживутъ да золоту казну безсчетную.
Сговоритъ да тутъ посредникъ таково слово:
— „Да вы счасливы крестьяна деревенскіи,
— Што вѣдь староста у васъ да преразумной!“
Какъ уѣдетъ тутъ судья да страховитая,
Сговорятъ да тутъ крестьяна таково слово:
„Міроѣды мировы эты посредники,
„Раззорители крестьянамъ православнымъ;
„Въ темномъ лѣсѣ быдто звѣри-то съѣдучіи:
„Въ чистомъ полѣ быдто змѣи-то клевучіи.
„Какъ наѣдутъ вѣдь холодныи-голодныи,
„Оны рады мужиченка во котлѣ варить,
„Оны рады вѣдь живóва во землю вкопать,
„Оны такъ-то вѣдь надъ има изъѣзжаются,
„До подошвы оны всѣхъ да раззоряютъ.
„Слава Богу-то теперь да слава Господу!
„Буря нáдара—теперь да уходилася,

„Сине морюшко теперь да пріутихло;
„Нонь уѣхала судья неправосудная,
„Укатилася съѣдуба міроѣдная!
„Мы пойдемте мужики да разгуляемтесь,
„Ноньку съ радости теперь да со весельица;
„Настоялися вѣдь мы да надрожалися,
„Безъ креста-то мы ему да всѣ накланялись,
„Безъ Ісусовой молитвы намолилися...“
. . . . . .
Тутъ мы думали съ надежноей головушкой,
Какъ пропитывать сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ,
Накопилася станичушка дѣтиная.
Говорила я надежноей головушкѣ,
Да ты съѣзди-ко на малой этой лоточкѣ,
Хоть во городъ да ты съѣзди Повѣнецкой,
Наживи да ты, надежа, золотой казны,
Да мы купимъ-то довольныхъ этыхъ хлѣбушковъ,
Мы прокормимъ-то сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ.
Какъ во ту пору теперь да въ тое времечко,
Какъ по этой почтовой ямской дороженкѣ
Застучало вдругъ копыто лошадиное,
Зазвонили тутъ подковы золоченыя,
Зазвѣнчала тутъ сбруя да коня добраго,
Засіяло тутъ сѣдёлышко черкаское,
Съ копытъ пыль стоитъ во чистомъ полѣ:
Точно черной быдто воронъ приналетываетъ,
Мировой этотъ посредникъ такъ наѣзживалъ;
Деревенскіи робята испугалися,
По своимъ домамъ оны да разбѣжалися;
Онъ напалъ да на любимую сдержавушку,
Быдто звѣрь точно на упадь во темномъ лѣсу.
Я съ работушки побѣдна убиралася,
Изъ окошечка въ окошечко кидалася,

Да куда жъ мою надёжу подѣваютъ?
Я спросила у спорядовыхъ сусѣдушекъ,
Какъ сусѣдушки вѣдь мнѣ не объяснили,
Штобы я бѣдна горюша не спугалася.
На спокой да легли добры эты людушки,
Ужо я бѣдна въ путь—дорожку отправлялася,
Штобъ провѣдать про надёжную головушку;
Ужъ какъ этотъ мировой да злой посредничекъ,
Какъ во страдную, въ рабочу пору времечко,
Онъ схватилъ его съ луговой этой поженки,
Посадилъ да онъ во крѣпость во великую,
Онъ на три садилъ Господнихъ Божіи дѣнечка,
На четыре онъ на лѣтныхъ эты ноченьки,
Отлучился што безъ спросу на недѣлюшку.
Тошно плакали сердешны мои дѣтушки;
Не могла стерпѣть побѣдная головушка,
Я глядѣть да на дѣтины горюши слезы;
Я склонилася въ тяжелую постелюшку
Съ за этого злодія супостатаго,
Што обидѣлъ насъ побѣдныихъ головушекъ,
Присрамилъ да онъ при обчествѣ собраномъ;
Со безчестья въ лицѣ крозь да разыгралася,
Со стыда буйна головка зашаталася....
Ворочался какъ надеженька со крѣпости,
Въ чистомъ полѣ неможенье сустигало,
На пути злодій смерётушка стрѣтала.
. . . . . .
. . . . . .
Вы падите-тко горюши мои слезушки,
Вы не на́ воду падите-тко, не на́ землю
Не на Божью вы церковь, на строеньице,
Вы падите-тко горюши мои слезушки
Вы на этого злодія супостатаго,

Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же Боже Господи,
Штобы тлѣнъ пришолъ на цвѣтно его платьице,
Какъ безумьице во буйну бы головушку!
Еще дай да Боже Господи
Ему въ домъ жену не умную,
Плодить дѣтей неразумныихъ!
Слыши Господи молитвы мои грѣшныя!
Прими Господи ты слезы дѣтей малыихъ!

. . . . . .

XXI.

ИЗЪ ПЛАЧА О ПИСАРѢ

Вопитъ кума:

Отлишилися заступы—заборонушки!
Какъ не стало нонь стѣны да городовой,
Пріукрылся писарёчикъ хитромудрой,
Онъ во матушку сыру землю!
Вкупѣ всѣ да мы крестьяна сухотуемъ:
Буди проклято велико это горюшко,
Буди проклята злодійная незгодушка,
Какъ по нынѣшнимъ годамъ да по бѣдовымъ
Лучше на́ свѣтъ человѣку не родитися;
Много страсти то теперь да много ужасти
Какъ больши того великіихъ пригрозушекъ:
Наѣзжаютъ-то судьи да страховитыя,

Раззоряютъ-то крестьянски оны жирушки
До послѣдней-то оны да лопотиночки.
Недай, Господи, на семъ да на бѣломъ свѣтѣ,
Со досадой, этымъ горюшкомъ возитися:
Впереди злое горе уродилося,
Впереди оно на свѣтѣ разселилося.
Вы послушайте народъ люди добрыи,
Какъ, отколь въ мірѣ горе объявилося.
Во досюльны времена было годышки,
Жили люди во всемъ мірѣ постатейныи.
Оны ду-друга люди не терзали;
Горе людушекъ во ты поры боялося,
Во темны лѣса отъ нихъ горе кидалося;
Но тутъ было горюшку не мѣстечко:
Во осинѣ горькой листье разшумѣлося,
Того злое это горе устрашилося;
На высоки эты щели горе бросилося
Но и тутъ было горюшку не мѣстечко:
Съ того щелье кременисто порастрескалося,
Огонь пламя изо горъ да объявилося;
Уже тутъ злое горюшко кидалося,
Въ Окіянъ сине славно оно морюшко,
Подъ колодинку оно тамъ запихалося;
Окіянъ море съ того не сволновалось,
Вода съ пескомъ на днѣ не помутилась;
Прошло времечка съ того да не со много,
Въ Окіянъ морѣ ловцы вдругъ пригодилися;
Пошили оны маленьки караблики
Повязали оны неводы шелковыи,
Проволоки оны клали-то пеньковыя,
Оны плутивца тутъ клали все дубовыи;
Чего на́ слыхѣ то вѣкъ было не слыхано,
Чего на́ виду-то вѣкъ было не видано,

Какъ въ досюльны времена, да въ прежни годышки
Въ Окіянъ морѣ ловцы да не бывали.
Изловили тутъ свѣжу оны рыбоньку,
Подняли во малой во карабличекъ:.
Точно хвостъ да какъ у рыбы—лебединой,
Голова у ей въ родѣ какъ козлиная;
Сдивовалися ловцы рыбы незнамой;
Пораздумались ловцы да добры мо́лодцы:
По примѣтамъ эта рыба да какъ щучина;
По скорешеньку ко бережку кидалися,
На дубовоей доскѣ рыбу пластали;
Распололи какъ уловну, свѣжу рыбоньку:
Много множество песку у ей приглотано,
Была сглонуты ключи да золочены;
Тутъ пошли эты ловцы да добры мо́лодцы
Во деревенку свою да во селеніе;
Всѣмъ сусѣдямъ разсказалися,
Показали имъ ключи да золочены;
Тутъ ключи стали ловцы да приминять:
Прилагали ключи ко Божіимъ церквамъ,
По церковнымъ замкамъ ключи не ладятся.
По уличкамъ пошли оны рядовымъ
По купцамъ пошли оны торговымъ,
И по лавочкамъ ключи не пригодилися.
Тутъ пошли эты ловцы да добры мо́лодцы,
По тюрьмамъ пошли заключевнымъ:
Въ подземельныя норы ключь поладился,
Гдѣ сидѣло это горюшко великое;
Потихошеньку замокъ хоть отмыкали,
Безъ молитовки, знать, двери оттворяли;
Не поспѣли тутъ ловцы—добры мо́лодцы
Отереть двери дубовыя,
Съ подземелья злое горе разомъ бросилось,

Чернымъ ворономъ въ чисто поле слетѣло;
На чистомъ полѣ горюшко садилося,
И само тутъ злодійно восхвалялося,
Што тоска буде крестьянамъ неудольная:
Подъѣдать стало удалыхъ, добрыхъ мо́лодцевъ,
Много при́брало семейныихъ головушекъ,
Овдовило честныхъ, мужнихъ—молодыихъ женъ,
Обсиротило сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ;
Уже такъ да это горе расплодилося,
По чисту полю горюшко катилося,
Стужей—инеемъ оно да тамъ садилося,
Надъ зеленыимъ лугомъ становилося,
Частымъ дождикомъ оно да разсыпалося;
Съ того моръ пошелъ на милую скотинушку,
Съ того зябель на сдовольны эты хлѣбушки;
Непріятности во добрыхъ пошли людушкахъ.

Къ писарю:

Ты послушай же крестовой милой кумушко:
Буде Богъ судитъ на вто́ромъ быть пришествии,
По дѣламъ—судамъ душа да будетъ праведна;
Може, станешь у Престола у Господняго,
Ты поро́скажи Владыкѣ—свѣту истинному,
Ты про обчество крестьянъ да православныхъ;
Много множество е въ мірѣ согрѣшенія,
Какъ больши того е въ мірѣ огорченья;
Хоть повыстанемъ поутрышку ранешенько.
Не о добрыхъ дѣлахъ мы думу думаемъ,
Мы на сонмище бѣсовко собираемся,
Мы во тяжкіихъ грѣхахъ да не прощаемся.
Знать, за наше за велико беззаконье,

Допустилъ Господь ловцевъ да на кіянъ море;
Изловили оны рыбоньку незнамую
Повыняли ключи да подземельныи,
Повыпустили горюшко великое;
Зло—несносное, велико это горюшко
По Росіюшкѣ лѣтаетъ яснымъ со́коломъ,
Надъ крестьянамы злодійно черныимъ во́рономъ.
Возлѣтатъ оно злодійно само радуется:
„На бѣломъ свѣтѣ я роспоселилося,
„До этыихъ крестьянъ я доступило,
„Не начаются обиды, накачаются;
„Не надіются досады, приназидятся“.
Какъ со этаго горя со великаго
Бѣдны людушки—какъ море, колыбаются;
Быдто деревья стоятъ да подсушеныи;
Вся досюльщина куды да подѣвалася,
Вся отчевщина у ихъ ионь придержалася;
Не стоятъ теперь сто́ги перегодныи,
Не насыпаны анбары хлѣба Божьяго;
Нѣтъ на стойлы-то у ихъ да коней добрыихъ,
Нѣту зимныхъ у ихъ санокъ самокатныихъ,
Нѣтъ довольныхъ-беззаботныхъ у ихъ хлѣбушковъ:
Ты поро́скажи крестовой—милой кумушко,
Ты поро́скажи Владыкѣ многомилосливу,
Што не праведныя судьи разселяются,
Свысока глядятъ оны да выше лѣсушку,
Злокоманно ихъ ретливое сердечушко,
Точно ледъ какъ во синемъ морѣ;
Некуды отъ ихъ злодіевъ не укроешься,
Во темныхъ лѣсахъ найдутъ оны дремучихъ,
Все доищутся въ горахъ оны высокихъ,
Доберутся вѣдь во матушкѣ сырой землѣ;
Во конецъ оны крестьянъ всѣхъ раззоряютъ.

Кабы вѣдали цари да со царицами,
Кабы знали всѣ купцы да вѣдь Московскіи
Про безсчастную-бы жизнь нашу крестьянскую!

XXII.

ИЗЪ ПЛАЧА О ПОПѢ-ОТЦѢ ДУХОВНОМЪ.

Вопитъ сосѣдка:

Какъ сего-дня, сего дѐнечка,
Сего дѐнечка Господняго,
Што за чюдо причюдилося,
Въ мірѣ диво предъявилося:
Ужъ какъ звонъ теперь мѣшается
Церковь Божья-то шатается;
Нашъ священникъ трýднымъ трудится
Съ бѣлымъ свѣтомъ разставается.
Во обиды тутъ крестьяна собираются,
Межу собой они да думу думаютъ:
Уже нѣтъ, да такова попа не видано,
Больше нѐ видать священника хорошаго:
Не упьянслива онъ былъ да попъ головушка,
Примѣрная—душа благочесливая;
Онъ рачитель до участковъ деревенскихъ былъ
Всегда кехталь *) на крестьянскую работушку
Какъ подрясничекъ отъ вѣтрышка подмахивае,
Такъ на чистыхъ—онъ полюшкахъ похаживае.
Онъ старатель былъ до церквы богомольной,

*) Охотиль.

Онъ служилъ всегда обидни-то по правилу.
Онъ заутрены по Божьимъ по законамъ;
Начало полагалъ онъ по писаному,
Божью книгу читалъ да умильнёшенько;
Сдымалъ рученьки онъ свыше го́ловы
Все молился о насъ да онъ о грѣшныхъ:
Какъ головушка его да посвященная,
Права рученька его благословленая.
Онъ предоброй былъ отецъ да попъ духовной:
Што случится ли при трудноей постелюшкѣ,
Аль тяжолая родимица объявится,
Хоть тамъ по́шлютъ недоростка невеликаго,
Среди да этой темной пошлютъ ноченьки,
Безпокоятъ хоть попа отца духо наго,
Поскоренько отъ крѣпку сну пробужается,
Суровёшенько въ одёжу одевается,
По закону-то береть ризу священскую,
По читанью-то беретъ да книгу Божью;
Пріѣзжаетъ онъ—священникъ середи ноци,
Говоритъ этотъ священникъ потихошеньку;
Отпираетъ онъ книгу полегошеньку;
Буде малой тутъ благодѣнецъ тяжелешенекъ,
Проведетъ да онъ въ вѣру во крещенскую,
Во крещенскую онъ вѣру—Христіанскую.
Говорятъ да тутъ крестьяна православныи:
„Спаси Господи попа отца духовнаго,
„Што трудился онъ во темной этой ноченькѣ,
„Не страшился не погоды онъ, не па́дары“;
Заносило хоть путь—ши́р ку дороженьку
Хоть проѣзду нѣтъ во санкахъ самокатныихъ,
Онъ закону-то отецъ не выступае,
Середи ноци крестьянъ да онъ вѣдь слуша
Буде што да у крестьянина случилося,

Хоть бѣда ему на грѣхъ да сочинилася,
Онъ къ духовному отцу тутъ пріѣзжаетъ,
Сговоритъ ему крестьянинъ таковую рѣчь:
„Куды хошь, клади отецъ да попъ духовный,
„У насъ теперь незгодушка случилась,
Мало дитятко на лавочкѣ убилось;
Стане по́ избы священничекъ похаживать,
Онъ не грубно-то священникъ выговаривать,
И съ простым то мужичкомъ да разговаривать:
— Вы какъ это дитё не досмотрили,
— Со бѣлыхъ ли вы рукъ да уронили;
— Говори да ты крестьянинъ не мѣшайся-тко
— Ты попа—отца меня да не пугайся-тко,
— „Ты скажи да мнѣ по правдѣ все по истинѣ,
— „По закону ты скажи да всё по Божьему,
— „Ты отцу да мнѣ не скройся-тко духовному.
Говоритъ да тутъ крестьянинъ православной:
— „На работѣ въ то я время прилучился,
— „Ко мнѣ дѣтушки во поле прибѣжали,
— „По тихощеньку про горе—росказали;
— „Я пришелъ какъ во хоромное строеньице:
— „Стоитъ мать да надъ дитемъ тутъ погибае,
— „Сама горьки она слезы проливае.
Воспрого́воритъ же попъ отецъ духовной:
— Што подѣлаемъ крестьянинъ православной,
— Мнѣ-ка жаль тебя, дитё мое духовное —
— Ужо какъ тебя будетъ сохранити,
— Отъ великой бѣды мнѣ оградити,
— Не провѣдали бъ судьи неправосудныя,
— Про твою бѣду—незгоду про великую.
Тутъ крестьянинъ ему въ ноги поклоняется,
Испрого́воритъ ему да таково слово:
„Сохрани да насъ, батюшко, помилуй,

„Отъ изъяну, отъ напасти отъ великой,
„Отъ судей насъ сохрани неправосудныихъ.
Говоритъ да тутъ попъ—отецъ духовной:
— Снаряжусь къ вамъ во хоромное строеньице,
— Возьму книгу я подъ правую подъ пазушку.
— Во лѣву руку я тросточку камышеву,
И скоренько самъ подрясникъ накидае,
Онъ поповску, черну шляпу надѣвае,
На добра коня священничекъ садится,
И попрежде въ путь дорожку поспѣшаетъ,
Впередъ-то ѣдетъ крестьянина онъ бѣднаго;
Пріѣзжаетъ ко крылечику скорешенько,
Проходитъ во хоромное строеньице;
Ужъ онъ крестъ кладё, священникъ, по писаному,
Онъ поклонъ ведё, священникъ, по ученому,
Поклонъ первой пресвятой да Богородицѣ,
Онъ еще поклонъ большухамъ подомовымъ;
И сговоритъ да тутъ священникъ таково слово:
— Вы заприте-тко двери поскорешенько,
— Вы издуйте огонька да суровешенько,
— Затопите-тко свѣщу да воску ярова,
— „Быдто дитятко буде исповѣдано“,
Говорить стане священникъ—все наказывать,
Потихошеньку вѣдь насъ да уговаризать:
— Вы не бойтесь-ко, крестьяна, не полóхайтесь
— Ужъ дамъ вамъ свое рукописаніе:
— Я избавлю отъ напасти страховитой,
— Отъ убытку, отъ изъяну отъ великаго“.
Тутъ прознали то судьи неправосудныя,
Пришолъ староста теперь да со разсыльнымъ,
Съ писаречкомъ пришелъ онъ съ хитромудрымъ,
Стали спрашивать оны съ ума выѣдывать:
„Што сдiялось у васъ да сочинилось?

„Не болѣло у васъ дитё, не хворало,
„Ужо какъ да у васъ вскорѣ оно по́мерло?
„Говорите-тко вы намъ, да не маните-тко;
Тутъ стращать стали крестьянина—поло́хать.
Донесемъ да мы вачальству про то высшему;
Задумался крестьянинъ православной;
На священскаго попа онъ опирается,
Уже этой онъ бумагой оправдается;
Сговоритъ еще власть немилосердая:
„Ты купи намъ полуштофъ да сладкой водочки,
„Уже дай да золотой казны по надобью;
„Тутъ повиримъ мы попу—отцу духовному,
„Мы забросимъ всѣ дѣла да уголовныи;
Тутъ поитъ ихъ крестьянинъ сладкой водочкой,
Онь дарить ихъ золотой казной по надобью:
Запоходятъ міроѣды голопузыи
Со этого хоромнаго строеньица.
Сговоритъ да тутъ крестьянинъ со большухами:
„Спаси Господи попа-отца духовнаго,
„Што сохранилъ, да отъ бѣды онъ насъ помиловалъ,
„Што придалъ онъ ума разума въ головушку.

. . . . . .

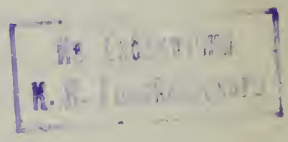
Въ концѣ отпѣванія.

Я гляжу—смотрю печальная головушка
Много-множество поповъ стоитъ духовныхъ,
Еще больше е причетенъ-то церковныхъ;
Всѣ сокручены во ризахъ во опальныихъ;
Погребеньице поютъ да унылыешенько;
На гробу да эта риза золоченая,
На бѣлыхъ грудяхъ книга эта Божья;

Кругомъ ка́—околъ-подсвѣчники злачены̀и,
Всѣ зажганы свѣчи да тамъ намѣстны̀и;
Много множество народу—людей добры̀ихъ;
Сожаліютъ-то попа отца духовнаго;
Всѣ забросили крестьянскую работушку
Проводить пришли служителя церковнаго.
Вы простите-тко міръ—да все вы обчество,
Вы простите-тко попа отца духовнаго!
Во подсвѣщникахъ свѣщи ужъ потухаютъ,
Херувимскіи стихи ужъ допѣваютъ;
Всѣ попы отцы теперечко прощаются,
Къ тѣлесамъ оны его да прилагаются...

. . . . . .

. . . . . .



ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ

На Сѣверѣ Россіи

Такъ какъ настоящія плачи суть явленія, существеннымъ образомъ входящія въ составъ погребальнаго обряда, то мы находимъ умѣстнымъ приложить здѣсь свѣденія о прочихъ похоронныхъ обычаяхъ, собранныя нами по преимуществу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ записаны издаваемыя причитанья. Съ одной стороны, эти обычаи во многомъ объясняютъ смыслъ самыхъ причитаній и указываютъ бытующую дѣйствительность въ такихъ словахъ и оборотахъ, которыя легко принять лишь за поэтическія образы; съ другой, восполняя причитанія, они могутъ способствовать болѣе отчетливому и точному воспроизведенію народныхъ доисторическихъ воззрѣній на смерть и загробную судьбу человѣка.

Потребность человѣка предъузнавать свое будущее и страхъ его за свое настоящее существованіе особенно въ періодъ дѣтскаго отношенія къ природѣ послужили широкой основой для суевѣрныхъ примѣтъ и догадокъ—относительно приближенія смерти; наблюдая обстоятельства, при которыхъ повторялись смертные случаи, младенческая мудрость народная, подъ

вліяніемъ страха, спѣшила возвести эти обстоятельства въ недобрыя предзнаменованія; впрочемъ нѣтъ причинъ отвергать и того, что нѣкоторыя изъ подобныхъ примѣтъ имѣютъ и дѣйствительное для себя основаніе или въ естественномъ соотношеніи органическихъ явленій или въ инстинктѣ хищныхъ животныхъ, которыя, какъ бы предчувствуя свою добычу, могутъ приближаться къ заживо начинающему разлагаться организму.

Кромѣ ворона, который въ самыхъ причитаніяхъ является предвѣстникомъ смерти, подобныя примѣты относятся къ разнымъ вещамъ и явленіямъ особенно въ области животнаго и растительнаго царства. Падаетъ звѣзда, виднѣется огонь на кладбищѣ, буря воетъ и срываетъ съ домовъ крышу, свѣчка горитъ въ лѣсу [1]), столъ трещитъ [2]), балка скрипитъ, кузнечики куютъ, филинъ, или сова-птица садится на церковь или избу, ласточка влетитъ въ домъ [3]), пѣтухъ поетъ послѣ полудня съ поникшей головой, курица поетъ пѣтухомъ, собака воетъ передъ домомъ или ямуроетъ подъ большимъ угломъ [4]), отъ больнаго кошка не отходитъ или лежитъ подъ столомъ къ верху ногами [5]), мышь по человѣку пробѣжитъ [6]), гнусъ въ одежѣ дыру проѣстъ [7]), свинья солому со двора выноситъ, дерево падетъ и переломится [8]) на полосѣ или недоростки—пустыя мѣста, или хлѣбъ небывалый [9]), печется коровай и внутри его образуется трещина, въ маслѣ образуется ямка или ложка застываетъ горбомъ, все это предвѣстники того, что „жалимой въ

---

[1] Въ Заонежьѣ. [2] въ Вытегор. уѣздѣ, [3] въ Заонежьѣ, [4] въ Вожинахъ, [5] тамъ же, [6] въ Лидомѣ Выт. уѣзд. [7] въ Заонежьѣ, [8] тамъ же, [9] Якшморецкомъ погостѣ.

роду помретъ"; если пѣтухъ запоетъ на вечерней зари, говорятъ: „пой надъ своей головой" и при этомъ щупаютъ его ноги; когда онѣ холодны, непремѣнно будетъ покойникъ; тоже, когда дѣти во время похоронъ копаютъ ямку; если на новомъ мху т. е. въ новомъ домѣ одинъ помретъ скоро, то и всѣ; при переходѣ на новой мохъ полагаютъ мякушку въ передній уголъ и приносятъ пѣтуха; если онъ запоетъ при этомъ или уронитъ мякушку и она покатится къ дверямъ, то это значитъ, кто нибудь скоро долженъ умереть; какъ скоро курица начинаетъ пѣть пѣтухомъ, стараются тотчасъ же отрубить ей голову; если слышится на сараѣ стукъ или движеніе [10]), или является дворовикъ [11]); не передъ добромъ, умретъ или скотина или человѣкъ. Домовикъ или какъ называютъ здѣсь „хозяинъ" также иногда даетъ знать о подобномъ несчастіи: онъ тогда или наваливается на кого нибудь изъ домашнихъ ночью или же показывается кому нибудь днемъ. Если кто спитъ и глаза полы или у кого во сняхъ зубъ выпадетъ [12]), волосы съ головы съѣхали [13]), или кто спитъ—голова за подушку [14]), все это къ смертнымъ случаямъ; если умирающій по имени зоветъ кого нибудь къ себѣ, или, въ минуту смерти, обращается лицемъ на комнату; когда тешутъ доски для гроба и одна изъ нихъ расколется—все это знакъ, что будетъ еще покойникъ; если у жениха и невѣсты во время вѣнчанія свѣчи горятъ неровно и одна свѣча остается короче другой, это значитъ что скоро умретъ женихъ или невѣста [15]); тоже—если чья нибудь свѣча вдругъ загаснетъ во время вѣнца [16]). Ука-

---

[10] тамъ же, [11] въ Заонежьѣ, [12] въ Пирвинскомъ погостѣ, [13] въ Заонежьѣ, [14] въ Каргоп. уѣздѣ [15] въ Шуезерѣ, [16] въ Заонежьѣ.

завъ на предзнаменованія смерти, перейдемъ къ описанію самыхъ обрядовъ.

Какъ скоро замѣчаютъ, что человѣкъ умираетъ, тотчасъ же ставятъ на окнѣ чашку съ водой; если вода колышется, говорятъ, „душенька моется“.

Между тѣмъ даютъ знать о томъ всѣмъ родственникамъ, пишутъ письма или посылаютъ нарочныхъ „вѣстовыхъ пѣшеходовъ“, которые и заявляютъ о случившемся въ обычныхъ оборотахъ „такого то въ живыхъ нѣтъ“ такого-то Богъ убралъ; такой-то жить приказалъ — много кланяться; вмѣстѣ съ тѣмъ приглашаютъ „на послѣднее прощеньице и на поминъ души“.

Въ домѣ покойника тотчасъ же по его смерти начинается „обряженіе“. Для омыванія мертваго тѣла приглашаются „старушки стародревнія“ и для дѣланія гроба—„плотнички—работнички“.

Гробъ у Суисаръ и Заонежанъ называется „домовищемъ“; устроивается онъ изъ сухихъ досокъ—обыкновенно въ видѣ продолговатоваго ящика; въ нѣкоторыхъ приходахъ, какъ-то: Сямозерскомъ, Бадогахъ и др. по сторонамъ этого ящика устраиваютъ отверстія и въ нихъ вставляютъ стекла такъ, чтобы эти оконца приходились противъ плечъ покойника; въ иныхъ мѣстахъ стекла кладутъ въ самый гробъ, не дѣлая по сторонамъ его отверстій. Въ нѣкоторыхъ приходахъ уѣздовъ Ладейнопольскаго, Повѣнецкаго и Каргопольскаго (напр. Локшморецкомъ) гробы имѣютъ другую форму; здѣсь дѣлаютъ ихъ въ видѣ колоды и выдалбливаютъ изъ большой осины или сосны и также полагаютъ сюда небольшой кусочикъ стекла. Щепки и стружки отъ гроба бросаютъ въ озеро или отвозятъ въ лѣсъ.

Моютъ покойника обыкновенно теплой водой на соломѣ, противъ трубы, изъ глиняной посуды, натирая его мыломъ два раза; во время мытья въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ Кондушахъ) у покойницъ стригутъ волосы и кладутъ ихъ въ гробъ.

Мыло затѣмъ бросаютъ въ рѣку и туда же выливаютъ воду; иногда впрочемъ оставляютъ ихъ для особыхъ цѣлей; водой напримѣръ, пользуются колдуны для порчи новобрачныхъ; говорятъ, если напоить человѣка этой водой, то онъ будетъ чахнуть; мыло же употребляютъ противъ лихорадки.

По омовеніи, покойника одѣваютъ. Есть обычай еще предъ смертію спрашивать умирающаго, во что онъ прикажетъ одѣть себя; въ разныхъ мѣстахъ готовятъ разную покруту для покойниковъ; въ Петрозаводскомъ, Олонецкомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ надѣваютъ бѣлые сапоги, или башмаки, шитые одной дратвой, рубаху съ поясомъ и костянымъ гребешкомъ; сверху—бѣлой балахонъ съ кушакомъ; покрываломъ служитъ холстъ; въ Каргопольскомъ же уѣздѣ во многихъ приходахъ сверхъ холщевой рубашки одѣваютъ саванъ; сверхъ того надѣвается всегда крестъ—на шерстяной ниткѣ, а на раскольника сверхъ того четки. Когда готовятъ покруту для мертвеца, тогда шьютъ на изнанку, то есть, не къ себѣ направляясь остріемъ иглы, а отъ себя.

Затѣмъ на лавку въ переднемъ углу стелютъ солому и полагаютъ сюда умершаго, головой къ иконамъ; глаза закрываютъ мѣдными деньгами; пока онъ остается въ избѣ соблюдается тишина и сдержанность; избы въ это время не метутъ или метутъ, направляя соръ къ покойнику, чтобы другіе не умерли; часто курятъ избу ладономъ. По переложеніи въ гробъ, гдѣ

есть часовня, выносятъ умершаго туда, а гдѣ нѣтъ часовни, напримѣръ: въ Андомѣ выносятъ въ другую избу.

Въ Корелѣ покойника берутъ при этомъ не голыми руками а въ рукавицахъ; вмѣсто постели полагаютъ листья, набруснутыя съ вѣниковъ; ими же набивается подушка; по переложеніи въ гробъ, на то мѣсто, гдѣ лежалъ покойникъ, въ Сямозерѣ полагаютъ квашню, въ Верховьѣ полѣно, у Саисаръ камень, въ Кузарандѣ ухватъ и квашню.

Замѣчательно, что въ Индіи до сихъ поръ соблюдается также обрядъ „положенія камня близь мертваго тѣла"; смыслъ этого обряда видѣнъ изъ тѣхъ словъ, которыя читаетъ при этомъ браминъ:

Живыхъ ради кладу я эту преграду,
Да никто не преступитъ ее;
Сто лѣтъ проживете вы,
Камнемъ ограждая себя отъ смерти.
(Стих. Веды X, 18, 4). *.

Въ самый гробъ кладутъ разныя предметы; напр., въ Каргопольскомъ уѣздѣ, въ Нименскомъ приходѣ кладутъ хлѣбъ; въ Брусномъ Петрозаводскаго уѣзда пироги **), въ Верховьѣ Олонецкаго уѣзда—въ гробы женщинъ кладутъ иголку, для того говорятъ, чтобы могла она починить на томъ свѣтѣ что оборвется; если кто умретъ на пасхѣ, въ руку—покойника кладутъ

---

*) См. статью Макса Мюллера *Die Todtenbestattung bei den Brahmanen* помѣщенную въ изданіи *Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft* Ч. IX 1855 г.

**) Одинъ изъ моихъ учениковъ Павелъ Сперанцевъ бывши въ гостяхъ у своего дѣдушка - священника Архангельскаго видѣлъ, какъ однажды дурно сколоченный гробъ—развалился и вмѣстѣ съ покойникомъ изъ него вывалились пироги.

яицо. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ туда же вливаютъ масло. Въ Свирскомъ монастырѣ при передѣлкѣ старой церкви рабочіе между прочимъ откопали гробъ, въ которомъ нашли скляницу водки; сей-часъ же роспили ее; водка оказалась такъ крѣпка, что они тутъ же растянулись и проснулись только на другой день. Кладутъ также въ гробъ обрѣзанные ногти, если покойный собиралъ ихъ: это дѣлается обыкновенно въ убѣжденіи, что придется на томъ свѣтѣ подниматься на стекляную гору.

При выносѣ, въ Замошьѣ, Вытегорскаго уѣзда, родные подходятъ подъ гробъ; за тѣмъ всѣ кланяются, прощаются у покойника. На выносъ собирается обыкновенно вся деревня. При этомъ хозяйка дома беретъ „версливый“ *) камень который лежалъ на лавкѣ или даже въ изголовьѣ у покойника и, обошедши съ нимъ вокругъ гроба, полагаетъ его въ большой уголъ—подъ образа **). Въ другихъ мѣстахъ Петрозаводскаго уѣзда этотъ камень кидаютъ на улицу въ слѣдъ за покойникомъ—чтобы какъ выражаются „достальные живы были“. Съ этою же цѣлію при выносѣ плещутъ водой по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ несли покойника; стараются такимъ образомъ смыть самые слѣды смерти, запахать дорогу мертвеца и навсегда воспрепятствовать ей входъ въ живую семью.

Выносъ бываетъ обыкновенно изъ дверей избы, по лѣстницѣ; но бываютъ случаи, когда выносятъ мертвеца прямо чрезъ окно; такъ напр., было въ Чимкиничахъ. Ученикъ мой Гедевскій, передавшій мнѣ это извѣстіе, самъ видѣлъ, какъ выняли раму изъ окна и

*) Круглый.

**) Сообщилъ г. Михайловскій.

одни изъ бывшихъ въ избѣ подняли покойника, а другіе, бывшіе на улицѣ, приняли его и за тѣмъ повезли на погостъ; окна дома остались открытыми. Въ Малороссіи же, не извѣстно почему, когда выносятъ покойника изъ избы, стараются напротивъ, какъ можно, скорѣе затворять двери, пока не отнесутъ его подальше.

Если дорогой лошадь останавливается, заключаютъ, что покойникъ не ѣдетъ на погостъ; при этомъ смотрятъ, не въ спичкѣ-ли онъ. Везутъ обыкновенно той дорогой, которая ближе къ кладбищу; по дорогѣ—останавливаются на мѣстахъ, знакомыхъ покойнику, заносятъ его даже въ сторону и оплакиваютъ разлуку его съ этими мѣстами. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Пермской и Тверской губерній при похоронахъ взрослыхъ дѣвицъ, подруги ея, провожая, поютъ свадебныя и подвѣнечныя пѣсни *).

По пріѣздѣ къ кладбищу лошадь распрягается; оглобли отвертываются. При возвращеніи назадъ, (въ Кондушахъ напр.) извощикъ садится верхомъ; тотчасъ по пріѣздѣ домой (въ Андомѣ Вытег. уѣзда) дровни опускаютъ въ воду и оглобли точно также отвертываются. Погребаютъ непремѣнно до захода солнца...

При этомъ бросаютъ въ могилу деньги, чтобы окупить мѣсто; если въ могилѣ окажется рядомъ другой покойникъ, то и ему кидаютъ грошъ, чтобы уступилъ мѣсто; есть и другое объясненіе этого обычая; говорятъ, что деньги нужны покойнику на перевозъ чрезъ огненную рѣку, которую придется ему переѣзжать, или же на свободный проходъ по мытарствамъ.

На могилѣ дѣлается холмъ; ставится крестъ или садится какое-нибудь дерево; а если покойнаго считали

*) Сообщила Марья Савельевна Скворцова.

колдуномъ, то могилу его забиваютъ клиньями. У Суисаръ напр. все кладбище обросло дубравой—травой и и лѣсомъ. На нѣкоторыхъ могилахъ устраиваютъ домики съ кровлей и окнами: такіе домики я видѣлъ въ дѣтствѣ—и въ Новгородской губ. именно: въ Череповскомъ уѣздѣ напр. у Пречистой въ Андогѣ. По возвращеніи съ погоста, при входѣ въ домъ всѣ участвовавшіе въ обрядѣ касаются рукою печки; обычай, донынѣ наблюдаемый также въ Индіи.

День похоронъ сопровождается обѣдомъ; у Кореловъ этотъ день называется чернымъ днемъ (Мустейзетъ). Почетные гости—церковники; во время обѣда въ Ладейнопольскомъ уѣздѣ оставляютъ праздное мѣсто за столомъ въ большомъ углу; ложку кладутъ подъ скатерть, а хлѣбъ поверхъ скатерти. Въ другихъ мѣстахъ выливаютъ на столъ ложку всякаго кушанья. Въ Пиркинскомъ погостѣ умирающіе сами завѣщаютъ, чѣмъ ихъ поминать; въ Андомѣ пекутъ небольшія крестики изъ теста *); въ Сямозерѣ поминаютъ квасомъ; въ Андомѣ сусломъ изъ—рѣпы; въ Каргополѣ горохомъ и яицами; въ Бадогахъ мёдъ льютъ на могилу **), въ Кузринскомъ оладьями, хлѣбомъ; въ Корелѣ — рыбой, рѣпой и т. п. Въ Петрозаводскѣ, при посѣщеніи кладбища, оставляютъ тамъ скорлупу, въ Ладейнопольскомъ уѣздѣ—часть самаго яица.

Въ Череповскомъ уѣздѣ, въ Андогѣ, поминаютъ яичными блинами; въ Логиновѣ—пряженниками. Особенно замѣчательны бываютъ поминки въ 40-й день; въ этотъ срокъ состоятельные люди большею частію заказываютъ обѣдню и приглашаютъ церковниковъ на

*) Сообщ. Иконникозъ.
**) Сообщ. Анатолій Казанскій.

поминъ души; иногда дѣло обходится безъ обѣдни; всѣ родственники выходятъ изъ избы на встрѣчу священнику, съ полною вѣрою, что вмѣстѣ съ нимъ ѣдетъ и покойникъ; если священникъ пріѣзжаетъ на канунѣ поминокъ, то рядомъ съ его постелью стелется постель и для незримаго гостя—покойника (въ Брусномъ, Петрозавод. уѣзда). Во время обѣда оставляется для него особое, пустое мѣсто за столомъ въ переднемъ углу—съ особымъ приборомъ; при этомъ заявляютъ, какое было любимое кушанье покойника. Предъ киселемъ обыкновенно поется малая литія—но еще прежде всѣ обѣдавшіе, за исключеніемъ причта, берутъ кисель и выходятъ изъ дому за деревню на ту дорогу, по которой несенъ былъ на погостъ покойной; обрядъ этотъ называется „проводины покойника“; (въ Ладейнопольскомъ уѣздѣ), вся процессія за деревней останавливается и кланяется на погостъ; за тѣмъ возвращается домой, гдѣ отправляется литія и обѣдъ кончается. Въ Видлицкомъ погостѣ (Олонецкаго уѣзда) къ поминальному дню приготовляются особые хлѣбцы на каждаго изъ поминаемыхъ при этомъ родственниковъ и надъ каждымъ хлѣбцомъ поется отдѣльная панихида. Въ Корелѣ, лишь только завидятъ, что священникъ приближается къ дому, вынимаютъ изъ окна раму и вывѣшиваютъ полотенцо съ узорами — въ силу вѣрованья, что мертвые входятъ въ домъ не дверьми, а чрезъ окно; обычай вывѣшивать кусокъ полотна за окно—или къ наружному, переднему углу—на 40 дней по смерти кого-нибудь въ домѣ повсемѣстенъ и въ Новгородской губерніи. Какъ скоро священникъ приближается къ крыльцу—въ Корелѣ вмѣстѣ съ родственниками умершаго его встрѣчаютъ плакальщицы, которыхъ собирается очень много: всѣ онѣ бросаются

священнику въ ноги и просятъ его войти въ домъ; начинается обѣдъ; для умершаго столъ съ прибором и кушаньями ставится на печкѣ; говорятъ, что покойникъ въ продолженіи сорока дней, находясь въ холодной странѣ, успѣлъ уже позастыть—и потому приготовляется ему столъ на печкѣ, чтобы онъ хотя нѣсколько успѣлъ пообогрѣться (въ Ладейнополомъ уѣздѣ); Какъ скоро подается первое блюдо, вопленицы начинаютъ плакать; сначала причитываютъ священнику и церковникамъ, потомъ родственникамъ, сусѣдямъ и постороннимъ присутствующимъ; ходятъ по избѣ, кланяются во всѣ четыре угла и причитываютъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ сидѣлъ, лежалъ и ходилъ покойникъ; за тѣмъ выходятъ на сарай, дворъ, идутъ на поля, если онѣ близко, и также кланяются и приплакиваютъ. Тоже повторяется послѣ втораго и третьяго кушанья; послѣ каждаго — вопленицы мѣняются; провожаютъ священника со слезами и приплачками: вѣруютъ, что вмѣстѣ съ нимъ и покойникъ возвращается на кладбище.

Вспомнимъ здѣсь обычай сопровождать покойника калачемъ, наблюдаемый какъ извѣстно въ Кишиневѣ; калачь этотъ послѣ похоронъ съѣдается церковнымъ причтомъ; гости, приглашенные на похоронный обѣдъ—находятъ у своихъ приборовъ также по калачу, который они обязаны съѣсть за обѣдомъ, или взять домой; оставить калачь, значитъ, обидѣть родственниковъ умершаго, такъ какъ это принимается за нежеланіе помянуть покойнаго; въ 3-й, 9-й и 40-й день повторяется таже исторія съ калачами; иногда вмѣсто одного огромнаго калача въ похоронной процессіи несутъ корыто, наполненное маленькими калачами; въ одинъ изъ нихъ втыкается вѣтка съ привязанными къ ней плодами или ягодами. (Соврем. Извѣстія 1870 г. № 335-й).

Интересны примѣты относительно того, присутствовалъ ли умершій на поминкахъ или нѣтъ. Въ Сямозерскомъ приходѣ, гдѣ ставятъ столъ съ кушаньями на печку, смотрятъ потомъ, мокрая осталась лошка или сухая. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ладейнопольскаго уѣзда, чтобы увидать умершаго за столомъ въ 40-й день, заранѣе забираются на печку и оттуда смотрятъ за столъ чрезъ хомутъ *). Въ Ежесельгѣ въ это время носятъ маленькихъ дѣтей около стола и спрашиваютъ, видятъ ли они—тату, дядю, тётю и т. п. если они дѣти повторяютъ послѣднія слова, то значитъ, онѣ видятъ незримаго гостя. Если для покойника послана была на канунѣ постель, то смотрятъ на другой день, измята она или нѣтъ.

Не можемъ не записать здѣсь, для сравненія, обрядъ, соблюдаемый на поминкахъ у Мордвы въ Городищенскомъ и Краснослободскомъ уѣздахъ Пензенской губерніи. Передъ днемъ назначеннымъ для поминокъ, главою семейства созывается въ домъ все родство—и ближнее и дальнее; приходящіе приносятъ съ собою—кто пироги, кто кашу, кто брагу, кто водку. За столомъ между тѣмъ, въ переднемъ углу, разкидывается перина—и на ней любимое платье покойника. Всѣ собравшіеся молятся и ждутъ умершаго на приготовленный пиръ—но онъ не является. Что же дѣлать? Говорятъ одни. Да надо ѣхать за нимъ отвѣчаютъ

*) Г. Михайлевскій сообщилъ мнѣ, что у нихъ въ приходѣ для этой цѣли одинъ изъ близкихъ родственниковъ покойнаго забирается на печку и, одѣвшись въ шубу, лѣвой стороной вверхъ, смотритъ оттуда сквозь рѣшето—на мѣсто, приготовленное для покойника, вмѣстѣ такъ, чтобы это было не замѣтно для присутствующихъ за столомъ. Если увидитъ покойника, это хорошій знакъ; значитъ родственники хорошо молились за него.

другіе, а то вѣдь осердится. Какъ скоро занимается заря, одинъ изъ любимцевъ покойника отправляется на могилу—и зоветъ мертвеца въ гости. По возвращеніи онъ принимаетъ на себя видъ покойника, входитъ въ избу, кланяется на всѣ стороны и садится на перину, за столомъ; съ этой минуты онъ дѣлается предметомъ глубокаго уваженія со стороны всѣхъ присутствующихъ; старухи подходятъ къ нему съ земными поклонами и спрашиваютъ: хорошо ли жить на томъ свѣтѣ, не видалъ ли онъ такихъ-то и такихъ-то родственниковъ, какъ они живутъ... На всѣ подобные, вопросы мнимый покойникъ отвѣчаетъ утвердительно или отрицательно *).

Поминовенье умершихъ повторяется наканунѣ мяснаго заговѣнья передъ масляницей, но особенные обычаи наблюдаются только около Троицына и Ильина дня.

Въ Олонецкой губерніи около этихъ праздниковъ—совершается обрядъ закланія „завиченныхъ" животныхъ: быка **) или бѣлаго барашка ***). По окончаніи общаго столованья, за которымъ съѣдается жертва, начинается столованье частное; разстилаютъ скатерти на могилахъ и при этомъ поминаютъ умершихъ, кто чѣмъ можетъ ****). Подобный же обычай закланія жертвы и поминовенія наблюдается у мордвы — въ Пензенской губерніи, Городищенскомъ уѣздѣ и онъ-то именно, подалъ поводъ Пензенской Консисторіи обвинять въ идолопоклонствѣ жителей деревни Вязовки въ 1826 года.

---

*) См. Дѣло Пензен. Консисторіи объ идолопоклонствѣ жителей деревни Вязовки 1826 г. Также: «Пензенск. Эпарх. Вѣдом.» № 16, 1870 г.

) Въ Канакшанскомъ приходѣ. *) у Сунсоръ. ****) См. мою статью томъ въ Памяти. кн. Олонец. губ. за 1867 г.

Чтобы не бояться покойниковъ, для этого наблюдаютъ также извѣстные обычаи: щупаютъ напр. пятки у покойника, при прощаніи цѣлуютъ его покрѣпче;—когда везутъ на кладбище, смотрятъ изъ подъ дровень на ноги лошади, везущей мертвеца; по возвращеніи же съ кладбища—касаются пальцами домашней печки. Если онъ все-таки начинаетъ безпокоить привидѣніями, то на Свири прогоняютъ его уздой.

Когда человѣкъ умираетъ безъ покаянія, родственники умершаго кланяются въ ноги всякому, приходящему въ церковь а иногда и всякому съ кѣмъ только придется встрѣтиться въ теченіи 2-хъ или 3-хъ недѣль и при этомъ просятъ прощенія грѣховъ умершаго; это дѣлается подъ вліяніемъ вѣрованья, что грѣхи умершаго переносятся на живыхъ именно на тѣхъ, кои участвуютъ при отпѣваніи или которымъ вообще будутъ кланяться его родственники.

Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ приходахъ Каргопольскаго уѣзда со всѣмъ нѣтъ обычая поминовенія; сложилась даже пословица: „мертвой костью не шевсли“. У Суисаръ также кутіи не бываетъ, поминаютъ рѣдко и въ церковь, приносятъ одну мякушку.

Объ умершихъ дѣтяхъ обыкновенно говорятъ: „погибла невинная душенька“. Выкидышей, не крещенныхъ хоронятъ за оградой—въ болотѣ; но бывали случаи, что ихъ зарывали въ подъизбищѣ. Самоубійцъ въ Воезерскомъ погостѣ, Каргопольскаго уѣзда, зарываютъ въ 5-ти верстахъ отъ церкви; проходящіе, обыкновенно, кладутъ здѣсь камни или палки; когда послѣднихъ наберется много, ихъ сожигаютъ *). Уда-

*) Сообщ. Левъ Малиновскій.

вившихся въ Андомѣ зарываютъ на горѣ между елеми, поворачивая ихъ лицомъ въ землю.

СВѢДѢНІЯ О ВОПЛЕНИЦАХЪ, ОТЪ КОТОРЫХЪ ЗАПИСАНЫ ПРИЧИТАНЬЯ.

1. Ирина Ѳедосова

Крестьянинъ Матвей Савельевичъ Фроловъ, у котораго я стоялъ на квартирѣ, когда служилъ въ Петрозаводскѣ, въ разговорахъ со мной о разныхъ Олонецкихъ старинахъ, какъ-то сообщилъ мнѣ, что у нихъ, въ Заонежьѣ, очень жалобно причитаютъ на свадьбахъ и похоронахъ, что тамъ есть вопленицы на славу и слушать ихъ собираются цѣлыя деревни; что онъ лично знаетъ одну изъ такихъ вопленицъ—Ирину Андрееву, въ деревнѣ Кузарандѣ, за Яковомъ Ѳедосовымъ. Я попросилъ, во чтобы то ни стало, вызвать ее въ Петрозаводскъ; оказалось между тѣмъ, что она уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ перестала ходить по свадьбамъ и похоронамъ и живетъ въ самомъ Петрозаводскѣ. Я отыскалъ ее и распрашивалъ о причитаніяхъ, но она рѣшительно объявила, что ничего не знаетъ и сказывать не умѣетъ и съ господами никогда не зналась. Однакожъ, благодаря посредничеству моего хозяина, который по старому знакомству увѣрилъ ее, что я человѣкъ неопасный, она откровенно призналась, что знаетъ очень многое, что со младости ей честь и мѣсто въ большомъ углу, что на свадьбахъ-ли пѣсни запоетъ—ста-

рики запляшутъ; на похоронахъ ли завопитъ—каменный заплачетъ: голосъ былъ такой вольный и нѣжный. Я познакомился съ ней въ великомъ посту 1867 года и тотъ-часъ же началъ записывать отъ нея духовные стихи и старины; диктовать что-нибудь другое въ это время она считала грѣхомъ. Послѣ пасхи принялся я за причитанія; сначала она ходила ко мнѣ на квартиру, и дѣло шло успѣшно; но потомъ она нашла это не удобнымъ, и я самъ ежедневно путешествовалъ къ ней. Записыванье въ ея квартирѣ велось при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: мужъ ея плотникъ и содержитъ мастерскую. Ирина диктовала мнѣ свои плачи при шумѣ и стукѣ рабочихъ, и сама то и дѣло развлекалась хозяйственными хлопотами; диктовала она нѣсколько протяжно, и нужно было тотчасъ же ловить каждое ея слово; переспрашивать было нельзя: она вдавалась въ толкованія и начинала путать. Больше года продолжалъ я записывать народныя Олонецкія причитанія.

Ирина—женщина около 50 лѣтъ, крайне невзрачная, небольшаго роста, сѣдая и хромая, но съ богатыми силами души и въ высшей степени поэтическимъ настроеніемъ; рѣчь у ней живая и бойкая; то и дѣло льются съ языка пословицы и поговорки; 13-ти лѣтъ она была уже вопленицей, извѣстной по всему Заонежью. Вотъ ея разсказъ о самой себѣ.

„Родители мои—Андрей Ефимовичъ да Елена Петровна—были прожиточные и степенные; мать—бойкая на 22 души пекла и варила и вездѣ поспѣла, не рыкнула, не зыкнула; отецъ рьяной—буде прокричалъ, а сердцовъ не было; былъ еще братъ, да двѣ сестры, а въ нихъ толку мало; я жъ была сурова; по крестьянству—куды какая! колотила, молотила, вѣяла и уби-

рала; сѣвца не наймуютъ, а класца́ наймуютъ; 8-ми-годъ знала, на каку полосу сколько сіять; 6-ти-годъ на́ ухожъ лошадь гоняла и съ у́хожа домой пригоняла; разъ лошадь сплеснулась; я пала; съ тѣхъ поръ до теперь хрома. Я грамотой не грамотна, за то памятью я памятна; гдѣ што слышала, пришла домой, все разсказала, быдто въ книгѣ затвердила, пѣсню-ли, сказку-ли, старину-ли какую. На гулянку не кехтала, не охотила; на прядиму бесѣду отецъ не спущалъ, а разъ въ недѣлю, молча, уходила; приду—мѣсто сдѣлаютъ у свитца; шутить была мастерица, шутками да дурками всѣхъ разшевелю; имя мнѣ было со изотчиной; грубнаго слова не слыхала: бѣдный сказать не смѣлъ, богатаго сама обожгу... Стали люди знать и къ себѣ приглашать—свадьбы играть и мертвымъ честь отдавать".

Съ малолѣтства любила я слушать причитанья; сама стала ходить съ причетью по слѣдующему случаю. сусѣдку выдавали замужъ—а вопленицы не было. Кого позвать? Думали-гадали, а все-таки сказали: „кромѣ Иришки не кому". На бесѣдахъ дала себя знать; бывало тамъ свадьбой играли" и я занаро́къ причитывала. Ну и пригласили; мать отпустить не сміетъ. Писарь волостной былъ сродникъ невѣстѣ; присталъ ко мнѣ и говоритъ: „согласись, мы уговоримъ отца,—не выдаемъ тебя въ брань да въ ругательство". Согласилась, произвела свадьбу. До весны—дѣло дошло; стали звать на другую свадьбу; отецъ и говоритъ: „не́ для-чего ее приглашать: бѣдь не знаетъ она ничего". Какъ не знаетъ? По зимѣ у сусѣдки причитала. Отецъ возгорчился; кто, скаже, позволилъ? Писарь Петръ Кондратьевичъ, отвѣчала мать, да голова Алексѣй Андреевичъ. Ну, когда этакіи лица просятъ, такъ—пусть; для меня какъ хочетъ; дѣло-свиное".

Замужъ вышла 19-ти лѣтъ; женихи все боялись, што не пойду, да и я того не думала и въ умѣ не держала, чтобы замужъ итти: сама казну наживу да голову свою кормлю. Перво—сватали за холостаго, парня молодаго; родители не отдали. Послѣ многіе позывали, да сама не хотѣла—будь хоть позолоченой, не пойду. Тутъ люди стали дивоваться, а я замужъ собираться; палъ на сердце не молодой вдовецъ:—знать судьбина пришла Дѣло было такъ: пріѣхалъ сусѣдъ съ дочерью въ гости; у насъ въ деревнѣ была „бесѣда игримая“; старикъ—гость сидитъ да толкуетъ съ отцемъ; а я говорю отцу: „спусти на бесѣду“.

Куды? Говоритъ, можно и дома; грѣха-то тутъ на душу.

Гость упрашиваетъ, чтобы отпустилъ: она, скаже, такая разумная да къ людямъ подходительная—отпустить можно. „Не спущу, отвѣчалъ отецъ, лучше не говорите.

Замолчала я, сѣла прясть и въ умѣ взяла: „не поѣду за сѣномъ, не пошлешь ни за што“.

Смотрѣлъ, смотрѣлъ отецъ: што, скаже, груба сидишь? Ступай на бесѣду, коли охота такая привязалась.

Я просто за просто, въ сарафанѣ—костычь, въ фартучкѣ, прялицу въ руки—и на бесѣду. Мѣсто сдѣлали; пріѣхавшая гостья и подзываетъ: сядь-ко ты подли меня, есть поговорить. „Дѣвко! думаешь ли замужъ?“

— Нѣтъ жениха, говорю я.

„Женихъ есть, да не смѣетъ звать—не пойдешь.

— Для чего; отвѣчаю, завѣту нѣту; прилюбится и умъ отступится; судьба есть, такъ пойду. Какой такой?

„Удовецъ—ужели не запомнишь? Петръ Трифоновичь.

— Какой такой пестрый воскресъ; какое у его семейство?

„Сынъ да дочка; сынъ женатой, да у сына двое дѣтей.

— Фатеру знаю, а жениха не знаю.

„Дѣвко, можно итти; участочекъ хорошой; а ты бойкая; самъ онъ годъ шестидесяти.

— Ну, это дѣло терпящее, ночью съ Ангеломъ по думаю, а утромъ скажу; отцу не докладайте.

Съ бесѣды пришла до первыхъ пѣтуховъ; не ѣмъ не пью; мать замѣтила: „што ты, скаже, сдіяла; сурова́ ты; „што ты, голубонько, кручинишься".

Легла спать; не спится, а думается, въ дѣвушкахъ сидѣть, али замужъ итти

Ну-ко, бесѣдница, утромъ рано подымалъ отецъ, на ригачъ ставай—молотить. Встала; дѣло дѣлаю, а сама—не своя. Повѣдала думу невѣсткѣ, хозяйкѣ братовой. Баба! Скажу, замужъ зовутъ.

Ну што, говоритъ, вѣдь ты не пойдешь

Нѣтъ, отвѣчаю, можно. Какъ сваты пріѣдутъ, Ермиловна, ты скажи имъ, гдѣ я; тамъ я посмотрю жениха.

Съ овина отпорядничалась, случились повозники въ Толвую—на Горки. Я подавалась родителямъ; спустили и я въ гости съѣхала; отсюда на свадьбу позвали въ Заозеро къ Мустовомъ. Женихи пріѣхали къ отцу, ихъ повѣстили, куды я отправилась; пріѣхали оны на Горки, гдѣ я въ гостяхъ и здѣсь не застали, въ слѣдъ за мной—въ Заозеро. Сижу я тамъ и пою со слезамы; обидуюсь; какъ слышу, вдругь въ горницѣ самовары готовятъ, большухи уху варятъ; къ крыльцу три мужика на 2-хъ лошадяхъ подъѣхали; гляжу, одинъ знакомой, другаго не узнала даже; въ умахъ нѣту, что женихи наѣхали. Богу помолились по фатеры похаживаютъ. Одинъ изъ нихъ, Петръ Андреевичь и говоритъ:

Въ тебѣ нуждаются, ты далеко заѣхала, мы за дѣломъ были у васъ—сватать; ну, какъ слышно, есть въ Кузарандѣ свадебка? Вѣдь дѣло заговѣльное.

Богъ ли понесетъ, съ воли да въ подневолье, отвѣтила я.

— Нѣтъ ужъ, какъ хошь, надо итти, мы такую даль ѣхали.

А гдѣ же женихъ? Спросила я.

А вотъ онъ по фатеры похаживаетъ, сказалъ Петръ Андреевичь.

— Я неволи не лисица; не объѣмъ, не обцарапаю; пусть самъ заговоритъ, не 17 лѣтъ.

Женихъ сѣлъ подлѣ меня и говоритъ: „идешь ли за мужъ?

— Не знаю,—итти-ть ли.

Иди, говоритъ, не обижу; сталъ подбивать и подговаривать.

— Вѣкъ такъ ласкаетъ вашъ братъ.

Со свадьбы отправилась я—въ Толвую, гдѣ въ гостяхъ; скоренько роздѣлась, поужинала; пріѣхалъ и женихъ: сижу я за прялкой; онъ подсѣлъ и говоритъ: „умѣешь бойко прясть“.

Еще бы, говорю; не въ лѝсяхъ родѝлась, не пнямъ Богу молилась. Ну, што ты говорю, берешь меня; я человѣкъ молодой,—ты матёрой; мнѣ поважено по свадьбамъ ходить да игры водить; вы люди—матёры, варить не будете: какое будетъ житье; биси въ лисѣ насмѣются. Да и мнѣ не охота выходить; выйдешь, за́мужье—не хомутъ, не спѣхнешь; не́ мило, да взглядывай, не люба́ свекровка, звать ю матушкой; ху́до мое мужишко—веди его чиномъ.

Женихъ на это замитилъ: „не крѣпка жена умомъ, не закрѣпишь тыномъ“.

Ну, когда такъ, порѣшила я, пойду; што будетъ, хоть худо, хоть хорошо, а ты помни, домъ вести не бородой трясти, жену дѣтей кормить—не розиней ходить. Теперь поѣзжайте на родину скоряе, а то, смотрите, мужики за бревнамы уѣдутъ; дѣло затянется—долго ждать.

Оны отправились, а мы легли спать; не спится мнѣ: къ худу ли, али къ добру тянетъ; сонъ на глаза не йдетъ. На улицѣ стало на́ свѣтъ похоже; сестра печку затопила; гляжу—братъ пріѣхалъ за мной, я сплю не сплю; сестрія будитъ: ставай, братъ пріѣхалъ. Стала, поздоровалась—„тебя, говоритъ, сватаютъ“.

— За кого? спрашиваю, будто сей часъ и слышу, не знаю жениха.

— Не пойду, говорю, здѣсь останусь; Богъ съ нимъ, кто такой тамъ пріѣхалъ.

„Поѣдемъ, говоритъ, не велѣно оставить“.

Одѣлась, поѣхала. Дома народу много, женихи въ большомъ углу; я глаза перекрестила, поклонилась—была вѣтреная мельница; тамъ отецъ съ има займуется, а я и не гляжу на жениховъ. Въ печкѣ все стопѣлось, я ко́лыбы расклѣпала; гляди женихъ—я знаю шить и кроить и коровушекъ доить и порядню водить; тутъ наладила пойво,—и въ умахъ нѣту, што въ избѣ женихи, порядничаю. Оны позвали родителя въ сѣни: пойдемъ—дескать, есть поговорить. Сошли—поговорили. Отецъ съ матушкой меня—въ особой покой.

Што дочь, говорятъ, жениховъ приказала? Идешь ли за мужъ?

— Какъ хотите, отвѣчала я, на воли вашей; вы кормили-поили, дочь я ваша и воля ваша.

Отецъ порозмыслилъ и объявилъ женихамъ: „на́ хлѣбъ на соль—милости просимъ, а по это дѣло не́ по што.

Народу въ избѣ множество—деревнище большое; сродники стали подговаривать—тутъ и я говорю:

Што жъ родители, куда воды полилась, туды и лейся; пойду, што Господь дастъ; худо ли хорошо ли, будетъ, ни на кого не посудьячу.

Мать завыла и говоритъ: „што ты дитятко, што ты оставляешь, покидаешь насъ, на тебя вся надежда.

На меня, отвѣчаю, надія какая? Отъ дѣвокъ не велики города стоятъ; остается у васъ сынъ, еще дочь, невѣстка; мы дѣвушки—зяблыя сѣмена—ненадежныи дѣтушки. Родитель—отецъ взялъ свѣщу затопилъ, по рукамъ ударили, я заплакала, пошло угощенье: зазвала я дѣвушекъ; въ гости поѣхали—со звономъ съ колокольчиками, а тамъ пѣсни, игры, тонцы. Матушка ужасно жалила, сусѣди срѣкались, „што ходила по свадьбамъ, да находила; двадцати-лѣтняя дѣвушка да идетъ за шестидесяти-лѣтняго старика; не стане жить любить старичонка, удовщище вѣдь онъ да посидѣлище“. 13 лѣтъ жила я за нимъ и хорошо было жить; онъ меня любилъ да и я его уважала; моего слова не измѣнилъ, была воля итти, куды хочешь. Померъ онъ въ самое Рожество. Все жалѣлъ меня покойная головушка: „не пожить тебѣ такъ, выйдешь за мужъ, говорилъ онъ, набьешься ты нашатаешься“.

Вдовой жила отъ Рожества до Филипова заговѣнья. Была копѣйчёнка моя и его—въ одно мѣсто клали... Сначала жила и въ умахъ не было законъ переступать. Тутъ стали звать за Якова Ивановича съ Кузаранды. Пойду ли? Говорила. Што вы? Женихъ ли Ѳедосовъ?

Пришелъ его братъ—сватать, отперлась. За тымъ старушка дядина ко мнѣ-кова по вечеру, стали бесѣдовать: „поди, говоритъ, за Якова; подумала—подумала и согласилась. Въ тотъ-же вечеръ женихъ съ братомъ

ко мнѣ: кофеемъ напоила, посовѣтовала, слово дала; на другой день я состаю съ постели—а онъ съ зятемъ ужъ тутъ; на столъ закуску, водку, самоваръ поставила, по рукамъ ударила, жениху подарила рубашку, зятю полотенце, животы прибрала а потомъ и къ вѣнцу; не много причитала; отъ вѣнцу стрѣтили родныи, провели въ горницу, отстоловали порядкомъ. Дядина да диверь—браныть стали, всю зиму бранили, привидла всего; Яковъ мой такой не хлопотной а оны базыковаты *), обижали меня всячески. По весны Яковъ отправился къ Соловкамъ—а я все плакала да тосковала; все крестьянство у ихъ вела; весной скотину пасти отпущали и я сойду, бывало, сяду въ лисѣ на деревинку или на камышокъ и начну плакать:

Не кокошица въ сыромъ бору кокуе,
Это я бѣдна кручинная тоскую:
На катучемъ да снѣжу я синемъ камышкѣ,
Проливаю горьки слезы во быстру́ рѣку....
Плачу, плачу, за тымъ и пѣсню спою съ горя:
Вотъ у Мани красно солнышко,
Оно во тумани:
Во печали красна дѣвушка,
Во большой заботы.
Взвѣщевало мое сердче,
Взвѣщевало зло—ретливо,
Мнѣ-ка не сказало:
Сердче слышало велику надъ собой незгоду,
Што въ конецъ моя головушка,
Вѣрно погибаетъ....
. . . . . .
. . . . . .

*) Бранчивы, сварливы.

Въ настоящее время эта вопленица, какъ упомянуто выше, живетъ въ Петрозаводскѣ;—къ городской жизни не можетъ привыкнуть и постоянно собирается въ Кузаранду: свой домъ, говоритъ, не коза, рогама небудётъ; кто гдѣ родился, тому тутъ Іерусалимъ; на камышикѣ посидѣть да народникѣ побывать; чужая сторона не медомъ налита, не сахаромъ посыпана, хорошо жить въ людяхъ, да тяжело въ грудяхъ; чужая сторона—старитъ, а своя печка гладитъ. Интересно, когда она ласкаетъ своего мужа, но еще интереснѣе когда она начинаетъ бранить его: благовѣрный ея любитъ выпить. „Волыглазъ *) ты эдакой! Спородила меня мама, да не приняла яма. И чортъ меня понесъ за тебя. Почетъ ли въ тебѣ, прибыль ли въ тебѣ, разумъ ли въ тебѣ? Живешь долѣ, грѣха болѣ. Яковъ! помни, каковъ ты! Умретъ пьяница, тридцать лѣтъ духъ не выходитъ; не тихомѣрная **) милостыня, не нощное моленье, не земные поклоны, ни-что ему не помогаетъ: пьянство души потопленіе, семейству раззореніе. Смотри Яковъ, что грѣшешь, то и хлѣнешь. Полно шавить ***): на огонь да на пропой казны не наполнишь. Нѣтъ ужъ видно, съ пьянымъ, съ упрямымъ пива не сваришь, а и сваришь, такъ не выпьешь: лапой гладитъ, а другой въ щеку ладитъ; нѣтъ разума подъ кожей, не будетъ на кожѣ. Вотъ ужъ торговала я въ лавочкѣ да вышла съ палочкой; за добрымъ мужемъ, какъ за городомъ, за худымъ мужемъ и огородбица нѣтъ; есть за кѣмъ рѣка брести да мѣшокъ нести. Изъ чину въ чинъ, а домой ни съ чимъ.

---

*) Большеглазой.
**) Тайная
***) Баловать.

Приведемъ здѣсь кстати нѣсколько и другихъ эпическихъ оборотовъ, пословицъ и поговорокъ, которыя часто льются на ея языкѣ и которыя удалось записать намъ:

Егорей, Егорей! Скуй своихъ собакъ на мѣдныя чепи, на желѣзныя крюки.

Кириллу Ребольскаго долгаго смерть не любитъ.

Въ сорокъ годъ всяко наживешься, на конѣ и подъ конемъ, на горѣ и подъ горой: Аѳанасья батюшкомъ назовешься.

Приводитъ нужа къ поганой лужѣ.

Бываетъ дотычка и до худого лычка.

Тоски воли не давай: не тужи горе, хвали горе, чтобы горе не плакало.

Терпи голова, съ кости скована.

Горе на калику волокида, а въ мірѣ калика не погине.

Въ мірѣ не одны двери.

Захоче ѣсть брюхо, ѣстъ и сухо.

О хлѣбѣ человѣкъ-отъ твердъ.

Наказаннымъ разумомъ да надутымъ вѣтромъ не долго живешь.

Молодость горамы шатае, а не то што нашима умама.

Солдата не зови братомъ: съ солдатомъ дружись, а топоръ за кушакомъ держись.

Русскій Богъ не любитъ хвастать; не глядитъ Богъ да возметъ, не сулитъ Богъ да пошлетъ.

Народъ мудренѣе, а земля пустѣе.

Стали крестьяна разживаться, а отъ семянъ земли оставаться

Изо-ста мужъ, изъ тысящи жена: у чорта голову сорвала, да другому подклала.

Каргополы—долгополы! Подьте къ намъ ночевать: у насъ сѣно зелено, да просьба солена; тетки молоды; да толсты.

Отъ Ирины Ѳедосовой записаны причитанья I, IV, VI, VII, VIII, IX, X, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XIX, XX, XXI, XXII.

2. *Анна Первенцева.*

Живетъ она на своей родинѣ въ Кулгальскомъ приходѣ, Пудожскаго уѣзда; отецъ ея Михаилъ Ѳедоровъ служилъ здѣсь священникомъ и умеръ три года тому назадъ; мать Степанида Васильева жива и до сихъ поръ; въ семействѣ у ихъ было 7-мь дочерей и 6-ть сыновей; Анна Первенцева—росту средняго, хлопотливая, дѣятельная и рьяная, съ 14 лѣтъ стала заниматься хозяйствомъ. Какъ старшей изъ сестеръ, ей поручали, обыкновенно, наблюдать за прочими рабочими и въ случаѣ надобности пріучать ихъ къ труду; по этому она привыкла властвовать, требуетъ, чтобы все дѣлалось на ея ладъ и гордится, когда домогается исполненія желаній; въ противномъ случаѣ раздражается и всегда готова прочитать „сердитую мораль“ тѣмъ, кто ее не хочетъ слушать.

Причитать научилась она на погостѣ, гдѣ каждый воскресный и праздничный день слышатся причеты родныхъ надъ умершими. Отъ ней записанъ плачъ II.

3. *Марья Ордорова,*

Родомъ эта вопленица—изъ Каргополя, дочь дьякона, съ 10 лѣтъ занималась рукодѣльемъ, и заработанныя деньги употребляла большею частію на содержаніе братьевъ въ училищѣ и семинаріи; шьетъ она

ризы, стихари, духовное и крестьянское платье; крута она, но не злопамятна; замужъ вышла 33-хъ лѣтъ, въ 1864 году, за Архангельскаго станціоннаго смотрителя Якова Ѳедорова, который въ настоящее время состоитъ пріемщикомъ въ Повѣнецкой почтовой конторѣ.—Причитать научилась она отъ одной старой вопленицы, которая по бѣдности имѣла пріютъ въ домѣ ея родителей. Отъ ней записанъ плачъ XVIII.

4. Анна Лазорихи.

Въ минувшемъ 1870 году я былъ на родинѣ въ Новгородской губерніи, въ Череповскомъ уѣздѣ; оказывается что и здѣсь есть еще плакальщицы, извѣстныя цѣлымъ волостямъ своими умильными причитаніями; къ сожалѣнію, по причинѣ своего нездоровья я не могъ видиться съ ними и ограничился записываніемъ плачей отъ одной, малоизвѣстной плакальщицы, которая живетъ на самомъ мѣстѣ моей родины—въ селѣ Логиновѣ именно отъ Анны Лазорихи. Она женщина росту средняго 60 лѣтъ; отецъ ея—крестьянинъ Егоръ Петровъ изъ Еляхина, за Новинками; мать—Авдотья Петровна; въ семьѣ было еще 3 сестры и 7 братьевъ. Но пусть далѣе разсказываетъ сама: молодая была—я ой, какая веселая; думала, что и не отстать отъ писенъ (пѣсенъ) али и бусъ не скинуть съ шеи; писенъ знала больше ста; и теперь которыя-тко знаю. „Была я въ браковкахъ—меньшую сестру за мужъ отдали; въ Логиново просватали не хотя—баринъ Андріянъ Хлѣбниковъ силой сюда отдалъ, женихъ нелюбой; въ семьѣ, куда отдали была ватага 20 человѣкъ. Все въ горѣ живу; съ 13 лѣтъ ходила на барщину—больше 25 годовъ;

помаялась въ сытость; бывало, на недѣлю себѣ хлѣба неси а на бѣлой дворъ придешь, стоитъ розга; одинова стегали—пришла на обѣдъ; зимой тоже все на барина работали; угольныя ямы дѣлали, все въ нуждѣ жили; въ полночь стану передъ божницей и все молюсь, да молюсь: отнеси насъ, Господи, отъ этого житья. 14-ть годовъ—какъ умеръ хозяинъ; три сына осталось. Ѳедоръ—въ Питерѣ теперь, въ три года посылалъ деньги, а тутъ ни письма ни грамотки, Еаноръ да Романъ; первой ужъ оцень проворной, самоучкой всему выучился и читать и писать, мастеръ на все; а теперь я живу кое-какъ, все о немъ сухочуся; только когда усну, забуду; сказали мнѣ добрыи люди: свѣчку поставь, говорятъ, на выносъ,—сжалохнется сынъ, или въ 3-хъ церквахъ подай за упокой. Не мучитъ работа, а сушитъ забота; все въ бѣдѣ живу, на томъ свѣтѣ што будетъ; хоть бы на томъ свѣтѣ, какую либо радость Богъ далъ; живу, бьюся, иное и развоюся да думаю, хоть смерть-то бы скорѣе по меня шла; обо всемъ печалюся, зимой и дрова-то сама возила на дровенькахъ; молюсь за царя и все священство, сколько есть на свѣтѣ, за любящихъ, за нищихъ и бѣдныхъ и за все страдное крестьянство. Отъ ней записаны плачи III и V.

5. Клавдія Моисеева.

Крестьянка села Твердилова, Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи; по разсказамъ ея, она съ 9 лѣтъ пошла въ поле, жала, косила, молотила; дома пряла и ткала и съ рябятами нянчилась, любила на бесѣды ходить и пѣсни пѣть; 19-ти лѣтъ за мужъ вышла

не за чаяннаго жениха: онъ ужъ, говоритъ, былъ съ женой какъ я въ дѣвкахъ сидѣла; вышла за вдовца, такъ себѣ не за любова, жила съ нимъ 12 лѣтъ, „не изъ избы не въ избу“; пилъ онъ очень,—ни днемъ, ни ночью покою не было; вотъ ужъ 6 лѣтъ, какъ овдовѣла; 4-хъ дочерей принесла, а живая одна; причитать выучилась въ своей деревнѣ—еще въ дѣвкахъ; указная дорога, говорила она, о комъ какъ плакать; плаканье—плаканью разнота́ и не на тотъ голосъ; словами; причётовъ не скажешь, а въ голосѣ, гдѣ што берется; и складнѣе и жалобнѣе; сколько бывало не плачешь а все останется. Теперь эта женщина живетъ въ Москвѣ. Отъ ней записанъ плачъ XI.

[illegible]

СѢВЕРНО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ

СЪ ОБЩИМИ ЗАМѢЧАНІЯМИ

О ЯЗЫКѢ ПРИЧИТАНІЙ.

А*.

Ай-да-хватъ, одобрительн. выраженіе (ай-да Сенко, ай-да хватъ).

Аль, союзъ раздѣлительный 45, 6, 7).

Арава, множество (экая арава народу).

Арда, вѣшалка, на которой сушатъ невода.

Арандать, ворчать (старуха арандае).

А'се, а вотъ—Каргопольское присловье (Асе Анделъ въ цяшу,

Ась, откликъ на недослышанный вопросъ; онъ замѣняетъ собою обычныя: что? какъ?

Ахтамонъ, трава, извѣстная знахарямъ.

Аукать, подавать голосъ въ лѣсу.

Аукаться, откликаться (я буду аукать, смотри, аукайся).

Б.

Баба, тумба, на коей вращаются воробы при свиваніи нитокъ на турикъ, (см. воробы).

Бабина. замужняя женщина.

Бажоный, любимый до обожанія. 51, 44.

Баклоіа, (по Бѣжец. Т. Г. *Баклага*, по Череп. Н. Г. *Баклуга*), сосудъ оч. вмѣстительный. (Цѣлую баклогу выпилъ).

Баламутный, человѣкъ, который болтаетъ много пустаго.

Бангать, звонить (чю! къ обидни бангаютъ).

Бардевить, плѣсневѣть (хлѣбъ забардевѣлъ).

Барте, вм. брате. Карг. присловіе женщинъ. (Я—барте, была барте въ банѣ).

Бате, подобное же Карг. присл. (А што бате, бате, сидитъ сова на карытѣ, не можно ее накормити).

Батъ, вм. баетъ, говоритъ. При-

---

*) Словарь этотъ составленъ по мысли Академика И. И. Срезневскаго еще въ 1867 г. Въ составъ его вошли слова, которыхъ нѣтъ въ «Областномъ великорусскомъ Словарѣ и въ Дополненіяхъ» къ нему, равно какъ и всѣ непонятныя слова, встрѣчающіяся въ сборникѣ причитаній. Здѣсь прилагается онъ согласно желанію «Общества Любителей Россійской Словесности.» Сокращенные слоги и одиночныя буквы имѣютъ слѣд. значеніе:

Н. Г —Новгородской губерніи.
Т. Г.—Тверской губерніи.
О. Г.—Олонецкой губерніи.
Чер. у.—Череповскаго уѣзда.
Уст. у.—Устюжскаго уѣзда.
Бѣж. у. Бѣжецкаго уѣзда.
Карг. у. Каргопольскаго уѣвда.
Карг. присл. Каргопольское присловье.

Слова, за которыми не слѣдуетъ никакихъ знаковъ, относятся къ Олонецкой губерніи. Слова, при которыхъ стоятъ арабскія цифры, встрѣчаются въ «Плачахъ;» первая цифра указываетъ страницу, другая—стихъ.

словіе въ повѣствовательной рѣчи. Онъ-батъ, шелъ-батъ по кладямъ, упалъ-батъ въ воду и насилуй-батъ вышелъ. (Уст. у. Н. Г. Бѣж. у. Т. Г.).

Барахтать, не поддаваться, осиливать.

Бархатка, бархатная ленточка, носимая дѣвицами на шеѣ.

Бачага, лужа

Баской, красивый. 22, 21.

Басенька —отъ *басъ*, краса. (Дѣвы, смотьте-ко, басеньки-то, басеньки колько—Чер. у. Н. Г.).

Безбратній, не имѣющій брата (266, 33).

Безчисленникъ, бранное выраженіе, тоже что *невѣжа*.

Безнайду, безвозвратно (потерялъ топоръ безнайду).

Безотній, неимѣющій отца. 2, 3.

Безперая, курица безъ яицъ.

Безповинный, не виновный. 266,23.

Безпоранній, преждевременный. 57, 74.

Безпутье, бездорожица, распутица весной и осенью.

Безуненный, эпит. дѣтей, которыхъ нельзя унять въ шалостяхъ. 2, 2.

Безутышно, безутѣшно. (Сусѣдка воетъ безутышно).

Бердо, рѣшетчатая доска, посредствомъ которой производится затканье поперечныхъ нитокъ, проведенныхъ между продольными. Чер. у. Н. Г. Бѣж. у. Т. Г. Петроз у О. Г.

Бережатый, вм. сущ. сберегатель, сторожъ 72. 62.

Березина, срубленая береза.

Березовикъ, родъ грибовъ, растущихъ въ березовыхъ лядинахъ.

Березовый квасъ, окисленный, березовый сокъ. Чер. у. Н Г.

Бестія, бранное слово. (Ахъ, ты бестія).

Висникъ, знающійся съ бѣсами.

Бишь, присловіе (што бишь я базлъ, запамятовалъ).

Болозно, толстая доска—у сохи, къ коей прикрѣпляются сошники.

Большакъ, глава семьи или настоятель общежитія. 19; 27.

Богоданый, родственный по женѣ или мужу. 41, 145.

Болонь, мостъ въ гумнѣ.

Бо́льно, весьма, очень. (Больно хорошо).

Большевытный, тоже что ѣдучій. 47, 65.

Боровикъ, родъ грибовъ, растущихъ на боровыхъ мѣстахъ; когда ломается ихъ корень, ткань ихъ тотчасъ чернѣетъ. Чер. у. Н. Г.

Ботва, тина у овощей.

Буево, *Буевка*, кладбище. 45, 13, 70, 4.

Буй, междуусобная драка двухъ партій ребятъ Уст. у. Н. Г.

Бука, начальникъ. (Чу, буки наѣхали).

Букъ, бочка, въ коей парятъ бѣлье.

Буквица, трава лекарственная.

Бунцять, звѣнить. (Полно бунцять въ сковороду).

Бурондать, ворчать, (вѣчно старикъ бурондае).

Бѣломоя, прачка.

Бѣлояровый, эпитетъ пшены 89,27.

Бышдырь, нарывъ на кожѣ

Блеяндать бляять (овцы блеяндаютъ).

Блинникъ, большой пирогъ, начиненный блинами, Чер. у. Н. Г.

Боекъ, тоже, что прястень (см. это слово) Чер. у. Н. Г.

Бродовщикъ, человѣкъ. пролагающій дорогу.

Броспуть, собирать (пойдемъ броспуть ягоды).

Брусневa, *Броспуха* и *Броспутка* снарядъ коимъ очищается ленъ отъ костицы Карг. у. О. Г.

Брутуха, кислица.

Брызпуть, броситься въ бѣгъ, (стоялъ, баялъ, да какъ брызпетъ)

Бывъ, союзъ, будто. 42, 166.

В.

Валежъ, *Валельное мѣсто*, вырубленный лѣсъ для добыванія угля. Чер. у. Н. Г.

Валекъ, круглая палка, при посредствѣ коей катаютъ бѣлье. Чер. у. Н. Г.

Валить, рубить (валить лѣсъ).

Валушка, поминальный пирожокъ, въ который запекается иногда „денежная милостыня".

Варовой—бойкій человѣкъ.

Ватулить, говорить неприличныя выраженія.

Вахтарить, варить что нибудь съ избыткомъ.

Векошки, блоки, при посредствѣ коихъ дѣйствуетъ *ничевка* въ ткацкомъ станкѣ.

Вережинка, теплая вода.

Верендать, сильно плакать, визжать (ребенокъ верендае).

Вереснякъ, можжевельный лѣсъ.

Верстать, отдавать замужъ. 75, 22.

Вертило, вкрадчивый человѣкъ, умѣющій пользоваться другими для своихъ цѣлей.

Верхсыть, ѣда въ заключеніе обѣда или ужина.

Верша, рыбная ловушка въ видѣ сѣти (О. Г.) или въ видѣ конусообразнаго снаряда изъ ивовыхъ прутьевъ (Н. Г.).

Ветшанный, ветхій, старый.

Взабыль, на самомъ дѣлѣ. Чер у. Н. Г.

Взышонъ, взыченъ, громкій, звучный. 58, 14.

Викать, пищать, (перестань викать, а то тя).

Винный, наполненный виномъ. 73, 74.

Витерь, кужа изъ нитокъ.

Витый отъ *вить*, свивать. 73, 99.

Вирать, ковырять (такой-то знае лапти вирать).

Водоплавный, эпитетъ сѣрой утки. 111, 16.

Водыльникъ, водяникъ; голова у него, какъ куча сѣнная, съ виду черный.

Возжуплять, воспѣвать. 106, 32.

Волости, болѣзнь въ родѣ рака. Волости тя возьми. Бранное выраженіе.

Волоковое окно, труба въ черныхъ избахъ.

Вонная сторона, внѣшняя сторона.

Воробы, крестообразно сложенныя палки, вращающіяся на тумбѣ при свиваніи съ нихъ нитокъ на турикъ.

Воротница, заворъ или ворота, ведущія въ поле.

Ворохъ, куча обмолоченныхъ, но не провѣянныхъ, хлѣбныхъ зеренъ. Чер. у. Н. Г.

Воскликать, плакать съ причетью. 35, 11.

Востримть, поднимать, (лошадь стоитъ, уши востритъ).

Впотай и *вопотай*, не замѣтно, тайно. 61, 12.

Вчастую, часто (вчастую гостить).

Втымежъ, въ то время, когда.

Взабудущую, до безпамятства (спать взабудущую).

Выкидникъ, недоношенный ребенокъ.

Выкличъ, вызовъ (сдѣлали выкличъ на сходѣ).

Вырында, куча хвороста.

Вырыснуть, хвастать.

Выткалынца, кукушка.

Вѣсучій, тяжеловѣсный.

Вѣтляный, привѣтливый на словахъ развязный вѣдвиженіяхъ.

Вязанки, вязаныя рукавицы 148, 236.

Вячать, кричать. (Што ты вячишь?)

Г.

Габукъ, ястребъ.

Гаведь, всякая дрянь.

Галентурникъ, женскій праздничный нарядъ.

Галить, издѣваться.

Гаять, открывать. (Што ты рот—отъ гаешь)!
Гладь, ровность. (На озерѣ тишь да гладь, да Божья благодать).
Глажи, ягода морошка.
Глиба, замерзшій комокъ земли.
Глиной, гнилостный, гнилой.
Глобы, полаты въ гумнѣ или сараѣ.
Глотуха, черемха.
Глуздить, скользить. (Не могу пойти, сапожки глуздятъ).
Гнехать, ударять.
Гнѣдко, гнѣдая лошадь.
Гнуса, копошунья, небойкая баба.
Гогона, крикунъ (такъ называютъ пѣтуха, который громко поетъ).
Головица, околоченныя головки льна. Чер. у. Н. Г.).
Горепашица, женщина удрученная горемъ. 20, 6.
Горша, сорная трава.
Горѣть, бушевать (трои сутки море горѣло погодою).
Горячее, чай и кофе (нанялъ Фатеру съ горячимъ).
Горьковать испытывать горе. 98. 11.
Горюнъ, горемыка.
Гостибье, угощенье. (Не осуди на гостибьѣ).
Грабать, щупать.
Грязникъ, лужа на дорогѣ.
Гульливый, гулящій чѣловѣкъ, гуляка 47, 64.
Гулярный, праздничный. 4, 63.
Гуньба, разговоръ,
Гутачь, сова.

Д.

Даеаться, проситься. 1, 2, 4.
Двинянка, хлѣбъ.
Дехтярь, дятелъ.
Денежникъ, трава, растущая во ржѣ.
Денникъ, огороженное мѣсто, гдѣ кормятъ лѣтомъ лошадей.
Денный, дневный.
Державушка, ласкательное названіе мужа.
Держать висть, посылать извѣстіе.
Діяться, дѣлаться. 88, 5.
Дилливый, дѣловой, трудолюбивый.
Дмецъ, человѣкъ, который дуетъ крицы въ домницахъ. Чер. у.Н.Г.
Доброхотъ, ласкательное слово.
Доброумье, хорошее расположеніе духа. 42, 172.
Добывать, наживать (добывать деньги).
Дозаболи, дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ.
Докучать, настойчиво просить, доискиваться.
Долювькій, эпит. жизни. 33, 18.
Долиночка, отъ *доля*, часть, участокъ, 32, 14.
Дольщица, пайщица, участница. 17, 4.
Домникъ, чанъ, въ коемъ варятъ пиво.
Домовушка, хозяюшка. Домовушка спеки теплый блиночикъ.
Домовище, гробъ. Домовищечко. 58, 12).
Дородень, рослый, полный, здоровый мущина.
Досюльщина—што, было до сихъ поръ (292, 29).
Дотычка, надобность (буватъ до тычка и до худаго лычка).
Доюха, корова, дающая много молока.
Дранка, тонкая лучина.
Дратва, нитка, которой шьютъ сапоги.
Дробовникъ, ружье, изъ котораго стрѣляютъ дробью.
Дробыть, робѣть 284, 70.
Дрожуха, лихорадка.
Дрочена, пряженая оладья.
Дуванъ, добыча,
Дурливый, шаловливый. 17, 14.
Душка, мережа.
Дымникъ, труба.
Дяденька, тетка. 166, 40.

Е.

Евонова, его (чья это шайка? Евонова).
Егибаба, злая женщина—яга—баба.
Едреный, крѣпкій (едреный человѣкъ, едрены лапти).
Ендова, мѣдная большая чаша, для разливанья пива.
Ерестунъ, клеветникъ.
Ершей клевать, дремать.

Ж.

Жавролёнокъ, жаворонокъ.
Жадовикъ, жадный человѣкъ.
Жадоморъ, тоже.
Жалить, бросить.
Желаньице, попеченье, любовь. 2, 23.
Жеребочекъ, малая часть.
Жеребуха, кобыла
Живленьице, уменьш отъ „Житье". 9, 14.
Живорыбные суда, въ коихъ возятъ живую рыбу.
Жило, селеніе, въ коемъ живутъ люди.
Жирушка, отъ жира—жилье, изба. 12, 17.
Жить, находиться (живетъ великое распутьице).
Жолви, болѣзнь (жолви тебѣ въ бокъ, бранное выраженіе.
Жорци, мазурики.
Куравица. клюква.
Журить, часто бранить. 87. 10.
Жупъть, пѣть. 56; 36.

З.

Зааймиштала́сь, замешкалась. Што ты зааимишталась?)
Забаять, заговорить 81, 3 .
Заблудящій, случайно попавшійся Писемко заблудящее. 98, 114.
Заболонье, мѣсто за болотомъ.
Заборъ, куча камней на полѣ.
Заборка, перегородка въ избѣ отдѣляющая чуланъ отъ самой избы.
Забурака, четырехъ-угольная калитка.
Завираться, запутаться въ словахъ до явнаго противорѣчія.
Завитерь, мѣсто, защищенное отъ вѣтра.
Заводить, начинать (заводи причеть.).
Завозмало, за живое забрало (ижь тія завозмало).
Загибушка, пирогъ.
Заглѣбать, попадать подъ ноги (подъ ногами заглѣбала земля).
Загребалка, крюкъ, которымъ загребаютъ уголье въ кузницахъ. Чер. у. Н. Г.
Задать, впередъ дать. 100, 6.
Задернѣть, зарости травой 15, 18.
Зажамкнутый, сжатый. Чер. у. Н. Г.
Займоваться, заниматься (у насъ рыбной ловлей займуются).
Заключевный, энит. тюрьмы. 89, 19.
Закоренокъ, усторонокъ.
Закуточка, хлѣвъ въ задней части крестьянскаго двора.
За́лосно, дизертъ, коимъ угощаютъ на свадьбахъ: пряники орѣхи и т. п.
Замаленько, ни зачѣмъ, по попустякамъ.
Замаляться, утомиться.
Занарокъ, нар. нарочно, не въ быль, шутя.
Занимальщикъ, попарщикъ, молодецъ, который занимается дѣвицей.
Запечье, промежутокъ между стѣной и печью.
Запогуркивать, глаголъ, выражающій гуркованьс голубей. 69, 40.
Заполекъ, нива за полемъ.
Зариться, засматриваться, смотрѣть съ завистью 22, 14.

Заря, трава.
Зарукавній, спрятанный подъ рукавомъ. 111, 17.
Зарушное, одобрѣніе, засвидѣтельствованное рукоприкладствомъ общества.
Затонье, мѣсто, гдѣ оканчивается тоня.
Затрясье, часть воды, покрытая тростникомъ.
Затюремничка, тюремница, узница. 22, 8.
Застрочоный, находящійся въ неволѣ. 63,42.
Засорить, запутать (не засори бичевой).
Зачуркаться, заговариваться отъ темной силы.
Захранить, завладѣть чѣмъ насильно.
Звон—унылый, подобный унылому звону. Эпит. пѣсенъ. 96.
Згинь съ глазъ, прочь иди.
Зилезнуть, подскользнуться.
Здымка, первая вспашка полей.
Зе'ь, поверхность земли.
Златокрылый, эпитетъ сокола. 89, 37.
Злокоманный, зло-хитрый лукавый. 292, 40.
Зоить, кричать.
Зоринька, ласкательное слово. (Зоринька ты моя).
Зородить, 1., вѣшать, 2., класть въ кучу (зородъ зородить).
Зъездъ, мостъ на сарай.
Зябель, недородъ, неурожай по случаю морозовъ. 291, 160.

И.

Изберень, щепа.
Изгородь, частая огорода.
Измога, возможность. 255, 101.
Излучить, изловить рыбу, птицу.
Изми тя, бранное выраженіе.
Изнести, перенесть (инести велико пустословьище) 231, 165.
Изойми тя, бранное выраженіе.
Изотчина, отчество.
Изъянъ, убытокъ.
Имачки, игра въ жмурки.
Индивыть, морозить.
Искать-гора, крутая гора. 35, 7.
Ископыть, 1., пыль изъ подъ копытъ лошади. (281, 30). 2., вывихъ ноги у лошади.
Исплечиться, свихнуть руку.
Испотакать, изнѣжить, избаловать.
Исповаль, постепенно (вкрутѣ береза ломится, а исповолъ и ольха гнется).
Истихонный, точь въ точь такой, какъ есть.
Истратить, попортить (истратилъ мою пожню).
Ишь, междометіе. Ишь какъ умался.

К.

Кабушки, творогъ, скатанный въ шарики.
Кавается, думается.
Кажинной, каждый.
Кажь, вм. покажи.
Казна, порохъ, (прибавь казны т. е. пороху).
Камбой, канвой.
Камедить, дѣлать смѣшныя выходки.
Камедь, смѣшная исторія.
Каменный, жестокій, упорный (наказы огненны да люди каменны).
Канючить, брюзжать.
Карбасъ, небольшая лодка.
Карзать, рубить сучье.
Картать, щипать, очищать.
Каровать, цѣловаться молча (Пудж. уѣзд.).
Каршаки, женскіе башмаки.
Касачь, глухарь—самецъ.
Катить, итти (231, 8).
Катучій, круглый (катучій камень).
Кафтанушка, верхнее, женское одѣяніе безъ складокъ.

Качевѣть, ржавѣть.
Квито, кончено.
Кентать, давить.
Кербь, 10 сноповъ льна. (Чер. у. Н. Г.).
Кердега, сѣть.
Кердежить, ловить рыбу кердегою.
Кечь, *кечь*, *кечь*—кличка овецъ.
Кехтать, охотить (293, 16).
Кивжа, веревка изъ мочалы.
Кивцы, цѣвки при ткацкомъ станкѣ.
Кизуля, брюхо беременной женщины.
Кипины, палки, на коихъ утверждаются снопы.
Кипы, мелкая, рѣчная рыба.
Кисилица, кислая, квашеная капуста.
Кисильшникъ, красная смородина.
Кладать, легчить.
Клевучій, жалящій, эпит. змѣи (285, 104).
Клещи, дерева въ хомутѣ.
Клокотать, издавать куриный звукъ.
Клокшится, икается.
Клычется, тоже. Чер. уѣзд. Н. Г.
Кляпикъ, большой, тупой ножикъ.
Кляпцы, ловушка для звѣрей.
Кня, задняя часть невода.
Кобайдаться, чесаться.
Кожемяка, тотъ, кто мнетъ кожи.
Кожучекъ, берестяный ковшичекъ для питья.
Коко, яицо.
Кокоша, кукушка. 32, 42.
Кокша, родъ топора.
Кокшать, копать.
Колесистый, эпитетъ сарая. 219, 5.
Колесница, рытвина, образуемая колесами отъ частой ѣзды.
Колосники, перекладины на овинѣ, на коихъ уставляются снопы.
Колюшникъ, репейникъ.
Колода, сволокъ, съ коего свиваются основы.
Колотикъ, водяное лекарственное растеніе; употребляется вмѣсто горчицы.
Колнуться, чекнуться. Чер. у. Н. Г.
Конекъ, около шестка, на который вѣсятъ что либо.
Концесводъ, сплетникъ.
Концесводница, сплетница.
Копьечникъ, сорная трава во ржѣ.
Корба, коробка.
Корецъ, ковшъ.
Коркота, старуха.
Коробулечка, корзинка.
Коровникъ и *Короватикъ*, бѣлой грибъ. (Новг. Губерн. Черепѣвз.).
Корчевина, кочка съ кореньемъ.
Косарь, ножикъ для щепанія лучины.
Косачь, глухой тетеревъ.
Косой пирогъ, блинникъ на житномъ тѣстѣ.
Косоплетка, гойтанъ или ленточка, коей заплетаютъ косы.
Косоровать, рубить съ дерева сучья.
Костоломище, ломъ въ костяхъ.
Косура, ножъ съ загнутымъ концемъ для очищенія прутьевъ.
Коспвчатый, вм. косѣщатый. 19. 16.
Котачь, костяный ножикъ.
Кочкать, рыбу чистить.
Крáсно мое нá золотѣ, ласкат. обор. 103. 3.
Крема, крестная мать.
Кромсать, рѣзать хлѣбъ на большіе куски.
Круто-складній, эпитетъ зголовья 1. 2, 29.
Крыло, сторона невода.
Крюпать, ковырять межъ пальцами.
Кувердать, шатать.
Куды-ни, куда нибудь.
Куекъ, гагара.
Кужа, рыбная ловушка изъ вѣтвей, безъ горла внутри.
Кузло, кузнечное мастерство
Куканикъ, пирогъ изъ кислаго теста.

Кукель, теплая шапка съ ушами.
Куксить, тереть глаза грязной рукой.
Кулоха, трава, оставшаяся не скошоною.
Кульга, сорная трава.
Кумпалъ, куполъ церковный.
Купляться, купаться.
Кутерма, шумъ, толкотня, гдѣ ничего нельзя разобрать.
Курить, ѣхать стремглавъ, подымая пыль за собой.
Куропать, куропатка.
Кучко, песъ.
Кучиха, сука.
Кучить, складывать въ кучу (кучить сѣно).
Куцевейка, женская одежда.
Кыча, жукъ.
Кябрушки, поплавки, поддерживающіе сѣть наверху воды.
Кярба, стая собакъ.

Л.

Ладить, хотѣть, готовиться; (онъ ладилъ качать).
Ладушка, ласкат. названіе мужа. 16. 39.
Лаймать, стучать.
Лапа, тоже, что колесница—рытвина, образуемая колесами на дорогѣ.
Ластега, мякина.
Ластежки, дранки, полагаемыя между нитками въ ткацкомъ станкѣ.
Лауйка, лавка.
Лежбище, мѣсто на травѣ, вылежанное человѣкомъ или животнымъ Чер. у. Н. Г.
Логонище, колодезь, въ коемъ моютъ бѣлье.
Легтыть, тяжело дышать.
Легчить, скопить.
Лежебокъ, лѣнтяй.
Лейма, бѣлая рыбица.
Лелекъ, лѣтучая мышь (Чер. уѣзд. Н. Г.).
Лентюжить, лѣниться.
Ливраться, шататься.
Липка, мотылекъ, бабочка.
Ловецъ, рыболовъ.
Лога, сѣнограбъ.
Ломаться, капризничать.
Лопать, ѣсть съ жадностію.
Лопанища, ребенокъ, сильно плачущій.
Лосты, дранки въ ткацкомъ станкѣ, при посредствѣ коихъ образуется зѣвъ продольныхъ нитей.
Луда, каменистая отмель. 93. 151.
Лучиться, случиться. 141, 1.
Лучникъ, нѣсколько зажженныхъ лучинъ или смоляныхъ поленьевъ.
Любь, любовь. 186, 83.
Людски-ли! Хорошо ли? Такъ ли, какъ нужно.
Лядина, чаща мелкаго лѣсу. 94. 20.

М.

Магиль, кошелекъ.
Маетный, мучительный. 10. 19.
Макать, обмачивать хлѣбъ въ маслѣ, ягодахъ и потомъ ѣсть.
Малайдукса, пролубь, въ которую опускается неводъ при зимней, рыбной ловлѣ.
Малахай, старческая головная покрута; носится вмѣсто шапки; покрой ея походитъ на женскіе капоры; верхушка дѣлается изъ сафьяна, а низъ изъ овчины; по краямъ опушается лисьимъ мѣхомъ.
Малогребный, эпит. небольшой лодки. 258. 206.
Маретикъ, бранное слово — вм. еретикъ.
Мардоситъ, кажется.
Маточка, рябчикъ—самка. (Чер у. Н. Г.).
Медвижникъ, бѣлой грибъ.
Медвѣжье ухо, трава.

Меденица, дикая пчела.
Мезень, 1. жаркая пора; 2. тишина на озерѣ.
Мерда, кужа съ горломъ (см. кужа) Чер. у. Н. Г.
Мерскольный, бранное слово.
Месникъ, горшокъ, въ коемъ варятъ мясо.
Миженный или мижонный, полуденный. 33. 159.
Миснина, общая пожня.
Молвія, молнія. 240, 31.
Молоть, болтать (полно молоть пустяки).
Мотовило, палка, на которую мотаютъ пряжу.
Мостиночка, доска въ полу. 19. 97.
Мошникъ, глухой тетеревъ.
Мурашь, муравей.
Мурындать, пѣть себѣ подъ носъ.
Мутарсливый, вм. мытарственный. 5. 89.
Мутникъ, рыбная ловушка на подобіе невода.
Мушитать, знать, понимать.
Мыкать, испытывать, переносить (мыкать горе).
Мышьякъ, мышій горохъ.
Мяряндать, мычать по медвежьему (медведь мяряндаетъ).
Мялка, орудіе для размягченія льна Чер. у. Н. Г.
Мячкать, мять.
Мышшечки, умен. отъ мхи. 95. 29.

Н.

На́большой, глава семейства.
Набьлки, деревянные штуки, въ кои вкладывается бердо въ ткацкомъ станкѣ. Чер. у. Н. Г.
Навой, колода, на которую навивается основа при тканьѣ.
На́-вьсти, на примѣтѣ.
Нагодить, попасть въ цѣль, угадать. Чер. у. Н. Г.
Нагоняй, строгій выговоръ.
Надія, Надежда. 33, 34.
Надоста́ть, напослѣдокъ.
Надлавочникъ, лавка надъ полкой.
Наемщикъ, нанявшійся въ солдаты.
Нажива, промыселъ.
Назолушка, обида (228. 65)
Наизнанку, на обратную сторону (надѣть кафтанъ на изнанку.)
Накодо́лить. привязать (накодолить коня, чтобы не ушелъ).
Накантаризать, болтать частого-говоркой.
Накрутникъ, наряженый, замаскированый.
Налетушка, пирогъ, колобъ
Намастырь, вм. монастырь.
Памьстный, мѣстный 298, 9).
Намяники, женское украшеніе.
Напасть, бѣда.
Наперекросъ, новолуніе.
Наплавка, доска у сѣти.
Напрокучить, надоѣсть.
Напропалую, съ отчаяніемъ, на погибель.
Нарядить, приготовить (нарядить квасу).
Нарокъ, намѣреніе (Иванъ съ нароку не заснулъ).
Насбситать, накормить ребенка грудью.
Настоятель, правитель дома 14.16.
Начаятся, ожидать. 90. 63.
На́што, должно быть. (На́што онъ придетъ.)
Негунь, замолчи.
Не́вешный, худой.
Невидаль, всему удивляющійся, странный человѣкъ.
Не въ моготу, не подъ силу.
Негла, лиственница.
Не если, нежели,—(лучше умереть не если по міру ходить.)
Непостатейный, не приличный. 23, 47.
Не синя пороху, нѣтъ ничего (въ избѣ ни синя пороху).
Не спорящій, 1, слабый; 2, невыгодный.
Пе́тина трава у рѣпы.
Неугасимый, эпит. тоски. 5. 102, 20.
Нешутушка, невѣстка, братанова хозяйка. 43, 191.

Неудольный, неодолимый, 7, 25.
Некаться, отказываться (полно нѣкаться, кушайте).
Нецевушка, ничего незнающій.
Нивище, мѣсто, гдѣ была нива.
Низовая сторонушка, приволжье, юговостокъ. 55, 4, 5.
Нитина, тоже, что нетина.
Ниченица, принадлежность ткацкаго станка.
Нуженкой, вм. нужненькой, нуждающейся, нищей. 105, 5—7.
Нуньку, нынѣ 921, 122.
Пырки ть сыть, бранное выраженіе.
Пырокъ, ухабъ.
Нюгандать. говорить подъ носъ.
Нюхничать, тоже, что нюгандать.
Нявкать, мяукать.

О.

Обдержечки, то что подержено. Платьице обдержечки. 47. 53.
Обдождить, омочить дождемъ.
Обирало, откупщикъ.
Облелькать, облить.
Облешекъ, часть полосы.
Обливанецъ, отступникъ.
Облизъ, вблизи.
Обличье, лице.
Облочкать, разщипать.
Обначалить, удобрить землю.
Ободвирина, косякъ у дверей.
Ободъ, нѣсколько поженъ вмѣстѣ.
Обороть, узда.
Обрать. тоже Чер. у. Н. Г.
Обтопточки, изношеная обувь. Обуточка—обтопочки 47, 59.
Обулындить, охмѣлить.
Обумиться, образумиться (257, 164).
Обуточка, уменьш. отъ слова обувь. 47. 59
Обчинить, уложить (261, 288)
Обчудиться, прислушаться.
Обызъянить, ввести въ убытокъ.
Оверщій, оборачивающійся.
Овсянникъ, 1. заяцъ. 2.. медвѣдь и 3., хлѣбъ изъ овсяной муки.
Огалиться, надсмѣхаться надъ чѣмъ нибудь.
Огнева, горячка (огнева тя разжи гай; не съ огневы ли говоришь).
Оголиться, обнажиться.
Одолень, противуядное растеніе.
Одрань, 1., дрянная лошадь и 2., бранное слово; (ахъ ты о́дрань поганая).
Ознобный, постылый (268, 9).
Оканать, докончить.
Оклочина, деревянная или желѣзная палочка, на которую надѣвается весло (254, 62).
Оклеять, поправиться здоровьемъ.
Оклюю, ужалю. Не змѣя плыву, не о́клюю. 53. 12.
Околенко, умен. отъ слова окно 14. 13.
Охотливый, прихотливый.
Окуренокъ, у сторонокъ въ гумнѣ.
Окурнастый. аккуратный, исправный.
Ольга, болото.
Омежъ, сугробъ снѣга около домовъ.
Оменъ, обмѣненный человѣкъ.
Оменышь, тоже, что оменъ.
Омошенниться, сдѣлать промахъ.
Онара, солодъ, бывшій подъ квасомъ.
Онбгдась, прежде тогда.
Окомедь, тоже.
Опако, опасно Ч. у. Н. Г.
Опальный, эпит. ризы, черный (297, 4).
Опахать на очистку, дочиста прибрать (воръ опахалъ на очистку.
Опекать, производить загаръ (солнышко лице опекаетъ).
Опестышъ, раннее, весеннее растеніе на поляхъ.
Оповадиться, учащать носѣщеніями.
Опопопить, ударить.
Опохожать, обходить (опохожать сѣти до свѣту).

Опришеный, (отъ *опричь*) — внѣ стоящій. 85, 135.
Опружить, опрокинуть
Опрядывать, ѣсть скоро и много
Осеньщина, осеннее подаяніе хлѣбомъ, собираніе нови (наѣхали калагири за осеньщиной).
Оскомылиться, оскалиться.
Ослободить, пустить, дозволить (ослободи ночевать).
Осьмина, восьмая часть (осьмина дуйма).
Основа, нитки продольныя въ ткацкомъ станкѣ.
Ососокъ, сосунъ, теленокъ.
Остекленѣть, озябнуть.
Остолбуху дать, сшеломить ударомъ.
Островъ, мѣсто, покрытое дикимъ лѣсомъ.
Оструха, женщина, живая быстрая въ движеніяхъ.
Остудный, постылый.
Осушить, ѣсть до конца (осушай ребята барана).
Отваливай, отчаливай (отваливай лодку).
Отвонный, снисходительный.
Отгони, отгадай
Отдали, издали.
Отечковатый, сырой хлѣбъ.
Отжинаха, окончаніе жатвы.
Отмашь, обратный махъ, (ударить на отмашь, отмахиваться).
Отменитый, отличный.
Отмѣть, пятно; (баранъ бѣлый безъ всякой отмѣти.
Отнимайка, тряпка, которой вынимаютъ горшки изъ печи.
Отпускной день, 40-й, поминальный день.
Отсюлешній, здѣшній.
Отъ—тошна́, съ сердечной туги. 32; 29.
Отурить, одурманить, охмѣлить.
Отчевщина, что досталось отъ предковъ. (222, 30).
Охлебочки, то, что остается отъ похлебки. 47. 60.
Ошевни, дровни.
Ощовульничать, балагурить, шутить.

П.

Па́бьда, бѣда.
Па́витье, молодыя вѣтки деревъ.
Падара. сильная буря — въ видѣ урагана. 35, 12.
Падать, доставаться (Ильѣ рубьдва падётъ).
Падунъ, водопадъ.
Падь, всякая падаль.
Пай, часть, жребій. 32, 17.
Пайгашъ, тоже что молокососъ, бранное слово).
Палъ, нива, валеное мѣсто.
Памятухъ, человѣкъ, который помнитъ былое.
Палталоны, штаны.
Пара, пареная рѣпа (пару парить— рѣпу парить)
Пардома, полоса съ горохомъ или льномъ.
Парчевикъ, сарафанъ изъ парчи.
Пискарога, сорока лѣсная.
Пась, ловушка для мышей.
Патровать, вынимать изъ сѣтей рыбу.
Патрушить, вскрывать мертвое тѣло. (250, 37) Чер. у. Н. Г.
Патья, высѣвки изъ уголья; Чер. у. Н. Г.
Пахо́та, пахотное мѣсто.
Пегенькой, пестрый.
Пелепелка, бесѣдная игра.
Пепельникъ, мѣшокъ въ которомъ держатъ золу.
Перевалъ, широкая куча сѣна.
Перевесть, отравить, уморить (перевесть таракановъ).
Перегодный, оставшійся отъ прежняго года (292, 31).
Пе́редомъ, впередъ (иди передомъ).
Перекокшать, перебить.
Перекось, трава.
Перенось, тоже.
Переный, эпит. крыльца 34, 68.

Перенять, взять съ одного мѣста на другое (260, 264).
Перепасть, изнемочь. 33, 27.
Перепеча, прѣсная мякушка, на поминъ души.
Переплетъ, сумочка.
Переполохъ, сильный испугъ. 234, 39.
Перинникъ, пуховая постель.
Перистый, крупный какъ перье. 91. 84.
Персонь, лице. 196, 25.
Пестерка, корзинка изъ бересты.
Пестредина, домотканая, пестрая одежда.
Пестухи, первыя, весеннія растенія на поляхъ.
Печатникъ, сарафанъ изъ крашенины.
Печной уголъ, уголъ въ избѣ противъ устья печки.
Пе́шать, разбивать ледъ (пешать ердань, долбить ледъ для погруженія креста въ праздникъ крещенія.)
Пешня, долбня, которой разбиваютъ ледъ.
Пинда, верхній слой сосноваго дерева.
Пичкать, чистить свѣжую рыбу.
Пиха, 1.. корба; 2., боръ.
Плавить, переправлять что либо вплавь 95. 34.
Плавокъ, палка у удочки.
Плакунъ, трава извѣстная знахарямъ.
Платовье, платье.
Племникъ, племянникъ.
Племница, племянница.
Плескать, ударять, (252, 8).
Плехань, плѣшивый.
Плеха, бранное слово.
Плутивца, поплавки (289, 43).
Плутать, бродить по лѣсу.
Пляшій, палящій, эпит. молніи 246, 32),
Побусыть, почернѣть (265, 44).
Побытье, случай.
Повить, сарай.
Поволька, льгота (284, 66).
По вону, со внѣ. 20, 8.
Погибелки, трава.
Погребъ, могила.
Подвидной, хитрый, лукавый.
Подвѣсточка, головной уборъ. 83 67.
Подгузокъ, маленькая пеленка.
Поддымышъ помощникъ дмеца (см. дмецъ).
Поджигало, тотъ, кто возбуждаетъ другаго къ чему нибудь.
Подлегчитесь, кушайте (такъ выражаются иногда при угощеніяхъ).
Подлипута, кто старается попадать на угощеніе.
Подножки, ступеньки въ кроснахъ.
Подоболочье, атмосфера подъ облаками.
Подпекапникъ, пирогъ.
Подоконье, мѣсто подъ окнами.
Подножки, въ видѣ лыжъ, при ткацкомъ станкѣ.
Подрачивать, ласкать, гладить кого рукою.—38, 28.
Подсѣка, мѣсто очищенное отъ лѣсу.
Подтяни нога, оборотъ для выраженія франтовства молодыхъ людей (молодецъ подтяни нога).
Подростильники, березовая или ольховая чаща.
Подъугольный, ближайшій по сосѣдству 48, 3.
Подъелыши, синіе рыжики, растущіе подъ елками.
Подъ-принесъ-нести, подносить къ Св. причастію.
Подушка, подоконникъ.
Подькай, пойди-ка.
Подькій, тоже, что подѣкай.
Подъльникъ, мякушка, предназначенная въ раздѣлъ нищимъ на поминъ души.
Поземка, зимняя изба.
Пойти по горямъ, испытывать разное горе (261, 296).

Пойти, по позорамъ, позорныя положенія испытывать. 227, 36.
Пріотерпнуть, одрябнуть, обезсилить. (25[illegible] 71).
Покрута— нарядъ, одежда. 86, 7.
Покулева, пока.
Полохаться, приходить въ ужасъ. (261, 290).
Полуденный, эпит. обѣдни.
Полеститься, поласкаться.
Поляна, поле въ лѣсѣ.
Помани, потерпи. (Помани не много, все буде по тіѣ).
Помойница, рукомойникъ.
Понарови, подожди.
Поничтчина, сукно домашняго приготовленія; основой этаго сукна служитъ обыкновенная пряжа изо льна, утокъ же изъ домашней шерсти.
Попутру, извнутри.
Попярщики, молодые ребята, которые ухаживаютъ за извѣстными дѣвицами.
Попахать, опахивать могилу платкомъ (258 193).
Поперочиться, случиться неудачѣ.
Попраховье, покруче (замисить тѣсто попраховѣе).
Пóра, палки, подпирающія сѣно.
Поразбаять, поразговорить. 52, 75.
Пороситъ свинья, когда ищетъ борова.
Поросъ, быкъ.
Поряду, поблизости.
Порядо̀ный, живущій рядомъ 36, 33.
Посидѣлище, старый, сѣдой.
Пóскаки, прыжки.
Поскакушки, боровое растеніе.
П смоть-ко, посмотри-ко.
Потъльникъ, мѣшокъ, въ которомъ набито перье для постели.
Потя[illegible], (отъ тянуть) усилія (265, 16.
Пошить, построить (289, 40).
Позавсямъ, всегда.
Позяблый, несчастный. 87, 12.
Пусудникъ, ящикъ на кухнѣ, въ который складывается посуда.
Посулиться, обѣщаться. 72, 62.
Потыкашки, лягушки.
Потти, начать, стать (дѣтей много да трое жить пошли).
Похожать, итти, двинуться куда.
Поцай, почти.
Поця, лужа, болото.
Почанка, или *почамка*, уменьш. *почанчанка*, (отъ *подцѣпить*, отсюда *подченка*, *подчамка*, *почанка*), берестяная подцѣпка у корзинки или зобеньки, съ которою нищіе ходятъ по міру. *По чанчанкамъ нуженкой на скрыпѣться* значитъ: берестяными подцѣпками, мнѣ—нищей, придется наскрыпѣться (см. *нуженкой*). 105, 5—7.
Пра, вдоль.
Прежъ, прежде 89, 20.
Правежъ, требованіе, вырученіе въ силу права.
Приближній, близкій, задушевный. 21. 2.
Прибойный, берегъ къ коему катится волна.
Пріемцы, снимцы.
Приворотцикъ, придверникъ 2, 26.
Придрока, ласковый, нѣжный уходъ за кѣмъ. 33, 37.
Пріовіять, обвѣтрить. 35, 30.
Припонъ, одежда (на семь въ припонѣ, одинъ въ балахонѣ).
Пристаршій, престарѣлый. Пристаршіе родители. 88, 6.
Приторомко, приторно.
Притужальникъ, коимъ поворачиваютъ и прижимаютъ пришвицу въ ткацкомъ станкѣ. (Нов. губ Черен. уѣз.
Пришавиться, привидѣться.
Приступокъ, доска, при посредствѣ коей поднимаются на печку.

Притыкать, дѣйствовать бердомъ ткать.
Притча, бѣда. (экая притча! экая бѣда.
Пришвица, то орудіе въ ткацкомъ станкѣ, на которое навивается вытканная основа (Новг. губ. череп. уѣз).
Проорыйвать, дрожать.
Прохладный, привольный (житье прохладное).
Проносъ, переносъ, сплетня. 83,48.
Пронятися, выдти изъ затрудненія. 91. 94.
Пропоица, горькая пьяница.
Прострѣлъ, трава.
Прочуять, узнать.
Прястень, кольце каменное или деревянное, которое надѣвается на веретено для лучшаго управленія имъ.
Пужина, льняныя головки безъ сѣмянъ. (Нов, Г. ер. уѣз).
Пукша, сова.
Пупорьзна, повивальная бабка.
Пустомолотъ, болтунъ, пустомеля.
Пучеглазый, бранное слово.
Пысать, испражняться.
Пылкальникъ, пряженой пирогъ.
Пытушки, ягоды, растущія на терновникѣ.
Пякчина, убитая, но не распластанная корова.
Пярейдать, ворчать.

Р.

Равайдать, плакать.
Равандать, кричать.
Райда, ива.
Раздобрѣть, растолтѣть.
Разумъ имѣть во всѣхъ сторонахъ, быть скучливымъ.
Ражій, довольно большой, значительный.
Разрядить, распорядиться, назначить каждому свое дѣло. 4, 171.
Развиться, разрушиться. Развилося, раззорилося наше вито гнѣздышко. 77, 99.
Располиться, разлиться, (рѣка разполилась).
Располоть, разрѣзать, (290, 59).
Распашистый, удобный для земледѣлія. 6, 126.
Разсыпчатый, эпит. песковъ (268, 34).
Ратай, земледѣлецъ.
Рвище, большой ровъ.
Редница, длинная, холщевая одежда, на подобіе стихаря.
Резендать, трещать.
Рёхкать, рюхать (свинья рехкаетъ).
Рехкачь, десять снопов.
Рибондать, развихля ноги, бѣжать.
Рипать, часто мигать (Иванъ такъ и рипаетъ глазами).
Рипакъ, пеленка.
Робя, ребенокъ, (што годъ, то робя; полтора,—то два).
Ровня, ровесники, одного роста.
Роздій, разсѣяніе 24, 81.
Розмыслъ, чутье. 226, 6.
Рожово, много, хорошо.
Рожники, провожатые невѣсты.
Розиаять, растворить (ротъ).
Розанцы, кудри.
Розиня, ротозей.
Разсадникъ, огородъ.
Розсыпь, разливы волнъ (253. 32).
Ростовать, метать икру.
Ростягай, налитушка изъ житнаго теста.
Раструбистый, цвѣтный. 83, 70.
Рощеперить, распустить перья.
Рубыша, неплетеная, берестяная корзина.
Рудилко, черный быкъ.
Рудоня, черная корова.
Рукаста, работяща.
Рундукъ, ящикъ, устроенный въ шодмушѣ (чуланѣ) за печью, верхняя доска его снимается.
Рутить, лить. Рути слёзушки, горюша во быстру рѣку. 14, 61.

и образуетъ входъ въ подполье.
Рыкъ, крикъ (што у васъ, робята, рыку-то колько).
Рѣжовица, рыболовная сѣть для крупной рыбы.
Рѣпникъ, пирогъ съ рѣпой.
Рѣпница, рѣпной квасъ.
Рѣшить житье, покончить жизнь.
Рюси, рыбная ловушка.
Рядовикъ, 1, пирогъ съ житными блинами и сыромъ; (Олон. губ.) 2, родъ грибовъ, растущихъ рядами. (Новгор. губ.).
Рядный, форсистый (рядный кафтанъ).
Рядовка, рабочая одежда на подобіе рубашки.
Ряхаться, прибираться.
Рячконуть, крякнуть.

С.

Самокатный, эпит. саней (292, 34).
Свистучій, эпит. тучи (246, 31).
Свитѣть, весело глядѣть (скотъ свитіетъ—значитъ по душѣ хозяину).
Свиченька, ласкательное слово. (101, 4).
Свѣжить, рѣзать.
Связь, пристроенная къ сѣнямъ бѣлая изба съ кирпичной печкою.
Сгодье, угодье.
Сгорстать, схватить.
Сдержавушка, ласкательное названіе мужа. (6, 130).
Сдиклить, составить.
Сдымать, добывать (руду).
Сиверко, сѣверно.
Сема, вм. седьмая. (Со трети—сема частиночка 50, 30).
Середовый, посредственный: (у ихъ имѣнье середовое. 78, 31).
Семья, *Семеюшка*, ласкательное названіе супруговъ. 39, 60.
Сиповочка, свистулекъ.
Ткáльна, снарядъ, при посредствѣ коего пряжа ссыкается съ турика на цѣвку. (Нов. губ.).
Скляный, полный (253. 36).
Сколотный, эпитетъ избы. (Во сколотной, въ маетной этой жирушкѣ. 24, 73).
Скорбость, короста (вдругъ сталъ нездоровъ и напала на него скорбость).
Скливить, стошнить.
Скурія, скорѣе. (Чер. у. Н. Г.).
Склабина, неровное расположеніе нитокъ, спускаемыхъ съ колоды.
Слѣги, бревна, на которыхъ бываетъ катанье на масляной недѣлѣ. (Нов. губ. Чер. уѣз.).
Слиѣваться, прогнѣваться. 227, 57.
Слипая, это чурка, въ другихъ мѣстахъ называемая маткой, при дѣтской игрѣ шарикомъ.
Смерётушка, уменьшительное названіе смерти. 23. 33.
Смухлачить, смошенничать
Смысловатый. остроумный. (280, 29).
Сновальня, снарядъ, при посредствѣ коего снуется пряжа.
Совинъ, прил. отъ сова — птица. (Какъ сову дазнать по перьицамъ, совиныхъ дѣтей по крыльицамъ. (47, 50—51).)
Сойка, птица.
Сойма, лодка. (268, 24).
Сокероватый, сварливый.
Соложъ, (отъ солодъ) падкій на что-нибудь. (266, 149).
Соковитье, сочнѣе.
Солой, рѣпный квасъ.
Сопрыть, спотѣть.
Соситать, кормить ребенка грудью.
Спапать, спать (ребенокъ спапать хоче).
Спахнуться — спохватиться, 6. 129.
Спацьлівый, (отъ *спахнуться*) *ласковый*, заботливый. 11, 14, 16.
Споровать, спорить.
Спо́рыданье, (*зори*) (отъ рдѣть, краснѣть) пробужденіе, разсвѣтъ зари (126, 5).

Спорядовый, спорядный, живущій въ одномъ ряду. 48, 2.
Срыпаться, взъѣдаться. (283, 27).
Ссягать, достать, добыть.
Ставъ, пряжа.
Ставенекъ, вставочный камень въ перстнѣ.
Ставины, кросна.
Станица, множество.
Станетъ, хватитъ (овса станетъ на одинъ день).
Станокъ, будка въ лѣсу изъ еловой коры.
Старинка, собирательное названіе сказокъ и былинъ.
Стережатый, прил. вм. сторожъ. (По дорожкѣ стережатыи. 72, 61).
Столько, нарѣч. вм. *только*. 4, 71, 72.
Столшни, пересѣкающіяся волны при смѣнѣ вѣтра.
Столыпатися, толпами бродить. 1, 12.
Стопа, вѣшалка.
Сторожатель, сторожъ.
Страдомый, мучительный, бѣдственный. 95. 40.
Страдный, тоже (287. 152).
Страсть, ужасъ (на озерѣ страсть такая).
Стрили тя, бранное выраженіе.
Стрыта, встрѣча. 65, 22.
Стрыкнуть вичкой, ударить розгой.
Ступистый, эпит. лошади 102, 7.
Стухнуть, замолчать.
Судъ, сходъ крестьянской.
Судьячить, пѣнять, жаловаться. (273, 61).
Сузорить, пустословить.
Сурба, дранка въ бочкѣ.
Сурово́, быстро. (Сурово́ стане вѣдь мачиха похаживать. 44, 106). Рѣзко, грубо. (Сурово да сказать дитямъ обиждаются 87, 5).
Суровьство, рьяность быстрота въ дѣлѣ. 39, 63.
Сустигать, постигать (268, 234).
Сутеменки, сумерки.
Сухо-красный, эпит. золота. 108, 38.
Схробыстаться, булькнуть въ водѣ (233, 34).
Счувать, уговаривать, усовѣщивать.
Съ бухты-барахты, ни съ того ни съ сего.
Съ за тульица, съ тылу, сзади, (и съ за тульица, съ за липинки поглядываю. 41, 120.)
Съѣдуба, власть, непроизводительно поѣдающая мірскіяденьги (286, 114).
Сызнова, снова, опять.
Съроплавка, утка.

Т.

Талиночка, талое мѣсто. (21, 32).
Тамбуры, узоры, вышиваемые на полотнѣ. (Чер. у. Н. Г.).
Тарайдать, часто и много говорить.
Тарандать, скрипѣть (затарандала телега).
Таращить, пучить, (што зенки таращишь).
Тварожина, бранное слово. (Эхъ, ты тварожина!).
Тегля, неудалый человѣкъ.
Темень, слѣпота (напала на него темень).
Темить, наводить на мысль.
Тетевья, сѣти.
Типецъ, палка у молотила.
Товарникъ, торгующій крестьянинъ.
Толкучій, эпит. грома (246, 30).
Толоболка, толстой пирогъ.
Толчея, вѣтренная мѣльница, на коей толкутъ овесъ. (Ч. у. Н. Г.).
Толченикъ, пирогъ съ горохомъ.
Томаръ, стрѣла самострѣла.
Тонко-браный, вышитый мелкими узорами. 3, 43.
Тонь, столь. 50, 23, 24.
Торандать, гремѣть.
Торнуть, толкнуть сильно.
Торокъ, порывъ вѣтра. (247, 68).

Торёный, опытный. (Неученая, скажутъ, нетореная. 74, 8.)
Точиво, холстъ.
Травникъ, птица.
Трапезникъ, сторожъ церковный.
Тратить, портить. (Ты не трать свои дѣвоцьи, ясны очушки.) 64, 4.
Трепало, орудіе, коимъ очищаютъ ленъ отъ костицы.
Трубица, глиняная трубочка, употребляемая при выдуваніи крицъ. (Чер. у. Н. Г.).
Трубникъ, палка, коей подпираютъ трубу.
Трунникъ—трепетинникъ, закупщикъ трунья, старыхъ тряпокъ.
Труденъ, близокъ къ смерти.
Трунь, бранное слово.
Ту, тутъ.
Тукотокъ, стукъ.
Тулить, бѣжать.
Туляться, хорониться. 9, 4.
Тундара, выкошенное мѣсто.
Турось, буракъ.
Тырайдать, дрожать, трепетать.
Тюсаться, драться.
Тюстякъ, пятнышко.
Тягу дать, бѣжать (тягу дала, што нога взяла).
Тяжъ, гайтанъ, надѣваемый на сарафанъ. Нов. Г. Чер. у.

У.

Увойдать, сильно запачкать, замарать (ишь-ты увойдала сарафан-отъ).
Угода, крестьянскій надѣлъ. 55, 79.
Угодье, удобство.
Угораздить, изобрѣсть, выдумать.
Ухоженіе, гулянье.
Удильный, хорошо сдѣланный.
Удновать, днемъ спать, отдыхать.
Ужикъ, трава.
Узикъ, трава водяная.
Уйти въ копорье, умереть.
Укрятный, степенный, твердый (укрятный человѣкъ, укрятная вѣра).
Улчага, улица близь лѣса.
Уловій, эпитетъ свѣжей рыбы. 111, 24.
Улыбчатый, узкодонный, вертлявый, эпит. лодки (268, 24).
Умакать, мычать, (чю! наша корова умакатъ).
Умничать, помалчивать (сиди да умничай—наготово женятъ).
Унывый, вм. унылый (269, 60).
Упадь, паль (286, 141).
Упадки, нравственное безсиліе, паденіе духомъ.
Упалый, пугливый, упавшій духомъ. Эпит. зайца 42, 175.
Упахать, вспахать.
Уповодъ, сутки.
Урбышъ, шишки на ольхѣ.
Урондать, воять.
Усхитить, скрыть, затаить.
Ути, топкое мѣсто.
Утлый. (отъ тля), гнилый (254, 68).
Утимышъ, утенокъ. Чер. у. Н. Г.
Утокъ, поперечныя нитки въ ткацкомъ станкѣ, коими затыкаютъ основу.
Утиральникъ, полотенце.
Утроба, сердце. (189, 195).
Уторы, края ушата.
Уходить дытей, положить спать. 19, 14, 15.
Уходъ, гулянка (лошади пущены на уходъ).
Ухожъ, тоже.
Ухозать, сильно замараться.
Учучкаться, запачкаться.

Ф.

Фаболить, высказывать щегольство въ разговорѣ, походкѣ, бахвалить.
Фоя, хвоя.
Фря, бранное слово (не велика фря).
Фрянки, французская болѣзнь.

Х.

Хабарно, выгодно.
Хазить, щеголять.
Халевщина, даровщина, что пришло безъ труда.
Халяйдать, смѣяться надъ чѣмъ.
Харандать, кашлять.
Харахориться, проявлять свое значеніе и власть.
Хахать, смѣяться.
Хаханьки, смѣшки.
Хватъ, удалой молодецъ.
Хворостни, свадебные пряженники.
Хирякъ, худой кафтанъ.
Хитромудрый, эпит. писаря. (Не взыскать писаревъ да хитромудрыхъ. 5, 94).
Хлапъ, валетъ карточной игры.
Хлыновцы, мазурики, мошенники. Нов. г. Череп. уѣзд.
Клюстъ, чижикъ или чирокъ—коимъ стрѣкаютъ дѣти. Н. Г. Ч. у.
Хныкать, отрыгать воплемъ (похныкай, похныкай, дакъ я тебѣ дамъ).
Хоботистый, полный животовъ, зажиточный. 21, 30.
Ходя, ходьба.
Ходко, шибко, быстро.
Хожать, обходить (хожать сѣти, рюси).
Хозяинъ, домовикъ.
Холодня, арестанская комната.
Хóложенъ, охлажденъ (я на маслѣ пряженъ, на-холмѣ холоженъ).
Холостьба, званіе холостыхъ ребятъ (126, 116).
Хутить, погребать, хоронить.

Ц.

Цапать, похитить, схватить чужое добро.
Цевка, берестянная трубка въ ткацкомъ челнокѣ.
Цыбы, рюхи (Чер у. Н. Г.).
Цыпъ, кличка куръ.
Цяцци, часть невода.

Ч.

Чака, наростъ на березѣ.
Чалиться, пялиться.
Чарандать, плевать.
Чваковитый, пріятный. (22, 25). Эпит. рѣчи—въ которой звуки смягчаются.
Человъковата, взрослая дѣвица.
Челна, истокъ рѣки.
Челнокъ, орудіе, коимъ ткутъ пряжу.
Чело́, лодка, челнокъ.
Черевушья, боль въ животѣ — холера.
Чешуя, желѣзныя частички, отлѣтающія при ковкѣ гвоздей (Нов. губ. Чер. уѣз.).
Чипостить, рвать.
Чинжанище, ножны кинжала.
Чича, сестра.
Чичела, иней.
Чудилко, наряженый въ святки, маскированный.
Чумакъ, цѣловальникъ.
Чупа, мѣшокъ невода.
Чупъ, клокъ волосъ напереди (я тѣ чупо-тъ нарву).
Чуркать, останавливать дѣйствіе волшебной силы словами „чуръ того полно“.

Ш.

Шавъ, обманъ.
Шавить, обманывать.
Шаванъ, обманщикъ.
Шамта, прутья, поросшіе мхомъ.
Шаростить, шелестѣть (береза шароститъ).
Шатать, двигать (молодость горами шатае).
Шатучій, эпит. дерева. 62, 27.
Шатъ, состояніе, при которомъ шатаетъ человѣка; головокруженіе (227, 36).
Шевелить, тревожить (мертвой костью не шевели).

Шеломчатый, эпит. гвоздя съ выпуклою шляпкою 74, 17.
Шигалдунъ, неповоротливый.
Шижликъ, ящерица.
Шилкунъ, остроголовый человѣкъ.
Шинъ, бесѣдняя игра дѣвицъ съ молодцами.
Шинь, скоро. (Какъ шинь платьице поскинули. 50, 17).
Шишко, нечистый духъ.
Шмакина, бранное слово.
Шмонки, *шмоночки*, игривыя, веселыя шутки. (280, 52).
Шнипачить, бить по щекамъ.
Шодноша, комната на правой сторонѣ избы, отдѣленная перегородкой.
Шпанки, оладьи.
Штейница, щи. (Ч. у. Н. Г.).
Штуковатый, ловкій на всѣ пріемы (280, 28).
Шуня, пристройка у двери.

Щ.

Щеечки, умеьш. отъ слова щи. 47, 60.
Щепетеньице, вышиванье на пяльцахъ.
Щепливый, щегольской. (По походочкѣ его да по щепливой. 48, 38).
Щеть, щетка, коей чешутъ ленъ.

Ѣ.

Ѣдоба, ѣденье.
Ѣдучій, эпит. того, кто много ѣстъ.

Ю.

Юллибать, тихо бѣжать.
Юра, подводная мель.

Я.

Яла, форма, въ которую льютъ свѣчи.
Яннаваюкъ, родъ ковшика.
Янга, топкое болото.
Яндова, мѣдный сосудъ для разливанія пива. 96, 64.
Ятковать, говорить.
Ять, брать.
Яхидной, зло-хитрый.

Э.

Эль, если (эль да ты не придешь, худо буде).
Экой, эдакой.
Эна, вотъ.
Эвондецека, воно!
Энта, здѣсь.
Энтотъ, этотъ.

ЗАМѢЧАНІЯ О ЯЗЫКѢ ПРИЧИТАНІЙ.

Похоронные плачи въ настоящее время представляютъ единственный родъ произведеній, въ которыхъ продолжаетъ жить и сказываться народное, поэтическое творчество. Мертвецъ, гробъ, могила и горе-злосчастіе вдохновляютъ еще вопленицъ — этихъ избранныхъ жрицъ народа, которыя, унаслѣдовавъ эпическія формы и пріемы, безсознательно повторяютъ преданія старины глубокой, и, живописуя положеніе оставшейся живой семьи, рисуютъ иногда и современныя намъ картины общественнаго быта. Отсюда само собою понятно значеніе „Плачей“ и въ наукѣ о языкѣ. Если важны здѣсь древнія выраженія и эпическое построеніе рѣчи, то не менѣе драгоцѣнны для науки и тѣ разнообразныя видоизмѣненія и сочетанія, какія можетъ принимать русское слово, то подъ вліяніемъ народнаго творчества, то по требованію мѣстныхъ говоровъ. Кромѣ древнихъ выраженій и оборотовъ, указанныхъ нами во Введеніи, особенности языка издаваемыхъ Плачей относятся: 1, къ произношенію, 2, словообразованію, 3, словоизмѣненію и наконецъ 4, къ словосочиненію.

I.

Произношеніе.

Многія слова и выраженія являются здѣсь своеобразными, единственно, отъ того, что подъ вліяніемъ мѣстнаго говора гласныя и согласныя буквы легко переходятъ въ нихъ одна въ другую.

А весьма часто смягчается въ *я*: напр. *ско́ряя*, (2, 33;

166, 24) *разливня,* (6, 106) *уловня* (233, 35) *стрядня* (242, 41) *догоряются* (16, 10); Иногда же переходитъ въ *о*. Напр *лопотйночка* (лапоть) (289, 14). *Сдогодаюсь* (223, 93).

Б замѣняетъ собою *в* и *м*, какъ скоро стоятъ онѣ передъ *л*: *Бладыко* вм. Владыко (4, 60, 79; 39, 54) *Бладычный* вм. Владычный (105, 51; 218, 14); *бладенецъ* вм. младенецъ (95, 58) отъ *бладости* вм. отъ младости (85, 125). *бладый* вм. младый (3, 43).

В иногда замѣняется звукомъ *у*: напр. *удовщйще* (вдовецъ 84, 99) но чаще совсѣмъ выпадаетъ, напр. *здыханьице* (81, 26) *незгодушка* (288, 7) и т. п.

Мягкое *д* переходитъ въ мягкое *г*: напр. *гля* вм. для (81, 28; 272, 42, 43). *д* и *т* легко замѣняютъ себя взаимно, какъ напр. *лоточка* вм. лодочка (91, 96); *демьянъ* вм. темьянъ (110, 22).

Е часто замѣняется гласною *о*: *топерь* (195, 48) *тобъ* (197, 13) и также звучитъ иногда въ концѣ словъ: *хожеиьицо, маханьицо, говореньицо.*

Старинный Церковно-Славянскій звукъ *жд* удерживается въ такихъ словахъ, въ которыхъ теперь произносится одно только *ж*: напр. *обиждаются* (85, 5) *пробужденьице* (118, 37) и даже вмѣсто Церковно-Славянскаго „ублажала“ встрѣчается *ублаждала* (129, 107).

И звучитъ иногда какъ *е:* напр. *доберается* (136, 9). *И* и *Ѣ* легко замѣняютъ себя взаимно, какъ то: *одинемъ* вм. одѣнемъ (196, 8) *винички* вм. вѣнички (133, 33) *поторопѣлся* вм. поторопился (78, 18) *тихомѣрны* вм. тихомирны (203, 172).

Точно также *И* легко произносится вм. *ы:* напр. *порикивае* вм. порыкивае (283, 26) и на оборотъ: *эты*, *эвты* (92, 112).

Л чаще всего служитъ къ смягченію звуковъ *б, в, т:* напр. *подшиблено* (75, 30) *благословленьице* (74, 3; 256, 134) *ретливый* (6, 132; 36, 62) *милосливой* (246, 15).

М замѣняетъ собою *м:* къ *зени* вм. къ земи (11, 9).

О иногда переходитъ въ *у:* напр. *удолять* (99, 15) *докуль* (225, 182) *оттуль* (13, 152).

У и *Ю*, *у* и *ы*, легко замѣняютъ себя взаимно: напр. *оборонюшка* (77, 8) *поговорюшка* (159, 26; 202, 17) *подъ раннюю зарю во подъ утренну* (211, 79) *не забыдь* вм. не забудь (25, 86) *нуньку* вм. нынь-ко (92, 122).

Точно также *Ц* и *Ч* часто произносятся одно вмѣсто другаго: напр. *дьвоцьи* (62, 22) *оци* (236, 125) *не отъ туци* (98, 7) *льтяци* (149, 248) и на оборотъ: *птича* (91, 87) *дьвичу* (218, 40) *въ личь* (201, 95) и т. п.

Ч иногда замѣняетъ собою *щ*, напр. *вопче* (161, 17) *обчество* (129, 6); и на оборотъ: *тысяща* вм. тысяча (38, 41).

Ь чаще всего употребляется для смягченія звуковъ *в, н, р, ц*, согласно древнему говору: напр. *Христовьскій* (255,99) *страньство* (256, 114) *спацьливый* (121, 70) *варварьскій* (215, 23).

Ѣ переходитъ въ *я*: напр. *скоряй* вм. скорѣй (147, 187), *оттуля* вм. оттулѣ (196, 4) иногда же сокращается въ *ь*: напр. *нынь* вм. нынѣ (24 , 8).

Полногласіе звуковъ — встрѣчается часто: напр. *соробъла* (263, 140) *разотворишь* (201, 88) *откройтесь* (74, 20) *суряділись* (102, 7) а также *смерётушка* (2, 23, 33) *лестить* (240, 60) *мысель* (76, 58) *середовое* (78, 31) *пересни* (перьстики 254, 70).

Не рѣдки также и сокращенія словъ: *набъ* (12, 45) *видла* (45, 20) *едный* (124, 71) *смолчливый* (221, 40).

Слоговая перестановка замѣтна въ словѣ *„розману“* вм. розомну (249, 5).

Дочь—встрѣчается въ им. падежѣ ед. ч. съ древнѣйшимъ, продолженнымъ окончаніемъ: *дочи* (66, 25).

II.

Словообразованіе.

Не особенности только мѣстныхъ говоровъ отражаются въ плачахъ; здѣсь мы встрѣчаемся со множествомъ такихъ именъ и глаголовъ, которые обращаютъ на себя вниманіе особенностями своего образованія: народное творчество не

только свободно пользуется готовымъ запасомъ оборотовъ и выраженій обыденной рѣчи, но, подъ вліяніемъ извѣстнаго образа, для точнаго, единобытнаго его очертанія легко создаетъ новые слова или словамъ обдержнымъ даетъ новую форму.

Такъ—изъ именъ существительныхъ въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе: *съѣдуба* (286, 114) *холостьба* (126, 116) *гульба* (23, 56) *ýпадь* (286, 141) *зябель* (231, 100) *надія* (33, 34) *спорыданье* (126, 5) *шать*—(227, 36) *поговорючь* (127, 35) *пóскакъ* (13, 42) *персонь* (196, 25) *розмыслъ* (226, 6) *перепóлохъ* (234, 39) *молвія* (246, 31) *тóрокъ* (46, 68) *досюльщина* (292, 29) *отчевщина* (292, 30) *сторожатель* (2, 27) и т. п.

Изъ именъ прилагательныхъ обращаютъ на себя вниманіе по своему образованію: *соложъ* (276, 149) *гульливый* (47, 64) *упадчивый* (71, 41—43) *упьянсливый* (271, 13) *утлый* (254, 68) *унывный* (269. 60) *гулярный*) 22,22) *заключевный* (89, 18) *улыбчатый* (268, 24) *чваковитый* (22, 25) *примьнитый* (97, 100). А также многочисленныя, прилагательныя сложныя: *перегребный* (91, 96) *застрочоный* (63, 42) *однокарій* (013,27) *звон-унылый* (106, 28) *сухокрасный* (108, 19, 38) *хитро-мудрый* (250, 33) *друг-совѣтный* (255, 83) *зло-команный* (292, 40) и т. п.

Сюда же отнесемъ и прилагательныя отглагольныя на *щій*, и *чій: заблудящій* (98, 114) *мудрящій* (155, 19) *запитущій* (28, 4) *плящій* (246, 32) *говорючей* (26. 45) *толкучій* (61, 16) *съѣдучій* (285, 103) *клевучій* (285, 104) *поскакучій* (211, 86).

На *шій* и *тый:* могилушка *умершая* (28, 94) *умерше* солнышко (28, 94) *убиту* эту смерть онъ получилъ.

На *лый* и *мый: упалый* (42, 175) *позяблый* (85, 128) *страдомый* (95, 40) *обходимый* (82, 28) *прядимый* (315).

Изъ глаголовъ въ первоначальной, коренной формѣ встрѣчаются только два: *выть* и *ныть* (39, 79), чаще употребляются здѣсь глаголы — съ производными примѣтами: *мавать* (168, 90) *плескать* (252, 8) *манить* (297, 128) *жупьть* (132, 25) *спахнуться* (26, 56) *даваться* (2, 40) *туляться* (246, 28) *ликоваться* (94, 6) и т. п.

Но самую главную особенность глаголовъ, встрѣчающихся здѣсь, составляетъ то, что *большая часть ихъ* образована съ наставкою предлоговъ. Эти предлоги, превращая глагольные виды и залоги, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ къ болѣе или менѣе наглядному изображенію степени и силы дѣйствія. Къ одному и тому же глаголу иногда наставляется нѣсколько предлоговъ.

Таковы напр. глаголы:

Съ предлогомъ *у: усъживать* (20, 42) *уладывать* (270, 85) *учащивать* (20, 41) *ублаждать* (129, 107) *ушатриться* (190, 86).

Съ предлогомъ *из: издуть* (27, 86) *избыть* (95, 46) *изнести* (231, 163) *изукрасить* (217, 21) *изъѣзжаться* (285, 108) *испромолвить* (278, 221).

Съ предлогомъ *по: похаживать* (5, 103) *пооставить* (147, 198, 199) *попахать* (258, 193) *подобрить* (124, 58) *пороздѣять* (30, 171) *поретовать* (211, 61) *повыстануть* (179, 209) *постывать* (130, 150) *пошить* (289, 40).

Съ предлогомъ *об: обстолпиться* (8, 52) *обзаконить* (62, 33) *обзавидать* (7, 29) *обчинить* (261, 288) *опасть* (108, 29) *оклевать* (53, §1) *обумиться* (257, 164).

Съ предлогомъ *за: заволочиться* (16, 39) *запогуркивать* (69, 40) *запосвистывать* (69, 41) *запоходить* (297, 141) *зажгать* (298, 9) *заскать* (73, 89) *заболотьть* (17, 38) *забусьть* (123 40) *замышаться* (142, 26).

Съ предлогомъ *раз: развиться* (73, 98) *располоть* (290, 59) *разманить* (242, 19) *разпъшетиться* (14, 12).

Съ предлогомъ *на: надавать* (221, 48) *наздынуть* (127, 45) *наряжать* (62, 58) *накачаться* (63, 58).

Съ предлогомъ *от: отшатиться* (8, 56) *отомнуть* (199, 35) *отсдыхаться* (233, 7).

Съ предлогомъ *при: прискудаться* (15, 11) *прикладаться* (122, 8) *пріоббаять* (7, 30) *пріотерпнуть* (154, 71) *пріослухаться* (141, 6) *пріизвіяться* (13, 52).

Изъ Корельскихъ глаголовъ въ нашихъ плачахъ удержи-

вается только одинъ: *кехтать* — стремиться къ чему, охотно что-нибудь дѣлать.

Изъ нарѣчій, обращающихъ на себя вниманіе своимъ образованіемъ, упомянемъ слѣдующія: *повонѹ* (20, 8) *понутрѹ* (20, 9) *шинь* (скоро 50, 17) *облизъ* (89, 18) *впотай* (61, 12) *не тонь* (57, 63) *столько* (вм. только—4, 72) *вночесь* (26, 4) *бывъ* (42, 166) и т. п.

III.

Словоизмѣненіе.

Въ отношеніи измѣненія словъ, въ нашихъ причитаніяхъ прежде всего бросается въ глаза то, что имена существительныя, прилагательныя и нарѣчія постоянно превращаются въ уменьшительную и сравнительную форму. Областное нарѣчіе, удаленное отъ центровъ цивилизаціи, естественно, сохраняетъ въ своей первобытности выраженія родственныхъ и пріязненныхъ отношеній въ семьѣ и обществѣ.

Не изчисляя здѣсь множества именъ существительныхъ—въ такой уменьшенной формѣ, обратимъ вниманіе только на замѣчательныя изъ нихъ по своимъ измѣненіямъ въ данномъ случаѣ: *людушки* (2, 17) *ѣствушки* (3, 51) *вѣтрушки* (1, 16) *вѣтерочиньки* (28, 115) *саватиночки* (отъ саванъ—28, 119) *вѣкушко* (отъ вѣкъ) *долиночка* (отъ доля 22, 12) *шатокъ* (отъ шатъ 227, 36) *разговорушко* (230, 148) *живленьице* (отъ житье 12, 16) *щеечки* (отъ щи — 47) *мшишечки* (мхи — 95, 32) *погодьице* (157, 77) *кусточекъ* (отъ кустъ (234, 40) *ходаньице* (69, 30) *уяданьице* (172, 20) *обнощьице* (106, 25) *тульице* (отъ тылъ 4, 120) а также: *домовищечка* (58, 12) *пайщичка* (220- 7) *дольщичка* (220, 4) *возмольщичка*, *ткіюшка*, *стряпеюшка* (116, 6 и 7).

Отмѣтимъ здѣсь и формы уничижительныя: *удовщище*, *посидѣлище* (84. 96) и увеличительныя: *смѣлущище* (284, 74) *гостибище* (30, 163).

Прилагательныя весьма часто принимаютъ окончаніе „*ешенькій*“ усиливающее ихъ значеніе; напр. *узешенькій*

(173, 44) *тонешенькій* (173, 45) *склянешенька* (253, 36) *едине шенька* 37, 21) *глупешенько* (173, 47) *молодешенько* (173, 46) и т. п.

Степени усиленія нарѣчій обозначаются окончаніями *енько, ехонько* и *ешенько: жалобненько, тошнехонько, гладешенько.* и т. п.

Роды нѣкоторыхъ именъ существительныхъ также не лишены особенностей: такъ напр слово *судья* употребляется здѣсь въ женскомъ родѣ: *судья поставленая* (272, 5; 283, 45; 284, 58; 285, 99). Слово „*родитель*“ одинаково относится и къ отцу, и къ матери: „*родитель жалостливая*“ (62, 35) Слово „*дяденька*“ также употребляется здѣсь въ женскомъ родѣ и относится къ теткѣ: *Да ты слушай же спаць-лива, родна дяденька* (214).

Встрѣчаются еще слова съ такими падежными окончаніями, которыя указываютъ, что этѣ слова въ именительномъ падежѣ имѣютъ другой родовой признакъ, чѣмъ въ какомъ принято употреблять ихъ; какъ напр. „*облака*“ (вм. облако) (въ вин. *облаку* 210, 50) *стойла* вм. стоило (въ род. *стойлы*).

Слово любовь—удерживается въ древней формѣ: *любы*; въ родит. п. *люби* (186, 83). Существительныя въ именительномъ ед. ч. оканчивающіяся на *а*, въ дательномъ имѣютъ *ы;* напр. *ко Москвы, ко минуты* (216, 3) *угоды* (55, 79). Въ предложномъ нѣкоторыя имѣютъ *и; во тоски* (188, 35). *во избушки* (47, 16); другія *ы; во домы,* (181, 287) *на работы* (181, 286).

Замѣчательно, что въ „плачахъ“ удерживаются еще древнія формы числа двойственнаго въ словахъ: *ручкама* (108, 90; 183, 69) *ногама* (195, 51) *кудеркама* (195, 38).

Во множественномъ числѣ—нѣкоторыя слова также удержали старинныя, церковно-славянскія окончанія; напр. *тѣло*—во множ. *тѣлеса* (212, 105) *мужъ—мужевья* (230).

Слово „*звирь*“ въ род. множ. имѣетъ *звиревъ*. Творит. мн. иногда оканчивается на *мы*, иногда на *мъ: за горамы* (90, 31) *съ сусѣдмы* (82, 47) *топоренкамы* (95, 33) *колотушкамъ* (21, 27) *почанчанкамъ* (105, 7) *качелямъ* (83 63).

Прилагательныя въ родит. пад. ед. ч. ж. р. удерживаютъ древнюю форму—*ыя: грановитыя*, *красовитыя* (49, 10, 11) *славы добрыя* (78, 29). Въ творит. мн. ч. оканчиваются на *ма: крѣпкима замками* (31, 178) *бѣдныма людямы* (202, 127) *малыма дѣтушкамъ* (21, 27).

Изъ числительныхъ — удерживается древнее „*единый*“ — (*едина* 196, 28) *единаго* (53, 20) *единой* (80, 12); *другой* — встрѣчается въ древней, сокращенной формѣ „*другй*“: *друга птиченька* (26, 45).

Мѣстоименія склоняются такъ:

Им.	*я*	*ты*
Дат.	*мнѣ* и *минѣ* (73, 3)	*тобѣ* и *тѣ* (200, 65; 104, 43)
Вин.	*мня* (46, 32)	*тебя*, *тія* и *тя* (19, 25; 102, 12; 19, 18).

Им. *Онъ*
Винит. ж. р. *ю* (99, 18; 124, 70, 74).
Той ср. р. *тое* (48, 6; 165, 22)
Твор. ед. *тымъ* (4, 49; 52, 93)
Род. мн. *тыихъ* (94, 18).

Мѣст. „*какой*“ встрѣчается въ древней, сокращенной формѣ: *како* (215, 137) *каку* (59, 37). Употребляется также древнее вопросительное *кой*: *кое* (59, 27) *коей* (147, 185) *кою* (181, 281).

Глаголы также представляютъ не мало особенностей въ своихъ измѣненіяхъ. Многія изъ нихъ въ неок. накл. удерживаютъ старинное оконч. *ти:* напр. *скитатися*, *столыпатися* (1, 9, 10).

Вспомогательный глаголъ „быть“ во 2-мъ лицѣ настоящ. врем. читается „*есь*“: *што ты есь да снаряжаешься* (45, 11); въ 3-мъ лицѣ того же времени и числа удерживаетъ древнѣйшую форму „*е*“: (1) *человѣкъ ли е прохожій* (234, 43) но встрѣчается и въ формѣ „*есте*“: *и учесана головушка, да не тонь есте гладешенько; хоть уплѐтена русà коса, да не тонь есте красёшенько* (52, 62—65; 54, 64).

---

1) Ср. въ Опис. Синод. рукоп. отд. II, ч. II. стр. 50, гдѣ часто встрѣчается форма: *е*.

Глаголы, оканчивающіяся на *ать*, *вать* и *ивать*, въ 3 л. настоящ. в. изъяв. иногда совсѣмъ выкидываютъ послѣднюю гласную *е* — напр. *покидатъ*, *оставлятъ* (1; 6, 8) или же, удерживая ее отметаютъ конечное — *тъ*: *не смахивае, не покацивае, не стряхивае* (195, 36).

Во множ. числѣ — *тъ* иногда также отметается: *огрубя* вм. огрубятъ (157, 98). (1).

Настоящее время нѣкоторыхъ глаголовъ встрѣчается въ продолженной формѣ: *видитьеветъ* (167, 83) *выглядаетъ* (167, 84).

Въ прошедшемъ времени дѣйств. зал. иногда удерживается древняя, сложная форма на *лъ* съ вспомогательнымъ глаголомъ—*быть*: напр. *все прошло е да миновалося* (220, 16; 210, 23).

Подобная же форма встрѣчается и въ настоящемъ вр.: *коверъ то е—кладемъ да вьдь Персидской* (104, 48).

Въ повелит. наклон. между корнемъ глагола и его суфиксами допускается вставка не только отдѣльныхъ слоговъ, но и цѣлыхъ словъ: напр. *Дай—волю—тетко* вм. дайтетко волю (64, 1; 169, 129). *Подыми—тко—тесь, разнеси—тко—тесь; раскрой—ко—ся, размахни—тко—ся* (103, 25, 27, 39—31).

Дѣепричастіе наст. оканчивается иногда на *ясь*: напр. *безспросясь* (197, 11) иногда на *щи*: *отходящи бы ей низко поклонялися* (3, 56) чаще на *тца*: *пытаютца, давaютца; дожидаютца, справляютца* (90, 70, 72). Не рѣдко на *ци*: *летяци, зовуци, прячуци* (149, 248, 249).

Дѣепричастіе прошедшее оканчивается на *ывъ* и на *вши*: *пріунывъ стоитъ палата грановитая, припечаливши косьвчаты окошечка* (149, 264, 265).

IV.

Словосочиненіе.

Въ значеніи глагола бытнаго употребляется глаголъ „*жить*:“ *каково добро отъ лихой живе мачихи* (85, 116).

1) Ср. тамъ же, стр. 392: бывае, простирае, не може.

Удерживаются въ дѣйствительномъ значеніи такіе глаголы, которые въ литературномъ языкѣ потеряли это значеніе; каковы напр. *скорбить, трудить, торопить*; *Не скорби да, бѣдна, было свое личушко* (99, 22). *Не труди меня при трудноей постелюшкѣ* (155, 45). *Въ торопяхъ да ты время торопила* 94, 23).

Дѣйствительные и средніе залоги употребляются вмѣсто возвратныхъ: *Бѣжитъ староста назадъ да не оглядываетъ* (283, 46). *Бѣдна матушка глядитъ да растоскуетъ* (156, 61). *Знаменуетъ человѣкъ да поспѣшается* (143, 40).

Настоящее время употребляется вм. будущаго:

Тутъ заложимъ мы ступистую лошадушку,
Во этыи во санки самокатныи,
Мы коверъ-то е кладемъ да въдь Персидской (104, 48)

Будущее — вм. прошедшаго:

На ранной на заутрены воскресной
Пресвятой Илья Пророкъ — свѣтъ преподобной,
Пролеталъ онъ ко Престолу ко Господнему
И проречетъ Илья Бладыкѣ многомилосливу (245, 3—5).

Прошедшее вм. настоящаго:

Да ты слушай же, жена — семья любимая,
Намъ не льзя вдругъ обыимъ удалятися,
Поостановить такъ хоромное строеньицо:
Стала дальняя путь-широка дороженька. (147, 195—199.)

При глаголѣ бытномъ сказуемое встрѣчается въ именительномъ падежѣ: *Какъ могучій я былъ бы богатырь* (266, 14).

Именительный падежъ согласно древнему употребленію удерживается нерѣдко и при глаголахъ дѣйствительныхъ: *Намъ нельзя воспокинуть вся крестьянска наша жирушка* (148, 198. *Во двори зазнать любима набъ скотинушка* (285, 61).

Глаголъ „*уходить*“ употребляется съ особымъ значеніемъ народнымъ: *Ухожу своихъ сердечныхъ малыхъ дѣтушекъ* (19, 14).

Глаголъ „*уважать*“ сочиняется съ дательн. пад. вм. винительнаго: *Уважать надо сестрицамъ то родимымъ* (83, 65).

Глаголъ „*слыть*“ ставится съ дат. вм. творительнаго: *Надо слыть да бѣдной дочери безотней* (266, 32).

Глаголъ „*утираться*“ сочиняется съ винит. вм. творит. *Не въ тонко полотно да утиралася* (275, 114).

Имена, стоящія при глаголахъ того же корня, принимаютъ иногда падежъ творит. напр. *ударомъ ударить* (7, 8) иногда родит. *думушки подумати*, (59, 32) но чаще винит. напр. *рѣчь разговаривать* (239, 45).

Винительный пад. употребляется иногда въ описательныхъ оборотахъ вм. нарѣчія для вящей изобразительности дѣйствія; напр. *горячится онъ теперь такову бѣду* (284, 47).

Имена существительныя нарицательныя употребляются въ смыслѣ собирательномъ: *оставлятъ меня, побѣдную головушку, со стадушкомъ оно да со дѣтиною* (1, 6, 7).

Единственное ч. употребляется вм. множеств. напр. *застучало вдругъ копыто лошадиное* (286, 131) и на обор. множ. вм. единств.: *По рукамъ ей красна ложечка положена* (119, 20; 224, 128).

Тѣло умершаго, для выраженія священнаго уваженія къ нему, употребляется во множ. чис. вм. ед. *мертвыя тѣлеса* (249, 13; 258, 178; 263, 241; 264, 273). Тамъ, гдѣ нѣтъ такого уваженія оно встрѣчается въ числѣ единственномъ; напр. *тѣло грѣшное, запитущее* (281, 4).

Прилагат. „*цѣлый*“ при количеств. числительныхъ ставится въ видѣ нарѣчія: *што онъ былъ во тяжелой во постелюшкѣ цѣло двѣ этыхъ уречныихъ недѣлюшки* (137, 23, 24).

Мѣстоименіе „*тотъ*“ употребляется въ значеніи члена какъ и въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ: *умъ-тотъ, разум-отъ* (29, 126) *вѣк-отъ* (31, 185) (1).

Въ описательныхъ оборотахъ количественныя числительныя употребляются въ неопредѣленномъ значеніи:

Онъ не гордой былъ, свѣтъ, да разговорной,
Столько изо ста былъ, свѣтъ, да съ цѣлой тысящи. (201, 102, 105).

Допускается нерѣдко фигура повторенія:

Богодана буде матушка,
Не желанна, не ласкова,
Не ласкова, не упадчива (71, 41—43)
Стоитъ тюрма заключевная,
Заключевная тюрма, подземельная (89, 18—19).

---

1) Ср. въ оп. вин. рук. т. II. стр. 260 *работъ, вотъ часъ*, и т. п.

Для большей опредѣлительности предмета къ одному и тому же существительному прилагается нѣсколько прилагательныхъ: *Во побьдномъ, сиротскоемъ живленьицѣ.*

Во бобыльской, во сирѣтской живу жирушкѣ (12, 16—17).

Нерѣдко соединяются два синонимическія выраженія: *путь-дороженька, пора-времечко* (14, 56), *шутки-шмоночки* (280, 33). Еще чаще соединяются выраженія одного и того же корня: *единымъ единешенька* (37, 21) *молодымъ молодешенекъ* (71, 36) *тиха тишинка* (143, 59) *глядѣть да углядывать* (270, 84) *трудным трудится* (293, 7) *далекимъ далекошенько* (270, 84).

Одно и тоже нарѣчіе качественное для усиленія степени качества — повторяется въ двухъ тождественныхъ предложеніяхъ; въ одномъ — въ положительной степени, въ другомъ—въ сравнительной; напр.

Жаль тошнешенько мнѣ братца сдвуродимаго,
Потошніе соколочка златокрылаго (194, 4—5).

Для размѣра стиха предлоги повторяются: *на эту на гербовую бумаженьку* (5, 97) *ко спацливу родителю ко батюшку* (3, 16).

Предлоги ставятся иногда между отрицательной частицей *не* и зависящимъ отъ нихъ именемъ. *Во эты въ берега не въ бывалые* (92, 112) *Вышла не за чаяннаго жениха* (427, 1).

Вмѣсто предлога *изъ* ставится предлогъ *со*: *Со мертвыхъ воскресала* (261, 276).

Предлоги *на* и *во* не рѣдко замѣняются предлогомъ *о*: *Она падае, родима, о дубовой полъ* (39, 12) *о сыру землю, рожденье, укрывается* (100, 12).

Предлогъ *за* употребляется въ значеніи вопросительной частицы: *за какожъ да это мѣсто незнакомое* (256, 137).

Нарѣчіе „*мимо*“ какъ и въ былинахъ, управляетъ падеж. винит. *Мимо эту Божью Церковь посвященную* (206, 31) *мимо это круло-малое озерышко* (233, 19).

Для изобразительности дѣйствія и размѣра стиха постоянно употребляются союзы *да, вотъ, вѣдь*: *какъ рѣчистъ языкъ* (29, 127; 266, 33) *Путь дороженька вотъ имъ да не торнешенька* (1, 14) и т. п.

ДОПОЛНЕНІЯ и ПОГРѢШНОСТИ.

Къ VII стр. Введенія. Русская Церковъ не только останавливала погребальные плачи проповѣдями и соборными опредѣленіями, но и старалась очистить виновную въ томъ совѣсть покаяніемъ; какъ видно, изъ принадлежащаго намъ, требника XVI в. кающійся долженъ былъ говорить: *исповѣдаю всемогущему Бгу и тебѣ о҃че: сгрѣшихъ, радуяся о житейскыхъ, жалуя по оумершихъ.*

Къ стр. 258, ст. 194. Выраженіе „*попахали бы*“ имѣетъ здѣсь обрядное значеніе. Приходя на могилу, родные во многихъ мѣстахъ Олонецкой губ. обыкновенно платкомъ обметаютъ и очищаютъ могильный холмъ, чтобы свободнѣе вырастала на немъ зеленая дуброва.

По неопытности издателя въ корректурномъ дѣлѣ, въ книгу, вкралось не мало погрѣшностей; указываемъ главныя.

НАПЕЧАТАНО.			СЛѢДУЕТЪ ИСПРАВИТЬ:
Введ. XVII,	10.	мо́додцевъ	мо́лодцевъ.
XXXI,	22.	двѣ слога	два слога.
20,	47.	кормилица	кормильца.
23,	52.	пуслословье	пустословье.
25,	30.	рублвеую	рублевую.
37,	4.	основаныи	окованыи.
43,	189.	бѣлое	бѣло.
58,	2.	Всѣ	Всѣ.
63,	47 и 49.	безчастьицо, безчастную .	безсчастьицо, безсчастную
68,	107.	желаланныхъ	желанныхъ.
108,	23.	полодецкая	молодецкая.
110,	15.	Разчитаюсь	Разсчитаюсь.
123,	35.	чвановитая.	чваковитая.

НАПЕЧАТАНО.			СЛѢДУЕТЪ ИСПРАВИТ
156,	70.	угаворивать	уговаривать.
173,	53.	сами	сама.
196,	20.	съ матушкомъ	съ матушкой.
199,	4.	башмакики	башмачики.
257,	169.	не прибили ло	не прибило ли.
299,	10, 11.	которыя. . . поэтическія .	рые, скіе.
304,	2 прим.	учинился. . . вывши. . .	учениковъ, бывши.
307,	18.	не большія.	небольшіе.
310,	28.	назначенномъ	назначеннымъ.
113,	2.	елеми	елями.

Изъ грамматическихъ ошибокъ отмѣтимъ слѣдующія:

Напечатано *ѣ* вм. *е* въ словѣ *„летаетъ* (Вв. XI, 14; 3, 2) и на об. *е* вм. *ѣ* въ сл. *„сусѣдушки* (106, 13; 109, 3; 127, 51). Не мало также ошибокъ оказалось въ разстановкѣ знаковъ препинанія.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
Los Angeles
This book is DUE on the last date stamped below.

LD-URL APR 3 1968
REC'D LD-URL
QL JUN 7 1968
JUN 6 1968

REC'D LD-URL
QL APR -2 1973
JUN 18 1974
REC'D LD-URL
QL JUN 25 1984
JUN 25 1984

REC'D LD-URL
MAY 06 1985
MAY 21 1985

REC'D LD-URL
MAY 21 1985
REC'D LD-URL
NOV 02 1987
NOV 25 1987

A MAY 04 1992
FEB 28 1992

REC'D LD-URL
QL JAN 23 1995
JUN 10 1995

Form L9—Series 444

3 1158 00931 7826